

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. Г. БОБРОВ

**НОВГОРОДСКИЕ
ЛЕТОПИСИ
XV века**

С.-ПЕТЕРБУРГ

2001

Книга посвящена летописным памятникам Великого Новгорода эпохи его расцвета — вплоть до потери самостоятельности республики в 1478 г. Рассмотрение новгородских летописей XV в. в контексте историко-культурных явлений того времени позволило конкретизировать условия возникновения изучаемых произведений, связать их с политическими событиями и литературными явлениями эпохи, определить роль в работе над летописями не только книжников «Дома святой Софии», но и представителей отдельных монастырских центров (Хутынского, Клопского, Пантелеймонова и, в особенности, Лисицкого монастырей). Принципиальным является предложенный автором взгляд на основные памятники новгородского летописания XV в. (кроме Новгородской первой летописи младшего извода и окончаний двух редакций Новгородской четвертой летописи) как на своды, т. е. результат единовременной творческой работы редакторов-летописцев. Выявленные данные позволили существенно пересмотреть текстологические выводы предшественников и создать общую картину истории новгородского летописания XV в.

Для филологов, историков и всех, интересующихся русским средневековьем.

Памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Летописная традиция являлась осью древнерусской культуры. Эта ось была не только хронологической, но и смысловой.

Очевидно, что в первую очередь по ней мы можем судить о последовательности или продолжительности тех или иных явлений и событий в Древней Руси. Основные известные нам памятники древнерусской культуры имеют в первую очередь «вечностную» ориентацию, поэтому в какой-то степени принципиально «ахронны». Летописание же с его «временной» направленностью создает ту шкалу, по которой «отмеряются» другие культурные явления. Более того, само историческое изучение древнерусской литературы во всем ее жанровом многообразии возможно только на основе исследования летописей, так как летописание в Древней Руси являлось наиболее «ансамблевым» жанром,¹ включавшим в свой состав помимо составлявших его основу погодных записей также и жития, воинские повести, послания, сказания о чудотворных иконах, хождения, видения, деловые документы, духовные грамоты, панегирики и плачи.

В отличие от византийских хроник, древнерусская летопись излагала историю человечества не по «царствам», а по годам («летам»). Этот отход от византийского «хроникального» принципа повествования связан с иным отношением к земному мироустройству, проявлявшимся, в частности, в том, что не самодержец-«василевс» своим правлением определял временные отрезки истории, а годовой ритм.² Идея «автократора» (самодержца) для эпохи Киевской Руси вообще не была столь акту-

* Отдельные разделы монографии написаны при финансовой поддержке Research Support Scheme (HESP No: 308/1995) и гранта РФФИ № 99-15-96095.

¹ Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 75—77.

² «Год» древнерусских летописей может быть соотнесен как с «годом церковным» (в богослужебном отношении), так и с дохристианскими календарными представлениями. Заметим, однако, что летописный год до XV в. начинался 1 марта, и это противопоставляло его году церковному, начинавшемуся 1 сентября.

альна, как в последующие века, ибо Русская земля считалась «уделом» не какого-то одного великого князя, а всего рода Рюриковичей.³

Естественно, в эпоху феодальной раздробленности сами объективные обстоятельства противились «хроникальному» принципу изложения истории. Когда же в XV—XVI вв. идея самодержавия одерживает верх, летописание как жанр затухает или теряет свою классическую чистоту. Уже начиная с XV в. на полях летописей появляются рубрики типа «Отселѣ княжение Суждалское наста, Андреем князем Юрьевичем, а стол великий град Володимерь» или «Московское Иоаново». Позже, в том же XV в., эти рубрики с полей переносятся в основной текст и становятся заголовками глав (разделов) летописного текста. Логическое завершение эта тенденция получает к 60-м гг. XVI в., когда создается Степенная книга, в которой все изложение русской истории разбито по княжениям на 17 степеней (граней), и почти одновременно с ее созданием прерывается ведение официального летописания.

Не менее важно и другое: к XV в. сформировалось отношение к летописям как к определенным атрибутам власти, суверенитета, независимости того или иного княжества или республики. Глубоко символично, что новгородское летописание XV в. обрывается синхронно с потерей республикой независимости. Его судьба, очевидно, была аналогична судьбе вечового колокола или официального архива. М. Д. Приселков писал: «Нет никакого сомнения, что при поглощении Москвою того или иного княжества в числе прочих унижительных подробностей этого поглощения, как срытие крепостей, увоз в Москву исторических и культовых ценностей, было пресечение местного летописания как признака самостоятельной политической жизни и уничтожение официальных экземпляров этого летописания. Только так можно себе объяснить, что, несмотря на значительное число летописных центров древности, одна Москва теперь предстает перед нами в своем официальном летописании, а все прочие местные летописцы сохранились до нас или в составе московских сводов, или в частных списках, причем только в исключительных случаях не прошедших московской обработки».⁴

Как отмечал Д. С. Лихачев, летопись на протяжении XI—XV вв. — «это в основном документ, дневник, „погодник“ исторических фактов, систематизированное собрание исторических материалов, своеобраз-

³ «Субъектом владетельного права русских князей был весь княжеский род... Подобно роду неделима была, по крайней мере в идее, земля» (Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 97).

⁴ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 41—42.

ный архив».⁵ Но именно в XV в. новая роль летописания проявляется в создании особого типа историко-генеалогических и историко-юридических трудов, состоящих, по характеристике Я. Н. Щапова, из следующих компонентов: «1) погодного изложения важнейших событий — летописного свода, представляющего собой местную, определенно политически направленную обработку предыдущих летописных памятников; 2) перечней важнейших групп исторических деятелей — генеалогических и персонально-административных списков; 3) копий важнейших историко-юридических памятников, имевших особое значение для данного политического центра, где этот большой летописно-юридический комплекс составлялся; 4) перечней русских городов и епископий, характеризующих размеры государственной и церковно-административной территории Руси или претензии на эти территории».⁶

В таком виде летописный сборник приобретал новый смысл литературно-идеологического и политического предприятия, своего рода «конституции» того или иного княжества или республики. Этим обстоятельством определяется одна особенность изучения летописания XV в.: собственно летописные памятники должны исследоваться в неразрывной связи, с одной стороны, с другими входящими в компиляцию сочинениями, а с другой стороны — с политическими и идеологическими событиями и движениями эпохи.

* * *

Новгородские летописи — это круг летописных памятников, объединяемых по месту их создания в Великом Новгороде. Древнейшим памятником новгородского летописания является так называемая Новгородская первая летопись (далее — Н1), известная в двух редакциях — старшей (далее — Н1ст.) и младшей (далее — Н1мл.).⁷ Старшая редакция представлена Синодальным списком XIII—XIV вв. (это вообще древнейшая из дошедших до нас рукописей с летописным текстом), а младшая сохранилась в ряде списков начиная с середины XV в.

⁵ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947. С. 336.

⁶ Щапов Я. Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. Посв. памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 174.

⁷ Изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). Литературу об этой летописи см.: Кloss Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 245—247.

Синодальный список, состоящий из двух разновременных частей (конца XIII в. и второй четверти XIV в.), дефектен: в нем утрачено начало; повествование охватывает период с 1016 г. до 1333 г. (приписки, сделанные разными почерками, доводят изложение до 1352 г.).

Текст Н 1мл. близок к Н 1ст., но продолжает его до 30—40-х гг. XV в. Многие исследователи, начиная с А. А. Шахматова, считают, что в Н 1мл. отразился так называемый Начальный свод конца XI в., предшествовавший созданию «Повести временных лет». Возможно, он же находился и в утраченной части Н 1ст. Вопрос о времени появления Начального свода в новгородском летописании остается пока спорным. Характерными чертами Н1 являются подчеркнута местный, новгородский круг интересов летописцев, безыскусность стиля, демократичность языка, отразившего ряд диалектизмов.

Следующий этап (или иной вид) новгородского летописания отразился в двух подборках текста так называемой Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК). Эти две подборки летописных известий, оканчивающиеся соответственно 1411 г. (далее — НК1) и 1428 г. (далее — НК2), сохранились в единственном списке конца XV—начала XVI в. и остаются до сих пор неизданными.^{*} Значение этого памятника определяется тем, что здесь впервые новгородские летописцы проявляют заметный интерес к событиям не только местным, но и общерусским.

В завершенном виде эта тенденция реализуется в Новгородской четвертой летописи (далее — Н4; называется условно «четвертой» согласно тому порядку, в котором публиковались новгородские летописи в изданиях 1841 и 1848 гг.). Составитель или составители Н4 использовали обе подборки Новгородской Карамзинской летописи, дополняя их тексты по Н1 и по не дошедшим до нас источникам.⁹ Н4 известна в двух редакциях — старшей и младшей (далее — Н 4ст. и Н 4мл.), текст которых сходен до 1428 г., но в старшей продолжен до 1437 г. (Новороссийский и Голицынский списки), а в младшей — до 1447 г.

Особая переработка Н4 — Новгородская пятая летопись (далее — Н5) — была доведена до 1446 г. В ней заметно стремление вновь час-

^{*} РНБ, ОСРК, Ф. IV.603. В настоящее время текст НК подготовлен к печати в изд.: ПСРЛ. СПб., 2000. Т. 40: Новгородская Карамзинская летопись / Ред. тома Я. С. Лурье; Текст подгот. А. Г. Бобров и З. В. Дмитриева; Археографическое введение А. Г. Боброва.

⁹ Изд.: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1; Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2; Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. Литературу об этой летописи см.: Лурье Я. С. Летопись Новгородская IV // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 51—52.

тично вернуться к традиционной линии новгородского летописания с преимущественным интересом к местным событиям.¹⁰

Летописание Новгорода 1447—1469 гг. дошло до нас в наиболее полном виде в единственном списке — в составе летописного сборника, именуемого Летописью Авраамки (далее — ЛА).¹¹ Более краткие версии летописания последних 30 лет независимости Новгорода (1447—1477 гг.) сохранились в некоторых списках Н4 (Синодальном и Строевском), продолживших изложение до последних лет Новгородской республики,¹² а также (до 1461 г.) в остающемся пока не опубликованным так называемом Летописце епископа Павла (далее — ЛЕП).¹³

Падение Новгородской республики (1478 г.) прервало естественное развитие севернорусского этнокультурного процесса,¹⁴ на долгое время остановив и ведение летописания, которое было возобновлено, видимо, лишь в XVI в. Правда, существует предположение о редактировании летописи в Новгороде при архиепископе Геннадии, в 90-х гг. XV в. Эту летопись принято называть в литературе Новгородской Хронографической (далее — НХ). Я. С. Лурье предположил, что «источником НХ и сходных с нею в этой части летописей (до 1491 г.: «Сокращенного свода 1495 г.», Новгородской Уваровской летописи, Новгородского свода 1539 г. — А. Б.) был великокняжеский свод второй половины 90-х го-

¹⁰ Изд.: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4; 2-е изд. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2 (не окончено). Литературу об этой летописи см.: Лурье Я. С. Летопись Новгородская Хронографическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 55—56.

¹¹ Изд.: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Литературу об этой летописи см.: Лурье Я. С. Авраамка // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 5—6.

¹² Изд.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 445—450.

¹³ БАН, Собр. Доброхотова, № 18.

¹⁴ Как отметил А. А. Зализняк, с историко-лингвистической точки зрения «совокупность местных идиомов Новгородской земли (...) образовывала пучок диалектов, развитие которого в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т. е. это своего рода «предъязык», которому не суждено было развиваться дальше этой фазы)» (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 5). Ср.: Исаченко А. В. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1973. No 18. S. 48—55 (А. В. Исаченко высказал предположения, что в победившем Новгороде «перевод Священного Писания на русский язык был бы неминуем (...) Секуляризация языка неизбежно повлекла бы секуляризацию всей культуры (...) Новгород развивался бы примерно так, как развивались Рига или Стокгольм». Там же. С. 53—54); Birnbaum H. Did the Annexation of Novgorod by Muscovy Fundamentally Change the Course of Russian History? // Birnbaum H. Novgorod in Focus: Selected Essays. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1996. P. 166—180.

дов (с дефектом в изложении 6999 г. и последующих годов) в какой-то редакции, связанной с архиепископом Геннадием Новгородским». ¹⁵ Исследователь отметил, что во всех указанных летописях под 6999 (1491) г. читается дополнительный рассказ о соборе на еретиков, подчеркивается роль Геннадия и описывается знамение в Новгороде. ¹⁶

В 1539 г. в Новгороде был составлен, по-видимому, по повелению архиепископа (впоследствии — митрополита всея Руси) Макария, летописный свод, основанный на Н4 и продолжающий ее оригинальными известиями. Этот памятник называют Новгородской летописью Дубровского (или Н4 по списку Дубровского) (далее — НД). ¹⁷ Существует предположение, что у НД и Новгородской Уваровской летописи (см. о ней далее) был общий источник, доходивший до 1505 г. («первая редакция» НД). При архиепископе Макарии, очевидно, был составлен и протограф «Сокращенного Новгородского летописца» по списку Н. К. Никольского, оканчивающийся известием 1528 г. о поновлении иконы Знамения Богородицы в церкви на Ильиной улице. Следующий далее в этой рукописи текст охватывает период 1522—1556 гг. и сложился, видимо, при архиепископе Новгородском Пимене. ¹⁸

Еще одна летопись XVI в. — Новгородская вторая (далее — Н2), доведенная до 1572 г. включительно, является, по сути, незавершенной заготовкой, в которой собраны выписки из различных летописей без соблюдения хронологического порядка. Особенно интересны в этом памятнике известия 1568—1572 гг., содержащие ценные сведения по истории опричнины в Новгородских землях. ¹⁹

В конце XVI—начале XVII в. была составлена Новгородская Уваровская летопись (далее — НУв.), заключительная часть которой (начиная с 1500 г.) основана на несохранившихся новгородских источниках. После создания этого памятника составление летописных сводов в Новгороде надолго прекратилось, очевидно, в связи с общим упадком культурной жизни города после польско-шведской интервенции.

¹⁵ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 251.

¹⁶ Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 176—178.

¹⁷ Текст НД, отличающийся от Н4, см. в изд.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2; Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 471—579. Литературу об этой летописи см.: Лурье Я. С. Летопись Новгородская Дубровского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 52—54.

¹⁸ Изд.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 580—622.

¹⁹ Изд.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. Литературу об этой летописи см.: Зиборов В. К. Летопись Новгородская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 51.

Возобновление новгородского летописания в 70—80-х гг. XVII в. связано, вероятно, с деятельностью патриарха Иоакима, которому принадлежала инициатива создания Новгородской третьей летописи (далее — НЗ). К первоначальному виду НЗ, видимо, восходит Новгородская Забелинская летопись (далее — НЗаб.), доведенная до 1679 г., к которой в свою очередь восходит Новгородская Погодинская летопись (далее — НПог.), созданная в 80—90-х гг. XVII в.

Особенностью новгородских летописей последней четверти XVII в. является появление в них систематических ссылок на источники и даже элементов критики источников, знаменующих начало нового отношения создателей летописных текстов к своим произведениям.²⁰

* * *

Значение изучения новгородского летописания именно XV в. определяется двумя основными факторами. Во-первых, это период наивысшего расцвета жанра. Как отмечал Д. С. Лихачев, со времени составления в Киеве «Повести временных лет» работа русской исторической мысли никогда еще не была так интенсивна, как в Новгороде XV в.²¹

Во-вторых, новгородские летописи XV в. текстологически тесно связаны с важнейшими памятниками общерусского летописания; именно они позволяют реконструировать Начальный свод, предшествовавший созданию «Повести временных лет» (на основании Н 1мл.), и общерусский свод первой половины XV в. (так называемый Новгородско-Софийский свод или «Свод 1448 г.»), предположительно восстанавливаемый некоторыми исследователями из сопоставления Н4 и Софийской первой летописи (далее — С1).²²

Хотя новгородскому летописанию посвящено значительное число работ, в основном исследователи уделяли внимание изучению его древнейшего периода. Многие вопросы истории летописания Новгорода XV в. остаются пока спорными либо недостаточно освещенными, а 3 памятника (НК1, НК2 и ЛЕП) даже не опубликованы. Попыткой продвинуться вперед в изучении новгородских летописей конца республиканской эпохи и является настоящее исследование.

²⁰ См. подробнее: *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960.

²¹ *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода XIV—XV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2: Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. С. 261.

²² Изд.: ПСРЛ. М., 1853. Т. 5—6; 2-е изд.: Л., 1926. Т. 5 (не завершено). Литературу об этой летописи см.: *Лурье Я. С.* Летопись Софийская I // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 57—60.

Работа выполнена на основе принципов петербургской текстологической школы академика Д. С. Лихачева. Главный ее принцип заключается в том, что текстология (сам термин был введен Б. В. Томашевским) — не вспомогательная научная дисциплина, разрабатывающая технику издания текста, а самостоятельная наука, изучающая историю текста произведения на протяжении всего времени его бытования в рукописной традиции.

В основе петербургской текстологической школы академика Д. С. Лихачева лежат методические приемы, выработанные в конце XIX—начале XX в. при изучении русского летописания академиком А. А. Шахматовым. После смерти А. А. Шахматова в этом же направлении продолжали работать такие исследователи, как В. М. Истрин, М. Д. Приселков и др. Новый этап в развитии метода наступил с 1954 г., когда Д. С. Лихачев возглавил Отдел древнерусской литературы в ИРЛИ и началась публикация серии «Монографические издания-исследования памятников литературы Древней Руси», и особенно с 1962 г., когда была опубликована обобщающая работа Д. С. Лихачева по текстологии на материале русской литературы XI—XVII вв.²³

Сформулированная в этом исследовании и в ряде других работ Д. С. Лихачева и его учеников методология петербургской текстологической школы базируется на следующих принципиальных положениях: поиск и привлечение к исследованию максимально возможного числа списков того или иного произведения; необходимость интерпретации (объяснения) текстологических фактов и предпочтения сознательных изменений текста перед механическими; комплексность в изучении текста; изучение текстологического сопровождения памятника в сборниках, работы переписчиков и скрипториев, отражения истории текста в других произведениях; необходимость подготовки изданий, дающих представление об истории текста. Один из основополагающих принципов петербургской текстологической школы — принцип комплексности изучения текста — подразумевает неперенное использование иконографических, исторических, археологических, дипломатических и других групп источников.

Книга состоит из Предисловия, пяти глав и Заключения. В первой главе кратко изложена история изучения вопроса, вторая глава посвящена Новгородской первой летописи младшего извода, в третьей главе анализируются подборки текста Новгородской Карамзинской летописи, в четвертой — Новгородская четвертая летопись, ее источники и ре-

²³ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы XI—XVII вв. / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.: Л., 1962. 606, 2 с. (2-е изд.: Л., 1983).

дакции, и наконец, в пятой — летописцы последних 30 лет существования республики (1447—1477 гг.): Новгородская пятая летопись, Летопись Авраамки, Летописец епископа Павла, окончания Синодального и Строевского списков Н4, фрагменты независимого новгородского летописания последних лет республики в Устюжской летописи. В Заключении сформулированы основные результаты исследования. Завершается монография необходимыми списками и указателями.

Некоторые результаты проведенного исследования новгородских летописей уже нашли отражение в моих ранее опубликованных работах (см. раздел «Использованная литература»), но для настоящего издания они были существенно пересмотрены и дополнены.

В основе этой книги лежит текст диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, защита которой состоялась 16 декабря 1996 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Для этой монографии диссертационное исследование было переработано с учетом замечаний оппонентов (А. М. Панченко, Р. П. Дмитриевой и Т. В. Рождественской) и с привлечением вышедшей за последние годы литературы.

Автор приносит искреннюю благодарность за консультации, советы и помощь в работе коллегам из Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и сотрудникам рукописных отделов РНБ, БАН, ГИМ и РГБ, а также академику В. Л. Янину и доктору Джо-ну Говарду Линду (Дания). Спасибо любимым жене Елене и дочери Марии за долготерпение и за составление указателей. Особенно значительной была помощь в работе моего первого учителя Н. С. Демковой и Г. М. Прохорова, всегда щедро делившегося своими наблюдениями по истории летописания, а также покойных Л. А. Дмитриева, посовествовавшего мне заняться этой темой, Я. С. Лурье, самого строгого, но доброжелательного критика и наставника, и академика Д. С. Лихачева, светлой памяти которого посвящается эта книга.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XV в.

1.1. ИЗДАНИЯ

Простое перечисление существующих публикаций памятников новгородского летописания XV в. принесло бы немного пользы читателю, поэтому мы попытаемся дать обзор самой истории издания древнерусских летописей с ее взлетами и падениями, спорами и заблуждениями, уделив особое внимание интересующим нас текстам.

1.1.1. Первые шаги в издании летописей (XVIII в.)

Первый опубликованный памятник новгородского летописания XV в. — это Академический список Н 1мл. (современный шифр — БАН, 17.8.36 (Осн. 153)). Его издание увидело свет в 1786 г., когда не прошло еще и двух десятилетий с начала издания древнерусских летописей, поэтому, прежде чем говорить об этой публикации (и о других изданиях новгородских летописей XV в. и тесно связанных с ними памятниках), позволим себе кратко остановиться на самых первых шагах отечественных историографов.

Хотя многими учеными-историками XVIII в. (В. Н. Татищевым, М. В. Ломоносовым, Г. Ф. Миллером, М. М. Щербатовым, Н. И. Новиковым, А. Л. Шлецером и др.) отдельные списки древнерусских летописей уже привлекались к исследованиям, начало публикации летописей было положено только в 1767 г. В этом году почти одновременно появилось сразу два издания: «Летопись Нестерова с продолжателями» по Кенигсбергскому (Радзивилловскому) списку, подготовленная И. С. Барковым под руководством И. К. Тауберта,¹ и «Руская летопись

¹ Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской, древних и средних времен. СПб.: При имп. Академии наук, 1767. Ч. 1: Летопись Нестерова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. 33, 12, 302, 50 с.

по Никонову списку» (т. 1), подготовленная С. С. Башиловым под руководством А. Л. Шлецера.² Как справедливо заметил С. Н. Валк, «нельзя забывать, что именно изданием летописей было положено у нас (в 1767 г.) начало вообще научному изданию памятников древности».³

Оба вышедших в этом году издания готовились одновременно, но «Летопись Нестерова» все же немного опередила публикацию «Русской летописи по Никонову списку». Благодаря тому что в результате Семилетней войны Академия наук стала владелицей Радзивиловской летописи (копией которой пользовался ранее Г. Ф. Миллер), академический переводчик И. С. Барков (1732—1768) начал работу (под редакцией И. К. Тауберта) над своей публикацией, и к 1762 г. уже были набраны первые 15 листов текста; а к сентябрю 1765 г. печатание уже было завершено.⁴ Следует заметить, что принципы издания, определенные его редактором И. К. Таубертом, подверглись критике Августа Людвиг Шлецера (1735—1809), отметившего поновление орфографии и лексики текста, произвольный пропуск частей текста с восполнением по иным, случайным источникам и т. п.⁵ Как отметил С. Л. Пештич, «издательские приемы Баркова, употребленные им при публикации нестеровского текста, до сих пор подвергаются резкой критике и являются образчиком нарушения элементарных правил научного издания текста».⁶

² Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб.: При имп. Академии наук, 1767. Ч. 1: До 1094 года. 18 нум., 198, 18 с. Ч. 2—8 были изданы на протяжении 1768—1792 гг. (см.: Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1962. С. 7).

³ Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 132. Можно, правда, упомянуть о том, что Герард Фридрих Миллер (1705—1783) с 1732 г. выпускал в С.-Петербурге журнал на немецком языке «Сборник русской истории», в котором помещал отрывки из летописей за 860—1175 гг. (по копии с Кенигсбергского-Радзивиловского списка) (см.: Осипов В. И. Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995. С. 61). Еще раньше, в 1674 г., в Киеве был опубликован приписываемый порой Иннокентию Гизелю «Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев...», выдержавший на протяжении XVII—XIX вв. около 30 переизданий (см. о нем: Зиборов В. К. Иннокентий Гизель // Словарь книжности и книжников Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И—О. С. 43—46), однако Синописис являлся все же не публикацией летописи, а историческим сочинением.

⁴ См.: Степанов В. Н. Барков (Борков) Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 57—62.

⁵ См.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 237; Степанов В. Н. Барков (Борков) Иван Семенович. С. 59.

⁶ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. 3. С. 88.

Другое издание того же 1767 г., подготовленное переводчиком Академии наук С. С. Башиловым (1741—1770)⁷ под руководством А. Л. Шлецера (публикация первой части Никоновской летописи), было сопровождено предисловием, написанным последним. В этом предисловии были сформулированы основные принципы издания древнерусских летописей, принятые публикаторами.⁸ А. Л. Шлецер четко сформулировал те основания, которые позволили предпочесть именно Никоновскую летопись (среди имевшихся тогда в Императорской библиотеке 7 летописей) для публикации: исправность текста («малое число погрешностей»); понятность языка («он писан не столь древним языком, как другие; он избегал архаизмов...»); полнота в хронологическом охвате описываемых событий («ни которой другой список не доходит до 17 века») и наибольшая подробность изложения («он содержит в себе множество таких историй, которых ни малейшего следа в других списках не обретаются, и которые, однако ж, должны входить в составление Системы полной Российской истории»).

Согласно требованиям Академии наук, издатели пытались «прилагать всевозможное старание, чтоб следовано было точно во всем подлиннику, сколько новый способ печатания дозволить только может; чтоб в нем совсем ничего не переменять, ни в повествованиях, ни в наречиях, ни в словах, ни в литерях; чтоб ничего к нему не прибавлять и ничего в нем не убавлять: дабы печатный список был совершенно сходен с рукописным (...). В прочем же мы обязаны расположить его так, чтоб, чрез разсмотрительные препинания и различения статей и лет, чтение, разумение и употребление сей книги зделалось, сколько возможно, лехчайшим и удобнейшим».¹⁰ Обязавшись «свято наблюдать оныя, хотя в исполнении и многотрудныя, но премудрыя и весьма нужныя правила», издатели были вынуждены оговорить, что «новый способ печатания» (т. е. гражданский шрифт) принудил их к некоторым отступлениям от точности передачи текста летописи: «Во-первых, не доставало у нас многих букв и знаков, в Славенском письме употребляемых (...). Второе, мы принуждены были дополнять сокращения, в сем нашем списке весьма употребительныя: однако же мы всегда старались дополнять их сходственно с дополнениями самого списка, когда

⁷ См. о нем: *Моисеева Г. Н.* Башилов Семен Сергеевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 72—73.

⁸ Об этом предисловии и о его значении для последующих издателей см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч. 2. С. 239—240.

⁹ Русская летопись по Никонову списку... С. [6—7].

¹⁰ Там же. С. [10].

он те же слова писал без сокращений». ¹¹ Как заметил о сформулированных А. Л. Шлецером принципах издания В. И. Осипов, «ряд предложенных им правил не вызвал бы серьезных возражений и со стороны современных публикаторов исторических документов». ¹²

В публикациях древнерусских летописей последующих лет, выполненных М. М. Щербатовым, И. Е. Глебовским, Г. В. Козицким, Г. Ф. Миллером, не содержится специального изложения принципов, принятых при подготовке текстов к изданию.

По повелению Екатерины II под наблюдением митрополита Платона в 1781 г. был издан древнейший Синодальный список новгородской летописи (за 1017—1352 гг.) ¹³ (издание 1781 г. было повторено без изменений в 1819 г.). ¹⁴ В «Предуведомлении» к этой публикации 1781 г. были изложены некоторые соображения издателей об этом памятнике: «Сочинители или писатели сего летописца, как явствует в сей же книге под леты 6652 и 6738, были священник Новгородский, примечательно тот, коего некоторые ученые мужи Иоанном называют, да Тимофей парамонарь. Но кто были кроме сих еще другие продолжатели, о том неизвестно. По крайней мере из оставшагося начала сего летописца довольно усмотреть можно, что писатели наши заимствовали некоторые повести у Нестора и у его продолжателей». ¹⁵

Правила издания текста были представлены следующим образом:

«1 е. Как он писан самым древним и к чтению неудобным писмом, то на таковыя трудныя, и делающия речь невразумительною литеры и слоги, а где можно было, и на самыя речения и смысл, во многих местах также темный и невразумительный, приложены внизу текста некоторые взъяснения и примечания. В самом же тексте никакой перемены и поправления против подлинника не учинено.

2 е. Со всем тем некоторыя от писцова незнания, а иныя от употребления в тогдашнее время новгородцами особливых наречий; другия же и по причине изглаженных древностию писмен получившия темность

¹¹ Там же. С. [12—13].

¹² Осипов В. И. Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи... С. 69. Вся работа по изданию первой части Никоновской летописи заняла у А. Л. Шлецера и С. С. Башилова всего 4 месяца: 20 марта 1767 г. последовало распоряжение Академии наук о том, чтобы «отослать онго Башилова к господину профессору Шлецеру», а в августе того же года Шлецер преподнес Академии готовый экземпляр книги (Там же. С. 69—70).

¹³ Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. М., 1781. 7, 184 с.

¹⁴ Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) году и кончающийся 6860 (1352) годом. М.: Синодальная типогр., 1819. 7, 224 с.

¹⁵ Там же. С. 4 (1-я паг.).

места, которых к истолкованию ни чрез какия снесения, а паче за неимением других сего летописца списков, дойти было не можно, оставлены на суд читателя без всякого объяснения.

3 е. Кроме же сего нужное в частях речи правописание со всеми потребными к тому знаками и расстановками, равно как и разделение литер *ѣ* и *е*, *і* и *и*, чего в том летописце вовсе не наблюдается, при печатании сего наблюдаемо было с возможным старанием». ¹⁶

Как уже отмечалось, история публикации собственно новгородских летописей XV в. также восходит ко второй половине XVIII в. В 1786 г. в С.-Петербурге при императорской Академии наук был издан текст Новгородского летописца (по современной терминологии — Академического списка Н 1мл.), начинающегося 946 г. и кончающегося 1441 г. ¹⁷ Изданию было предпослано «Извещение», в котором отмечалось, что публикуемый текст был сравнен со списком, напечатанным в Москве в 1781 г., «и по сравнению удобно было заключить, что список Синодальной библиотеки и Академический есть один и тот же летописец: потому что в рассуждении содержания один от другого почти ни в чем не разнствует, а разнствуют между собою наипаче правописанием, которое подает причину думать, что подлинник Синодальной библиотеки древнее, нежели подлинник, в библиотеке Императорской Академии наук хранящийся». ¹⁸ Издатели обратили внимание на то, что в Синодальном списке под 1144 г. говорится: «...постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ», а в Академическом списке этих слов нет; что под 1230 г. в Синодальном списке говорится: «...и мне грешному Тимофею понамарю», а в Академическом: «...Иоанну попови»; наконец, что в Академическом списке под 1399 г. есть молитва Богородице архиепископа Иоанна, «из которой видно, что около сих времен он сам был писателем летописца; в ней, между прочим, сказано: „прими, Царице, молитву раба своего Иоанна архиепископа” и проч.». По мнению издателей, «сии примечания могут впредь подать повод к дальнейшему исследованию имен сочинителей». ¹⁹

Правила издания текста оговорены были следующим весьма кратким образом: «При издании сего летописца от подлинника отступлено только в следующем: 1) имена под титлами писанные печатаны так, как выговариваются; 2) для уразумения ставлены в нужных местах препи-

¹⁶ Там же. С. 5—6 (1-я паг.).

¹⁷ Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года // Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., при имп. Академии наук, 1786. Ч. 2. С. 1—4, 257—712 (2-я паг.).

¹⁸ Там же. С. 2 (1-я паг.).

¹⁹ Там же. С. 2—3 (1-я паг.).

нения, в прочем весь летописец напечатан против подлинника».²⁰ Таким образом, издатели этого летописного памятника в основном придерживались шлецеровской традиции максимально точной передачи текста, а кроме того, на основании сравнения текстов Н 1ст. и Н 1мл. пришли к выводу о существовании летописи Н1, дошедшей до нас в двух версиях, из которых Синодальный список представляет более раннюю.

В 1795 г. анонимными издателями был опубликован текст некоей летописи «по списку Софейскому Великому Новагорода».²¹ Так случилось, что именно это издание дало название одному из самых значительных памятников древнерусского летописания — Софийской первой летописи (которую сначала и принимали за новгородский памятник), хотя недавно было установлено, что на самом деле в научный оборот тогда, в 1795 г., был введен текст Новгородской Уваровской летописи XVII в. (по списку БАН. 34.4.1).²² Издатели отметили, что рукопись, по которой издается текст, «весьма не исправна», и более никакими комментариями эту публикацию не сопроводили. Текст летописи был опубликован до 1424 г. включительно, но, судя по тому, что на титульном листе указано «Часть 1», она продолжалась и далее (последующие части, однако, так и не были напечатаны). Многие последующие терминологические сложности были обусловлены именно тем, что в этом издании летопись была опубликована «по списку Софейскому Великому Новагорода» (т. е. по списку, хранившемуся в Новгородском Софийском соборе), и именно это обстоятельство позволило назвать эту летопись сначала «Софийским временником» (П. М. Строев), а позже — «Софийской первой летописью».

Екатерининская эпоха, бесспорно, явилась порой расцвета в области издания летописных памятников. Всего за 28 лет (с 1767 г. до 1795 г.) вышло более 20 изданий, причем среди них — такие важнейшие памятники древнерусского летописания, как Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Радзивилловская, Никоновская, Типографская, Львовская, Воскресенская летописи, текст Лицевого летописного свода XVI в., Устюжский летописный свод, Новый летописец, Степенная книга и др. Издатели XVIII в., как правило, понимали свою

²⁰ Там же. С. 3—4 (1-я паг.).

²¹ Российская летопись по списку Софейскому Великому Новагорода в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. СПб., 1795. Ч. 1. 372 с.

²² Яковлев В. В. Летопись Новгородская Уваровская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И—О. С. 292—295.

задачу передачи древнерусского текста таким образом, чтобы «никакой перемены и поправления против подлинника» не учинить, но в то же время чтобы «нужное» (по их мнению) «правописание со всеми потребными к тому знаками и расстановками, (...) при печатании (...) наблюдаемо было с возможным старанием»,²³ т. е. унификация написаний считалась не только допустимой, но и обязательной.²⁴

В XVIII в., как правило, издатели не только не приводили палеографического описания рукописи, по которой печатается текст, но и вообще не давали о ней никаких сведений. Выбор летописных памятников и конкретных списков для издания определялся, главным образом, достаточно случайными обстоятельствами, например, тем, какая именно рукопись имелась в распоряжении публикатора. Разумеется, такое положение дел определялось, во-первых, неизученностью самой истории летописания, и, во-вторых, недоступностью для издателей подавляющего большинства списков летописей, сокрытых до поры в различных государственных, монастырских, церковных или частных архивохранилищах.

1.1.2. Издания П. М. Строева и М. А. Оболенского

Конец XVIII в. и два первых десятилетия XIX в. почти ничего не дали в области издания древнерусских летописей. Только в 1820 г. П. М. Строевым был издан «Софийский временник» (по современной терминологии — Софийская первая и вторая летописи)²⁵ — памятник, принципиально важный для изучения новгородского летописания XV в. Эта публикация для своего времени была образцовой: для издания было привлечено несколько сопоставленных между собою списков одной летописи; в начале издания было помещено их описание и пре-

²³ Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. С. 5—6 (1-я паг.).

²⁴ Вопрос о правилах издания летописей в XVIII в. специально в науке не рассматривался, однако существует целый ряд исследований, посвященных эдичионным принципам, принятым в России в последней трети XVIII в. (см., например: *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 66—89; *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и сообщения. М.: Л., 1960; *Валк С. Н.* «Русская правда» в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 124—160; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 19—125).

²⁵ Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. Строев. М., 1820. Ч. 1: С 862 по 1425 г. 27, 456 с.

дисловие, имеющее исследовательский характер.²⁶ Упомянувшееся выше издание 1795 г. П. М. Строев, правда, ошибочно считал публикацией той же Софийской первой летописи и признал его выполненным совершенно неудовлетворительно, заметив, что «издатель не имел, кажется, и малейшего понятия о своем деле», причем сама рукопись, по которой готовилось то издание, оказывается, по свидетельству А. Л. Шлецера, была «весьма нова, писана в лист, скорописью».²⁷

П. М. Строев заметил, что вместо «Повести временных лет» Нестора в некоторых рукописях («особенно новгородских») встречается иной текст.²⁸ Приведя краткий обзор сохранившихся летописных памятников («временников»), исследователь далее пишет: «Между отдельными бытописаниями, вошедшими в общий состав известных нам сборников, нельзя не заметить *Временника Софийского*. Во многих летописях, в самом начале, после Космографических и Етнографических известий Нестора, заимствованных им наиболее из Византийцев, помещено предварительное *Сказание*, или Вступление, неизвестного Собирателя, довольно любопытное. (...) Он (собирает. — А. Б.) умоляет *преклонить ухо* к повествованию о подвигах предков, кои намеревается представить в *Временнике* своем, *от Михаила царя до Александра и Исаакия*. Стоит только разыскать, кто были сии последние, чтобы узнать время, в которое жил летописатель».²⁹ Основываясь на заглавии упомянутого предисловия, автор считает, что «*Софийским* назван *Временник* сей, вероятно, по соборному храму св. Софии, при котором он был составлен, или только хранился. Не в Киеве, а в Новгороде».³⁰

Введя, таким образом, в научный обиход термин «Софийский временник» («...издаваемый ныне Сборник назвал я *Временником Софийским* для отличия от других, утверждаясь на Вступлении, о котором говорено было выше»³¹), П. М. Строев отметил, что «нельзя *точно* определить времени, до которого *Временник* сей продолжался, ни даже того, что *именно* в нем заключалось, ибо он не дошел до нас в виде *отдельном*; приводимые же выше Александр и Исаакий должны покамест

²⁶ Это предисловие было переиздано И. И. Срезневским: *Строев П. М. О древних летописных сборниках и Софийском временнике* // Записки имп. Академии наук. СПб., 1865. Т. 6. С. 124—141. Характеристику этого исследования см.: *Срезневский И. И. Труды П. М. Строева* // Там же. С. 112—123.

²⁷ *Schlözer A. L.* Нестор. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schlözer. Göttingen, 1802. Th. 2. S. 3.

²⁸ Софийский временник... С. 10 (1-я pag.).

²⁹ Там же. С. 12—13 (1-я pag.).

³⁰ Там же. С. 13 (1-я pag.).

³¹ Там же. С. 18 (1-я pag.).

остаться неизвестными»³² (в примечании исследователь задался вопросом: «Не были ли они Посадниками Новгородскими?»).

История подготовки издания изложена П. М. Строевым следующим образом: «...в 1817 году, разбирая по воле его (Н. П. Румянцева. — А. Б.) древние рукописи и акты в разных монастырях Московской губернии, я нашел в библиотеке Воскресенского монастыря список Всемирного Хронографа, к которому присоединен Сборник, составленный из Временника Несторова и его продолжателей, доходящий до 1534 года (...) В последствии времени я получил еще два Сборника, весьма сходные с сего Воскресенскою рукописью. Один из них, принадлежащий графу Ф. А. Толстому, продолжается до 1418 года, другой содержит в себе происшествия 1397—1518 годов и находится ныне в библиотеке Московского Архива Государственной Коллегии Иностранных дел. Сии рукописи, будучи старше Воскресенской и преимуществуя пред нею тщательностию и чистотою почерка, были приняты мною в основание при печатании; ею же, равно и печатным изданием так называемого *Софийского* списка, пользовался я для исправления испорченных мест, также приводил из них все встречающиеся разнослова и приписки».³³ Кратко охарактеризовав состав издаваемого летописного памятника, исследователь отметил, что первая часть (до 1418 г.) напечатана им по Толстовскому списку (совр. шифр: РНБ, ОСПК, F.IV.211), вторая — по Архивскому (до 1518 г.), а остальное — по Воскресенскому. Издание П. М. Строева послужило образцом для целого ряда последующих публикаций, вплоть до первых томов «Полного собрания русских летописей».³⁴

В 1836 г. М. А. Оболенским была опубликована «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи».³⁵ Первая из названных в заглавии летописей, доведенная до 1382 г., была напечатана по «Супрасльскому» списку XVI в. из собрания Архива Министерства иностранных дел (совр. шифр: РГАДА, собр. МГАМИД, № 26/70 (902/1468)) с привлечением вариантов из списка Новгородской летописи («Кирилло-Белозерского-Новгородского, конца XV—первой половины XVI в.») по сборнику, некогда бывшему в Кирилло-Белозерском монастыре (совр. шифр: ГИМ, Синодальное собр., № 154). Публикуемый памятник М. А. Оболенский охарактери-

³² Там же. С. 14 (1-я паг.).

³³ Там же. С. 16—18 (1-я паг.).

³⁴ Главный редактор издания первых томов ПСРЛ Я. И. Бередников писал в 1840 г. П. М. Строеву: «Я вышел из вашей школы и могу по справедливости сказать, что я Ваш ученик» (цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 350).

³⁵ Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. 24, 172, 32 с.

зовал как «сокращенную новгородскую летопись — выбор из других списков, иногда целыми речами, но наиболее с изменением».³⁶

В подробном и обстоятельном предисловии к изданию М. А. Оболенский изложил свои взгляды на проблему издания древнерусских летописей. По мнению исследователя, существует 3 разряда (рода) изданий: исторический, сводный и графический. Лучшие образцы изданий первого и второго рода, соответственно, — это «Софийский временник» П. М. Строева и Лаврентьевская летопись Р. Ф. Тимковского, однако в целом М. А. Оболенский считал, «что изданием древних памятников должна быть достигнута полная и совершенная передача оных любознательному изысканию ученых и любителей» и что «совершенным достижением сей цели» является «только верный снимок с подлинника».³⁷ Если же подобное издание невозможно, продолжает исследователь, то «печатание летописей славянскими буквами, какими писаны летописи, со всею возможною тщательностью в соблюдении правописания и знаков, должно почесть (...) самым приблизительным средством к совершенству надлежащих изданий». Идея М. А. Оболенского заключалась в том, что издание может «если не вполне заменить снимок с подлинника, то, по крайней мере, представляет, сколько возможно, близкую передачу его и почти заменяет подлинник и снимок».³⁸ Примененный им тип издания М. А. Оболенский назвал «графическим», ибо он решил «печатать текст славянскими буквами, тщательно следуя смыслу, расстановке, правописанию каждого слова, ударениям, какие где поставлены, и отмечая в примечаниях все явные описки».³⁹ «Так, по моему мнению, — заключил М. А. Оболенский, — должно издать все наши летописи», однако этот тип публикации летописей не получил в дальнейшем существенного развития, в первую очередь, очевидно, в связи с появлением технических возможностей осуществления фототипических изданий.

1.1.3. Издания ПСРЛ Я. И. Бередникова

Новый этап в издании русских летописей наступил после образования в 1834 г. Императорской Археографической комиссии, начав-

³⁶ Там же. С. 21 (1-я паг.).

³⁷ Там же. С. 20 (1-я паг.).

³⁸ Там же. С. 23 (1-я паг.).

³⁹ Там же. С. 22—23 (1-я паг.). По современной терминологии, такой тип издания ближе всего к «лингвистическим» изданиям древнерусских текстов (см.: *Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков*. Л., 1983. 2-е изд., перераб. и доп. С. 479—483).

шей публиковать серию «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ).⁴⁰ Впервые печатание летописей стало производиться в соответствии с общим планом, хотя, как вскоре выяснилось, далеко не совершенным. Первоначально план издания летописей был разработан Н. Г. Устряловым: предлагалось публиковать памятники «в виде одного полного собрания, разделенного на 5 главных отделений: первое будет содержать летопись Нестора с вариантами из всех списков; второе отдельные летописи; третье летописные сборники; четвертое степенные книги; пятое хронографы».⁴¹ По распоряжению правительства в Археографическую комиссию были доставлены все известные к тому времени 168 списков древнерусских летописей, и работа над подготовкой к изданию «Полного собрания русских летописей» была начата.⁴²

Я. И. Бередников, назначенный главным редактором летописей, определил очередность изданий: в первую очередь, согласно его проекту, следовало опубликовать древнейшие памятники — Лаврентьевскую, Московскую Академическую (по терминологии Я. И. Бередникова — Троицкую), Ипатьевскую, Густынскую, 4 Новгородские летописи, Псковскую, Софийскую, Воскресенскую, Патриаршую, несколько разрядов московских и западнорусских, а также сибирские и «краткие» летописи.⁴³ От мысли Н. Г. Устрялова издать Летопись Нестора («Повесть временных лет») отдельно с вариантами по всем известным спискам Я. И. Бередникову пришлось отказаться, так как тексты слишком различались между собой. Публикатор выделил три «редакции» Летописи Нестора: древнюю XII—XIII вв. (основной список — Лаврентьевский); среднюю XIV—начала XV в. (основной список — Софийский) и новую — середины XVI в. (основной список — Патриарший — Академический XIV, по терминологии Я. И. Бередникова).⁴⁴

⁴⁰ Как справедливо отметил В. С. Брачев, 24 декабря 1834 г. была учреждена Комиссия для издания Актов Археографической экспедиции, а в постоянную Археографическую комиссию она была преобразована 18 февраля 1837 г., но традиционно сложился взгляд на дату ее основания в 1834 г. (Брачев В. С. Петербургская Археографическая комиссия (1834—1929 гг.). СПб., 1997. С. 14).

⁴¹ Устрялов Н. Г. Предположение об издании русских летописей и государственных актов. Рассмотренное и одобренное Археографической комиссией // ЖМНП. 1837. Ч. 13. С. 348.

⁴² Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. I (1835—1840 гг.). С. 475—476.

⁴³ Бередников Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I: Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 5 (1-я паг.).

⁴⁴ Протоколы заседаний Археографической комиссии. Вып. I (1835—1840 гг.). С. 475.

В 1841 г. вышел 3-й том «Полного собрания русских летописей, изданного по высочайшему повелению Археографической комиссии» — «Новгородские летописи»⁴⁵ (следует отметить, что 1-й (Лаврентьевская летопись) и 2-й (Ипатьевская летопись) тома серии вышли в свет позже — соответственно в 1846 и в 1843 гг.). В этом томе, подготовленном к изданию Я. И. Бередниковым, были опубликованы следующие тексты и предисловия к ним: Н1, Н2 с прибавлениями («Роспись, или Краткий летописец новгородских владык» и «Отрывок из разряда Новгородских летописей»), Н3 с прибавлением (извлечение из рукописи об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.). В предисловиях были приведены общая характеристика публикуемых летописей, описание списков, принципы издания текста. За основной текст Н1 был взят Синодальный список (ГИМ, Синодальное собр., № 786); с 1333 по 1441 г. текст был напечатан по Академическому списку Н 1мл. (БАН, 17.8.36), с 1441 по 1444 г. — по Толстовскому списку Н 1мл. (РНБ, ОСПК, F.IV.233). Два последних списка были использованы Я. И. Бередниковым для подведения разночтений; кроме того, издатель привел таблицы с образцами почерков писцов.

Опубликованный в 1848 г. 4-й том ПСРЛ («Новгородские и Псковские летописи»)⁴⁶ содержит следующие летописи и предисловия к ним: Н4, Псковскую первую летопись, а также отдельно — прибавления, выделенные из Н4: Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Сказание о Царьграде дьяка Александра, Повесть о преставлении князя Михаила Александровича Тверского. Н4 была опубликована по 5 спискам (с. 1—165 указанного издания). За основной был принят Строевский список (РНБ, собр. Погодина, № 2035), а варианты были приведены по спискам: Академическому (БАН, 16.3.2 (Осн. 22)), Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 152/46), Публичной библиотеки (РНБ, ОСПК, F.IV.235) и Хронографическому (ГИМ, Синодальное собр., № 280). И здесь издатель привел таблицы с образцами почерков писцов.

Очередной, 5-й том ПСРЛ был опубликован в 1851 г.⁴⁷ В него вошли Псковская вторая летопись и подготовленная к печати по 7 спискам С1 (до 1471 г.). Эта публикация вплоть до наших дней не потеряла своего значения, так как только в ней исследователь может найти доведенное

⁴⁵ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3. 9 с., 2 табл., 308 с.

⁴⁶ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 4. 8 с., 2 табл., 362 с.

⁴⁷ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. 277 с.

до конца критическое издание обеих редакций С1.⁴⁸ Издатели С1 отметили, что «все списки до начала XV века заключают в себе одну и ту же летопись, но с 1420 года значительно разнятся между собой».⁴⁹ В 6-й том, опубликованный 2 года спустя, вошло продолжение С1 (1471—1509 гг.) и Софийская вторая летопись.⁵⁰

В целом издатели первых томов ПСРЛ, как отмечали С. Н. Валк и В. И. Буганов, находились под влиянием научных идей А. Л. Шлецера и основывали на них археографическую подготовку летописных текстов. Так, например, Я. И. Бередников, издавая как Ипатьевскую, так и Новгородские летописи, изъяс из их состава «Повесть временных лет», ибо «считал последнюю пригодной лишь для подведения вариантов к Повести же в более древней Лаврентьевской летописи (тем самым он исходил из мысли Шлецера о возможности восстановления «очищенного» текста Несторовой летописи путем подведения вариантов из более поздних списков к древнейшему из списков — Лаврентьевскому)».⁵¹ Вообще Летопись Нестора решено было печатать только в составе упомянутых выше памятников, отражающих, по мнению Я. И. Бередникова, 3 редакции (древнюю, среднюю и новую), прочие же летописи, содержавшие в своей начальной части «Повесть временных лет», решено было публиковать без нее. В результате целостного текста летописей все первые публикации в серии «Полное собрание русских летописей» не приводили, так как фрагменты (не только «Повесть временных лет», но и многие другие), параллельные ранее опубликованным в предыдущих томах, вновь не воспроизводились, а лишь обозначались отсылками. Возможно, в следовании этому принципу Я. И. Бередников и находился действительно под некоторым влиянием концепций А. Л. Шлецера, но использование им принципа так называемого единообразного правописания решительно противоречит сформулированным А. Л. Шлецером еще в 1767 г. правилам передачи текста летописей. Обосновывая свой отказ от передачи текста рукописей «буква в букву», Я. И. Бередников ссылаясь на практику современной ему западноевропейской археографии.⁵² По такому плану и с такими правилами передачи текста были уже напечатаны первые 6 томов серии, когда внезапная кончина Я. И. Бередникова в сентябре 1854 г.

⁴⁸ В предисловии издатели отметили, что публикация С1 1795 г. была осуществлена «с новейшей копии с грубыми ошибками» (ПСРЛ. Т. 5. С. 80).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 79.

⁵⁰ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6: Софийские летописи. 359 с.

⁵¹ Буганов В. И. Об издании русских летописей // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 18.

⁵² Бередников Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей. С. 1, 7 (1-я pag.).

приостановила издание очередного, 7-го тома ПСРЛ (Воскресенской летописи).

1.1.4. Период споров

Уже вскоре после начала печатания ПСРЛ стали появляться критические замечания в его адрес,⁵³ а несколько позже были опубликованы исследования М. И. Сухомлинова, И. И. Срезневского, К. Н. Бестужева-Рюмина и других авторов, в которых летописи рассматривались как *летописные своды*. Это привело к существенному пересмотру самих принципов издания летописей, и с начала 60-х гг. прошлого века до начала XX в. издание ПСРЛ было почти полностью прекращено.⁵⁴ Сменивший Я. И. Бередникова на должности главного редактора летописей А. Ф. Бычков начал свою деятельность с пересмотра основных принципов издания ПСРЛ. В первую очередь А. Ф. Бычков поставил задачу, чтобы текст основного списка, по которому осуществляется издание, был представлен «в том самом виде, в каком он встречается в рукописи», а также отказался от принципа «единообразного правописания».⁵⁵

В конце 1869—начале 1870 г. среди ученых-медиевистов развернулась оживленная дискуссия о принципах издания древнерусских летописей: «знатокам» были разосланы на выбор 4 образца пробного набора летописного текста, первый из которых представлял собой точное воспроизведение рукописи церковнославянским шрифтом, с сохранением всех особых букв, надстрочных знаков, сокращенных написаний («под титлами»), прописных букв и пунктуации. Четвертый вариант сохранял традиционную для ПСРЛ систему передачи текста (второй и третий являлись как бы промежуточными вариантами). На призыв Археографической комиссии высказать свое мнение откликнулись 39 человек, причем 32 из них высказались за первый либо четвертый способы передачи летописного текста, и голоса их между собой разделились поровну. В результате Председатель Археографической комиссии П. А. Муханов, сторонник традиционного типа передачи текста, пошел на компромисс, и было решено ограничиться фотолитографическим изданием древнейших списков (Лаврентьевского, Ипатьевского и Нов-

⁵³ *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850. Т. 4. С. 19; М., 1857. Т. 5. С. 319, 322.

⁵⁴ О критике изданий, подготовленных Я. И. Бередниковым, см. подробнее: *Брачев В. С.* Петербургская Археографическая комиссия... С. 37—41.

⁵⁵ *Бычков А. Ф.* Предисловие // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 6—8 (1-я паг.).

городского Синодального), но при дальнейшем издании ПСРЛ придерживаться традиции.⁵⁶

Вновь изданные тома соответствуют по содержанию первым трем томам ПСРЛ, однако появились они вне серии, отдельными изданиями (Ипатьевская, 1871; Лаврентьевская, 1872; Новгородские летописи, 1879, 1888), и лишь продолжение начатого ранее издания Никоновской летописи и Летопись Авраамки увидели свет в рамках ПСРЛ в это время. Кроме того, в соответствии с принятыми решениями, были опубликованы фотолитографические издания древнейших списков «Повести временных лет» (по Ипатьевскому, 1871; по Лаврентьевскому, 1872), а также Новгородской летописи по Синодальному списку (1875). В 1879 г. вышло издание новгородских летописей, выпущенное Археографической комиссией.⁵⁷ Это издание содержало летопись по сборнику Архивскому или Малиновского (Н2); отрывок из разряда новгородских летописей; «Роспись, или Краткий летописец новгородских владык» (Н3); «Летописец новгородский церквам Божиим», а также прибавления к новгородским летописям: 1) Повесть о приходе царя Иоанна IV Васильевича в Новгород; 2) Извлечение из рукописи об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.; 3) Отрывки из летописного сборника, принадлежавшего новгородскому Николаевскому Дворщищенскому собору.

«Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку» была издана Археографической комиссией в 1888 г.⁵⁸ Н1 публиковалась по Синодальному списку с продолжением по списку Археографической комиссии; начало летописи, отсутствующее в Синодальном списке, было напечатано по Толстовскому списку и по списку Археографической комиссии. В приложениях были опубликованы следующие статьи из списка Археографической комиссии: «Сие родословятся велицей князи русьстии»; «Родословие тех же князей», «Кто колико лет княжил», «А се князи русьстии», «А се по святемь крещении о княжении Киевьстем», «А се князи Великого Новагорода», «А се посадни-

⁵⁶ Подробнее об этой дискуссии см.: *Брачев В. С.* Петербургская Археографическая комиссия... С. 66—69. Между прочим, среди сторонников первого («филологического») в терминологии того времени) способа издания летописей встречаем К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Ф. Бычкова, П. П. Вяземского, А. В. Горского, Я. К. Грота, П. И. Савваитова, С. М. Соловьева, И. И. Срезневского и других, а четвертого (традиционного) — А. Е. Викторова, А. Ф. Гильфердинга, М. А. Максимовича, К. И. Невоструева, П. П. Пекарского, М. П. Погодина, П. М. Строева, В. П. Титова и др.

⁵⁷ Новгородские летописи: (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья Летописи). Изд. Археографической комиссии. СПб., 1879. 24, 488, 113 (3-я паг.) с.

⁵⁸ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1888. 10, 490, 98 с.

ци новгородстии», «А се тысячский новгородский», «А се русьстии митрополити», «А се новгородский епископы», «А се архимандриты новгородский», «А се имена всем градом руским, далним и ближним», «Правило законно о церковных людех, и о десятинах, и о мирилех градских и о судех епископских», «Рукописание святого князя, крестившаго Рускую землю», «А се устав Ярославль. Суды святительския», «Устав великого князя Всеволода о церковных судех, и о людех, и о мерилах торговых», «Устав великого князя Ярослава», «Устав Володимерь Всеволодичя», «А се устав Ярослава князя о мостех», «А се рукописание князя Всеволода».

В 1889 г. в 16-м томе ПСРЛ был опубликован «Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки»,⁵⁹ текст которого имеет самое прямое отношение к истории новгородского летописания. В предисловии были даны общая характеристика летописи, состав сборника и его описание.

В 1899 г. без каких-либо объяснительных замечаний в городе Мышкине был издан «Новгородский летописец (с 946 до 1441 г.)».⁶⁰ По всей видимости, как показывает сопоставление текстов, это перепечатка издания 1786 г. Академического списка Н 1мл.⁶¹

1.1.5. Эпоха А. А. Шахматова

Принципиально новый этап не только в изучении, но и в публикации русских летописей связан с именем академика А. А. Шахматова (1864—1920).⁶² Как отмечал С. Н. Валк, «если предшествующее направление видело в том, что оно считало „летописным сводом“, лишь механическое соединение разнородных источников (...) то А. А. Шахматов впервые развил взгляд на летописный свод (...) как на целостное историко-литературное произведение...».⁶³ Объединение при издании списков различных летописных сводов в свете новых представлений об истории древнерусского летописания стало совершенно недопустимым,

⁵⁹ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. 3 нум. с., 2 табл., 320 стб., 69 с.

⁶⁰ Новгородский летописец (с 946 до 1441 г.). Мышкин, 1899. 232 с.

⁶¹ Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года. С. 1—4, 257—712 (2-я паг.).

⁶² См.: Лихачев Д. С. 1) Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОЛЯ. 1946. Т. 5, вып. 5. С. 418—428; 2) Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 253—293; Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 87—107.

⁶³ Валк С. Н. Советская археография. С. 134.

и любое издание летописей должно теперь предваряться текстологическим исследованием.

В статье С. В. Чиркова было убедительно показано, что А. А. Шахматов, возглавивший редакционное совещание Археографической комиссии по изданию летописей и литературных памятников, принимал участие практически во всех издательских проектах,⁶⁴ причем исследователь полагал, что необходимо продолжать издание летописей именно в составе серии ПСРЛ («Уже в одном только названии (...) заключается целая программа»⁶⁵). А. А. Шахматовым был выдвинут принципиально новый подход к делу публикации летописей: «...всякому изданию должна была предшествовать тщательная работа по изучению состава подлежащих изданию рукописей с точки зрения их места в общей истории летописания».⁶⁶

Недостатки прежних изданий и появление новых издательских принципов привели к необходимости подготовки в серии ПСРЛ новых, более совершенных изданий Ипатьевской, Новгородской четвертой и пятой, и Софийской первой летописей.

Особняком в этом ряду изданий начала XX в. стоит публикация Лаврентьевской летописи, подготовленная Е. Ф. Карским. Как уже неоднократно отмечалось, Е. Ф. Карский, вопреки наблюдениям А. А. Шахматова, продолжал рассматривать Радзивилловскую летопись как один из списков Лаврентьевской летописи и использовал ее чтения для «исправления» последней, в результате чего им был опубликован никогда реально не существовавший «контаминированный» (сводный) текст.⁶⁷ Кроме того, вопреки сложившейся в серии традиции, Е. Ф. Карский использовал лингвистический характер воспроизведения текста, предоставив самим читателям как перевод числовых обозначений из буквенных в арабские, так и синтаксическую интерпретацию текста. К сожалению, именно это издание было дважды переиздано, в последний раз совсем недавно.⁶⁸

⁶⁴ Чирков С. В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 24—37.

⁶⁵ Шахматов А. А. [Записка об Ипатьевской летописи] // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13. Отд. 1. С. 33—34.

⁶⁶ Чирков С. В. Вопросы публикации летописей... С. 34.

⁶⁷ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 62 (примеч. 1); Валк С. Н. Советская археография. С. 185—187; Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1962. С. 471—472; Лурье Я. С. Изучение русского летописания // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 8—9.

⁶⁸ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 496 с.

Всего в серии ПСРЛ с самого момента ее основания и до конца 20-х гг. нашего века было опубликовано 24 тома, причем 14 из них изданы впервые либо переизданы при активном участии А. А. Шахматова. В этой связи вызывает недоумение замечание Я. С. Лурье, что «принципы А. А. Шахматова были в общем весьма чужды Археографической комиссии, публиковавшей ПСРЛ». ⁶⁹ Мнение Я. С. Лурье, что А. А. Шахматов принимал участие только в издании Симеоновской и Ермолинской летописей, а в целом Археографическая комиссия «не занималась предварительным исследованием издаваемых памятников», следует признать безосновательным. ⁷⁰

В 4-м томе (второе изд.) серии «Полное собрание русских летописей» была опубликована Н4 (в трех выпусках). ⁷¹ В предисловии к 1-му выпуску даны характеристика первого издания Н4 и описание списков, использованных при втором издании. В предисловии ко 2-му выпуску перечислены рукописи, использованные при издании этого выпуска. В предисловии к 3-му выпуску — описание списков, использованных при подготовке текстов 2-го и 3-го выпусков и не описанных в 1-м выпуске. В отличие от первого издания Н4, где из текста были выпущены места, встречающиеся в других летописных сводах, в этом издании текст летописи опубликован полностью. За основной текст взят Строевский список (РНБ, собр. Погодина, № 2035). Разночтения подведены по следующим 8 спискам: Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 152/46), Публичной библиотеки/Фроловскому (РНБ, ОСРК, F.IV.235), Академическому (БАН, 16.3.2 (Осн. 22)), Толстовскому (РНБ, ОСРК, Q.IV.138), Голицынскому (РНБ, ОСРК, Q.XVII.62), Новороссийскому (БАН, Тек. пост. 1107), Архивному (РГАДА, собр. МГАМИД, № 20/25) и списку Дубровского (РНБ, ОСРК, F.IV.238). Четыре последних списка в первом издании Н4 использованы не были. Вслед за текстом Н4 в этом издании следуют варианты окончания ле-

⁶⁹ Лурье Я. С. Изучение русского летописания. С. 7.

⁷⁰ Подробнее об издании летописей в начале XX в. см.: Брачев В. С. Петербургская Археографическая комиссия... С. 104—132. Между прочим, В. С. Брачев, являющийся сторонником лингвистических изданий летописных памятников, полагает, как и Я. С. Лурье, что А. А. Шахматов не смог добиться реализации своих взглядов на публикацию летописей, однако, по его мнению, не Симеоновская и Ермолинская летописи, а «изданные Археографической комиссией в 1907—1908 гг. Ипатьевская и Западнорусские летописи являются (...) единственными из летописных текстов, в подготовке которых А. А. Шахматов принимал непосредственное участие и которые отразили его взгляды на их издание» (Там же. С. 130).

⁷¹ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. 9, 320 с.; Л., 1925. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. 1 нум., 321—536 с.; Л., 1929. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. 4, 537—687 с.

тописи по спискам Строевскому, Новороссийскому, Голицынскому, Академическому и Дубровского, а также приведены варианты по списку Дубровского. Полностью был опубликован сокращенный новгородский летописец по списку Н. К. Никольского и приложения: «А се имена всим градом Рускымь далним и ближнимь», «А се Рустии митрополити», «А се Новъгородцкии епископи», «А се посадници Новгородстии», «А се тысяцкии Новгородцкыи», «Архимандриты Новгородстии», «Поучение Петра митрополита всея Руси князю Дмитрею...», «Никифора патриарха Царяграда летописецъ въскоре».

В 1917 г. в серии «Полное собрание русских летописей» (т. 4, ч. 2) П. Н. Шеффером была опубликована Н5.⁷² В предисловии были даны характеристика летописи и описание использованных рукописей. В первом издании Н4 основной список Н5 — Хронографический (ГИМ, Синодальное собр., № 280) был использован лишь для подведения различий. Варианты к основному (Хронографическому) списку Н5 в новом издании были приведены по 3 спискам: Погодинскому (РНБ, собр. Погодина, № 1404а), Академическому (БАН, 34.4.32), Публичной библиотеки (РНБ, ОСПК, Q.XVII.151). В свет вышел только 1-й выпуск, доводящий изложение до середины статьи 6860 (1352) г.

В 1922 г. в 15-м томе (второе изд.) «Полного собрания русских летописей» Н. П. Лихачевым был издан ранее не публиковавшийся Рогожский летописец, в части до 1288 г. использовавший новгородское летописание.⁷³

Спустя 3 года в 5-м томе (второе изд.) ПСРЛ П. Г. Васенко начал издавать С1, положив в основу старейший из списков первой редакции С1 — список Оболенского (РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 2, № 3).⁷⁴ К сожалению, это издание, наиболее совершенное из всех существующих критических изданий С1, было доведено лишь до середины статьи 6763 (1255) г. 2-й выпуск, в котором предполагалось завершить публикацию текста и поместить предисловие ко всему тому (включая и описание всех списков), так и не вышел в свет.

1.1.6. Издания второй половины XX в.

В 30-х гг. нашего столетия издание летописей почти полностью прекратилось. Возобновление публикаций летописных памятников связано в первую очередь с именем А. Н. Насонова. В 1941 г. он выпустил

⁷² ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. 6, 264 с.

⁷³ ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. 8 с., 186 стб. (Рогожский летописец).

⁷⁴ ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. 2, 240 с. (Софийская первая летопись).

в свет 1-й выпуск Псковских летописей (2-й был опубликован только в 1955 г.).⁷⁵ Вместо двух Псковских летописей, представленных в издании ПСРЛ (1848—1851 гг.), исследователь выделил три, причем привлек значительно большее количество списков. Оказалось также, что при подготовке издания Псковской первой летописи в ПСРЛ были привлечены списки двух разных летописей.

В 1950 г. А. Н. Насоновым была издана Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов⁷⁶ (вне серии ПСРЛ).⁷⁷ Впервые после изданий XVIII в. Н1 была опубликована не в соединении двух разных изводов (как это делалось в изданиях 1841 и 1888 гг.), а отдельно Н1ст. и Н1мл. Старший извод А. Н. Насонов напечатал по единственному списку (ГИМ, Синодальное собр., № 786, XIII—XIV вв.), а младший — по наиболее исправному Комиссионному списку (СПб. ФИРИ, собр. Археографической комиссии, № 240, середины XV в.) с вариантами по Академическому (БАН, 17.8.36 (Осн. 153), середины XV в.) и Толстовскому (копия 50-х гг. XVIII в. с Академического; РНБ, ОСПК, F.IV.223). По Толстовскому списку был приведен отсутствующий в Комиссионном и утраченный в Академическом списках начальный текст Н1мл. Издание сопровождается тремя приложениями: отдельные фрагменты из Воронцовского списка XIX в. (копия сокращенной переработки Академического списка, произведенной в XVIII в., до утраты листов в последнем; БАН, 31.7.31 (Воронц. 1090)); дополнительные статьи Комиссионного списка, сопровождающие в рукописи текст Н1мл.; и, наконец, текст Н1мл. по Троицкому списку (РГБ, собр. МДА, № 69, 60-х гг. XVI в.). Текст Троицкого списка был напечатан отдельно в связи с тем, что он был обнаружен А. А. Зиминным и А. А. Ромодановской уже во время печатания Н1.⁷⁸ Кроме того, в предисловии были даны подробное описание и характеристика всех списков, использованных при издании. Публикация, подготовленная А. Н. Насоновым, несомненно является лучшей из изданий Н1, но и она не лишена некоторых недостатков. Разночтения были привлечены с исчерпывающей полнотой, включая такие как «сънимаетъ» — «снимаетъ», «святого» — «святаго», «сътвориша» — «створиша» и т. д. В результате выявление смысловых разночтений между двумя основными списками Н1мл. по изданию А. Н. Насонова, весьма существенное для

⁷⁵ Псковские летописи / Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941—1955. Вып. 1—2.

⁷⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. 640 с., 10 табл. (далее — НПЛ).

⁷⁷ В том же 1950 г. были опубликованы, также вне серии ПСРЛ, Устюжский летописный свод и «Повесть временных лет».

⁷⁸ НПЛ. С. 5.

установления истории текста летописи, оказывается практически невозможным: они просто тонут в море орфографических вариантов. Об этой опасности позже писал Д. С. Лихачев: «Если включить в разночтения все отличия орфографические и графические, это невероятно загромоздит издание и сделает разночтения фактически недоступными для пользования».⁷⁹

Издание серии ПСРЛ было возобновлено по инициативе М. Н. Тихомирова лишь в 1949 г., когда был опубликован 25-й том (Московский летописный свод конца XV в.),⁸⁰ и только через 10 лет (в 1959 г.) издание было продолжено — появился 26-й том серии (Вологодско-Пермская летопись).⁸¹

В 1964 г. под наблюдением М. Н. Тихомирова было осуществлено фотовоспроизведение текста Синодального списка Н1, сопровождаемое очень кратким предисловием и выдержкой из сделанного А. Н. Насоновым для издания 1950 г. описания пергаменной рукописи (ГИМ, Синодальное собр., № 786).⁸²

Спустя год в серии ПСРЛ (Т. 30) был опубликован текст Н2, причем, в отличие от предыдущих изданий, — не в реконструированном хронологическом порядке, а так, как он представлен в самой рукописи (РГАДА, собр. МГАМИД, № 62/85).⁸³ Наконец, в 1994 г. в 39-м томе ПСРЛ коллективом авторов был опубликован текст С1 по списку И. Н. Царского,⁸⁴ ранее полностью не издававшегося, а в 2000 г. — С1 старшего извода.^{84а}

В настоящее время автором данной работы совместно с З. В. Дмитриевой подготовлен к изданию в 40-м томе ПСРЛ (СПб.: Дмитрий Буланин, 2000) текст ранее не публиковавшихся НК1 и НК2 (редакция и предисловие Я. С. Лурье; археографическое введение А. Г. Боброва). Еще один неопубликованный памятник новгородского летописания XV в. (Летописец епископа Павла) также готовится к изданию автором настоящего исследования.

⁷⁹ Лихачев Д. С. Текстология... С. 482.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М.; Л., 1949. 464 с.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л., 1959. 417 с.

⁸² Новгородская харатейная летопись / Издано под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964. 344 с.

⁸³ ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1965. 240 с.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского / Ред. В. И. Буганов, Б. М. Клосс; Текст подгот. Л. Ф. Кузьмина. М., 1994. 208 с.

^{84а} ПСРЛ. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода / Текст подгот. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 2000. 8, 312 с.

Таким образом, тексты практически всех основных памятников, имеющих прямое или косвенное отношение к новгородскому летописанию XV в. (Н 1ст., Н 1мл., НК1, НК2, С1, Н4, Н5, ЛА, ЛЕП, НХ, НД, Н2 и некоторые другие), нам в том или ином виде доступны и могут быть подвергнуты систематическому изучению.

1.1.7. Новые проекты и перспективы

Последний по времени расцвет в области публикации летописных памятников, продолжающийся уже полвека, в значительной степени основан на достижениях современных медиевистов — специалистов в области истории древнерусского летописания.⁸⁵ Однако еще в 1968 г. Я. С. Лурье отметил: «Новые тома (ПСРЛ. — А. Б.) еще больше подчеркнули непоследовательность и неудобство общего плана издания. Об этом говорит хотя бы переиздание Новгородской II летописи, которая уже публиковалась когда-то в т. III ПСРЛ, а теперь вновь напечатана в т. XXX. В сущности, ПСРЛ давно перестало быть собранием, построенным по какому-либо плану, а стало своего рода периодическим изданием (без сомнения, чрезвычайно ценным), публикующим летописи».⁸⁶ Можно сказать, что изучение летописания в определенном смысле продвинулось вперед дальше, чем издание русских летописей.

Необходимость общего плана издания летописей осознавалась, конечно, начиная с самых первых опытов в этой области. Проблема, связанная с определением принципов выбора текстов для издания и их систематизацией, в последнее время приобрела особую актуальность. Совсем недавно появились переиздания ряда летописей из серии ПСРЛ (тома 1; 2; 3; 6, вып. 1; 15; 16; 19),⁸⁷ причем лишь один из томов был подготовлен вновь, а не перепечатан,⁸⁸ а также в готовящейся в Рязани (А. И. Цепковым) новой серии «Русские летописи».⁸⁹

⁸⁵ См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969; Лурье Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976; 2) Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, и др.

⁸⁶ Лурье Я. С. Изучение русского летописания. С. 17.

⁸⁷ ПСРЛ. М., 1997—2000. Т. 1—3; 6, вып. 1; 15, 16; 19.

⁸⁸ ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1.

⁸⁹ Симеоновская летопись / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 1997. 638 с. («Русские летописи». Т. 1); Воскресенская летопись [Ч. 1] / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 1998. 645 с. («Русские летописи». Т. 2). В дальнейшем А. И. Цепков переиздал вторую часть Воскресенской летописи («Русские летописи». Т. 3), Львовскую летопись («Русские летописи». Т. 4—5), Рогожский летописец и Тверскую летопись («Русские летописи». Т. 6), Ермолинскую летопись («Русские летописи». Т. 7) и Московский летописный свод конца XV в. («Русские летописи». Т. 8) (Рязань, 1998—2000).

Переиздав 1-й и 2-й тома ПСРЛ, московские публикаторы (издательство «Языки русской культуры») оказались, однако, в непростой ситуации — воспроизводить, например, 3-й том ПСРЛ, вышедший в 1841 г., совершенно бессмысленно: он ни в коей мере не отвечает современным научным требованиям. В качестве 3-го тома серии поэтому было осуществлено переиздание наоновской публикации (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950), и это совершенно оправданно с научной точки зрения, но несколько запутывает ситуацию с нумерацией томов и общим планом ПСРЛ. Что же касается рязанской серии (под ред. А. И. Цепкова), то она имеет, скорее, просветительский, а не чисто научный характер, воспроизводя с некоторыми дополнениями издания, давно ставшие библиографической редкостью.

Таким образом, на смену прежнему в общем бессистемному подходу к выбору издаваемых летописных памятников пока не пришел новый систематический план изданий. Потребность в нем ощущалась уже давно, и еще в 1936 г. такой план был сформулирован М. Д. Приселковым (опубликован С. Н. Валком в 1948 г.).⁹⁰ В том же 1948 г. свой план издания летописей, явно полемичный по отношению к плану М. Д. Приселкова, предложил другой выдающийся специалист в области исследования и публикации древнерусских летописей М. Н. Тихомиров⁹¹ (см. таблицу 1).

Таблица 1

М. Д. Приселков	М. Н. Тихомиров
I. Летописание Владимиро-Суздальское 1-я Владимиро-Суздальская летопись, 1216 г. 2-я Владимиро-Суздальская летопись, 1306 г. II. Летописание Киевской Руси Киево-Галицко-Волынская летопись кон. XIII в. III. Летописание Великого Новгорода 1-я Новгородская летопись, 1377 г. 2-я Новгородская летопись, 1446 г. 3-я Новгородская летопись, 1448 г. 4-я Новгородская летопись, 60-е гг. XV в. 5-я Новгородская летопись, 60-е гг. XV в. 6-я Новгородская летопись, кон. XV в. 7-я Новгородская летопись, XVI в.	I. Древнейшие русские летописи (Киевское государство) - Новгородская Синодальная летопись - Новгородская I летопись младшего извода - Лаврентьевская летопись - Ипатьевская летопись - Летописец Переяславля-Суздальского Фототипические издания Новгородской Синодальной, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. II. Русские летописи времен феодальной раздробленности XIII—XV вв. - Новгородские летописи (летописец Павла, летописец Авраамки)

⁹⁰ Валк С. Н. Советская археография. С. 139—141.

⁹¹ См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 342—354.

Таблица 1 (продолжение)

М. Д. Приселков	М. Н. Тихомиров
8. 8-я Новгородская летопись, кон. XVI в. 9. 9-я Новгородская летопись, XVII в.	2. Тверские летописи (Рогожский летописец и Тверская летопись) 3. Псковские летописи 4. Ермолинская летопись (Ростовский свод) 5. Летописные записи и краткие летописцы
IV. Летописание Пскова	III. Общерусские летописные своды XV в.
1. 1-я Псковская летопись, сер. XV в. 2. 2-я Псковская летопись, кон. XV в. 3. 3-я Псковская летопись, XVII в.	1. Софийская 1 летопись 2. Новгородская 4 летопись 3. Новгородская 5 летопись 4. Московский свод конца XV в. 5. Симеоновская летопись
V. Летописание Твери	IV. Летописные своды XVI в.
1. 1-я Тверская летопись, XV в. 2. 2-я Тверская летопись, XVI в.	1. Софийская 2 летопись 2. Воскресенская летопись 3. Львовская летопись 4. Вологодско-Пермская летопись 5. Симеоновская летопись 6. Степенная книга 7. Хронографы 8. Казанский летописец 9. Новгородская 2 летопись 10. Местные летописи (Архангелогородская и др.)
VI. Летописание Ростова-Суздальского	V. Летописи XVII в.
1. 1-я Ростовская летопись, нач. XV в. 2. 2-я Ростовская летопись, кон. XV в. 3. 3-я Ростовская летопись, кон. XV в.	1. Новый летописец и Летопись о многих мятежах 2. Латухинская Степенная книга 3. Сибирские летописи 4. «Летописец новгородским церквам» 5. Морозовский летописец 6. Временник Русския земли 7. Сокращенный Русский временник 8. Местные летописи (Двинская, Вятская и др.) 9. Краткие летописи
VII. Московские летописи	VI. Украинские летописи XVI—XVII вв.
1. 1-я Московская летопись, 1422 г. 2. 2-я Московская летопись, 1456 г. 3. 3-я Московская летопись, 1472 г. 4. 4-я Московская летопись, 1480 г. 5. 5-я Московская летопись, 1494 г. 6. 6-я Московская летопись, 1509 г. 7. 7-я Московская летопись, нач. XVI в. 8. 8-я Московская летопись, 1518 г. 9. 9-я Московская летопись, 1520 г. 10. 10-я Московская летопись, 30-е гг. XVI в. 11. 11-я Московская летопись, 30-е гг. XVI в. 12. 12-я Московская летопись, 40-е гг. XVI в. 13. 13-я Московская летопись, 60-е гг. XVI в. 14. 14-я Московская летопись, 70-е гг. XVI в.	VII. Белорусские летописи XVI—XVII вв.
VIII. Хронографы	
1. Хронограф XVI в. 2. Выборка русских статей из Хронографа XVII в.	
IX. Степенная книга, сер. XVI в.	
X. Краткие летописи Разные, подлежат выявлению.	
XI. Летописные записи Разные, подлежат выявлению.	
XII. Московские летописи XVII в.	
XIII. Местные летописи	

Как известно, ни тот, ни другой план не были реализованы и оказались практически забыты, однако, рассуждая о принципах издания древнерусских летописей и о проблемах, связанных с выбором текста, мы должны вернуться к рассмотрению предложений этих исследователей. Главное бросающееся в глаза отличие плана М. Д. Приселкова от плана М. Н. Тихомирова заключается в том, что первый предлагает полный пересмотр традиционных принципов издания летописей, включая их тотальное переименование.

Действительно, как уже не раз отмечалось, многие названия летописных памятников возникли под влиянием случайных обстоятельств и могут порой только запутывать исследователей. В тех случаях, когда летопись называют по последним встречающимся в ней датам «сводом такого-то года», возникает вероятность отнесения одного и того же названия к разным памятникам. Как отметил Д. С. Лихачев, «конец XV и начало XVI в. „забиты” в истории летописания огромным количеством сводов с датами, и эти даты начинают уже повторяться, создавая путаницу (так, например, в научный обиход за последнее время введено два различных свода — оба называемые сводом 1518 г. и два различных свода 1484 г.)».⁹²

Таким образом, вопрос о систематизации и приведении в порядок самих наименований летописных памятников действительно стоит на повестке дня, однако анализ предложенного М. Д. Приселковым проекта позволяет увидеть и его слабые стороны. Очевидно, что, хотя этот проект действительно основан на достижениях в изучении истории летописания А. А. Шахматова и его последователей, однако гипотетичность целого ряда реконструируемых этапов летописания не позволяет жестко закрепить предварительные выводы путем переименования всех памятников. Конечно, «такое переименование можно было бы считать относительно целесообразным только в том случае, если бы изучение истории летописания могло бы считаться полностью законченным и открытие новых летописей исключенным».⁹³

Теоретические возражения М. Н. Тихомирова против плана М. Д. Приселкова, по его словам, «сводятся к признанию невозможности классифицировать летописи по областному признаку, так как важнейшие летописные тексты принадлежат к числу не областных, а общерусских памятников».⁹⁴ Другие возражения М. Н. Тихомирова заключаются в том, что М. Д. Приселков ставит вровень древнейшие и

⁹² Лихачев Д. С. Текстология... С. 370.

⁹³ Там же. С. 371.

⁹⁴ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 345.

важнейшие летописи и летописцы XVI—XVII вв., имеющие второстепенное значение, а также то, что, согласно этому плану, пришлось бы переиздавать громадное число уже опубликованных летописей, а «ведь издание летописей в первую очередь преследует исторические цели, а не изучение истории летописания», — замечает М. Н. Тихомиров.

Эти возражения не представляются вполне убедительными. Во-первых, сама задача полного издания летописей подразумевает публикацию как древнейших и важнейших памятников, так и поздних и второстепенных, порой не столь существенных для исторической науки. Во-вторых, предложенный М. Н. Тихомировым план также не позволяет полностью уйти от осуждаемой им «областнической» схемы, но в тех случаях, когда он отклоняется от нее, в нем возникают противоречия. Так, например, у М. Н. Тихомирова Н 1мл. отнесена к числу древнейших русских летописей эпохи Киевского государства, в то время как уже в работах А. А. Шахматова было доказано, что эта летопись сложилась в первой половине XV в. В разных разделах плана М. Н. Тихомирова оказались ближайшие «текстологические родственники» — Новгородская пятая летопись и Летопись Авраамки. Думается, что наличие «общерусской компоненты» в Новгородской четвертой и пятой летописях не препятствует их отнесению в раздел «Летописание Великого Новгорода», а лишь свидетельствует о многообразии и богатстве новгородского летописания. Совершенно ясно, почему так получилось у М. Н. Тихомирова: нужно было разбить единый раздел в плане М. Д. Приселкова — «Летописание Великого Новгорода».

Этот раздел заслуживает в контексте нашего исследования особого внимания. М. Д. Приселков выделил 9 новгородских летописей:

«1. 1-я Новгородская летопись, 1377 г. (Синодальный харатейный список);

2. 2-я Новгородская летопись, 1446 г.:

- а) Комиссионный сп.,
- б) Академический сп.,
- в) Толстовский сп.;
- в приложении — Троицкий сп.;

3. 3-я Новгородская летопись, 1448 г.:

- а) Строевский сп.,
- б) Синодальный сп.,
- в) Фроловский сп.,
- г) Академический сп.,
- д) Голицынский сп.,
- е) Новороссийский сп.,
- ж) Толстовский сп.,
- з) Барсовский сп.;

4. 4-я Новгородская летопись, 60-е гг. XV в.
 - а) Хронографический сп. Синод. библи. № 280,
 - б) Погодинский № 1402;
5. 5-я Новгородская летопись, 60-е гг. XV в.
(Летописец епископа Павла);
6. 6-я Новгородская летопись, кон. XV в.
(Летопись Авраамки);
7. 7-я Новгородская летопись, XVI в.:
 - а) Сп. Дубровского,
 - б) новгородские статьи Ростовской летописи;
8. 8-я Новгородская летопись, кон. XVI в.
(бывшая 2-я Новгородская летопись);
9. 9-я Новгородская летопись, XVII в.
(бывшая 3-я Новгородская летопись)».⁹⁵

Конечно, за прошедшие полвека изучение летописей продвинулось вперед, и многие конкретные положения плана М. Д. Приселкова могут и должны быть пересмотрены, но проблема «создания „систематики” летописных текстов»⁹⁶ и выработки единого проекта издания всего корпуса летописных текстов по-прежнему остается одной из важнейших. Во многих датировках и прочих деталях начертанный М. Д. Приселковым проект требует уточнений, но сам подход представляется исключительно плодотворным. Можно согласиться с мнением С. Н. Валка, что дальнейшее обсуждение плана Приселкова «привело бы к крупнейшей положительной работе в области создания систематического и стоящего вполне на уровне современной науки издания богатейшего летописного достояния русской письменности».⁹⁷

Другой существенный вопрос, относящийся к изданию новгородских летописей и непосредственно связанных с ними памятников, заключается в том, какие из них остаются до сих пор не изданными или же были опубликованы неудовлетворительно и требуют переиздания. Во-первых, могут быть доведены до конца незавершенные издания начала XX в. в серии ПСРЛ — Н5 и С1, с одновременным переизданием уже опубликованных выпусков. Полностью подготовлена к изданию, но пока не увидела свет Новгородская Карамзинская летопись, состоящая из двух подборок летописных известий, сложившихся, по всей вероятности, в первой половине XV в.⁹⁸ Так называемая Новгородская

⁹⁵ Валк С. Н. Советская археография. С. 140.

⁹⁶ Лихачев Д. С. Текстология... С. 371.

⁹⁷ Валк С. Н. Советская археография. С. 139.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 40: Новгородская Карамзинская летопись / Ред. тома Я. С. Лурье; Текст подгот. А. Г. Бобров и З. В. Дмитриева. 250 с. (в печати).

летопись Дубровского (или Н4 по списку Дубровского), содержащая Новгородский свод 1539 г. (Свод Макария), в части до 1447 г. издавалась только в вариантах к Строевскому списку Н4; кроме того, сейчас известен второй список этой летописи (ГИМ, Музейское собр.). Что касается новгородских летописей XVII в., то Новгородская Забелинская летопись была издана М. Н. Тихомировым только в своей заключительной части, а Новгородская Погодинская летопись не издавалась вообще. Новгородская Уваровская и Новгородская третья летописи издавались давно и далеко не лучшим образом.

Таким образом, перед издателями летописей (в частности, новгородских) стоят до сих пор еще обширные задачи, и вопрос о том, по каким принципам и по какому плану будут издаваться и переиздаваться летописные памятники, является далеко не праздным, требующим обсуждения и тщательного анализа.

1.2. ИССЛЕДОВАНИЯ

1.2.1. Новгородские летописи в трудах историков XVIII—начала XIX в.

Среди использованных при написании «Истории Российской» летописей в распоряжении В. Н. Татищева была и новгородская. Об этом летописце историк в «Предъизвещении» к своему труду написал: «Он весьма ветх, взят у одного раскольника в лесу и отдан мною в Библиотеку Академии наук».⁹⁹ Одна подробность, которую сообщил В. Н. Татищев об особенностях самого списка, позволяет исследователям без труда отождествить его с Академическим списком Н 1мл. (современный шифр — БАН, 17.8.36 (Осн.153)): «...писатель в 1230-м году о себе тако сказует: „Погребен бысть игумен и мне, Иоанну попу, бывшу при томъ”»¹⁰⁰ (ср. в указанном списке: «...погребень бысть игуменомъ (...) и мнѣ, грѣшному Иоанну попови...»¹⁰¹). Такой текст читается только в Академическом списке (и в копии с него 50-х гг. XVIII в. — Толстовском списке: РНБ, ОСПК, F.IV.223), в то время как в Н 1ст. здесь читается: «...погрѣбень бысть игуменомъ (...) и мнѣ, грѣшному Тимофѣю понамарю...».¹⁰² Именно эта особенность Акаде-

⁹⁹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 124.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ НПЛ. С. 278 (примеч. 61).

¹⁰² Там же. С. 70.

мического списка побудила В. Н. Татищева называть его «летописцем попа Иоанна».¹⁰³ Другая отмеченная историком характерная черта имевшегося у него списка — заглавие («А надписание его: „Временник, иже наречется летописание русских князей и земля руская”»¹⁰⁴). В дошедшем до наших дней Академическом списке многие листы, в том числе начальные, утрачены, но Толстовский список позволяет предположительно восстановить существовавшее еще в первой половине XVIII в. чтение: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание князеи князь (sic!) и земля руския».¹⁰⁵ Наконец, В. Н. Татищев привел некоторые свои палеографические наблюдения: «...в окончании письмо новейшее, лет более ста прибавлено и внизу подписан тако: „Написася книга сия 6952 (1444) году”».¹⁰⁶ Указание на разновременное происхождение частей летописи является ошибочным, что же касается точной даты, ее нет ни в Академическом списке (из-за утраты листов), ни в Толстовском, где, однако, текст доведен до заключительной статьи 6952 (1444) г. Данные филиграней самого Академического списка позволяют датировать его 40-ми гг. XV в. (см. об этом далее, раздел 2.1.2), поэтому весьма вероятно, что действительно запись с точной датой 6952 г. имела в конце рукописи, но переписчик Толстовского списка, завершив копирование собственно летописного текста, посчитал свою задачу выполненной и не перенес эту запись в свой манускрипт. В. Н. Татищев привел в своей «Истории» и общую характеристику новгородского летописца: «В нем хотя многие обстоятельства, что до Малой и Белой Руси принадлежит, выкинуты и сокращены и самое начало переменено, но в нем паки что до Великой Руси или Новгорода принадлежит, то пространнее протчих писано. В нем же единственно закон Ярославов («Правда Русская». — А. Б.) точно находится».¹⁰⁷ Итак, одним из источников новгородских известий для историка несомненно являлся Академический список Н 1мл.

В распоряжении В. Н. Татищева была, однако, еще одна новгородская летопись XV в., с которой все далеко не так ясно, как с Н 1мл. М. Н. Тихомиров уже отмечал, что в «Предъизвесчении» В. Н. Татищев не называет Ростовскую летопись, неоднократно упоминаемую в примечаниях как один из важнейших источников, использованных при написании «Истории Российской». По мнению М. Н. Тихомирова, эта

¹⁰³ Там же. С. 9; *Татищев В. Н. История Российская*. Т. 1. С. 451.

¹⁰⁴ *Татищев В. Н. История Российская*. Т. 1. С. 124.

¹⁰⁵ НПЛ С. 103 (Примеч. а—а).

¹⁰⁶ *Татищев В. Н. История Российская*. Т. 1. С. 124.

¹⁰⁷ Там же.

летопись (названная так потому, что принадлежала она Ростовскому Богоявленскому Авраамиеву монастырю), «судя по выпискам, сделанным Татищевым, (...) примыкала к числу Новгородских».¹⁰⁸ О том, что в распоряжении историка имелась летопись типа Н4 или Н5, свидетельствует использование им таких характерных только для этих летописей известий, как сообщения о росписи церкви в Лисицком монастыре — 6911 (1403) г. и о преставлении Наума, лирошанина святой Софии — 6924 (1416) г.¹⁰⁹ Вопрос о новгородских летописях XV в., использованных В. Н. Татищевым, требует, конечно, дальнейшего изучения.

Другой выдающийся историк XVIII в. — М. М. Щербатов — при работе над «Историей Российской от древнейших времен»¹¹⁰ пользовался летописью из Типографской библиотеки № 46 (это Синодальный список Н4: ГИМ, Синодальное собр., № 152/46), которая была описана им следующим образом: «Летописец от начала прозвания Русской земли от лета 6360 (852) и князей их от лета 6370 (862) до лета 6985 (1477), а сей летописец писал Катавасья Юрьев сын лета 7052 (1544) Троицы Сергиева монастыря». Историк ошибочно полагал, что Катавасья Юрьев, живший в середине XVI в., — не переписчик, а непосредственно составитель этой летописи.

Богатейший летописный материал был привлечен Н. М. Карамзиным для его «Истории государства Российского».¹¹¹ До недавнего времени вопрос о том, какие именно летописные источники использовал историограф, был в нашей научной литературе еще совершенно не изучен, и лишь недавно в «Комментированном списке источников и литературы, использованных Н. М. Карамзиным в „Примечаниях”»¹¹² были отмечены следующие новгородские летописные источники:

1) «Новгородская летопись, наполненная многими баснями. — Не отождествлено. Речь идет, по всей видимости, о списке какой-то позд-

¹⁰⁸ Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 49.

¹⁰⁹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 299, 306.

¹¹⁰ [Щербатов М. М.] История Российская от древнейших времен / Сочинена князь Михайлом Щербатовым. СПб., 1770—1791. Т. 1—7.

¹¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816—1829. Т. 1—12.

¹¹² Афанасьева М. И., Афиани В. Ю., Козлов В. П., Космолинская Г. А. Комментированный список источников и литературы, использованных Н. М. Карамзиным в «Примечаниях» // Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 333—341; М., 1991. Т. 2—3. С. 660—677; М., 1992. Т. 4. С. 345—358; М., 1993. Т. 5. С. 406—420.

ней Новгородской летописи XVII в., с легендарным сказанием о Слове-не и Русе...».¹¹³

2) «Новгородский летописец по 1717 год, хранящийся в Архиве Иностранной Коллегии (Новгородский летописец, письменный) = РГАДА. Ф. 181. Д. 9/9. Новгородская летопись в сборнике XVIII в.».¹¹⁴ Эту же летопись Н. М. Карамзин называет «Архивною Новгородскою летописью № 1».¹¹⁵

3) «Псковская летопись в Синодальной библиотеке № 349 (Летопись Синодальной библиотеки № 349; Псковская Синодальная летопись XV или XVI века, которая хранится в Патриаршей библиотеке под № 349) = ГИМ. Синод. № 154. Летописный сборник, содержащий извлечения из Свода 1448 г., Новгородскую летопись типа „Летописи Авраамки” и Псковскую вторую летопись».¹¹⁶ В дальнейшем Н. М. Карамзин называет эту летопись также «Кирилловская летопись XV века», «Краткая летопись в Синодальной библиотеке».¹¹⁷

4) «Хрущовский список летописи. — Неизвестен. Сведения о нем Карамзин приводит по „Истории” В. Н. Татищева. В ней сказано, что А. Ф. Хрущов (1691—1740) сообщил Татищеву выписки, сделанные в Новгороде „из древняго летописца”, „писано было древним наречием” (см.: *Попов Н. А.* Татищев и его время. М., 1861. С. 463)».¹¹⁸

5) «Летопись библиотеки Синодальной № 46, в лист = ГИМ. Синод. № 152. Синодальный список XVI в. Новгородской четвертой летописи».¹¹⁹

6) «Голицынская Новгородская летопись = РНБ. О.IV.178. Новгородская четвертая летопись».¹²⁰

Приведенные авторами данные ошибочны: на самом деле Голицынский список Н4 имеет шифр РНБ, ОСРК, Q.XVII.62.

7) «Летопись Голицынская (...) получена мною от графа Ф. А. Толстого. Она писана полууставом, в лист, при Царе Алексии Михайловиче = РНБ, F.IV.603. Сборник XVI—XVII вв., содержащий Псковскую летопись (так называемый «Карамзинский» или «Толстов-

¹¹³ Там же. Т. 1. С. 338.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. Т. 4. С. 353.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. Т. 2—3. С. 665; Т. 4. С. 352; Т. 5. С. 416.

¹¹⁸ Там же. Т. 1. С. 341; Т. 2—3. С. 676—677.

¹¹⁹ Там же. Т. 2—3. С. 667; Т. 4. С. 353.

¹²⁰ Там же. Т. 5. С. 407.

ский» список) и ряд других источников. Остался в коллекции Карамзина и был передан его наследниками в имп. Публичную библиотеку». ¹²¹

Как отождествление рукописи, так и ее датировка в «Комментированном списке...» ошибочны. Дело в том, что у Н. М. Карамзина про эту «Голицынскую» летопись говорится следующее: «В ней сказано, л. 215: „в лето 6897 вывели из Немец арматы на Русь и огненную стрельбу, и от того часу уразумели из них стреляти“. За сим следует описание нашествия Тамерланова и чудо Богоматерина образа в 1395 году». ¹²² Ничего подобного в списке РНБ, ОСПК, F.IV.603, который датируется концом XV—началом XVI в., нет (см. подробнее Главу 3).

8) «Новгородская пятая летопись из собственного собрания» = РНБ, Q.XVII.151. ¹²³

9) «Синодальная Новгородская летопись № 347 (= ГИМ. Синод. № 466)». ¹²⁴

10) «Новгородская рукописная летопись (Современный Летописец Новгородский) = РГАДА. Ф. 181. Д. 62/85. Новгородская летопись по списку, подаренному в МАКИД А. Ф. Малиновским в 1811 г. Копию с него, изготовленную для Н. М. Карамзина, см. РНБ, Q.IV.213». ¹²⁵ Современное название летописи — Н2.

Имеются также свидетельства, что в руках историографа находился сборник, содержащий «Слово о полку Игореве». Как было установлено Д. С. Лихачевым, в этом сборнике содержался и список Н 1мл. ¹²⁶ Кроме того, Н. М. Карамзин использовал опубликованные к тому времени Н 1ст., Н 1мл. (по Академическому списку) и С1, причем первые два издания сравнивал с рукописными оригиналами. ¹²⁷

Как ясно из приведенных данных, вопрос об использовании в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзиным новгородских летописей еще не прояснен окончательно и требует дальнейших изысканий. В то же время уже из этих материалов видно, что историографу были известны не только все основные новгородские летописи, но и не дошедшие до наших дней памятники.

¹²¹ Там же. С. 412.

¹²² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 271 (примеч. 136).

¹²³ Афанасьева М. И., Афиани В. Ю., Козлов В. П., Космолинская Г. А. Комментированный список... Т. 4. С. 353.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. Т. 1. С. 350—351; Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со *Словом о полку Игореве* // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 139—141.

¹²⁷ Афанасьева М. И., Афиани В. Ю., Козлов В. П., Космолинская Г. А. Комментированный список... Т. 1. С. 347—348, 351; Т. 2—3. С. 668, 676; Т. 5. С. 413.

1.2.2. Новгородское летописание в исследованиях XIX в.

На материалах новгородских летописей в значительной степени была основана книга К. Ф. Калайдовича «Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских...»,¹²⁸ в которой перечислены использованные летописи, изданные и рукописные.¹²⁹ Некоторым летописям автором даны названия. Так, например, названы: Синодальный список Н1 — Новгородской 1-й летописью; Академический список Н1мл — Новгородской 2-й; Н3, кончающаяся временем Алексея Михайловича, из собрания Н. П. Румянцева — Новгородской 3-й.

В 1828 г. вышла книга Н. Н. Муравьева «Исторические исследования о древностях Новагорода...»,¹³⁰ состоящая из двух самостоятельных частей. Если первая из них посвящена изучению «древней Новгородской серебряной гривны и ее рублей» (с. 1—22 указанного издания), то вторая из них (с. 23—54) называется «Извлечения из Новгородского летописца от 989 по 1477 год, с примечаниями и картой мест на 18 верст вокруг Новагорода, объясняющими древнее положение, величину и население Новагорода, гражданский, торговый и военный его распорядок и обычаи и степень образования его жителей» (с. 23). Небольшая вступительная статья Н. Н. Муравьева о Новгороде составлена по материалам новгородских летописей (с. 23—26); далее им опубликованы отрывки из Новгородского летописца с подстрочными примечаниями (с. 27—54). Как показывает сопоставление текстов, Н. Н. Муравьев вплоть до 1439 г. использовал текст Академического списка Н1мл. (в издании 1786 г.) и дополнил его рядом известий (1386, 1403, 1435, 1476 гг.), позаимствовав их из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (с. 46, 49, 53, 54).

Описание и характеристика «Летописца новгородского, начинающегося от 946 и продолжающегося до 1441 года» (т. е. Академического списка Н1мл.) были даны В. М. Перевощиковым в книге «О русских летописях и летописателях по 1240 год».¹³¹

¹²⁸ [Калайдович К. Ф.] Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: Из древних русских летописей. М., 1821. 10, 310 с.

¹²⁹ Там же. С. 56—58: «О пособиях для истории посадников».

¹³⁰ Муравьев Н. Н. Исторические исследования о древностях Новагорода, касающиеся: 1) его монет серебряных: гривен и полугривен или рублей; 2) его местности, величины, населения и окольностей; 3) его укреплений, строений, нравов жителей и свойства управления. С четырьмя отдельными рисунками оных гривен и рублей; с планом и описанием древнего Новагорода; с подробно топографическою картою окольностей Новагорода. СПб., 1828. 55 с.

¹³¹ Перевощиков В. М. О русских летописях и летописателях по 1240 год. Материалы для истории российской словесности. СПб.: типогр. Российской Академии, 1836. 5. 59 с.

В 1852 г. вышел в свет труд П. Лавровского «О языке северных русских летописей» (имеются в виду московские, псковские и в особенности новгородские летописи).¹³² В этом исследовании П. Лавровский отметил, что особое значение для истории древнерусского языка имеет Синодальный список Н1, который, по его мнению, «не представляется писанным одним лицом и в одно время». Автор выделяет два почерка XIII в. (повествование до 1200 г. — почерк начала XIII в. и повествование до 1234 г. — почерк «не позже первой половины» XIII в.); третий почерк относится к 30—40-м гг. XIV в. Для работы П. Лавровского характерно достаточно пренебрежительное отношение к сравнительно поздним источникам: «Относительно двух других списков первой Новгородской летописи, Академическом и Толстовском (...) можно сказать то же, что и об остальных летописях Новгородских, второй, третьей и четвертой, т. е. что все они, будучи переписаны не ранее XV столетия, представляют совершенную испорченность древнего языка».¹³³ Этот подход отразился и в выводах («положениях»), сформулированных в конце исследования: «Из знакомства с характеристическими чертами древнего языка русского следует: а) что Синодальный список первой Новгородской летописи может служить, между остальными обнародованными русскими летописями, лучшим образцом для древнего языка отечественного, как сохранивший все свойства его в полноте и со всею правильностью, с соблюдением вместе и местных оттенков наречия Новгородского; б) что только с забвением древних форм, с заменою их новыми стала прокрадываться в рассказ летописный искусственность, вследствие чего язык летописный потерял прежнюю свою краткость и простоту, сделавшись языком тяжелым, натянутым».¹³⁴

В исследовании Д. Прозоровского «Кто был первым писателем первой Новгородской летописи?»¹³⁵ анализируются две летописи: летопись из Синодального собрания, изданная в 1781 г. (Синодальный список Н1ст.), и летопись, принадлежавшая В. Н. Татищеву и изданная в 1786 г. в «Продолжении Древней российской вивлиофики» (Академический список Н1мл.). Делается вывод, что это — две разные летописи. Вторая летопись — не список с первой, а компиляция, составленная, по мнению автора, в конце XV или начале XVI в. Высказывается

¹³² Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852. 162 с.

¹³³ Там же. С. 156.

¹³⁴ Там же. С. 162.

¹³⁵ Прозоровский Д. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // ЖМНП. 1852. Ч. 75, № 7, отд. 2. С. 1—28.

предположение, что автором второй летописи был какой-то новгородский священник Иоанн, живший в конце XV—начале XVI в. Летопись же по Синодальному списку была составлена в XIII в. Первым ее составителем был Герман Воята, кончивший ее в 6695 (1188) г., затем она была переписана и продолжена, а одним из ее продолжателей был пономарь Тимофей.

В «Исследованиях о летописях новгородских» на основании сравнения Н 1ст. с другими новгородскими летописями и с «Повестью временных лет» И. И. Срезневский предположил, что погодные летописные записи велись в Новгороде еще в X в.¹³⁶ Отмечая деловой и «неукрашенный» стиль раннего новгородского летописания, исследователь замечает: «Только с XV в. начинается и в Новгороде этот обычай освещать летопись искрами ума, чувства и знания».¹³⁷ Эта статья И. И. Срезневского вместе со статьей «Чтения о древних русских летописях» была позднее издана одной книгой: «Статьи о древних русских летописях (1853—1866)».¹³⁸

Особенности северного летописания XIII—XV вв. (в отличие от южного), а также отдельно новгородское и псковское летописание рассматриваются в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева.¹³⁹ Исследователь особо остановился на приметах современного излагаемым событиям ведения новгородских летописей: «Под 1399 годом выказывается летописец-современник, принимавший теплое участие в церкви Покрова на Зверинце»; автор известия Н4 1384 г. живет на Софийской стороне («звонища вече на Ярославли дворе по две недели, а здесь, на сей стороне, три князи другое вече ставиша»); «под 1418 годом опять виден летописец-современник описанного события».¹⁴⁰ По поводу Н4 С. М. Соловьев заметил, что она есть «довольно полный сборник разных летописей, в том числе и Новгородской (...) Под 1352 годом встречаем мы летописца псковского, распространяющегося о моровой язве в его городе; под 1371 годом встречаем летописца московского, который, рассказывая о сражении москвичей с ря-

¹³⁶ Срезневский И. И. Исследования о летописях Новгородских // ИОРЯС. СПб., 1853. Т. 2. Л. 1, 2, стб. 18—27; л. 31, стб. 70—78.

¹³⁷ Там же. Л. 31, стб. 77—78.

¹³⁸ Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853—1866). СПб., 1903. 131 с.

¹³⁹ Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1854. Т. 4. С. 371—384; современное изд.: Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3—4. С. 711—722.

¹⁴⁰ Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3—4. С. 719.

занцами, называет первых *нашими*».¹⁴¹ «Сшивки из разных летописей», по мнению историка, засвидетельствованы случаями, когда два раза рассказано об одном и том же событии: под 1386 г. (о походе смоленских князей под Мстиславль) и под 1404 г. (о взятии Витовтом Смоленска).¹⁴² Рассуждение летописца (Н4, 1402 г.) о знамениях на небесах и о междоусобных бранях С. М. Соловьев связал с общими эсхатологическими настроениями конца XIV—начала XV в., и в частности с тем, что архиепископ Новгородский Иоанн в 1397 г. «уговаривал новгородцев помириться с псковичами, представляя им, что уже приходит последнее время».¹⁴³

В изданном в 1856 г. «Обзоре русской духовной литературы. 862—1720» его автор, харьковский епископ Филарет, упоминает целый ряд новгородских летописей и летописцев.¹⁴⁴ Это исследование несколько раз переиздавалось¹⁴⁵ и в наиболее полном варианте, с поправками и дополнениями автора, было выпущено в свет в 1884 г. Филарет считает, что Тимофей, пономарь церкви св. Иакова в Новгороде, был составителем части Н1 от Предисловия к Временнику до 1230 г. Исследователь заметил, что «если летописец начинает повесть с Михаила царя, то и оканчивает ее, конечно, царем Исаакием, а не посадниками, как, напротив, предполагал г. Строев».¹⁴⁶ Упомянутого в Предисловии Исаакия он отождествил с Исаакием Ангелом (1185—1204). Филарет пишет также об авторстве несохранившейся летописи дьякона Геронтия (Новгородского Лисицкого летописца), причем полагает, что «в свое время славился он полнотой и оканчивался 1450 г.»;¹⁴⁷ о Н4, «оканчивающейся 1496 г.» и «составленной при архиепископе Геннадии»;¹⁴⁸ о Катавасье Юрьеве, который «сочинил» «Летопись, от начала прозванья Русския земли до 1544 г.»;¹⁴⁹ о Н2, составленной, по его мнению, около 1588 г. (события в ней описаны с 911 по 1335 г. по Н1, с 1334 по

¹⁴¹ Там же. С. 719—720.

¹⁴² Там же. С. 720.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ *Филарет, епископ Харьковский*. Обзор русской духовной литературы. 862—1720 // Учен. записки Второго отд-ния имп. Академии наук. СПб., 1856. Кн. 3. Отд. 2. С. 1—300.

¹⁴⁵ *Филарет, епископ Харьковский*. Обзор русской духовной литературы. 862—1720. СПб., 1857. 300 с.; *Филарет, епископ Харьковский*. Обзор русской духовной литературы. 862—1720. Харьков, 1859. 448 с.; *Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский*. Обзор русской духовной литературы. 862—1863. 3-е изд., поправл. и доп. СПб., 1884. Кн. 1: 862—1720. 511 с. (далее цитируется по последнему изданию).

¹⁴⁶ Там же. С. 44—45.

¹⁴⁷ Там же. С. 115—116.

¹⁴⁸ Там же. С. 121.

¹⁴⁹ Там же. С. 142.

1450 г. — по Лисицкому летописцу, а XVI в. — оригинальное сочинение).¹⁵⁰

В 1857 г. была опубликована статья М. П. Погодина, содержащая критику издания Н1 в серии «Полное собрание русских летописей», подготовленного Я. И. Березниковым.¹⁵¹ В статье подробно рассмотрены особенности списков этой летописи, проведено сопоставление их между собой.

В 1860 г. был опубликован «Обзор русских летописей в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом» Н. Я. Аристов, ¹⁵² где дана характеристика и рассмотрены местные особенности целого ряда новгородских летописей. По поводу Н1 исследователь заметил, что «с 1110 года летопись наполнена повествованием почти исключительно о делах новгородских».¹⁵³ Характеризуя Н2, автор указал, что она «до исхода XV столетия, большею частию повторяет известия, помещенные в первой новгородской летописи»,¹⁵⁴ но в то же время ее составитель имел под руками многие неизвестные теперь списки новгородских монастырских летописей. По поводу Н3 Н. Я. Аристов заметил, что для нее характерны ссылки на использованные источники и что повествование в ней «обнимает происшествия самые поздние, каких не касалась ни одна летопись; она оканчивается 1616 годом».¹⁵⁵ Без какой-либо аргументации исследователь предположил, что «Роспись, или Краткий летописец новгородских владык» составлена «по летописцу лисицкого монастыря, о котором говорится в Н2».¹⁵⁶ Особый раздел исследования Н. Я. Аристов посвятил «летописным сборникам», к которым он отнес Н4 и С1. Указание на сводный характер этих летописей позволило автору избежать ответа на вопрос об их происхождении: Н4 «составлена из различных местных летописей и содержит известия о событиях новгородских, московских, псковских, литовских и пр. (...)

¹⁵⁰ Там же. С. 158.

¹⁵¹ *Погодин М. П.* Новгородские летописи // ИОРЯС. СПб., 1857. Т. 6, вып. 3. Л. 13—16. Отд. Исторические чтения о языке и словесности. Стб. 209—233.

¹⁵² [*Аристов Н. Я.*] Обзор русских летописей в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1860. Ч. 1, апрель. С. 385—440; Ч. 2, май. С. 46—74; июнь, с. 177—201.

¹⁵³ Там же. Ч. 2. С. 59—60.

¹⁵⁴ Там же. С. 63.

¹⁵⁵ Там же. С. 73.

¹⁵⁶ Там же. С. 73—74.

При таком способе выбора материалов у летописца нет определенного взгляда; он заносил вместе с известиями различные мнения и взгляды современников. Поэтому, при чтении сборника, то слышен голос в защиту великого князя московского, то в пользу Новгорода и Пскова.¹⁵⁷

В труде Н. Н. Яниша «Новгородская летопись и ее московские переделки»¹⁵⁸ Синодальный список Н1 рассматривается как единственный, отразивший подлинное летописание Великого Новгорода до его присоединения к Москве. Все другие списки новгородских летописей исследователь считает переписанными уже после 1478 г. и подвергшимся московской редактуре. В начале Синодального списка Н1, полагает Н. Н. Яниш, читался текст, отличный от того, который мы видим в Академическом списке Н1мл., сознательно уничтоженный противниками новгородской самостоятельности. Исследователь предположил, что уничтожение летописей после падения Новгорода имело массовый характер. Так, например, в Лисицком летописце 1450 г. (о котором упоминает Н2), по мнению Н. Н. Яниша, начальная часть (до 1016 г.) была, как и у Синодального списка, вырвана с целью уничтожения всех следов новгородской самобытности.¹⁵⁹ В исследовании особенно подробно проанализирован «Софийский временник» (под которым автор понимает С1). На основании сопоставления этого памятника с Н1ст. Н. Н. Яниш доказывает, что, судя по характеру редакционной правки, здесь «видна Московская рука».¹⁶⁰ По мнению автора, Н4 также является не новгородской летописью («Подробное сличение этой последней с подлинно Новгородскою я считаю излишним»)¹⁶¹ Исследователь пришел к выводу, что подлинные новгородские летописи были использованы при создании «Софийского временника» и после этого уничтожены («Сохранившиеся до нашего времени обезглавленные списки, отрывки и клочки Новгородских летописей принадлежат, большей частью (или, выражаясь точнее, за единым исключением списка Синодального) поре сравнительно поздней, так как они возникли после покорения Новгорода Великим Князем Иваном Васильевичем»; «Московские гонения против Новгородских летописей начались еще при Иване III, после покорения Новгорода, или вернее после составления

¹⁵⁷ Там же. С. 196—197.

¹⁵⁸ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки // ЧОИДР. 1874. Кн. 2, отд. 1. С. 1—96 (то же: Отд. изд. М., 1874. 96 с.).

¹⁵⁹ Там же. С. 44—46.

¹⁶⁰ Там же. С. 53.

¹⁶¹ Там же. С. 80—81.

правительственной, Новгородско-Московской летописи „Софийского временника”)).¹⁶²

В 1884 г. была опубликована работа И. П. Сенигова «О первоначальной летописи Великого Новгорода», в которой автор приходит к выводу, что до принятия христианства в Новгороде летописания не велось.¹⁶³ Это исследование, как и позже опубликованная статья «О древнейшем летописном своде Великого Новгорода»,¹⁶⁴ было включено в книгу «Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева».¹⁶⁵ В последней рассматриваются вопросы, связанные с восстановлением древнейшего Новгородского свода; списки Н1; источники Новгородского летописного свода, отношение его к «Повести временных лет»; сопоставление реконструируемого «Софийского временника» с текстами дошедших до нас летописей: С1, Воскресенской и Тверской. Кроме того, опубликовано предисловие «Софийского временника» и тексты известий, не вошедших в состав «Повести временных лет», но имеющих в С1, Воскресенской и Тверской летописях. Под «Софийским временником» автор понимает не «Софийский временник, или Русскую летопись с 862 по 1534 г.», изданную П. М. Строевым в 1820 г. (= С1), а летописный Новгородский свод начала XIII в., который содержится в древнейшей части Синодального списка Н1 до 1200 г. Отзыв и оценку этого исследования дал А. А. Шахматов.¹⁶⁶

Целый ряд статей, посвященных новгородскому и общерусскому летописанию, принадлежит перу И. А. Тихомирова. В 1890 г. он выпустил в свет статью о ЛА;¹⁶⁷ а в 1892 г. вышла статья И. А. Тихомирова «Несколько заметок о новгородских летописях».¹⁶⁸ В работе И. А. Тихомирова «Обозрение состава московских летописных сводов» также

¹⁶² Там же. С. 80—82.

¹⁶³ Сенигов И. П. О первоначальной летописи Великого Новгорода // ЖМНП. 1884. Ч. 233, № 6, отд. 2. С. 198—236.

¹⁶⁴ Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода // ЛЗАК. СПб., 1888. Вып. 8. Отд. 1. С. 1—125; обзор содержания этого исследования был представлен на заседании Археографической комиссии (Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии // ЛЗАК. СПб., 1895. Вып. 10. Отд. 4. С. 1—130).

¹⁶⁵ Сенигов И. П. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева // ЧОИДР. 1887. Кн. 4. Отд. 3. С. 1—8, 1—436.

¹⁶⁶ Шахматов А. А. О начальном киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. Отд. 3. С. 1—58.

¹⁶⁷ Тихомиров И. А. Летописный сборник, именуемый Летопись Авраамки // ЖМНП. 1890. № 7. С. 168—171.

¹⁶⁸ Тихомиров И. А. Несколько заметок о новгородских летописях // ЖМНП. 1892. Ч. 283, № 9, отд. 2. С. 144—152.

значительное внимание уделено рассмотрению Н4.¹⁶⁹ Исследования И. А. Тихомирова были предметом критического разбора со стороны А. А. Шахматова (см. об этом далее).

1.2.3. Эпоха А. А. Шахматова

Выдающийся вклад в изучение древнерусских летописей вообще и новгородских в частности внес А. А. Шахматов, хотя летописание Новгорода XV в. не было предметом специального рассмотрения в его работах. Для исследователя наибольший интерес представляло древнейшее русское летописание XI—XII вв., но его творческий метод заключался в привлечении к изучению всего сохранившегося рукописного материала без исключения. Именно поэтому А. А. Шахматов сумел впервые создать целостную картину истории русского летописания от его возникновения до XVI в. включительно. Исследователь не только был знаком со всеми новгородскими летописями XV в., включая неопубликованные (НК, ЛЕП), но и провел их текстологический анализ, указав на их характерные чтения и определив их взаимоотношения. Труды А. А. Шахматова по истории летописания уже неоднократно были предметом историографического анализа,¹⁷⁰ поэтому здесь имеет смысл говорить лишь о тех аспектах его работ, которые имеют непосредственное отношение к новгородскому летописанию XV в.

Уже начиная с первых работ исследователя определяется два основных круга вопросов, связанных с нашей темой: изучая редакции «Повести временных лет», А. А. Шахматов обнаружил отражение ее особой версии в С1, Н4 и некоторых более поздних летописях (статья

¹⁶⁹ Тихомиров И. А. 1) Обзорение состава московских летописных сводов // ЛЗАК. СПб., 1895. Вып. 10. Отд. 1. С. 1—84; 2) Обзорение состава московских летописных сводов // ЖМНП. 1895. Ч. 300, № 8, отд. 2. С. 416—451.

¹⁷⁰ См., например: Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Пг., 1922. Т. 25. С. 163—171; Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Там же. С. 128—135; Лихачев Д. С. 1) Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. С. 418—428; 2) Шахматов как исследователь русского летописания. С. 253—293; Лурье Я. С. 1) Изучение русского летописания. С. 4—8; 2) О шахматовской методике исследования летописных сводов. С. 87—107; 3) Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 185—195; Тихомиров М. Н. Что нового внес Шахматов в изучение древнерусских летописей // Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР: Научное описание. М., 1974. С. 162—166; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: (Обзор советской литературы). М., 1975. С. 13—24 и др.

1897 г. «Древнейшие редакции Повести временных лет»;¹⁷¹ позже он назвал общий источник С1 и Н4 «Сводом 1448 г.» или «Новгородско-Софийским сводом»), а анализируя текст Н 1мл., он пришел к выводу, что ее источник, сходный с «Повестью временных лет», — это Начальный свод, который лежит в основе и самой «Повести временных лет» (статья 1897 г. «О начальном киевском летописном свode»;¹⁷² к этой проблеме исследователь возвращался многократно, см. специальное исследование: «Киевский начальный свод 1095 г.»¹⁷³).

В работе 1899 г. «Разбор сочинения И. А. Тихомирова „Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной“»¹⁷⁴ описывается литературная история Н4. В этой рецензии, по объему и по содержанию равной целой книге, исследователь выделяет редакции Н4 1384, 1421 и 1447 гг. Рассматривается отношение Н4 в гипотетическом свode 1384 г. к Н1 и Московскому своду 1380—1381 гг. В последующих работах многие выводы и датировки, предложенные в этой ранней рецензии, были А. А. Шахматовым существенно уточнены и пересмотрены.

В статье 1900 г. «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.»¹⁷⁵ Н4 используется для восстановления московских сводов XV в., а выявление состава и источников Владимирского полихрона 1423 г. осуществлено на основании сравнения Лаврентьевской, Ипатьевской, Н1, Симеоновской и Троицкой летописей. По мнению А. А. Шахматова, одним из источников полихрона была Новгородская летопись — свод, предшествовавший Н 1мл.

В труде А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908)¹⁷⁶ реконструируется первый Новгородский свод XI в. на основе текстов Н1, «Новгородского свода 1448 г.» (С1—Н4), Общерусского свода 1423 г. и Общерусского свода начала XIV в., а также перечней князей и владык новгородских. Среди прочих в иссле-

¹⁷¹ Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Ч. 313, № 10, отд. 2. С. 209—259.

¹⁷² Шахматов А. А. О начальном киевском летописном свode. С. 1—58.

¹⁷³ Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. / С вступ. статьей Н. Ф. Лаврова // А. А. Шахматов. 1864—1820: Сб. статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.: Л., 1947. С. 117—160.

¹⁷⁴ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 103—236 (Записки имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. 4, № 2).

¹⁷⁵ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Ч. 331, № 9, отд. 2. С. 90—176; Ч. 332, № 11. С. 135—200; 1901. Ч. 338, № 11. С. 52—80.

¹⁷⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. 16, 686 с. (ЛЗАК. СПб., 1908. Вып. 12).

довании к текстологическому анализу привлечены ЛА, Академический и Комиссионный списки Н 1мл., НК, Н4 (в том числе Новороссийский список) и Н5.

Статья «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в.» (1909)¹⁷⁷ написана по поводу книги Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV в.».¹⁷⁸ По мнению А. А. Шахматова, в Пскове были переписаны Новороссийский список Н4 и Троицкий список Н1. Исследователем была показана связь ЛА с Новгородской летописью, содержащейся в сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 154; причем, по мнению А. А. Шахматова, Летопись Авраамки являлась копией с рукописи, составленной во Пскове.

В статье «Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище» (1910)¹⁷⁹ А. А. Шахматов проанализировал литературную историю повести о Мамаевом побоище в связи с историей летописных сводов и списков летописей, в том числе следующих: «Новгородского свода 1448 г.», Н1, Н4, Н5, ЛА, Н4 по списку Дубровского, Новгородско-Псковской летописи (списки: РНБ, Погодинские 1404-а, 1402, БАН, 34.4.32, РНБ, Эрмитажный 416-а).

В статье «Летописи (русские)» для словаря Брокгауза и Ефрона (1915)¹⁸⁰ А. А. Шахматов говорит о существовании древнего Новгородского свода, доведенного до 80-х гг. XI в. Позже летопись велась Кириком в 30-х гг. XII в., когда был составлен архиепископский свод, отразившийся в «Софийском временнике» и в Синодальном списке Н1. Новгородский свод 30-х гг. XIV в. сохранился в Синодальном списке Н1. Общерусский свод 1423 г. дошел в С1 и Н4. Новгородский владычный свод, составленный около 1432 г., исследователь называет «Софийским временником». Далее, Новгородско-Софийский свод 1430-х гг. был составлен на основе Общерусского свода 1423 г. и «Софийского временника» 1432 г. Исследователем рассматриваются две редакции Н4: старшая (списки Новороссийский, Голицынский и Тол-

¹⁷⁷ Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в. // ЖМНП. 1909. Ч. 22, № 7, отд. 2. С. 105—177.

¹⁷⁸ Каринский Н. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909. 7, 208 с. (Записки Историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета. Ч. 93).

¹⁷⁹ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (отдельный оттиск из «Сборника Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук». Т. 81) // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 79—204.

¹⁸⁰ Шахматов А. А. 1) Летописи (русские) // Новый энциклопедический словарь. Пг.: изд. Акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз—Ефрон», [1915]. Т. 25. Стб. 155—156; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 361—372.

стовский) и младшая (списки Фроловский, Синодальный, Строевский, Академический); Н5 (списки Хронографический Синодальный № 280, Погодинский № 1402); отдельно Н1 по Троицкому списку; Н1мл. по спискам Комиссионному, Академическому и Толстовскому. По определению А. А. Шахматова, ЛЕП «примыкает» к новгородскому летописанию. Список Царского С1 представляет собой С1 младшей редакции, дополненную по летописи, находящейся в списках РНБ, собр. Погодина, № 1409, 2036 и ГИМ, собр. Уварова, № 567; по этой же летописи дополнена Н5.

В изданной посмертно монографии «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.»,¹⁸¹ часть которой составляет переиздание упомянутой выше статьи для словаря Брокгауза и Ефрона,¹⁸² рассматриваются летописный свод 1448 г. (Н4 и С1), Комиссионный список Н1мл. (его источники — протограф Синодального списка Н1ст., Н1мл. в редакциях 1421 и 1423 гг.), Троицкий список Н1 (источники — Н1 редакции 1421 и 1423 гг. и неизвестный Новгородский свод), Академический список Н1 (источники — Троицкий и Комиссионный списки Н1 и Новгородский свод 1448 г.), Н4, НК, Н5 (ее изводы — Хронографический список и Новгородско-Псковская летопись), ЛА и краткое извлечение из «Свода 1448 г.» (Виленский, Супрасльский, Толстовский I. № 189 (= РНБ, ОСПК, F.IV.156) и Синодальный № 154 списки).

Многие выводы и наблюдения А. А. Шахматова не утратили своего научного значения; подробнее они рассматриваются в исследовательских главах этой книги.

В статье М. И. Помяловского «Из области Новгородского летописания»¹⁸³ исследователем была показана самостоятельная местная новгородская тенденция в Н1, а также рассмотрено влияние московских официальных идей на текст Н4, Н2 и Н3. Известия в новгородских летописях были сопоставлены М. И. Помяловским с ЛА, С1, Воскресенской и Никоновской летописями.

В статье А. Е. Преснякова «Записка о Новгородской 4-й летописи»¹⁸⁴ была приведена характеристика списков, которые необходимо при-

¹⁸¹ Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. 372 с.

¹⁸² Шахматов А. А. Летописи (русские). Стб. 155—156.

¹⁸³ Помяловский М. И. Из области Новгородского летописания // Записки имп. Русского археологического общества. СПб., 1901. Т. 12, вып. 1, 2. С. 55—94 (Труды Отделения древней и русской археологии, издаваемые под редакцией управляющего отделением С. Ф. Платонова. Кн. 5).

¹⁸⁴ Пресняков А. Е. Записка о Новгородской 4-й летописи // ЛЗАК. СПб., 1902. Вып. 14. С. 16—21.

влекать для нового издания Н4. Исследователь считает, что за основной список следует взять Строевский, а в дополнении к изданию поместить летописи, которые содержат переработку Н4 под влиянием Московского свода особого состава (Хронограф XV в. — рукопись Публичной библиотеки, собр. Толстого, отд. 1, № 189, современный шифр — РНБ, ОСРК, F.IV.156; Супрасльская рукопись, изданная М. А. Оболенским;¹⁸⁵ Кирилло-Белозерский список — рукопись Синодальной библиотеки № 154; ЛА).

Исключительно полный и тщательный обзор списков и исследований новгородских летописей приводится в капитальном труде В. С. Иконникова «Опыт русской историографии».¹⁸⁶ Наряду с другими рассматриваются вопросы, связанные с возникновением летописи, церковные записи, списки князей, епископов и должностных лиц; анализируются как древнейшие летописные своды, так и позднейшие летописи; дается общая характеристика летописного дела в Великом Новгороде. Целый ряд конкретных замечаний исследователя заслуживает упоминания в данном обзоре. Так, например, В. С. Иконников указал на 40-е гг. XV столетия «как предел, до которого был доведен последний свод 1-й Новгородской летописи»;¹⁸⁷ заметил, что «так называемая „владычня“ (Софийская) летопись велась непрерывно»;¹⁸⁸ что мы имеем указания на ведение систематических записей в монастыре на Лисье горе, который являлся заметным центром письменности в средневековом Новгороде.¹⁸⁹ По поводу Н2 исследователь заметил, что она была «составлена в конце XVI в. из нескольких, не дошедших до нас летописей, что подтверждается как передачею одного и того же события в разных редакциях, спутанностью в хронологических датах, так и очевидными вставками целого ряда приписок».¹⁹⁰ В. С. Иконников рассматривает Н4 вслед за А. Е. Пресняковым как «новгородскую переработку общерусского свода» и выделяет ряд редакций этого памятника: «конца XIV в. — основной свод (б. м. оканчивающийся 1384 г.); свод начала XV в. (около 1405—1418 г.); середины XV в. (около 1447—1448 гг.) и позднейший (конца XV—начала XVI в.). В конце 1477 г. заканчивается важнейшая часть летописи (по спискам Строева и Синодальному), представляющая самостоятельную Новгородскую летопись

¹⁸⁵ Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М.: Синодальная типогр., 1836. 24, 172, 32 с.

¹⁸⁶ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 672—747.

¹⁸⁷ Там же. С. 696.

¹⁸⁸ Там же. С. 702.

¹⁸⁹ Там же. С. 703—704.

¹⁹⁰ Там же. С. 711—712.

до ее падения».¹⁹¹ По поводу Синодального списка исследователь заметил, что «князь Щербатов, пользовавшийся этим списком, а за ним Филарет, утверждают, что монах Катавасья сочинил летопись от начала прозвания Русской земли до 1544 г. Но это недоразумение. Он, конечно, списал летопись».¹⁹² Что же касается мнения Филарета, будто Н4 составлена при архиепископе Геннадии, В. С. Иконников уточняет: «...в последней своей части (1491—1496. — А. Б.) по Хронографическому списку».¹⁹³ Возражая Н. Н. Янишу, считавшему, что, кроме Н1ст., все остальные летописи переделаны в московском духе, исследователь пишет: «Мы имеем вполне сохранившиеся остатки свободного новгородского летописания» (Н4 и ЛА) (...) Позднейшие части Новгородских летописей писаны в ином духе потому, что их писали другие люди и другие деятели, сменившие прежних в стенах Великого Новгорода».¹⁹⁴

Следует упомянуть также исследование А. А. Шилова «Описание рукописей, содержащих летописные тексты»,¹⁹⁵ в котором подробно описаны, в частности, некоторые списки Н1 и Н4.

1.2.4. Новейшая историография новгородского летописания XV в.

Отечественная историография древнерусского летописания (за 1918—начало 1970-х гг.) подробнейшим образом рассмотрена в монографии В. И. Буганова.¹⁹⁶ Во избежание повторения сказанного, отсылаем читателя к соответствующим страницам этой книги, на которых автор анализирует посвященные в той или иной мере новгородскому летописанию вышедшие за эти годы исследования Е. Перфецкого,¹⁹⁷ И. М. Троицкого,¹⁹⁸ М. Д. Приселкова,¹⁹⁹ А. Н. Насонова,²⁰⁰ М. Н. Тихоми-

¹⁹¹ Там же. С. 722—729.

¹⁹² Там же. С. 727.

¹⁹³ Там же. С. 728.

¹⁹⁴ Там же. С. 739—740.

¹⁹⁵ Шолов А. А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. (Материалы для Полного собрания русских летописей). Вып. 1 // ЛЗАК. СПб., 1910. Вып. 22. 1 нenum., 1—68, 1 нenum. с.

¹⁹⁶ Буганов В. И. Отечественная историография. С. 24—320.

¹⁹⁷ Перфецкий Е. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922; Перфецкий Е. Новгородський княжий літопис і його відношення до українського літописання XII століття // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1924. Т. 134—135. С. 1—18.

¹⁹⁸ Троицкий И. М. 1) Рецензия на книгу: Перфецкий Е. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922 // Борьба классов. 1924. № 1—2. С. 305—307; 2)

рова,²⁰¹ Д. С. Лихачева,²⁰² А. А. Зимина и А. Н. Насонова,²⁰³ Н. Г. Порфиридова,²⁰⁴ Ю. К. Бегунова,²⁰⁵ А. И. Семенова,²⁰⁶ А. Г. Кузьмина,²⁰⁷ С. Н. Азбелева,²⁰⁸ М. К. Каргера,²⁰⁹ М. А. Макиной²¹⁰ и Н. Г. Бережкова.²¹¹

Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. Л., 1933. № 5. С. 337—362.

¹⁹⁹ *Приселков М. Д.* 1) [Рец.]: «Русская правда». Том первый — тексты. Институт истории АН СССР. Подготовили к изд.: В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин; Под ред. Б. Д. Грекова. Изд. Академии наук, 1939 // Вестник древней истории. М., 1939. № 3 (8). С. 148—151; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. 188 с. (современное переизд.: СПб., 1996. 325 с.); 3) Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской правды». По поводу выхода академической «Правды русской» под редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940 // ИЗ. 1945. № 16. С. 238—250.

²⁰⁰ Псковские летописи / Подгот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 3—63 (1-я паг.); *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // ИЗ. 1946. № 18. С. 255—294.

²⁰¹ *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // ИЗ. 1942. № 13. С. 256—283.

²⁰² *Лихачев Д. С.* 1) Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV вв. // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 43—56; 2) Новгородские летописные своды XII в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук // ИОЛЯ. М., 1944. Т. 3, вып. 2—3. С. 98—106; 3) Литература Новгорода XIII—XIV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2: Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. С. 105—127; 4) Литература Новгорода XIV—XV вв. // Там же. С. 253—268; 5) Литература Новгорода второй половины XV—первой половины XVI в. // Там же. С. 368—389 (разделы о летописании: С. 114—121 (Н 1ст.); 257—261 («Софийский временник», «Свод 1448 г.»). Н 1мл., Н4, Н5); 371—372 (Строевский список Н4, НД); 6) Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1945; 7) Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945 (переизд.: М., 1959); 8) Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.). М., 1946; 9) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; 10) О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве. С. 139—141.

²⁰³ *Зимин А. А., Насонов А. Н.* О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // ВИ. 1951. № 2. С. 89—91.

²⁰⁴ *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.; Л., 1947 (см. также: *Лихачев Д. С.* Рецензия на книгу Порфиридова Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.; Л., 1947 // Советская книга. 1947. № 11. С. 71—73).

²⁰⁵ *Бегунов Ю. К.* 1) Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 229—238; 2) К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 348—357.

²⁰⁶ *Семенов А. И.* Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 370.

²⁰⁷ *Кузьмин А. Г.* К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской первой летописи // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 90—91.

²⁰⁸ *Азбелев С. Н.* 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219—228; 2) Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 236—262; 3) Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 282—297; 4) Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 364—

Среди работ последних трех десятилетий, посвященных летописям Новгородской республики в XV в., наибольшее значение имеют исследования Б. М. Клосса, Я. С. Лурье, Г. М. Прохорова, В. Л. Янина и Дж. Линда (Дания).

Б. М. Клосс проанализировал состав и источники краткого новгородского летописца XV в., включающего Сказание о богатыре Александре Поповиче (РГБ, собр. ТСЛ, № 805).²¹² Хотя изложение событий в этом летописце доведено до 1518 г., исследователь предположил, что в его основе лежит сокращенная новгородская летопись, доведенная до начала 60-х гг. XV в., отражение которой можно видеть также в ЛА, Рогожском летописце, летописи Никольского и ЛЕП, а начиная с 1464 г. текст памятника восходит к окончанию Голицынского списка Н4 (включая приписку 1518 г.).²¹³

Другое важное для нашей темы исследование Б. М. Клосса связано с изучением Н5 и отразилось в двух его публикациях.²¹⁴ Исследователь показал, уточняя выводы А. А. Шахматова, что составитель Н5 наряду с Н4 использовал протограф Комиссионного списка Н1 и что Хронографический список Н5 был непосредственно использован при составлении Никоновского свода.

Вышедшая недавно книга Б. М. Клосса «Житие Сергия Радонежского»²¹⁵ затрагивает ряд ключевых вопросов истории русской литературы эпохи Андрея Рублева и Епифания Премудрого. Исследование содержит многие ценные наблюдения, однако некоторые положения пред-

370; 5) Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // Там же. С. 251—283; 6) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960; 7) Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 270—287; 8) Новгородское летописание XVII в. (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1968; 9) Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 110—117.

²¹⁰ Каргер М. К. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 565—568.

²¹¹ Макина М. А. О демократических тенденциях в литературе древнего Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 230—233.

²¹² Бережков Н. Г. 1) О хронологии русских летописей по XIV в. включительно // ИЗ. 1947. № 23. С. 325—363; 2) Хронология русского летописания. М., 1963. 357 с.

²¹³ Клосс Б. М. Новый памятник русского эпоса в записи XVI в. // ИСССР. 1968. № 3. С. 151—157.

²¹⁴ Там же. С. 155.

²¹⁵ Клосс Б. М. 1) Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 252—269; 2) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 32—43.

²¹⁶ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

ставляются по меньшей мере спорными (так, например, Б. М. Клосс чрезмерно преувеличивает роль и значение новгородского книжника Варлаама в истории древнерусской книжности и общерусского летописания: Варлаам оказывается не только заказчиком всех основных летописных памятников своего времени, но и «соавтором» Епифания Премудрого), а сама манера использования работ авторов, ранее писавших о тех же проблемах, вызывает недоумение. Подробнее эти вопросы рассмотрены в Главе 3 нашего исследования.

Целый цикл работ по истории летописания, непосредственно касающихся и новгородских летописей XV в., принадлежит перу Я. С. Лурье.²¹⁶ Результаты и материалы проведенных Я. С. Лурье исследований постоянно будут находиться в центре нашего внимания, поэтому в данном обзоре отметим лишь кроме названных выше его обобщающую статью, написанную совместно с Б. М. Клоссом.²¹⁷ В этой работе приводятся краткие сведения о всех летописных памятниках, являющихся предметом нашего исследования.

Одна из упоминавшихся работ Я. С. Лурье была написана в качестве прямого отклика на исследование Г. М. Прохорова, посвященное НК.²¹⁸ Эта принципиальная полемика также в дальнейшем будет подробно рассмотрена нами в Главе 3 («Новгородская Карамзинская летопись»). Подготовленная Г. М. Прохоровым довольно давно сводная таблица, отражающая результаты постатейного анализа общерусских летописных сводов, была недавно опубликована.²¹⁹

²¹⁶ Лурье Я. С. 1) К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142—146; 2) Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; 3) Общерусские летописи XIV—XV вв.; 4) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199—218; 5) Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205; 6) Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 192—195; 7) Феодалная война в Москве и летописание первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 82—94; 8) Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства; 9) История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб., 1997. С. 13—172.

²¹⁷ Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 78—139.

²¹⁸ См.: Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. С. 199—218; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198.

²¹⁹ Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5

В работах крупнейшего исследователя древнего Новгорода В. Л. Янина наблюдения по истории летописания XV в. встречаются постоянно, хотя специально именно этому вопросу им посвящена только одна статья.²²⁰ В ходе исследования нам придется неоднократно обращаться к исследованиям В. Л. Янина по различным аспектам новгородской истории и культуры.²²¹

Некоторые вопросы истории новгородского летописания XV в. были затронуты в монографии Г. Ю. Грабмюллера, посвященной псковским летописям.²²² Исследователь подробно рассмотрел взаимные отношения псковских летописей и, с одной стороны, Н5, а с другой — так называемых «Кратких извлечений из Новгородско-Софийского свода» (предполагаемый протограф ЛА, ЛЕП и новгородской части Рогожского летописца). По мнению Г. Ю. Грабмюллера, возведение общего протографа всех трех псковских летописей к указанным новгородским источникам XV в. (предполагавшееся А. Н. Насоновым) не имеет достаточных текстологических оснований. Я. С. Лурье в обстоятельной рецензии признал правоту Г. Ю. Грабмюллера в этом вопросе, однако обоснование отдельных этапов истории псковского летописания, предложенное исследователем, посчитал менее убедительным.²²³

Среди работ самых последних лет необходимо отметить также статью датского ученого Джона Говарда Линда, посвященную проблемам новгородского летописания XV в.²²⁴ В этом исследовании Дж. Линд

летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 137—205. Благодаря любезности Г. М. Прохорова, я имел возможность пользоваться этими материалами еще до их публикации.

²²⁰ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153—181.

²²¹ Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; 3) К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52—61; 4) Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазарев монастырь // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 52—63; 5) Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988; 6) Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991; 7) К вопросу о дате составления обзора «А се имена градом всем русским, далним и ближним» // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 125—134.

²²² Grabmüller H. J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975. 240 S. (Schriften zur Geschichte des ostlichen Europa. Bd 10).

²²³ Лурье Я. С. Rezensionen: Grabmüller H. J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Schriften zur Geschichte des ostlichen Europa. Wiesbaden, 1975. Bd X. 240 S. // Russia Mediaevalis. München, 1977. T. 3. S. 83—92.

²²⁴ Lind J. In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text:

рассматривает взаимоотношения между НК и Н4, выдвигая гипотезу об использовании составителем Н4, помимо НК1 и НК2, еще какой-то третьей, не дошедшей до нас новгородской летописи. Частные вопросы истории новгородского летописания затрагиваются и в некоторых других работах Дж. Линда.

Исследование В. К. Зиборова, посвященное раннему русскому летописанию и участию в нем Нестора, содержит целую главу о Н 1мл.,²²⁵ в которой автор, в частности, вводит в научный обиход значительную часть неопубликованного раздела об этой летописи из книги А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М.; Л., 1938).²²⁶

Изучением Н5 в последнее время занималась О. Л. Новикова, защитившая в 1995 г. дипломную работу «Источники, состав и происхождение Новгородской пятой летописи и ее место в новгородском летописании XV века» (Русский Христианский гуманитарный институт в Санкт-Петербурге; научный руководитель — Г. М. Прохоров). Материалы ее постатейного анализа Н5 (а также Н4 старшей и младшей редакций за 1429—1446 гг.) были включены в опубликованную Г. М. Прохоровым таблицу,²²⁷ а также были отражены в одной ее статье.²²⁸

Проблема датировки так называемого «Новгородско-Софийского свода» была рассмотрена в статье О. В. Романовой, пришедшей к выводу, что первая часть свода (оканчивающаяся 1418 г.) была составлена во второй половине 1420-х гг.²²⁹

Лингво-текстологическому исследованию Синодального списка Н1, а также списков Н 1мл., посвящены кандидатская диссертация и ряд

Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages; Odense University, 20—21 November 1989). Odense, 1990. P. 65—81.

²²⁵ Зиборов В. К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 99—156.

²²⁶ Архив АН, ф. № 134, оп. 1, д. 110, 545 л.

²²⁷ См.: Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа... С. 142.

²²⁸ Новикова О. Л. О «старом летописце» — источнике Новгородской Пятой летописи // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 337—339.

²²⁹ Романова О. В. Ипатьевская летопись и Новгородско-Софийский свод // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Сборник статей в честь В. К. Зиборова. СПб., 1997. С. 59—66.

статей А. А. Гиппиуса,²³⁰ в которых, в частности, рассмотрено соотношение текстов Н 1ст. и Н 1мл. Исследователь приходит к выводу о независимом отражении в двух изводах Н1 их общего протографа — ежегодно ведущейся «владычной летописи», использованной также при составлении общерусского свода первой половины XV в. (1430-х гг., по А. А. Гиппиусу). Из общерусского свода в свою очередь в новгородскую «владычную летопись» (протограф Академического и Комиссионного списков Н 1мл.) были включены Жития Александра Невского и Михаила Черниговского, а также фрагмент Повести о Куликовской битве.

В работе Т. В. Гимона и А. А. Гиппиуса, посвященной истории текста Н1, сделан, в частности, вывод, что протограф Н 1мл. составлялся в XV в. не одним, а двумя книжниками, работа между которыми была разделена примерно поровну, причем первый писец, приближаясь к окончанию своей части, заблаговременно начал сокращать свой источник, чтобы уместить текст в последнюю тетрадь.²³¹

* * *

Подводя итоги краткого обзора истории изучения новгородского летописания, можно заметить, что интересы исследователей главным образом были сосредоточены вокруг проблем, связанных либо с наиболее ранним периодом (Н 1ст.), либо с отдельными эпизодами и частными вопросами летописания Великого Новгорода в XV в. Многие выводы исследователей нуждаются в уточнении или в пересмотре.

Достаточно сказать, что под «Софийским временником» исследователи в разное время понимали либо С1, либо ее несохранившийся новгородский источник, либо протограф Н1, датируемый XII в. (1136 г.), началом XIII в. (1204 г.) или XV в. (1421, 1423, 1432 или 1434 гг.), и др. В работах последнего времени само название «Софийский временник» почти не употребляется, очевидно, из-за его терминологической неопределенности. Много неясностей остается и в вопросе о так называемом

²³⁰ Гиппиус А. А. 1) Новгородские летописцы XII—XIII веков // Проблемы синтеза культур: Тезисы научно-практической конференции. Севастополь, 1992. С. 3—5; 2) Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 27 с.; 3) К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3—72.

²³¹ Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18—47.

мом «Своде 1448 г.» («Новгородско-Софийском своде»), существование которого предполагается или признается многими исследователями на основании сопоставления текстов Н4 и С1. Его датировка, место создания и самый факт его существования являются предметом жарких дискуссий.

По сути дела, твердо установленным можно считать лишь то, что наиболее ранний этап дошедшего до нас новгородского летописания представлен в Синодальном списке Н1 (XIII—XIV вв.), а из остальных летописных текстов наиболее близко примыкает к нему текст Н 1мл. С начала XII в. эти летописи содержат почти исключительно местные новгородские известия. Иной этап или вид новгородского летописания характеризуется наличием обширного пласта общерусских известий и повестей XIV—XV вв. (две летописные подборки НК; Н4), но вопрос о времени, месте и характере проникновения этого материала в традиционную летопись остается спорным и не до конца изученным.

Не предпринимался пока и анализ истории новгородского летописания XV в. в контексте историко-культурных перемен в жизни республики на протяжении этого периода. В то же время богатейший материал, накопленный учеными на протяжении более 200 лет, а также наличие всего необходимого корпуса текстов позволяют попытаться приступить к осуществлению такой задачи.

НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ МЛАДШЕГО ИЗВОДА

2.1. СПИСКИ Н 1мл.

Среди памятников новгородского летописания XV в. Н 1мл., бесспорно, является самым «новгородским». События, происходящие на территории Новгородской республики, находятся в центре внимания летописцев-составителей Н 1мл., особенно при изложении событий XII—XV вв.

Значение Н 1мл. для истории русского летописания было показано в трудах академика А. А. Шахматова.¹ Именно этот памятник позволил исследователю выдвинуть и детально аргументировать гипотезу о существовании свода более раннего, чем «Повесть временных лет», — так называемого «Начального свода». Основные отличия текста «Начального свода» от «Повести временных лет» следующие: в начале памятника находится Предисловие, отсутствующее в «Повести временных лет»; летописная хронологическая сеть начинается не с 6360 (852) г., как в «Повести временных лет», а с 6362 (854) г.; Олег именуется «воеводой» князя Игоря; отсутствуют договоры Руси с греками, «Сказание о преложении священных книг на славянский язык» и извлечения из Хроники Георгия Амартола.²

Для изучения летописания Великого Новгорода XV в. Н 1мл. имеет ключевое значение. Как уже отмечалось, наиболее ранний этап дошедшего до нас новгородского летописания представлен в Синодальном списке Н1 (XIII—XIV вв.), а из остальных летописных текстов наиболее близко примыкает к нему текст именно Н 1мл. Если до годовой

¹ См., например: *Шахматов А. А.* 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 5—11, 378—390 и др.; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 161—181.

² См. подробнее: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 42—60; *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3—26. Следует сразу оговорить, что проблемы истории раннего русского летописания, «Начального свода» и «Повести временных лет» в нашей работе сознательно не рассматриваются.

статьи 6582 (1074) г. Н 1ст. и Н 1мл. существенно различаются, то начиная с этой хронологической границы их тексты заметно сближаются и, очевидно, отражают общий источник. Сопоставление Н 1ст. и Н 1мл. позволяет с достаточными основаниями находить в последней отражение традиционной линии новгородского летописания. С начала XII в. обе эти летописи содержат почти исключительно местные новгородские известия.

Начнем рассмотрение Н 1мл. с анализа ее важнейших списков. Н 1мл. сохранилась в 8 списках:

1) **Комиссионный список**, середины XV в. (СПб. ФИРИ, собр. Археографической комиссии, № 240, л. 28—264)³ — сокращенно обозначается Км.;

2) **Академический список**, середины XV в. (БАН, 17.8.36 (Осн. 153), 241 л.)⁴ — сокращенно обозначается Ак.;

3) **Троицкий список**, 60-х гг. XVI в. (РГБ, собр. МДА, № 69, л. 1—69)⁵ — сокращенно обозначается Тр.;

4) **Толстовский список**, середины XVIII в. (РНБ, ОСПК, F.IV.223, 208 л.)⁶ — сокращенно обозначается Тл.;

5) **Уваровский список**, 50—70-х гг. XVIII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 34/1402)⁷ — сокращенно обозначается Ув.;

6) **Румянцевский первый список**, после 1815 г. (РГБ, собр. Румянцева, № 247)⁸ — сокращенно обозначается Р1;

³ Сидоров Н. И. Рукописи Археографической комиссии: Первое прибавление. СПб., 1904. С. 1—32; Шилов А. А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для Полного собрания русских летописей). Вып. 1 // ЛЗАК. СПб., 1910. Вып. 22. С. 8—9 (6-я паг.); Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 77; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 7—9 (далее — НПЛ); ПС XV в. С. 111 (№ 781). Список полностью опубликован как основной: НПЛ. С. 104—427; предшествующие и последующие статьи рукописи опубликованы: Там же. С. 465—509.

⁴ Шилов А. А. Описание рукописей... С. 49 (6-я паг.) (вторая половина XV в.); НПЛ. С. 9—10; Покровская В. Ф., Копанев А. И., Кукушкина М. В., Мурзанова М. Н. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3. вып. 1. С. 310—311; ПС XV в. С. 111 (№ 780).

⁵ НПЛ. С. 510—511.

⁶ Там же. С. 10—11 (Тл. представляет собой копию с Ак., снятую в 50-х гг. XVIII в., когда в нем было утрачено только 8 л. (6494 (986) г. — 4 л.; 6576 (1068) г. — 1 л.; 6712 (1204) г. — 1 л.; 6748 (1240) г. — 2 л.). Таким образом, Тл. позволяет восполнить текст 47 позднее утраченных листов Ак. (см.: НПЛ. С. 11).

⁷ Ув. представляет собой копию с Ак., снятую после утери Ак. ряда листов (см.: НПЛ. С. 11).

⁸ Востоков А. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842. № 247 (Р1 представляет собой копию с Тр., см.: НПЛ. С. 511).

7) **Воронцовский список**, 20-х гг. XIX в. (БАН, 31.7.31 (Воронц. 1090), 122 л.)⁹ — сокращенно обозначается Вр.;

8) **Румянцевский второй список**, 20-х гг. XIX в. (РГБ, собр. Румянцева, № 248)¹⁰ — сокращенно обозначается Р2.

Поскольку четыре списка (Тл., Ув., Вр. и Р2) восходят к Ак., а еще один (Р1) — к Тр., то можно считать, что для текстологического изучения Н 1мл. наибольшее значение имеют только три древнейших списка — Км., Ак. и Тр. Два из них — Км. и Ак. — особенно важны, так как дошли до нас в рукописях середины XV в. Остановимся сначала на их палеографических и кодикологических характеристиках.

2.1.1. Комиссионный список

Рукопись, содержащая Км., состоит из трех частей, созданных почти в одно и то же время, но различающихся как характером использованной бумаги и филигранями, так и почерками писцов. В принципе каждому типу бумаги соответствует свой почерк, но в двух случаях (на л. 13 об. и на л. 257) смена почерка немного, на неполный лист, опережает смену бумаги, из чего следует, что писцы продолжали работу друг друга. Таким образом, мы предположительно можем установить последовательность работы писцов.

Первая часть (л. 7—13 об. и 258—305 об.) переписана на бумаге с водяным знаком «Женская фигура».¹¹ Этому типу бумаги соответствует почерк книжника, которого назовем писцом А.¹² Им были на л. 7—13 об. переписаны следующие статьи: «Сице родословятся велицѣи князи Русьстии», «Родословие тѣх же князеи», «Кто колико княжилъ», «А се князи Русьстии», «А се, по святѣмъ крещении, о княжении Киевъстемъ». Этот же писец А переписал на л. 258—305 об. статьи Н 1мл. 6948 (1440)—6954 (1446) гг. и следующие за Н 1мл. статьи юридического характера (такие, как «Русская Правда», «Закон судный людем» и др.).

Уже на оставшемся свободным месте на л. 13 об. начал свою работу писец В, а продолжил ее на л. 14—24 об. В этой второй части рукописи

⁹ НПЛ. С. 11 (Вр. представляет собой копию с сокращенной переработки Ак., когда в нем еще не был утерян ряд листов (см.: Там же).

¹⁰ Р2 представляет собой копию с Вр. или с их общего оригинала (см.: Там же. С. 11).

¹¹ См.: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. № 978 (1441 г.).

¹² Фотовоспроизведение почерка писца А см.: Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции / Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов; Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 217—239 (= л. 291 об.—302 об.).

содержатся следующие статьи: «А се князи Великого Новагорода», «А се посадници Новгородьстии», «А се тысячскыи Новгородскыи», «А се Русьстии митрополити», «А се Новгородскыи епископы», «А се архиепископы», «А се архимандриты Новгородскыи», «А се имена всѣм градом Рускым, далним и ближним». Половину л. 24 об. писец В оставил чистой. Водяной знак, соответствующий работе писца В, — это «Корона»,¹³ датируемый по Н. П. Лихачеву немного более поздним временем, чем водяной знак «Женская фигура» из первой части рукописи.

Наконец, третья часть рукописи (л. 28—257) содержит собственно текст Н мсл., начиная от Предисловия к Временнику (первый лист, правда, утрачен) до конца статьи 6947 (1439) г. Писца этой основной части летописного сборника обозначим литерой Б.¹⁴ Этот переписчик завершил свою работу на лицевой стороне л. 257, что дало возможность писцу А на этом же л. 257 и на л. 257 об. продолжить, как уже упоминалось, изложение событий 6948 (1440)—6954 (1446) гг. Водяной знак, соответствующий работе писца Б, — «Голова быка».¹⁵ Итак, представим в таблице 1 принципиальное соотношение почерков и водяных знаков в сборнике Км.

Т а б л и ц а 1

Лист	Филигрань	Писец	Часть ркп.
7—13	Фигура женщины	А	1
13 об.	Фигура женщины	А, В	1а
14—24 об.	Корона	В	2
28—256 об.	Голова быка	Б	3
257	Голова быка	Б, А	3а
257 об.	Голова быка	А	3б
258—305 об.	Фигура женщины	А	1б

Естественно, писец В мог начать свою работу на л. 13 об. только после того, как ее завершил писец А (л. 7—13 об.). С другой стороны,

¹³ См.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение... № 992 (1451 г.).

¹⁴ Фотовоспроизведение почерка писца Б см.: НПЛ. Ил. 8 (= л. 30); Правда Русская / Под общей ред. Б. Д. Грекова; Отв. ред. тома А. А. Новосельский. М., 1963. Т. 3. С. 24—29 (= л. 79 об.—82).

¹⁵ См.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение... № 982 (1441 г.).

писец А мог начать свою работу на л. 257 только после того, как ее завершил писец Б (л. 28—257). Таким образом устанавливается относительная последовательность работы переписчиков данной рукописи: Б — А — В, и, соответственно, вероятная последовательность создания частей сборника: 3 — 3а — 3б — 1б — 1 — 1а — 2.¹⁶ В таком случае последовательность использования сортов бумаги и соответствующих филигранных будет выглядеть так: 1. «Голова быка» — 2. «Фигура женщины» — 3. «Корона». Писец Б пользовался только первым из перечисленных сортов бумаги; писец А писал на полутора оставшихся чистыми листах бумаги сорта 1 и, главным образом, на бумаге второго типа. Наконец, третий переписчик В использовал несколько оставшихся свободными строк на бумаге второго типа и полностью — бумагу третьего типа.

Изложенные соображения делают особенно значительным тот факт, что два водяных знака, идентичных первому и второму типам («Голова быка» и «Фигура женщины»), встречаются в другой рукописной книге — Евангелии толковом 1441 г. (БАН, 34.7.10). Именно из этой рукописи Н. П. Лихачев извлек их для своего знаменитого исследования. Такое совпадение позволяет предполагать, что обе рукописные книги вышли если не из одной и той же книгописной мастерской, то во всяком случае из родственных скрипториев, имевших совпадающие или параллельные источники поступления писчей бумаги.

Вопрос о том, где было переписано Евангелие толковое 1441 г., однако, довольно непросто, хотя на л. 460 упомянутого Евангелия имеется писцовая запись: «Великаго Прѣображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа господину своему игумену Герману написах сию книгу смѣренныи и многострастныи диакъ Иовъ чернецъ в лѣто 6000 и 900 и 49 [1441]».

В XV в. в новгородских землях достоверно известно по крайней мере 7 Спасо-Преображенских монастырей (Хутынский, Верендовский, Нередицкий, Водский Спасский (в конце Козмодемьянской улицы), Спасо-Преображенский в Старой Руссе, Соловецкий и Валаамский), но игумен Герман документально засвидетельствован только в 1479 г. в Хутынском монастыре.¹⁷ Э. С. Смирнова, отметив, что упомянутое

¹⁶ А. А. Шахматов обратил внимание на то, что, «как видно из счета по тетрадам, листы, содержащие статьи, предшествующие летописи, приплетены в начало рукописи позже» (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 161). Действительно, нумерация тетрадей почерком XV в. имеется только в той части рукописи, которую переписал писец Б (так как первый лист этой части утрачен, то нумерация тетрадей начинается с л. 35 (2) и следует непрерывно до л. 251 (29)).

¹⁷ См. запись в Прологе 1479 г. (РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3933).

Евангелие было создано «в каком-то из нескольких новгородских монастырей Спасо-Преображенских»,¹⁸ осторожно предположила: «Возможно, это Соловецкий монастырь».¹⁹ Эта догадка, основанная, видимо, на упоминании имени игумена Германа, вызвавшего невольное сопоставление с преподобным Германом Соловецким, представляется, однако, более чем сомнительной. В 1441 г. Соловецкий монастырь, видимо, еще не был основан, а если и существовал, то переживал самый ранний, зачаточный период своей истории,²⁰ игуменство же в нем преподобного Германа источниками вообще не документируется.

Многие аргументы свидетельствуют в пользу того, что Спасо-Преображенское Евангелие чернеца Иова 1441 г. было переписано в Хутынском монастыре. Во-первых, из перечисленных 7 новгородских Спасо-Преображенских монастырей, существовавших в то время, к середине XV в., несомненно, Хутынский был и богатейшим,²¹ и известнейшим. Скорее всего, именно этот монастырь мог быть назван писцом просто «Преображения» без дополнительных географических уточнений.²² Во-вторых, Хутынский монастырь в конце XIV—XV в. был известным и крупным книгописным центром.

Наконец, в-третьих, для локализации нашего Спасо-Преображенского монастыря большое значение имеет имя писца: «диакъ Иовъ чернецъ».²³ Известно, что Иов чернец в 1435 г. выполнял заказ по переписыванию книги (Октоиха) для архиепископа Евфимия II: «По замыш-

¹⁸ Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. С. 155.

¹⁹ Там же. Ср. с. 71, 72.

²⁰ Зосима и Герман поселились на Соловках, видимо, в 1436 г., а официально монастырь был учрежден только при архиепископе Новгородском Ионе (1458—1470 гг.) (см.: Дмитриева Р. П. О раннем периоде истории Соловецкого монастыря в Житиях Зосимы и Савватия и в списках Соловецкого летописца // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 89—98).

²¹ Согласно данным писцовых книг, к концу XV в. Хутынский монастырь был вторым по богатству в новгородских землях, ненамного уступая только Юрьеву монастырю (см.: Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 210—211).

²² Ср. упоминание Хутынского монастыря в известии Н 1 мл. 6896 (1388) г. об избрании архиепископом Новгородским Иоанна: «...и избра Богъ и святая Софѣя и престоль Божин мужа добра, тиха, смирена Иоана, игумена святого Спаса, и стави жеребеи его на престолъ своемъ...» (НПЛ. С. 382).

²³ Фотовоспроизведение почерка писца Иова см.: Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода... С. 71. Сопоставление почерка Иова с почерками писцов Км. затруднительно, так как рукописи написаны разными типами почерков: каллиграфический торжественный полуустав в Евангелии 1441 г. и варианты «обиходного» беглого полуустава в Км. (ср. анализ трех совершенно разных типов почерка одного новгородского книжника XV в. Захвья в исследовании Н. А. Охотиной-Линд: Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 120—130, 141—146).

лению господина преосвященного архиепископа Великого Новгорода владыки Еуфимия начах сию книгу писати глаголемыи Осмогласникъ месеца маиа в 1 день, на память святого пророка Иеремиа, в дом Божии Софии (...) В лѣто 6944 по замышлению пресвященного архиепископа Великого Новагорода владыки Еуфимия написана бысть сия книга глаголемая Осмогласникъ рукою многогрешнаго в иноцѣхъ Иева чернца месеца ноября в 8 день на память святого великаго архистратига Михаила» (ГИМ, Синодальное собр., № 199, л. 1 и 260).

Если принять гипотетическое отождествление двух писцов — дьяка-чернца Иова 1441 г. и чернца Иева 1435 г., то вероятность отнесения этого книжника к братии именно Хутынской обители становится еще большей: ведь Иев выполнял заказ архиепископа Евфимия II, бывшего, согласно его Житию, некоторое время иноком в этом монастыре. Став владыкой Новгородским, Евфимий не потерял связи со своей прежней обителью. Как раз в 1441 г. он одарил на престольный праздник хутынскую братию пергаменным списком Иерусалимского церковного Устава.²⁴ Согласно Распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского, в 1440 г. состоялось «смотрение мощей преподобнаго Варлаама» архиепископом,²⁵ а в 1445 г. Евфимий II «постави церковь камену на Хутинѣ святого Варлаама, а на верху колоколницу».²⁶

Предположение о написании Евангелия 1441 г. в Спасо-Преображенском Хутынском монастыре позволяет частично приблизиться к ответу на вопрос о месте создания летописного сборника, содержащего список Км. Совпадение практически всего основного объема бумаги, использованной писцами Км. (кроме небольшой самой поздней части на л. 14—24 об.), с сортами бумаги, использованной чернцем Иовом в 1441 г., вероятно, в Хутынском монастыре, наводит на мысль о возможной связи рукописи Км. с этой обителью. Эта гипотеза может быть подкреплена и другими соображениями.

Во-первых, в записях на рукописных книгах зачастую встречается один признак причастности к ведению летописной работы — это так

²⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 332, нач. XV в. На л. 199 об. запись полууставом середины XV в.: «В лѣто 6949 [1441] се положи господин пресвященный архиепископ Великого Новагорода владыка Еуфимей Устав сеи в дом святого Спаса на Хутино на праздник Преображения Господа нашего Иисуса Христа» (*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 214).

²⁵ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 40—41.

²⁶ НПЛ. С. 424. То же известие см. в Н4 (порядок слов списка Км. (Н 1 мл.) совпадает со списком Академическим вторым (Н4)).

называемые записи «летописного характера» (см. об этом подробнее далее). Такого рода запись встречаем мы и в Хутынском Уставе Иерусалимском (том самом, который Евфимий II подарил в монастырь в 1441 г.): «В лѣто 6966 [1458] преставися пресвященныи архиепископ Еуфимии марта въ 11 в субботу въ 9 час ноши. Того же месяца марта въ 19 възведен бысть на владычество Иона игумен».²⁷

Во-вторых, в самом тексте списка Км., несмотря на близость между собой всех списков Н 1мл., также можно обнаружить одну деталь, свидетельствующую о связи его переписчика с Хутынским монастырем. Излагая события 1223 г., новгородский летописец пишет: «Того же дни приведоша въ дворъ Арсенія черньца съ Хутина, мужа добра и зѣло боящася Бога» (списки Ак. и Тл.).²⁸ Это чтение протографично, так как почти дословно повторяет чтение Н 1ст. («Томъ же дни въведоша въ дворъ Арсенію църньца съ Хутина, мужа добра и зѣло боящася Бога»)²⁹. Переписчик Км. слегка отредактировал текст, придав ему большую торжественность: «Того же дни *накы* въведоша въ дворъ Арсѣнія *инока изъ обителѣ святого Спаса Хутиньскаго*, мужа добра и зѣло боящася Бога».³⁰ Замена чтения «черньца съ Хутина» на чтение «инока изъ обителѣ святого Спаса Хутиньскаго» составителем списка Км. свидетельствует, по всей видимости, о его особом отношении к названному монастырю.

Итак, анализ списка Км. позволяет предположить, что его основная часть была переписана в Хутынском монастыре в 40-х гг. XV в. Созданная вначале писцом Б рукопись содержала только собственно летописный текст от Предисловия до 1439 г. (последнее известие: «Того же лѣта архиепископъ Еуфимии позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября въ 4»)³¹. Как отметил Н. Г. Бережков, «вероятно, украшение гробов было приурочено к этому дню и постановление вынесено к нему же, и, следовательно, запись относится к осени 6947 (1439/1440) мартовского года».³² Близость даты окончания летописного текста (4 октября 1439 г.) и засвидетельствованной Евангелием «дьяка Иова чер-

²⁷ ГИМ. Синодальное собр., № 332 (Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаменных рукописей... С. 214).

²⁸ НПЛ. С. 263.

²⁹ Там же. С. 61.

³⁰ Там же. С. 263.

³¹ Там же. С. 420.

³² Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 303.

неца» даты использования определенного сорта бумаги (1441 г.) позволяет думать, что основная часть Км. была переписана в начале 1440-х гг., около 1441 г.

Писец А, продолживший труд своего предшественника, довел изложение событий до января 1446 г., причем статьи этой части Км. обозначены не по мартовскому, а по сентябрьскому стилю,³³ следовательно, его летописные записи имеют свое особое происхождение. Иначе говоря, оригинал, переписанный его предшественником, оканчивался 1439 г., а он пользовался уже другими источниками. Использование писцом А в 1446 г. сорта бумаги, также встречающегося в Евангелии 1441 г., позволяет видеть в нем летописца — современника описываемых событий. Вероятно, и он трудился, как и писец Б, в Хутынском монастыре. В заключающей летопись статье 6954 (1445/1446) сентябрьского года рассказывается о недовольстве новгородцев серебряными деньгами и о чеканке по распоряжению властей новых денег, «но о последующих событиях, разыгравшихся в Новгороде в том же году на почве недовольства деньгами и старыми и новыми, составитель летописи уже не сообщает, о них известно по Новгородской IV».³⁴ Можно уверенно предположить, что завершение работы писца А следует датировать 1446 г., скорее всего, началом года. Наконец, писец В завершил труд своих предшественников по созданию летописного сборника, судя по датировке бумаги, в конце 40-х—50-х гг. XV в.

2.1.2. Академический список

Материал, на котором был переписан список Ак., был определен издателями НПЛ следующим образом: «Бумага списка без филиграней».³⁵ Это определение, однако, ошибочно. В действительности же основная часть рукописи переписана на бумаге с филигранью «Женская фигура» (правда, несколько отличающейся от использованной в Км.), а частично — на бумаге с филигранью «Рыба» (л. 55—61).³⁶

Согласно сведениям В. Н. Татищева, до утраты последних листов список Ак. имел запись о написании рукописи в 6952 (1444) г.³⁷ Как отметил А. А. Шахматов, эти сведения хорошо согласуются с тем фак-

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ НПЛ. С. 9.

³⁶ Briquet C. M. *Les filigranes...* Genève, 1907: «Рыба» — № 12413 (1440 г.); «Женская фигура» — № 7614 (1445—1446 гг.).

³⁷ Татищев В. Н. *История Российская*. М.; Л., 1962. Т. 1. Гл. 8.

том, что список Тл., восходящий к Ак. (до утраты листов), заканчивается известием 6951 (1443)/6952 (1444) гг.³⁸ Удивительным образом А. А. Шахматов не обратил внимания на явное противоречие между датой списка Ак., которую он признал достоверной («очевидно предположение, что он написан в 1444 г.»),³⁹ и влиянием на текст Ак. предполагаемого им так называемого «Новгородско-Софийского свода»,⁴⁰ создание которого он относил к 1448 г. (см. о «Своде» в Главе 3 настоящей работы). На основании замены имени пономаря Тимофея (Н 1ст.) из молитвенного обращения летописца по случаю кончины юрьевского игумена Савы в 6738 (1230) г. на имя попа Иоанна («и мнѣ грѣшному Иоанну попови»)⁴¹ А. А. Шахматов предположил, что это — имя составителя списка Ак.⁴²

В близкий к созданию списка Ак. период времени известны два писца Иоанна, один из которых 30 ноября 1433 г. в Мостищском Николаевском монастыре у Новгорода закончил переписывать Алфавит духовный (ГИМ, собр. Черткова, № 230, 1^о, л. 424—424 об.: «...рукою многогрѣшнаго и послѣдняго въ чловецѣх и многогрѣшнаго и недостойнаго Иоанншка худаго»), а другой, «многогрѣшныи Иоанъ диакон», выполнял заказы архиепископа Евфимия II по созданию списков комплекта служебных Миней для Софийского собора в 1441 г. (РНБ, Софийское собр., № 196 — Минея на февраль и № 200 — Минея на апрель). Отождествление Иоанна — предполагаемого составителя Ак. ни с одним из этих писцов, однако, не представляется возможным.⁴³

2.1.3. Разночтения

Анализ основных разночтений списков Км., Ак. и Тр. был уже детально осуществлен А. А. Шахматовым. Исследователь отметил, что списки Км. и Ак. очень близки между собой: «Ни одной существенной вставки, ни одного существенного пропуска мы не найдем в Академическом списке сравнительно с Комиссионным».⁴⁴ Приведенный

³⁸ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 176—177.

³⁹ Там же. С. 177.

⁴⁰ Там же. С. 179—181.

⁴¹ НПЛ. С. 278 (в Км. этих слов нет).

⁴² Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 181.

⁴³ Ср. фотовоспроизведение почерка писца Ак. (НПЛ. Ил. 6 (= л. 49) и ил. 7 (= л. 74)) и почерка Иоанна дьякона — писца рукописей РНБ, Софийское собр., № 196 и № 200 (Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода... С. 158—161).

⁴⁴ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 177.

А. А. Шахматовым перечень разночтений Км. и Ак. в большей своей части состоит в дополнениях типа «абие», «сице» и «паки» в списке Ак.⁴⁵ Б. М. Клосс обратил также внимание на последовательную замену составителем Ак. глагола «еха» на «иде».⁴⁶ В списке Ак. имеются также отсутствующие в других списках пометы «зри» и «смотри», которые, как показал М. Б. Свердлов, восходят к протографу Н 1мл. и были внесены ее составителем для указания на редакционную обработку соответствующих текстов (перечень митрополитов под 989 г.; «О убиении Бориса и Глеба» под 1015 г.; Древнейшая Правда; Правда Ярославичей; известие о походе Ярослава на Литву и о строительстве Новгорода Владимиром Ярославичем под 1044 г.; «Начало княжения Изяслава в Киеве» под 1055 г.).⁴⁷

Что же касается списка Тр. (оканчивающегося на середине известия 6523 (1015) г.), то, как справедливо заметил Б. М. Клосс, он «представляет некоторую загадку: с одной стороны, он примыкает к младшему изводу Новгородской I, с другой стороны, выясняется, что его окончание явно выписано из другого источника, природу которого А. А. Шахматов затруднялся точно определить».⁴⁸ Действительно, А. А. Шахматов отметил, что Тр., начиная с рассказа об убиении Глеба, «оставляет совсем текст» Км. («и следует (на небольшом, впрочем, протяжении), до своего окончания, „Повести временных лет“».⁴⁹ Б. М. Клосс показал, что текст «Повести временных лет» в окончании списка Тр. был использован его составителем в версии Н5.⁵⁰

Основная же часть списка Тр. (от начала до рассказа об убиении Глеба), несомненно, восходит к общему с Км. и Ак. протографу. Наиболее существенное отличие Тр. от других списков Н 1мл. — это окончание Предисловия к Начальному своду. В Тр. говорится, что летописное повествование будет доведено «от Михаила царя до Олекси, Искья»,⁵¹ в то время как все остальные списки Н 1мл., в соответствии с Н4, НК1 и С1, дают чтение «от Михаила цесаря до Александра и Искья».⁵² Другое существенное разночтение Тр. обнаруживается в дополнительной статье, озаглавленной «А се роды русских князей». В конце

⁴⁵ Там же. С. 179—181.

⁴⁶ См.: Клосс Б. М. Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 253—254.

⁴⁷ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 17—21.

⁴⁸ См.: Клосс Б. М. Новгородская V летопись... С. 254.

⁴⁹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 174.

⁵⁰ См.: Клосс Б. М. Новгородская V летопись... С. 254.

⁵¹ НПЛ. С. 512.

⁵² Там же. С. 104.

этого генеалогического обзора читаем: «А Иванъ роди Дмитръя князя, тои бо Дмитрии съсвѣщася самодръжцемъ. А Дмитрии роди Юрья». ⁵³ Ни один другой перечень великих князей не содержит такого окончания. Как справедливо заметил А. А. Шахматов, «отсюда заключаем, что статья „Роды рускихъ князей“ составлена при великом княжении Юрия Дмитриевича, т. е. в 1433 или 1434 г.». ⁵⁴

Отмеченные А. А. Шахматовым в «Обозрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.» примеры протографичных чтений, «восстанавливаемых по Троицкому списку», ⁵⁵ проверкой не подтверждаются: они совпадают с чтениями списка Км. (например, «Стриба вм. Стрибога» (980 г.) — но в Км. как раз «Стриба»; «торазно вм. горазно» (987 г.) — но в Км. как раз «то разно» и др.). Таким образом, в целом подтверждается другой вывод А. А. Шахматова: «Ближайшая связь Троицкого списка с Комиссионным очевидна». ⁵⁶ По всей видимости, Км. и Тр. восходят к общему протографу, который в свою очередь явился оригиналом и для протографа Ак.

Важно отметить, что текст Км. в части после 6947 (1439) г. (т. е. дополненный к основной части, заканчивавшейся этим годом) совпадает с текстом Ак. (обрывающимся на полуслове в середине известия 6949 (1441) г.) и с отразившим Ак. еще до утраты последних листов Тл. (до конца известия 6951 (1443)/6952 (1444) г.). Таким образом, основная часть Км. дает текст Н 1мл. по 1439 г. включительно, Ак. (Тл.) — по 1443/1444 г., а дополнительная часть Км. — по начало 1446 г. Отсутствие в этих хронологических границах каких-либо следов редакторской работы позволяет видеть здесь отражение этапов непрерывного пополнения летописи годовыми статьями. Именно современность списков Км. (около 1441 г. и около 1446 г.) и Ак. (1444 г.) окончаниям их летописных текстов позволяет утверждать, что Н 1мл. в названное время — это действительно непрерывно ведущаяся летопись. Вероятно, указание списка великих князей в Тр. на 1433—1434 гг. также свидетельствует о завершении протографа Тр. именно этой хронологической границей.

Этот вывод для нас важен и по другой причине: датировка списков Км. и Ак. противоречит принятой в науке датировке так называемого «Свода 1448 г.», оказавшего, как предполагают, влияние на протограф

⁵³ Там же. С. 561.

⁵⁴ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 174.

⁵⁵ Эти примеры находятся в части, не вошедшей в издание 1938 г. и оставшейся в рукописи (Архив АН, ф. 134, оп. 1, д. 110). Цит. по кн.: Зиборов В. К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 111.

⁵⁶ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 174.

дошедших до нас списков Н 1мл. К проблеме «Свода 1448 г.» мы вернемся позже, в Главе 3.

2.2. НЕПРЕРЫВНО ВЕДУЩАЯСЯ ЛЕТОПИСЬ

Мнение о том, что новгородская «владычная летопись» издавна велась «из года в год», является общепризнанным,⁵⁷ однако исследователи уже обнаруживали различные приметы существования определенных более ранних этапов новгородского летописания, отразившегося в Н 1мл., — сводов-протографов.

А. А. Шахматов предположил, что Н 1мл., доведенная в Км. до 1439 г. (основной почерк), а в Ак. и Тл. — до 1443 г., восходит к протографу 1432 г. или 1433 г.⁵⁸ Эта гипотеза, основанная на факте повторения известия 6940 (1432) г. в списках Н 1мл. и подкрепленная упоминанием Юрия Дмитриевича как «великого князя» в Троицком списке Н 1мл.,⁵⁹ поддерживается и современными учеными.⁶⁰

Более ранний этап новгородского летописания А. А. Шахматов относил к 1421 г. («ибо свод 1448 г., держась своих источников, не переходил в основной своей части за 1422 г.»)⁶¹ и считал, что это и был «Софийский временник», составитель которого (Матфей Михайлов) использовал в ранних известиях так называемый Начальный свод конца XI в.⁶² Впоследствии исследователь отказался от представления о двух этапах редактирования новгородского летописания и предложил считать «Софийским временником» Матфея Михайлова свод 1432 г.⁶³ М. Д. Приселков датировал этот памятник 1418 г.,⁶⁴ а Д. С. Лихачев вернулся к гипотезе о своде-протографе 1433 г., полагая, что «Софий-

⁵⁷ См., например: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 702; *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов... С. 168; *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода XIII—XIV вв. // *История русской литературы*. М.; Л., 1946. Т. 2: Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. С. 115—116.

⁵⁸ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов... С. 174, 336.

⁵⁹ Там же. С. 129, 156, 165 и др.

⁶⁰ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 301; *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 246.

⁶¹ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов... С. 155.

⁶² См.: *Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду и Нестерова летопись // *ИОРЯС*. 1908. Т. 13, кн. 1.

⁶³ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов... С. 366.

⁶⁴ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 150.

ский временник» «возник в 30-х гг. XII в.». ⁶⁵ По мнению Я. С. Лурье, свод-протограф Н 1мл. может быть датирован началом XV в., причем возможно существование и более раннего свода первой половины XII в. ⁶⁶ В. Л. Янин считает, что «Временником» назывался реконструируемый им свод 1204 г., который был продолжен более поздними записями вплоть до первой четверти XV в. ⁶⁷ Исследователь предположил, что раздел, предшествующий летописному тексту в Км. Н 1мл. (включающий перечни князей, митрополитов, посадников, тысяцких, архиепископов и т. д.), был составлен в 1423 г., ⁶⁸ но аналогичный обзор в статье 6497 (989) г. «демонстрирует более поздний этап редактирования». ⁶⁹

Так же, по мнению Б. М. Клосса, может быть реконструирован «летописец, хронологически охватывавший события до начала 20-х годов XV в.», существование которого «устанавливается, исходя из датировки статей новгородского происхождения, помещенных в приложении к Комиссионному списку, и из наблюдения над сменой стиля летописания после 1423 г. (см. Новгородскую I и Новгородскую IV летописи), когда объем погодного изложения резко упал». ⁷⁰

Таким образом, исследователями уже были предположительно (порой без достаточно подробной аргументации) обозначены следующие этапы сложения Н 1мл.: 1136 г. — свод Нифонта («Софийский временник»); 1204 г. — «Временник»; 1421 г. или 1432—1433 г. — летопись-источник так называемого «Новгородско-Софийского свода» («Софийский временник»); 1423 г. — летопись, включившая в свой состав перечни князей, иерархов и магистратов списка Км.; 1439 г. — окончание основной части Км.; 1443—1444 г. — окончание основной части Ак.; 1446 г. — окончание дополнительной части Км.

Какие же из этих этапов были редакциями-сводами, а какие отражают лишь состав текста непрерывно ведущейся летописи на определенный год? Возможно ли выделение еще каких-либо этапов сложения Н 1мл. и подтверждаются ли предложенные ранее гипотезы? Можем ли

⁶⁵ Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947. С. 206—207, 443—444 и др.; 2) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Изв. 1948. Т. 25. С. 240—265.

⁶⁶ Лурье Я. С. Генсеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199.

⁶⁷ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153—181.

⁶⁸ Там же. С. 158—160.

⁶⁹ Там же. С. 159.

⁷⁰ Клосс Б. М. Новгородская V летопись... С. 256.

мы хотя бы предположительно назвать имена летописцев, принимавших участие в составлении Н 1мл.?

Попытаемся, пристально рассмотрев текст Н 1мл. за XV в., ответить на эти вопросы.

2.3. Н 1мл. В 1410-х гг.

2.3.1. Записи на рукописях и Матфей Кусов

Изучение этапов сложения Н 1мл. может быть продолжено с помощью привлечения текстов писцовых и владельческих записей на рукописных книгах новгородской Софийской библиотеки. Приведем тексты интересующих нас записей.

1) «В лѣто 6919 (1411) г. написана бысть книга сия святѣи Софии повелѣньемъ владыцѣ Иоана и изисканьемъ Матфѣя Кусова. А писалъ Василии дьякъ святого Дмитрия. Аминь. А сего лѣта ходиша новгородци к Выбору. А хто украдетъ книжки си, или хто старѣи украл, или хто възвѣдаетъ, а не скажетъ, да будут со всѣми еретики прокляти» (РНБ, Софийское собр., № 399, л. 95—95 об., Канонник, 1411 г.).⁷¹

2) «В лѣто 6921 (1413) г. н[апис]ана бысть книга си святѣи Софиѣ повелѣньемъ владыцѣ Ивана, а изисканьемъ Матфѣя Кусова. А писалъ Василии дьякъ святого Дмитрия. А сего лѣта от Можайска град[а] за 10 верст в селѣ Андрѣя князя Дмитриевича от иконы пресвятыя владычица наша Богородица явилоса жалованья и прощения людемъ много слѣпымъ, хромымъ, разслабленным, глухимъ и инымъ, нѣ нѣсть мощно сказати или исчести ихъ. Умъ человекъ не может изрещи, колико чело-веколюбие Божие и какова милость на людехъ» (РНБ, Софийское собр., № 53, внутренняя сторона верхней крышки переплета. Паремийник, конец XIII в., переплет XV в.).⁷²

3) «В лѣто 6922 (1414) г. написана бысть книга си къ святому [Володимеру] церкви благословениемъ владыцѣ [Иоана], повелѣниемъ Сидора Кюприянова, [а изисканьемъ?] Матфѣя Кусова, а хто сю книгу украдетъ, да будетъ проклят. Сей зимы месяца ноября в 17 пострижеса владыка [Иоанъ] въ скиму и масломъ мазася въ монастыри на Деревя-

⁷¹ Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 62.

⁷² Там же. С. 28; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984. С. 309—310.

ници по сем днии, а посадник Кирило Дмитръевич преставися» (Мусин-Пушкинский сборник, 1414 г., сгорел в 1812 г., далее — Сб. 1414 г.).⁷³

4) «А ся книга дана бысть от Матфѣя от Кусова святѣи Софѣи владыци Еуфимью» (РНБ, Софийское собр., № 387, л. 1 об. Миния праздничная, XV в., запись полууставом XVII в.).⁷⁴

Приведенные тексты записей несомненно свидетельствуют, что на протяжении 1411—1414 гг. (записи № 1—3) и позже, по крайней мере после 1423 г.⁷⁵ (запись № 4), некто Матфей Кусов выступает как заметный новгородский книжник, тесно связанный в своей деятельности с архиепископской кафедрой. Что же касается церкви св. Дмитрия, дьяк которой Василий переписал «изисканьем Матфѣя Кусова» рукописные книги 1411 и 1413 гг., то в средневековом Новгороде было в то время по крайней мере 3 церкви с таким посвящением: на Софийской стороне (Неревский конец, на Даньславле улице) и 2 на Торговой стороне (обе в Славенском конце). Если учесть то обстоятельство, что каменная церковь на Софийской стороне была построена в 1394 г. и «свяща ю архиепископъ владыка Иванъ»,⁷⁶ а Василий писал обе рукописи «святѣи Софии повелѣньемъ владыцѣ Иоана», то все же чуть более вероятной кажется принадлежность упомянутого дьяка именно к церкви св. Дмитрия на Софийской стороне.⁷⁷

Тот факт, что Матфей Кусов был причастен к ведению летописания, может быть аргументирован уже тем, что все 3 его прижизненные записи (№ 1—3) содержат добавления летописного характера. В дальнейшем еще пойдет речь о Матфее Кусове как летописце (см. Главу 4), сейчас же нам важно отметить, что если первое известие 1411 г. («А

⁷³ В квадратные скобки заключены выскобленные места в Мусин-Пушкинском сборнике, причем вместо читавшегося изначально «Иоана» в обоих случаях было написано «Антонa». Чтение «а изисканьем» предположительно восстановлено нами в данном контексте по аналогии с записями 1411 и 1413 гг. Запись 1414 г. известна по спискам начала XIX в.: РНБ, ОСРК, F.I.295 и БАН, 24.4.41. См.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Ч. 1, разд. 18: Сб. 1414 г. С. 82—88; *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сборник в копии начала XIX-го века. СПб., 1893; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1971. Т. 3, вып. 3: Исторические сборники XVIII—XIX вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. С. 113.

⁷⁴ *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских... С. 71.

⁷⁵ Евфимий I был избран архиепископом Новгородским в конце 1423 г.

⁷⁶ НПЛ. С. 386.

⁷⁷ По описи 1617 г. в этой церкви было 33 книги (Опись Новгорода 1617 года / Под общей ред. В. Л. Янина. М., 1984. Ч. 1. С. 79).

сего лѣта ходиша новгородци к Выбору») изложено в летописях иначе и полнее,⁷⁸ то второе, 1413 г. (о чуде иконы Богородицы под Можайском) и третье, 1414 г. (о пострижении в схиму владыки Иоанна в Деревяницком монастыре и о смерти посадника Кирилла Дмитриевича) известия имеют практически дословные соответствия в текстах Н 1мл., НК и Н4.⁷⁹ Сопоставление текстов известия 1414 г. с одной стороны в Сб. 1414 г., а с другой — в Н 1мл. и в Н4, позволяет сделать важный вывод: не писец Сб. 1414 г. заимствовал это сообщение из летописи, а, напротив, в Н 1мл. использован текст Сб. 1414 г. Из Н 1мл. через посредство НК2 текст известия попал уже в Н4.

Таблица 2

Сб. 1414 г.	Н 1мл.	Н4
<i>Сей зимы мѣсяца ноября в 17 пострижеса владыка [Иоанъ] в скиму и масломъ мазаса въ монастыри на Деревяници по сем дни, а посадник Кирило Дмитриѣвич преставися.</i>	<i>Пострижеса владыка Иоанн въ скиму, а посадникъ Кирила Дмитриевич преставися. Той же зимы, мѣсяца генваря въ 20, соуде владыка Иоан со владычества, бывши въ владычестваѣ 30 лѣт без трии.</i>	<i>Пострижеса владыка Иванъ въ скиму мѣсяца ноября 15, а генваря 20 съиде съ владычества, бывъ въ владычестваѣ 30 лѣтъ бес треи. А посадникъ Кириль Дмитриевич преставися.</i>

Нетрудно заметить, что писец Сб. 1414 г. еще не знает об уходе Иоанна «со владычества» 20 января 6922 (1415) г. При составлении Н 1мл. сокращены слова «сей зимы м(е)с(я)ця ноября в 17»; «и масломъ мазаса въ монастыри на Деревяници по сем дни», но добавлено новое известие о сошествии Иоанна с архиепископской кафедры. Наконец, при редактировании Н4 2 известия, связанных с Иоанном, были объединены вместе, а сообщение о смерти посадника переставлено в конец летописной статьи. Прямое использование записи на рукописи 1414 г. составителем Н 1мл., наряду с «летописным» характером всех трех кусковых записей, позволяет уверенно предполагать участие Матфея Кусова во «владычном» новгородском летописании 1410-х гг., дошедшем до нас в составе Н 1мл.

Именно в записях за эти годы замечен особый интерес летописца к происходящим в церквах и связанным с иконами чудесам, знаменам и

⁷⁸ НПЛ. С. 402; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 411. Ср., однако, достаточно близкий вариант в ЛЕП: «В лето 6919 (1411) ходили новгородци со князем Семионом Олгердьдовичом к городу к Выбору немецкому и извоевали Свию и взяли у города охабень» (л. 46).

⁷⁹ НПЛ. С. 404, 405; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 413.

исцелениям. Если в предшествующем тексте Н 1мл. известия такого рода (в отличие от известий о знамениях «в солнце», «в луне» и «на небеси») сравнительно немногочисленны (1208, 1243, 1339, 1396 гг.), то за 1409—1418 гг. встречаем их целую цепочку:

1) 6917 (1409) г., 30 ноября: «Сеи же зимы, мѣсяца ноября въ 30 день, на память святого апостола Андрѣя, чюдо бысть страшно въ церкви святого Михаила на Сковороткѣ: звукъ бысть в маковицѣ; сеи же звукъ слышаша попы и чернци по два дни, по двѣ нощи».⁸⁰

2) 6918 (1410) г.: «Бысть знамение въ церкви святого Георгия конецъ Лубянкѣ от иконы святыя Богородица молебной».⁸¹

3) 6918 (1410) г., 21 декабря: «Створися знамение въ святѣи Софѣи от иконы святыхъ мученикъ Гурья и Самона и Авива, мѣсяца декабря въ 21».⁸²

4) 6921 (1413) г.: «Того же лѣта от Можайска града за 10 верьсть, въ отчины князя Андрѣя Дмитриевича, от иконы пресвятыя Богородица явилоса жалования и прощения людем много: слѣпымъ, хромымъ, раслабленнымъ, глухимъ и нѣмымъ, и нѣсть мощно сказати или исчести их, ум человекъ не можетъ изрещи, колико человекѣколюбие Божие и какова милость на людех».⁸³

5) 6923—6924 (1416) г., 12 и 15 марта: «Тои зимы февраля въ 23, в недѣлю мясопустную, прииха Самсонъ к митрополиту ставится владыкою, а с ним послы новгородчкыи: Василии Обакунович, тысячкыи Василии Есифович, тысячкыи Олександръ Игнатъевич, и приихаша на Москву. В лѣто 6924. Марта въ 9, на 40 мученикъ, по зборѣ в понедѣльник. А в четверток тои недѣли, 12 день, простил Богъ въ церкви святѣи Богородици у гроба Петра митрополита: у человекѣка нога прикорьчена исцѣлѣ, а в недѣлю 2-ю поста, въ 15, у черницѣ ругѣ исцѣлѣша».⁸⁴

6) 6926 (1418) г., 19 апреля: «Знамение бысть въ церкви святѣи мученици Ностасыи: идяше от иконы святыя Богородица Покрова акы кровь по обѣ сторонѣ ризъ ея, мѣсяца априля 19».⁸⁵

Следует особо отметить, что известие 6921 (1413) г. (№ 4 по нашему перечню) практически дословно совпадает с записью на рукописной книге, сделанной «изисканьем» Матфея Кусова, что позволяет предпо-

⁸⁰ НПЛ. С. 401.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 402.

⁸³ Там же. С. 404.

⁸⁴ Там же. С. 406.

⁸⁵ Там же. С. 408—409.

ложительно связать и другие известия из указанного ряда с творческой манерой этого книжника. Очевидно, летописец был участником «владычного» посольства в Москву зимой—весной 1416 г., где и стал очевидцем двух исцелений (известие № 5 по нашему перечню). Если начало участия Матфея в работе над созданием летописи можно определить лишь приблизительно («не позже 1409 г.»), то смена стиля летописания в 1421 г. (см. об этом далее), видимо, может свидетельствовать о том, что Кусов был «владычным» летописцем только до этого времени.

Роль Матфея в летописной работе была, очевидно, аналогична его роли при переписывании известных нам рукописных книг 1411—1414 гг. Записи определяют эту работу словом «изисканье», которое в словарях переводится как «исследование; рассмотрение; разыскание; мнение; мысль».⁸⁶

Наиболее точно функции Матфея Кусова определил Б. Д. Греков, очевидно, со слов А. А. Шахматова: «Над переписчиками и составителями летописей (в книгописной мастерской новгородских владык. — А. Б.) был особый надзор специалиста, который сам должен был нести на себе главную ответственную работу (...) Матвей Кусов наблюдает за работой переписчиков...».⁸⁷

Именно таким «техническим руководителем» новгородского летописания при создании непрерывно ведущейся летописи (Н 1мл.) в 1410-х гг., очевидно, и являлся Матфей Кусов.

2.4. ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ Н 1мл. В 1420-х гг.

2.4.1. Летописание при Феодосии Клопском

Существующие исследования оставляют не до конца проясненным вопрос о редактировании летописей Великого Новгорода в 20-х гг. XV в. Для того чтобы попытаться продвинуться вперед, рассмотрим более пристально текст названных летописей за период, начинающийся со смерти архиепископа Симеона (15 июня 1421 г.), когда владычную кафедру последовательно занимали игумен Клопского монастыря Феодосий (1 сентября 1421 г.—конец августа 1423 г.) и выходец из Деревяницкого монастыря Емелиан (Евфимий) Брадатый (31 августа 1423 г.—1 ноября 1429 г.).

⁸⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1059; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 217.

⁸⁷ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. Ч. 1. С. 57—58.

В Н 1мл. после известия о смерти владыки Симеона сразу следует описание выборов по жребию нового архиепископа: «Того же лѣта сдумавше новгородци на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, и ставъ вѣщемъ у святѣи Софѣи, положиша 3 жеребьи на престолѣ во святѣи Софѣи, написавъ: игумена Феодосиа святѣи Троицѣ съ Клопска, игумена Захарью от Благовѣщенна святѣи Богородици, Арсиния ключника владычнѣ съ Лисиции горкѣ, и по отпѣтии святыхъ службы Труфанъ попъ 1 вынесе Арстѣниевъ жеребии, потом Захарьинъ, а на престолѣ остана Феодосеевъ жеребии. Посадникъ Тимофѣи Васильевич и тысячкы Кузма Терентѣевич с новгородци възведоша игумена Феодосиа честно в домъ святѣи Софѣи на сѣни, мѣсяца септября въ 1, в понедѣльник, на память святого отца Симеона столпника».⁸⁸ В НК2 между известиями о смерти Симеона и о возведении на кафедру Феодосия читается еще сообщение о строительстве 2 церквей: «Того же лѣта свершиша двѣ церкви камены: Исакъ Окинфовъ — Богоявление на Полѣ в монастырѣ, а Василеи Филипов съ Лукьяномъ Онциферовымъ — святыи Спасъ на Розважи улицѣ», причем известие о Феодосии передано очень кратко: «Того же лѣта възведен бысть по жеребью в дом святыхъ Софея Феодосии игумень от святой Троицы с Клопска» (НК2, л. 425). Сопоставление же с Н4 показывает, что летом 1421 г., между 15 июня (кончина Симеона) и 1 сентября (избрание Феодосия), в Новгороде произошло событие, которое не упомянуто в Н 1мл. (а вслед за ней и в НК2): «И в Новѣгороди востаха бранью два конца, Неревъскыи и Славеньскыи, за Климента Ортѣмына, про землю, на посадника Ондрѣя Ивановича, и пограбиша дворъ его в доспѣсехъ, и иныхъ боярь разграбиша дворы напрасно, и убиша Андрѣевыхъ пособниковъ 20 чловѣкъ до смерти, а Неревлянъ 2 чловѣка, и умиришася».⁸⁹ Еще И. Беляев связал избрание на владычный престол Феодосия Клопского с восстанием 1421 г., а Л. А. Дмитриев показал, что причина восстания («про землю») может быть соотнесена с тем, что «бедный Клопский монастырь вынужден был сталкиваться с крупными боярами-землевладельцами».⁹⁰ По мнению В. Л. Янина, восстание 1421 г. было связано также с нарушением норм представительства в посадничестве от Неревского и Славенского концов, причем неревская династия Онцифоровичей была среди инициаторов этого выступления.⁹¹

⁸⁸ НПЛ. С. 414.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431.

⁹⁰ Беляев И. Рассказы из русской истории. М., 1866. Кн. 2: История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. С. 461; Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 32—35.

⁹¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 257—258.

Для нас существенно то, что в Н 1мл. ничего не говорится о восстании и подробно описана процедура избрания Феодосия, а в Н4, напротив, есть рассказ о восстании, но нет описания выборов по жребию. Автор известия в Н 1мл. подчеркивает законность и «правильность» избрания нового владыки («възведоша игумена Феодосия *честно* в домъ святѣи Софѣи на сѣни»), в то время как в Н4 восстание, приведшее к избранию Феодосия, описано с явным осуждением («разграбиша двory *напрасно*»). Учитывая, что спустя 2 года после избрания Феодосий был сослан новгородцами обратно в Клопский монастырь, столь доброжелательное описание выборов 1421 г. следует относить ко времени до его отставки. Иными словами, в Н 1мл. сохранился текст, написанный летописцем архиепископа Феодосия, и этот автор не считал нужным упоминать о восстании, способствовавшем избранию на кафедру клопского игумена.⁹²

В Н4 известие о восстании 1421 г. замыкает цепь «неизвестно-откуда-взятых» материалов, целый ряд которых связан с Матфеем Кузовым. Это обстоятельство позволяет думать, что и это известие входило в состав его летописи, но уже не «официальной владычной», а основанной на ней частной, куда книжник занес свои семейные записи (см. об этом в Главе 4).

После рассказа о выборах владыки 1 сентября 1421 г. в Н 1мл. следуют не имеющие точной даты известия: «Того же лѣта свершены быша 4 церкви камены: Богоявление на Полѣ, Въскресение у Благовещения въ манастири, Иванъ милостивый в Людинѣ конци; а новгородци человаша крестъ за одинъ брат. Въ си два лѣта бысть глад и мор ве-

⁹² В. Л. Янин отмечает, что «1421 г. является вероятной датой падения Онцифоровичей как посадничей династии. Сын Юрия Онцифоровича Михаил еще в 1420 г. принимает деятельное участие в новгородских государственных актах. Между тем в последующее время ни он, ни его сыновья не избираются больше на государственные должности, хотя берестяные грамоты фиксируют их существование по крайней мере до середины XV в. Не связано ли это падение с осуждением их инициативы в 1421 г.?» (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 258). Следует уточнить, что восстание 1421 г. явно окончилось успехом, о чем можно судить и по избранию Феодосия на «владычную» кафедру, и по числу жертв (погибло 20 сторонников посадника Андрея Ивановича и только двое из восставших), и по расширению представительства в посадничестве Славенского конца (Там же. С. 259). Успех был отмечен победившей стороной: сразу вслед за рассказом о восстании в Н4 сообщается, что «свершиша 2 церкви каменны Исаакъ Онцифоровичъ в манастири на Полѣ Богоявление, и Василей Филиповичъ с Лукианомъ Онцифоровичемъ святыи Спасъ на Розважи улицы» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431). «Падение Онцифоровичей», видимо, следует относить к 1423 г., когда избранный в результате восстания владыка Феодосий был сослан в свой монастырь.

ликъ, и наметаша мертвых три скуделницѣ: одну въ святѣи Софѣи за олтарем, а двѣ у Рожества на Полѣ». ⁹³

Во-первых, в приведенном тексте обращает на себя внимание тот факт, что вместо 4 церквей названо только 3; сравнение с НК2 и Н4 показывает, что кроме них должна быть названа церковь Воскресения в Павлове монастыре (см. НК2: РНБ, F.IV.603, л. 425). Этот повтор слова «Воскресения» вызвал ошибку переписчика протографа Н 1мл. (пропуск присущ всем сохранившимся спискам Н 1мл.). Во-вторых, формулировка «Въ си два лѣта бысть...» свидетельствует, что запись сделана задним числом, спустя как минимум 2 года, а значит, уже после отставки владыки Феодосия.

Следующий 6930 (1422) г. в тексте вообще не проставлен, а летописная запись 6931 (1423) г. открывается известием: «Бысть знамение в солнци». Как отметил Н. Г. Бережков, эта запись относится, по всей видимости, к солнечному затмению 26 июня 1424 г., ⁹⁴ хотя в следующей годовой статье встречаются известия, датируемые сентябрем 1423 г. (изгнание Феодосия и возведение на кафедру Евфимия). Правда, в Летописце епископа Павла сообщается о знамениях в солнце как под 1422 г., так и под 1423 г., а под 1424 г. отдельно сообщается о затмении («гибло солнце») (см.: БАН, собр. Доброхотова, № 18, л. 46 об.). Но в любом случае, относить ли возобновление летописных записей в Н 1мл. после лакуны к осени 1423 г. или к лету 1424 г., мы можем отметить практически полное отсутствие известий за время правления архиепископа Феодосия (после сообщения о его избрании по жребию). Возникает вопрос: сокращены ли эти записи впоследствии, или же при Феодосии летописание не велось?

Напомним, что, как показал Л. А. Дмитриев, этот владыка был выходцем из монастыря с промосковской ориентацией и занял архиепископскую кафедру на гребне народных волнений летом 1421 г., а уже через 2 года был вынужден вернуться в свою обитель. ⁹⁵ Феодосий был чужим, пришельцем в Новгороде (согласно Н4, новгородцы мотивировали его смещение с кафедры так: «Не хотим шестника владыкою»). ⁹⁶ Подвизавшийся в том же монастыре Михаил Клопский был родственником московских князей (сын Дмитрия Донского Константин назвал его, встретив в монастыре, «своитином»). ⁹⁷ В. Л. Янин выдвинул убедитель-

⁹³ НПЛ. С. 414.

⁹⁴ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 301.

⁹⁵ Повести о житии Михаила Клопского. С. 31—34.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431.

⁹⁷ Повести о житии Михаила Клопского. С. 91.

тельно аргументированное предположение, что Михаил был сыном Д. М. Волинского-Боброка, внуком князя Ивана Красного.⁹⁸

В этой связи появление в разделе, предшествующем Комиссионному списку Н 1мл., рубрик «Сице родословятся велицѣи князи русьстии»,⁹⁹ в которых, кстати, упоминается и Иван Красный,¹⁰⁰ действительно можно отнести к 1423 г., когда «владычное» летописание велось под руководством Феодосия Клопского. Характерно, что эти рубрики дошли до нас среди дополнительных (начальных) разделов только к одному списку Н 1мл. — Км., причем в Новороссийском списке Н4, где есть аналогичные дополнительные разделы, великокняжеские родословия отсутствуют, однако они встречаются в статьях, предшествующих Летописцу епископа Павла.¹⁰¹

Среди статей, предшествующих Комиссионному списку Н 1мл, отметим также рубрику «А се имена всѣм градом руским, далним и ближним».¹⁰² По поводу этого текста, оформившегося в конце XIV—начале XV в. и встречающегося в различных летописных сборниках, А. Н. Насонов заметил, что в нем «выражена идея единства Юго-Западной и Западной Руси и Руси Северной и Северо-Восточной, собраны города „дальние” и „ближние”».¹⁰³ Для Н 1мл., в целом не интересующейся событиями за пределами новгородских земель, включение в предваряющие ее текст статьи таких разделов кажется по меньшей мере необычным. Действительно, в статье 6497 (989) г., содержащей перечни такого типа, нет ни списков великих князей, ни списков русских городов.

Таким образом, можно полагать, что эти рубрики в списке Км. представляют собой случайно уцелевшие следы работы с летописью владыки Феодосия. Если эта работа велась (а об этом свидетельствует и сохранившийся рассказ о выборах архиепископа 1421 г.), то, по всей видимости, известия 1422 и 1423 гг. существовали, а после изгнания этого владыки были изъяты как неприемлемые, с точки зрения следующего архиепископа — Евфимия I Брататого.

⁹⁸ Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52—61.

⁹⁹ НПЛ. С. 465—469.

¹⁰⁰ Там же. С. 466, 468.

¹⁰¹ Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 92—93.

¹⁰² НПЛ. С. 475—477.

¹⁰³ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 276.

Исследователями уже отмечалось, что протограф дошедших до нас списков Н 1мл. испытал на себе влияние так называемого «Новгородско-Софийского свода». А. А. Шахматов относил к числу таких испытанных влияние «Свода» текстов летописные статьи об Александре Невском (6748 (1240) г., 6750 (1242) г., 6754 (1246) г., 6759 (1251) г.), Сказание об убиении Михаила Черниговского (6753 (1245) г.), известие о кончине Ярослава Всеволодовича в Орде (6754 (1246) г.) и краткое сообщение о взятии крестоносцами Царьграда, помещенное вслед за обширной повестью (6712/1204 г.).¹⁰⁴ Впоследствии исследователи выдвинули дополнительные аргументы в пользу предположения А. А. Шахматова о правке протографа Н 1мл. по центральнонорусскому источнику (типа С1).¹⁰⁵ Учитывая все сказанное выше о характере работы с летописным текстом при архиепископе Феодосии, можно с большой долей вероятности отнести и эту правку протографа Н 1мл. по центральнонорусскому источнику ко времени управления новгородской кафедрой этим владыкой, точнее — около 1423 г.

Итак, нам представляется, что по инициативе Феодосия Клопского около 1423 г., когда он был «нареченным» владыкой, в раздел, предвещающий архиепископскую летопись, были включены статьи о родословии великих князей и о русских городах, произведена правка и дополнение ряда статей 1204—1251 гг. по центральнонорусскому летописному источнику (типа С1), а также были написаны годовые статьи 1421, 1422 и 1423 гг. От первой из них сохранилось только известие об избрании Феодосия владыкой, последние же 2, вероятно, были изъяты из «владычной летописи» следующим архиепископом Евфимием I, а разделы о родословиях князей и о городах уцелели лишь в списке Км. Н 1мл.

Евфимий I, ставший новгородским владыкой в конце 1423 г., вернул летописание в традиционное, но уже исчерпавшее себя русло.

2.4.2. Летописание при Евфимии I

Из жития Михаила Клопского мы знаем о неприязненном отношении иноков этой обители к новому владыке,¹⁰⁶ выходцу из Деревя-

¹⁰⁴ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 164.

¹⁰⁵ См., например: Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 229—238.

¹⁰⁶ Повести о житии Михаила Клопского. С. 43—45, 93 (о том, что Евфимий I не захотел принять участие в похоронах Феодосия, из-за чего последний пролежал 3 дня непохороненным); 98, 104—105 (о том, как Евфимий I, захотев получить с Клоп-

ницкого монастыря, со времени основания тесно связанного с «домом святой Софии».

Известно, что в Деревяницком монастыре существовали «владычныѣ хоромы» (1414 г.),¹⁰⁷ предназначавшиеся, по всей видимости, для ушедших «на покой» архиепископов, а сам монастырь рассматривался как «владычный» некрополь. Если факт погребения здесь архиепископов Алексея (ум. в 1389 г.) и Иоанна (ум. в 1417 г.) подтверждается свидетельством Н 1мл.,¹⁰⁸ то вопрос о месте погребения Евфимия I более сложен. В. Л. Янин отметил, что «место погребения Евфимия I Брататого (1423—1429) в древних источниках не зафиксировано»,¹⁰⁹ и предположил, что он мог быть похоронен в Мартирьевской паперти Софийского собора.¹¹⁰

Однако в 1989 г. Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН приобрело Устав Иерусалимский, датируемый по пасхалии 1498 г. и принадлежавший в XVI в. Деревяницкому монастырю. Запись того же времени прямо указывает: «Месяца ноября 1 день, обѣд по владыкы по Еуфимьи, что лежит здѣсь, по челкви братьи» (ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 89, л. 296 об.). Таким образом, Евфимий I, выходец из Деревяницкого монастыря, в этой же обители и похоронен. В находящихся рядом записях упоминаются поминальные трапезы для братии по похороненным здесь владыкам Алексею, Иоанну, а также и по Василию Калике, из чего следует, что последний, возможно, предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, так как дал вклад на «вечное поминание».¹¹¹ Как известно, владыка Василий умер скоропостижно на пути из Пскова в Новгород 3 июля 1352 г. и был похоронен в новгородском Софийском соборе.¹¹²

Э. С. Смирнова справедливо заметила, что «Евфимий I, сменивший Феодосия, восстановил традиционно новгородскую, сепаратистскую ориентацию архиепископского дома».¹¹³ Продолжил он и ведение летописания, хотя записи за 6931 (1423)—6936 (1428) гг. весьма лапидарны;

ского монастыря «куны», взял вороного коня, а Михаил в ответ предсказал ему скорую смерть».

¹⁰⁷ НПЛ. С. 404.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 407, 475.

¹⁰⁹ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 66.

¹¹⁰ Там же. С. 66, 87.

¹¹¹ О поминальных трапезах в монастырях XV в. см.: Фролов С. В. «Стих-старина» за монастырским «пивом» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 196—204.

¹¹² НПЛ. С. 100.

¹¹³ Смирнова Э. С. Очерки истории новгородской иконописи XV в. // Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 26.

они посвящены главным образом строительству церквей (1423, 1424, 1427 гг.) и военным акциям новгородцев (1425, 1426, 1428 гг.).

Из событий, не связанных непосредственно с Великим Новгородом и Псковом, отмечены лишь такие существенные, как преставление великих князей Василия Дмитриевича Московского (1424 г.) и Ивана Михайловича Тверского (1425 г.).¹¹⁴ Несмотря на краткость записей 1423—1428 гг., можно думать, что они были включены в Н 1мл. не задним числом, а уже при архиепископе Евфимии I. Доказывается это предположение тем текстологическим наблюдением, что летописец архиепископа Евфимия I Брататого особо подчеркивал роль владыки в церковном строительстве, а в летописях, составленных, очевидно, уже после его смерти, при следующем архиепископе Евфимии II (1429—1458), это обстоятельство было замечено и исправлено:

Таблица 3

	Н1 мл.	НК2
	НПЛ. С. 415.	РНБ, F.IV.603, л. 425 об.
6932 (1424) г.	Того же лѣта постави владыка <i>Еуфимей</i> церковь святого Спаса Милостиваго за олтаремъ у святѣи Софѣи.	Того же лѣта поставиша <i>новгородци</i> церковь святыи Спаса у Софьи за олтарем в един день.
6935 (1427) г.	Свершена бысть церковь камина святыи Спась Милостивыи <i>владыкою Еуфимиемъ, и устроена бысть дивно иконами и книгами.</i>	Съвершена бысть церковь камина святыи Спаса Милостивыи <i>повелением владыце Евфимиа.</i>

Замена в первом случае «владыки Евфимия» на «новгородцев» в качестве строителей церкви, смягчение формулировки во втором случае, где владыка выступает уже не как «создатель», а лишь как «инициатор» строительства, и, наконец, умолчание о «дивном устройении» церкви свидетельствуют о различном отношении двух летописцев к этому архиепископу. Первый, конечно, писал еще при его жизни, а второй — после его кончины.

1 ноября 1429 г. Евфимий Брататый преставился. Он управлял новгородской епархией более 6 лет, не оставив, однако, заметного следа в ее истории.¹¹⁵

¹¹⁴ НПЛ. С. 414—415.

¹¹⁵ См. о нем: *Поньрко Н. В.* Евфимий I (Емелиан) Брататый // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 205—206; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 50—51, 176—177.

В области летописания он отличился, кажется, лишь тем, что устранил годовые статьи 1422 и 1423 гг., написанные при его предшественнике Феодосии Клопском, и возобновил традиционный узконовгородский подход к ведению «владычной летописи». И в других областях книжной культуры время Евфимия I не дало ничего примечательного (известна всего лишь одна переписанная в период его «владычества» датированная новгородская рукопись: Стихирарь 1424 г. — ГИМ, Синодальное собр., № 199).

Местный патриотизм, порожденный стремлением к независимости, начал перерастать в искусственную самоизоляцию, автаркию. Новгородская культура, думается, отторгла «чужака» Феодосия с его промосковскими взглядами, но она нуждалась в притоке свежих тем, сюжетов и образов. Следующий архиепископ, Евфимий II, занявший кафедру в конце 1429 г., выходец из Лисицкого монастыря с его богатыми книжными традициями и связями с византийским миром (см. об этом в Главе 3), сумел вдохнуть новые силы в культуру Великого Новгорода.

3.1. ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Новгородская Карамзинская летопись сохранилась в единственном списке конца XV—начала XVI в. (РНБ, ОСПК, F.IV.603, л. 181—425 об.)¹ (далее — НК). Особенностью НК является то, что она состоит из двух приблизительно равных по объему частей (подборок летописных известий), следующих в рукописи одна за другой. В тех случаях, когда речь идет отдельно о первой (до 1411 г.: л. 181—301) либо второй (до 1428 г.: л. 302—425 об.) подборке летописных известий НК, они сокращенно обозначаются соответственно НК1 и НК2.

В обеих подборках НК представлен принципиально иной, по сравнению с Н 1мл., вид новгородского летописания. Значение этого памятника определяется тем, что здесь новгородские летописцы проявляют заметный интерес к событиям не только местным, но и общерусским, в НК1 и НК2 они широко включают в свои своды произведения южно- и центральнорусской письменности, начиная с «Повести временных лет».²

НК1 охватывает хронологический период от раздела земли сыновьями Ноя после потопа до 6919 (1411) г. (последние известия: о свадьбе дочери Василия Дмитриевича Анны и византийского царевича Ивана Мануиловича и о походе новгородцев «на мурмани»); а вторая подборка (НК2) — от 6496 (988) г. (известие о строительстве князем Владимиром первой церкви в Киеве) до 6936 (1428) г. (известие о примирении новгородцев с Витовтом). Обе части переписаны одним почерком, но вторая начинается в рукописи с нового листа (оборот предыдущего был оставлен незаполненным).

¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1878 год. СПб., 1879. С. 9, 14—15; Псковские летописи / Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. XIX—XX; ПС XV в. С. 309 (№ 3422); Кloss Б. М. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 63.

² В завершенном виде эта тенденция реализуется в Н4 (см. об этом подробнее в Главе 4).

Новгородско-Софийский свод
(«Свод 1448 г.»)

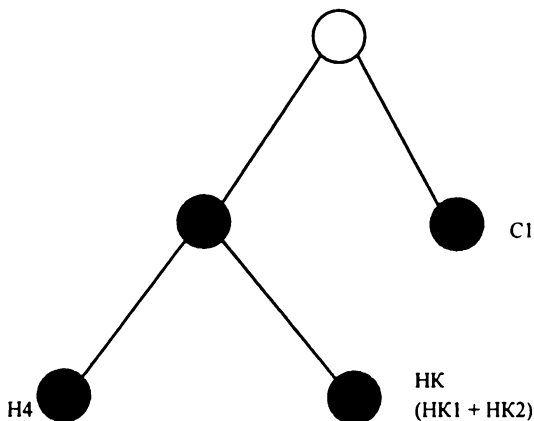

Рис. 1. Взаимоотношение летописей по Я. С. Лурье

Существуют 2 основные точки зрения на происхождение этих летописных подборок. Согласно первой, высказанной еще А. А. Шахматовым³ и наиболее подробно аргументированной Я. С. Лурье,⁴ НК1 и НК2 — это выборки из единого оригинала, которые невозможно рассматривать как самостоятельные памятники. Таким общим источником, согласно этой точке зрения, является так называемый «Новгородско-Софийский свод»,⁵ гипотетически восстанавливаемый путем сопоставления Н4 и общерусской (московской) С1 (см. рис. 1).

Принципиально другой взгляд на происхождение НК1 и НК2 был высказан Г. М. Прохоровым, который предложил рассматривать подборы как самостоятельные, составленные в разное время летописные памятники.⁶ Оба исследователя — и Я. С. Лурье, и Г. М. Прохоров —

³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 189—195.

⁴ Лурье Я. С. 1) Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; 2) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199—218; 3) Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 108—122.

⁵ А. А. Шахматов полагал, что «протограф Карамзинского списка представлял собою соединение» двух летописей — Н4 и «Новгородско-Софийского свода» (свода-протографа Н4 и С1) (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 193).

⁶ Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198.

отчасти сходятся в том, что НК2 вторична по отношению к протографу С1, и в том, что Н4, по всей вероятности, возникла в результате соединения НК1 и НК2 (эту точку зрения Я. С. Лурье частично принял под влиянием аргументов своего оппонента по дискуссии, хотя в целом он рассматривал НК1 и НК2 как выборки из Н4 в ее протографичном виде).⁷

Принципиальное отличие двух точек зрения заключается не только в отношении к НК1 и НК2 как к выборкам из единого текста (Я. С. Лурье) или как к самостоятельным текстам (Г. М. Прохоров), но и в интерпретации отношения между НК1 и С1: если Я. С. Лурье считает, что они отражают общий протограф — «Новгородско-Софийский свод», то Г. М. Прохоров настаивает на вторичности С1 по отношению к НК1. Спор между исследователями, проведенный на высочайшем научном уровне, показал исключительное значение вопроса о происхождении летописных подборок НК. Предложенная Г. М. Прохоровым интерпретация привела его не только к отказу от гипотезы о существовании «Новгородско-Софийского свода», но и к пересмотру всей схемы истории русского летописания (см. рис. 2).

Необычайная сложность этой текстологической проблемы объясняется многократными перекрестными влияниями летописных памятников друг на друга. Достаточно сказать, что Н 1мл. в дошедшем до нас виде неоднородна: на разных этапах существования этой непрерывно ведущейся летописи, с одной стороны, ее протограф был использован составителем С1 (или гипотетического «Новгородско-Софийского свода»), а с другой — в ряде статей он сам испытал влияние общерусского

⁷ Происхождение двух подборок А. А. Шахматов предлагал объяснять следующим образом: сначала было сделано извлечение из протографа начал летописных статей, содержавших главным образом новгородские известия, потом, дойдя до 1411 г., составитель НК, не удовлетворенный результатом, прервал первую выборку и восполнил во второй выборке все опущенное (*Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов...* С. 193—195). Я. С. Лурье присоединился к мнению А. А. Шахматова (*Лурье Я. С. Новгородская Карамзинская летопись*. С. 207—213), однако после того, как Г. М. Прохоров обнаружил противоречие в том, что обе подборки НК не имеют дублировок внутри каждой из них, но более 60 раз дублируют друг друга (один писец — «создатель архетипа Н4—НК 65 раз себя продублировал», а другой «писец — разделитель НК (...) виртуозно точно его „раздублировал“»: *Прохоров Г. М. Летописные подборки...* С. 170), Я. С. Лурье предложил в будущих исследованиях поставить вопрос о том, не было ли разделение на 2 выборки присуще уже общему оригиналу НК и Н4. «Это предположение, — отметил Я. С. Лурье, — устранило бы трудности, возникающие при „раздублировании“ дублировок НК» (*Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ...* С. 215—216 (примеч. 38)). В таком случае Н4 понимается Я. С. Лурье как результат соединения текстов НК1 и НК2, но остается открытым вопрос о происхождении подборок.

(центральнорусского) источника.⁸ Аналогичным образом Н 1мл. бесспорно оказывала влияние на НК1, НК2 и Н4. При анализе этого «текстологического многоугольника» существенным оказывается тот факт, что традиционная линия новгородского летописания в целом имеет местный характер и заимствованные известия сразу выделяются своим содержанием.

3.2. НОВГОРОДСКАЯ КАРАМЗИНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ (ПЕРВАЯ ПОДБОРКА)

3.2.1. Текстологический анализ

Если бросить самый общий взгляд на структуру НК1, нетрудно заметить, что до 1185 г., как это было отмечено Г. М. Прохоровым,⁹ текст содержит как новгородские, совпадающие с Н1 известия, так и общерусские. После этой хронологической границы почти все известия

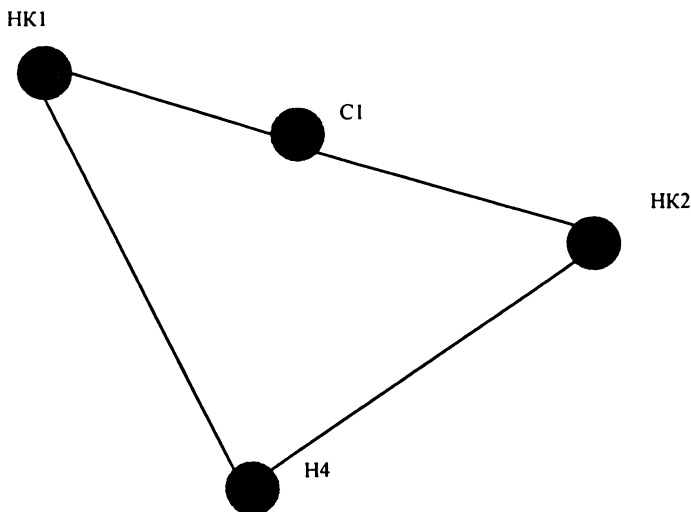

Рис. 2. Взаимоотношение летописей по Г. М. Прохорову

⁸ Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I (XI—первая половина XIV в.). С. 245—247. В Главе 2 нашего исследования влияние общерусской летописи на протограф Н 1мл. связывается с деятельностью владыки Феодосия Клопского (1421—1423 гг.).

⁹ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 172—174.

НК1 родственны только Н1. Естественным образом возникает положение, что НК1 является «сводом, соединяющим выборки из двух источников: центральнорусской летописи типа Лаврентьевской и новгородской типа Н1».¹⁰

Текстологический анализ, проведенный Г. М. Прохоровым, показывает, что летописные известия НК1 действительно в целом ряде случаев первичны по отношению к С1.¹¹ Я. С. Лурье, однако, возразил своему оппоненту: «Если считать вслед за А. А. Шахматовым, что С1, Н4 (и НК) восходили к общему протографу, то естественно, что во всех этих летописях могли обнаруживаться и первичные, и вторичные чтения».¹²

Дело в том, что необратимую текстологическую силу могли бы иметь лишь те случаи, когда НК1 первична по отношению и к С1, и к Н4, т. е. к тому предполагаемому протографу С1—Н4, о котором говорил, вслед за А. А. Шахматовым, Я. С. Лурье — «Новгородско-Софийскому своду». Таких случаев, однако, нет, ибо составитель Н4 опирался непосредственно на НК (в обеих подборках) и корректировал текст по одному из первоисточников — Н1 (см. об этом подробнее в Главе 4). Можно сказать, что составитель Н4, встречаясь с расхождениями своих источников, использовал чтения либо НК1, либо НК2, либо Н1 (или соединял их).¹³

Для аргументации первичности НК1 по отношению к С1 нам были бы важны такие примеры, когда общие чтения Н4 и С1 оказывались вторичными по отношению к НК1. В тех случаях, когда текст НК1 первичен только по отношению к С1, можно предполагать его искажение составителем именно С1, а протографичными (восходящими к «Новгородско-Софийскому своду») считать чтения НК1 и Н4.¹⁴

3.2.1.1. Первичность чтений НК1 по отношению к С1 и Н4

В результате сопоставления текстов удалось обнаружить лишь несколько примеров, когда НК1, используя известие, взятое из своего

¹⁰ Там же. С. 172.

¹¹ Там же. С. 174—177.

¹² Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 208.

¹³ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 182—186.

¹⁴ Именно такова логика опровержения аргументов Г. М. Прохорова в ответной статье Я. С. Лурье.

раннего источника, сохраняет даже в мелких деталях его текст, а С1 и Н4 приводят этот текст уже измененным.¹⁵

1) В статье 6587 (1079) г. «Повести временных лет» говорится о походе князя Романа с половцами к городу Воиню и об убийстве князя его же союзниками: «И възвратися Романъ с половци въспять, [и] убиша и половци».¹⁶ В полном соответствии со своим источником НК1 дает чтение: «И възвратися Роман с половци въспять, и убиша и половци» (НК, л. 261 об.). В С1 читается текст с редакторской вставкой: «И възвратися Романъ с половци въспять. *И бывшу ему*, [и] убиша его половци».¹⁷ Важно, что эта правка присутствует и во всех списках Н4: «И възвратися Романъ с половци въспять. *И бывшу ему*, убиша и половци».¹⁸ Можно было бы думать, что вставка «бывшу ему» появляется в предполагаемом общем источнике С1—Н4 — «Новгородско-Софийском своде» (возможно, из Троицкой летописи),¹⁹ а составитель НК1 еще не знаком с этой правкой. Дело, однако, осложняется тем, что фраза «бывшу ему» в контексте всего предложения явно бессмысленна,²⁰ и переписчик НК1 мог сократить или пропустить ее (в таком случае надо предположить, что в протографе НК1 эта фраза также читалась).

2) В статье 6688 (1180) г. в рассказе о битве князя Святослава Всеволодовича и его сына Владимира с суздальцами в Н 1ст. употреблено редкое слово «сѣлипатися» (сходиться, сражаться): «...сѣлипали бо ся бяху на мале часу».²¹ Это же чтение сохраняется и в НК1: «...слипалисѣ бѣше на малѣ часѣ» (НК, л. 271). Очевидно, составители С1 и Н4 не поняли этого чтения, так как оно выглядит соответственно следующим

¹⁵ Здесь и далее при сопоставлении текстов использовалась подготовленная Г. М. Прохоровым таблица соотношения чтений НК1, НК2, С1 и Н4: Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 137—205.

¹⁶ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 135 (далее — ПВЛ). Заключенного в скобки союза «и» нет в Лаврентьевском списке ПВЛ, но он присутствует Радзивиловском (далее — Радз.) и Московско-Академическом (далее — МАк.) списках (ПВЛ. Ч. 2. С. 197).

¹⁷ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 147. В таблице Г. М. Прохорова этот пример, как и последующие 3, не учтен.

¹⁸ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 134.

¹⁹ Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 153 (далее — Троицкая летопись).

²⁰ На это обстоятельство обратил мое внимание О. В. Творогов.

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 36 (далее — НПЛ); ср. Н 1мл.: Там же. С. 226 (Км.: «слипали бо ся бяху на малѣ часу»).

образом: «...повадилися мало межи себе» в С1²² и «...ступили бо ся [съступилися бяху] на малѣ часу» — в Н4.²³ Хотя чтение НК1 первично по отношению к обеим летописям, важно то, что С1 и Н4 здесь расходятся. Ясно, что это чтение НК1 было искажено ими независимо друг от друга.

3) В статье 6689 (1181) г., согласно Н1 и НК1, говорится, что князь Всеволод стоял у Торжка «5 недѣль» (НПЛ. С. 37, ср. с. 227). С1 и Н4, соответственно, добавляют: «...у града [города]»²⁴ и «...около града [города]».²⁵ Это дополнение можно было бы возводить к общему источнику С1 и Н4, если бы оно не было столь незначительным и не имело различия «у/около». В данном случае дополнения «у града» и «около града» могли появиться в С1 и Н4 независимо друг от друга.

4) В статье 6745 (1237) г. в НК1 говорится, что против «немцев» «съвокупишася вси, и рижане, и вся Чюдская земля» (л. 279 об.). Это чтение полностью соответствует Н1 ст.: «...совкупившеся вси, и рижане, и вся Чюдская земля» (НПЛ. С. 74). В С1 окончание этого фрагмента дополнено: «...и рижане, и вся Чюдская земля *въборзѣ*».²⁶ В Н4 также встречаем дополненный текст: «...и рижанѣ, и вся Чюдскаа земля *просто*».²⁷ Можно было бы думать, что в гипотетическом «Новгородско-Софийском своде» читалось добавление «просто» (в значении «совершенно, без исключения»²⁸), сохранившееся в Н4 и искаженное в С1, и что в НК1 содержится первоначальное чтение без этого дополнения. Дело, однако, в том, что чтение «просто» имеется и в Н1 мл. (НПЛ. С. 285), откуда оно попало, очевидно, в Н4, и, независимо от этого, могло повлиять на появление дополнительного слова в С1.

Приведенные текстологические примеры могут быть интерпретированы по-разному. Во всяком случае, можно утверждать, что убедительных примеров первичности текста НК1 по отношению к *общим, совпадающим* чтениям Н4 и С1 нами не зафиксировано. Это означает, что либо прав Я. С. Лурье, и текст НК1 не являлся первоначальным по отношению к С1, либо, как считает Г. М. Прохоров, у С1 и Н4 не было общего протографа, и они использовали текст НК1 независимо друг от друга (тогда у Н4 не может и быть *общих* чтений с С1, вторичных по

²² ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 178.

²³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 170.

²⁴ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 179.

²⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 171.

²⁶ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 210.

²⁷ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 215.

²⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1576.

отношению к НК1, так как если они изменяли текст НК1, то делали это по-разному). Какая же точка зрения верна?

3.2.1.2. Первичность чтений НК1 по отношению к протографу С1 и НК2

Приведенные выше примеры несомненно не обладают силой необратимых текстологических доказательств. Наиболее показательным для истории текста НК1 оказывается сопоставление его с общими чтениями С1 и НК2 (очевидно, с точки зрения Я. С. Лурье, восходящих к общему протографу — «Новгородско-Софийскому своду», см. рис. 1). Между НК1 и НК2 имеется довольно значительное число дублировок, перечень которых приведен Г. М. Прохоровым.²⁹ Исследователь насчитывает их около 65, но далеко не все из них для нас существенны: в одних случаях НК1 и НК2 настолько расходятся, что возможность текстологического сопоставления исключена, в других же, напротив, чтения НК1, С1 и НК2 практически полностью совпадают. Существует, однако, ряд случаев, когда совпадающий текст С1 и НК2 имеет явные черты вторичности по отношению к аналогичному тексту в НК1. Именно эти примеры, думается, могут служить решающим доказательством первичности текста НК1 по отношению к тексту С1.

1) В статье НК1 под 6622 (1114) г. читается следующее известие: *«Бысть знамение въ солнци тако же: погыбе въ 1 час дни, бысть видѣти всемъ людем, осталось его мало, аки мѣсяца, долу рогома, март 19»* (л. 264 об.). Этот текст восходит к ПВЛ (кроме дополнения «также: погыбе», заимствованного из Н1,³⁰ и замены «солнца» на «его»): *«Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дъне, бысть видити всѣмъ людемъ, остана солнца мало, аки мѣсяца, доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19»*.³¹ Сравнение с С1 и НК2 показывает, что в их общем протографе читался вторичный по отношению к ПВЛ и НК1, значительно сокращенный текст: *«Бысть солнце аки мѣсяць»*.³²

²⁹ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 169—170.

³⁰ «Яко же погыбе»: НПЛ. С. 20 (Н 1ст.), 204 (Н 1мл.). Влияние Н1 на это известие в таблице Г. М. Прохорова не отмечено.

³¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 196.

³² ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 158 (С1); ср.: «Бысть солнце аки мѣсяць» (НК, л. 304 об.). Характерно, что составитель Н4 предпочел в данном случае соединить тексты НК1 и С1—НК2: «Бысть знамение въ солнци тако же: погибѣ въ 1 часъ дни, бысть видѣти всѣмъ людемъ, остана его мало, аки мѣсяць, долу рогама, марта 19... Бысть солнце аки мѣсяць» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 142).

2) В той же годовой статье 6622 (1114) г. в НК1 читаем: «...преставися *благовѣрнии* князь Михаило, зовомый Святоплѣкъ» (л. 264 об.). Известие также восходит к ПВЛ: «...преставися *благовѣрнии* князь Михайль, зовемыи Святополкъ». ³³ Как С1, так и НК2 приводят измененный (сокращенный) вариант текста (без читавшегося в ПВЛ и НК1 слова «благовѣрнии», но с дополнением отчества князя): «...преставися (князь) Михаило (Михаила) зовомый (князь) Святополкъ *Изяславичь*». ³⁴

3) В статье 6666 (1158) г. в НК1 читается следующее известие: «...победи Мстислав *Изяславлич Изяслава Давыдовича и прогна ис Киева, и позва Ростислава, строя своего, на столъ в Киев*» (НК, л. 268). Этот текст восходит к Н 1ст.: «...побѣди Мъстиславъ *Изяславиць Давыдовиця Изяслава и прогна ис Киева, и позва Ростислава, стрья своего, Киеву на столъ*» (НПЛ. С. 30; ср. почти такой же текст в Н 1мл.: НПЛ. С. 217). Версия С1—НК2 представляет собой, по всей видимости, сокращенный пересказ известия: «...вда (дасть) Мъстиславъ Киевъ подъ собою Ростиславу, стрюю своему...» ³⁵ (ср.: «...вда Мстислав под собою Киев Ростиславу, строю своему...» — НК, л. 309). ³⁶

4) Под 6675 (1167) г. в НК1 находится известие о смерти князя Ростислава Мстиславича: «Преставися князь Ростислав, сынъ Мстиславль, *идя из Смоленска к Киеву, княживъ в Киевѣ лѣтъ 9*» (НК, л. 268 об.). Под тем же годом аналогичное известие, засвидетельствованное Н. М. Карамзиным, читалось и в Троицкой летописи: «Преставися *благовѣрнии* князь Ростиславъ, сынъ Мстиславль, *идя из Смолинска з Киеву, княжи в Киевѣ 9 лѣтъ*». ³⁷ И здесь в общем источнике С1—НК2 читался под 6673 (1165) г. сокращенный текст: «Престависа Ростиславъ Мъстиславичъ, княживъ (въ) Киевѣ 9 лѣтъ». ³⁸

5) Под 6676 (1168) г. в НК1 говорится, что князь Владимир после того, как Мстислав Изяславич «выгна» его из Киева, тогда «и иде в По-

³³ ПВЛ. ч. 1. С. 196.

³⁴ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 158 (С1); НК, л. 304 об. В этом случае составитель Н4 следует за вторичным текстом С1—НК2: «...преставися Михайль (Михаило) зовемы (зовемыи) Святополкъ Изяславичь» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 142).

³⁵ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 168.

³⁶ Н4 здесь следует версии С1—НК2 (см.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 158).

³⁷ Троицкая летопись. С. 244. Ср. тот же текст в Радз. и МАк. (ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 131).

³⁸ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 169; ср. дополненный точной датой (по летописи типа Радзи-виловской) тот же текст в НК2, также под 6673 (1165) г.: «Преставися Ростислав Мстиславлич марта 21, княжив в Киевѣ 9 лѣтъ» (НК, л. 310). В С1, НК2 и Н4 это известие было приведено вторично под 6675 (1167) г., на этот раз точно в соответствии с НК1 (см.: ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 169; Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 161).

ловци» (л. 269 об.). Это чтение встречается в Троицкой, Лаврентьевской,³⁹ Радзивилловской, Московско-Академической летописях.⁴⁰ В С1 встречаем явно вторичное чтение: «...(и) иде в Орду»,⁴¹ которое, очевидно, смутило составителя НК2, и он вообще опустил эти слова (см. НК, л. 310).⁴²

Приведенные примеры показывают, что аргументированно выдвинутый Г. М. Прохоровым тезис о первичности текста НК1 по отношению к С1 имеет под собой достаточно веские основания, хотя исследователь не исчерпал всей возможной аргументации. Принципиально важным является анализ тех чтений, когда текст НК1 оказывается первичным по отношению не только к С1 (что показал Г. М. Прохоров), но и общему тексту С1 и НК2. Эти примеры невозможно подвергнуть сомнению предположением о лучшей сохранности в НК1 чтений гипотетического протографа С1—Н4—НК («Новгородско-Софийского свода»), ибо тогда нужно говорить о независимом и случайном совпадении изменений в С1 и НК2.

3.2.1.3. Возражения Я. С. Лурье

Предложенный Г. М. Прохоровым тезис о том, что «НК1 на всем своем протяжении сохраняет первичный по отношению к С1 текст»,⁴³ вызвал категорические возражения Я. С. Лурье, которые заслуживают специального рассмотрения.

1) Исследователь отметил, что под 6395 (887) г. в статье «Вкупе же се лета собираются», содержащей перечень князей, в НК1 ошибочно читается «Данила Ярославича сынове» (НК, л. 190 об.) вместо правильного «Данила Александровича сынове» в С1, причем Н4 дает также ошибочное чтение.⁴⁴

В данном случае, очевидно, составитель Н4 прямо использовал НК1. Г. М. Прохоров полагал, что правильное чтение С1 возникло в результате правки по «внелетописному источнику»,⁴⁵ однако для состава

³⁹ «В харатейных сказано, что Владимир бежал к Половцам» (Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2—3. С. 351 = Т. 2. Примеч. 417); Троицкая летопись. С. 244.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 38. С. 131.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 171.

⁴² Автор Н4 в этом случае возвращается к варианту НК1: «...и идѣ в Половци» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 162).

⁴³ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 177.

⁴⁴ Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 208.

⁴⁵ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 177.

вителя протографа С1 не составляло никакого труда исправить ошибку НК1, так как предшествующая фраза родословного списка гласила: «Александра Ярославича сынове: (...) Данило» (НК, л. 190 об.).

2) Я. С. Лурье пишет: «Под 6411 г. в НК1 (и Н1V) читается: „Игорь и Олегъ пристроиста воя многы и корабли бесчислены“; в С1 та же фраза (без упоминания Олега) обнаруживается под 6429 г., и первичность этой даты подтверждается ее совпадением с Н1». ⁴⁶ Заметим сразу, что отсутствие упоминания Олега в основном тексте издания С1 (1925 г.) — это лишь прихоть издателей, ибо все 7 списков, привлеченных к публикации, согласно между собой дают под 6429 (921) г. текст: «Игорь и Олегъ пристрои (но «пристроиста» в 5 списках. — А. Б.) воя многы и карабля бесчислены». ⁴⁷ Это исправление бесспорно объясняется тем, что в одном из списков (в списке Царского) слова «и Олегъ» были зачеркнуты (другими, кинноварными, чернилами), а причина этой правки заключалась в том, что о смерти Олега в С1 уже было рассказано выше, причем под 6421 (913) г. было сказано: «Княжение Игоревое. Поча княжити Игорь по Олгѣ (...) и древлены затворишася от Игоря по Олговѣ смерти». ⁴⁸ В чем же причина появления в С1 этого хронологически абсурдного известия и расхождения в дате НК1 и С1?

Еще А. А. Шахматов отметил, что статья Н1 6429 (921) г. тесно связана с последующей, 6430 (922) г., где говорится об успешном походе Олега на Царьград («...победу можно изложить под 6430 годом, предполагая, что промежуточный 6429 г. пошел на сборы (...) Для этого же он (летописец. — А. Б.) сочиняет статью 6429 года: „...Игорь и Олегъ пристроиста воя многы...“»). ⁴⁹ Составитель НК1, имевший 2 основных источника — Н1 (где фраза об Игоре и Олеге была датирована 6429 (921) г., а поход — 6430 (922) г.) и центрально-русскую летопись с ПВЛ в начале (где фразы об Игоре и Олеге не было, а поход датировался 6415 (907) г.), заметил тесную связь двух статей в Н1. В результате он принял дату похода из ПВЛ, а фразу об Игоре и Олеге перенес в предшествующую годовую статью. Такой статьей и оказался 6411 (903) г., так как 6412 (904)—6414 (906) гг. были не заполнены. ⁵⁰ В результате и в его своде (как и в Н1) за фразой о сборах в поход Игоря и Олега следовала фраза: «Иде Олегъ на Греки, а Игоря оставивъ в Киевѣ...» (НК, л. 193 об.). Составитель свода-протографа С1, бесспорно вновь исполь-

⁴⁶ Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 208.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 25 (сноска 3).

⁴⁸ Там же. С. 22—25.

⁴⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 99.

⁵⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 23.

зовавший Н1,⁵¹ обнаружив, что известие об Игоре и Олеге в НК1 переставлено по сравнению с Н1, решил исправить «ошибку» и вернул его на «свое» место, но он не понял логики этой перестановки в НК1. В результате статья о сборах Игоря и Олега в поход на Царьград читается в С1 под 6429 (921) г. (получилось, что *после смерти Олега!*), а описание самого похода — под 6415 (907) г.⁵² Составитель Н4, конечно, не мог принять столь нелепой схемы и последовал версии НК1.⁵³

Разумеется, признать изложение С1 (где сначала Олег совершает поход, потом умирает, а потом собирается в этот поход) изначально совершенно невозможно.⁵⁴ И в этом случае текст НК1 явно первоначален по отношению к С1.

3) Еще одно возражение Я. С. Лурье против первичности текста НК1 звучит так: «Под 6528 г. в НК1 говорится о пожалованиях Ярослава новгородцам: „И дав им Правду и Устав, списав грамоту ркуше: По сей грамоте ходите, яко же списах вамъ, тако же дръжите“; тот же текст и в С1, но далее там естественно следует Русская Правда (помещенная и в Н1), а в НК1 и НIV ее нет. Очевидно, в общем протографе обоих памятников Правда должна быть помещена; иначе непонятно упоминание о ней (отсутствующее в тексте ПВЛ, где нет Русской Правды)».⁵⁵

Здесь Я. С. Лурье не учел того обстоятельства, что в Н1 и С1 читаются совершенно разные тексты «Русской Правды»:⁵⁶ в Н1 (под 6524 (1016) г.) встречаем Краткую «Русскую Правду» (вообще известную

⁵¹ См. об этом, например: *Лурье Я. С. Летопись Софийская I // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 58; Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 176—177.*

⁵² ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 18 (6415 г.), 25 (6429 г.).

⁵³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 18.

⁵⁴ Г. М. Прохоров дал схожее объяснение соотношения чтений Н1, НК1 и С1: «Правкой по Н1 объясняется то, в частности, что С1 изымает из статьи НК1 6411 (903) г. фразу „Игорь и Олег пристроиста воя многы и корабли бесчислены“, представляющую собой сокращение статьи Н1 6429 (921) г., и возвращает ее — но уже в том виде, какой она имеет в НК1, — под 6429 (921) г.» (*Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 176*). Исследователь, однако, не показал связи статей Н1 о сборах в поход и о походе, не объяснил логику их перестановки в НК1 под влиянием ПВЛ и не обратил внимания на получившуюся в С1 в результате сверки с Н1 бессмыслицу, выдающую явную вторичность текста. Я. С. Лурье поэтому имел возможность оспорить предположения оппонента: «...предположения о вторичных влияниях должны быть текстологически обоснованы (двойственность построения, противоречия, повторение известия и т. д.)» (*Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 209*). В данном случае нами приводятся именно текстологические доказательства такого вторичного влияния, справедливо отмеченного Г. М. Прохоровым.

⁵⁵ *Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 208.*

⁵⁶ См. об этом, например: *Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. 192 с. (здесь же библиография).*

только по Н Iмл.), а в С1 (под 6527 (1019) г.) — целый комплекс историко-юридических статей, открывающийся текстом Пространной «Русской Правды», а завершающийся известием о том, что этот комплекс текстов восходит к Номоканону, найденному великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном: «...списанъ же бысть сии свертокъ изъ великого и старого Номоканона на Москвѣ в лѣто 6911 [1402], индикта 11, мѣсяца ноября 11».⁵⁷ Ясно, что этот московский по происхождению комплекс статей мог быть включен в состав свода-протографа С1, а не в новгородские летописи. Н4 проявляет знакомство как с Н1 (под 6524 (1016) г.: «О правдѣ. Правда Рускаа»), так и с НК1 (под 6528 (1020) г.: «И дав Правду имъ и Уставъ списав, глаголюще: По сеи грамоте ходѣте, яко же списахъ вамъ, тако дръжите»».⁵⁸

Таким образом, составитель НК1, видимо, опустил текст «Русской Правды», оставив лишь упоминание о ней, а автор протографа С1 к этому упоминанию присоединил совершенно другой, московский по происхождению, сборник юридических статей. Если в протографе НК1 и была «Правда», то это, конечно, могла быть только известная в Новгороде Краткая «Русская Правда»,⁵⁹ замененная в С1 на московский юридический сборник. Текст С1 и в этом случае все равно оказывается вторичным по отношению к НК1.

4) Я. С. Лурье отметил, что «под 6549 и 6553 гг. в НК1 дважды сообщается о смерти жены Ярослава, матери его сына Владимира (НIV опустила оба этих противоречащих друг другу известия); в С1 об этом событии сообщается однократно и в соответствии с Н1 под 6558 г. (да еще с точной датой, отсутствующей в Н1 и не совпадающей с НК1)».⁶⁰

Известия НК1 6549 (1041) г. и 6553 (1045) г. несколько отличаются друг от друга: под 6549 (1041) г.: «Того же лѣта умре княгини, мати Володимиря, жена Ярославля, месяца октябрь в 5 день, в лѣто 1-е, егда нача здати святую Софию» (НК, л. 251); под 6553 (1045) г.: «Того же лѣта умре княгини, мати Володимеря, жена Ярославля, месяца октябрь 5 день» (НК, л. 251 об.). Второе сообщение, однако, присоединено к известию «Заложил Володимиръ святую Софию в Новѣграде» (восходящему к Н1⁶¹). Таким образом, в обоих случаях составитель НК1 исходил из того убеждения, что княгиня умерла в год основания Софийско-

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 123.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 110.

⁵⁹ Центральнорусский источник НК1 не мог содержать указанный комплекс юридических статей, так как он был найден в 1402 г. и его не было в Троицкой летописи, значит, он включается в московское летописание лишь при составлении протографа С1.

⁶⁰ Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 208—209.

⁶¹ НПЛ. С. 16, 181.

го собора, хотя в Н 1мл. сообщение о смерти княгини присоединено к известию о *завершении* строительства новгородской Софии под 6558 (1050) г. («И преставися жена Ярославля княгыни»). Так как в Н 1ст. нет никаких известий о смерти жены Ярослава, можно полагать, что в Новгороде дата ее кончины стала известна только через посредство ПВЛ («В лѣто 6558 [1050]. Преставися жена Ярославля княгыни»⁶²), что подтверждается дословным совпадением формулировок ПВЛ и Н 1мл. В таком случае известие Н 1мл. 6558 (1050) г. следует считать вторичным, возникшим под влиянием ПВЛ в составе С1.⁶³ Действительно, если бы в новгородском источнике составителя НК1 (бесспорно, новгородца!) читалось это сообщение, он не гадал бы о дате смерти княгини, помещая его под двумя разными годами. Видимо, сообщение ПВЛ о том, что жена Ярослава умерла в 6558 (1050) г., противоречило его собственному «знанию» (возможно, устному), что дата ее смерти совпадает с датой основания Софийского собора, и летописец проигнорировал этот источник. Составитель протографа С1, напротив, предпочел догадкам НК1 авторитетное свидетельство ПВЛ, автор же Н4 счел недостоверными все предположения и сократил их.

5) Я. С. Лурье отметил, что под 6662 (1154) г. в НК1 читается: «...выгнаша новгородци Святослава Изяславлича [Н4: Ярослава Изяславича], а Романа Ростиславлича [так и в Н4] посадиша»; в С1: «...изъгнаша князя Ярослава новгородьцы, а посадиша Мьстислава Ростиславича», и «первичность обоих чтений опять подтверждается соответствующим текстом Н1 (младшей редакции)».⁶⁴

Действительно, отчасти схожий текст под 6662 (1154) г. читается в Н 1мл. («Мѣсяца марта изъгнаша новгородци князя Ярослава, въ 26, и введоша Мьстислава, сына Ростиславля, априля въ 17»;⁶⁵ ср. в Н 1ст. перестановка в имени нового князя: «...въведоша Ростислава, сына Мстиславля, априля въ 17»⁶⁶). Нет, однако, никаких сомнений в том, что составитель НК1 заимствовал это известие не из Н1, а из своего центральнорусского источника (типа Лаврентьевской—Радзивилловской), где текст почти совпадает с НК1 (как и в НК1, нет точных дат, а имя нового князя — Роман Ростиславич): «...выгнаша новгородци Изя-

⁶² ПВЛ. Ч. 1. С. 104.

⁶³ Известно, что церковное почитание («память») князя Владимира Ярославича и его матери было установлено только в 1439 г. (НПЛ. С. 420), до этого же, видимо, «память» была изустной.

⁶⁴ Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 209.

⁶⁵ НПЛ. С. 215.

⁶⁶ Там же. С. 29.

славича Ярослава, а Ростиславича Романа посадиша».⁶⁷ От чтения НК1 этот текст отличается, по сути, несколькими буквами: вместо «Ярослава» — «Святослава», что можно объяснить небрежностью переписчика списка НК.⁶⁸

Если источник заимствования текста в НК1 очевиден, то чтение С1 может быть объяснено только вторичной контаминацией двух источников: «Мѣсяца марта изгнаша князя Ярослава Новогородьци, а посадиша Мьстислава Ростиславича».⁶⁹ Первая часть статьи просто восходит к Н1 (упоминание «мѣсяца марта», «изгнаша» вместо «выгнаша», имя «Ярослава» без отчества), а вторая ее часть соединяет особенности, с одной стороны, НК1 или ее источника (отсутствие точных дат «въ 26», «априля въ 17»; «посадиша» как в НК1 вместо «введоша» как в Н1), а с другой стороны — Н1мл. (имя князя «Мьстислава Ростиславича»). Таким образом, текст С1 и в данном случае не может рассматриваться как первоначальный по отношению к НК1, напротив, он здесь явно вторичен.

Итак, подробный анализ конкретных текстологических аргументов Я. С. Лурье в пользу того, что НК1 не может содержать первоначальный текст по отношению к С1, показал, что приведенные исследователем примеры не являются доказательными. В двух случаях (с «Игорем и Олегом» — пример 2, и с известием о смене князей — пример 5) сопоставление текстов, наоборот, прямо свидетельствует против точки зрения Я. С. Лурье.

Один из аргументов Я. С. Лурье в пользу того, что С1 и НК1 могут отражать общий источник («Новгородско-Софийский свод»), — это наличие в НК1 неизвестных и чужеродных новгородскому летописанию известий 6891 (1383), 6894 (1386), 6912 (1404), 6916 (1408) и 6919 (1411) гг. Отказываясь возводить эти известия к общему с С1 протографу, Г. М. Прохоров был вынужден выдвинуть предположение о дополнительной правке НК1 по центральнорусской летописи в статьях конца XIV—начала XV в., которое ослабляло его аргументацию.⁷⁰ Рас-

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 38. С. 126. Г. М. Прохоров утверждает, что «в статье 6662 (1154) г. в тексте, взятом из Лавр., НК1 допускает ошибку — пишет „Романа“ вместо „Мьстислава“; С1 исправляет эту ошибку, очевидно, по Н1» (Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 176). Как мы видим, эта интерпретация неточна.

⁶⁸ Чтение Н4, очевидно, восходящее к протографу списка НК1 («выгнаша новгородци Ярослава Изяславлича, а Романа Ростиславлича посадиша» — ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 153), совпадает (кроме выделенных 3 букв) с НК1 полностью и подтверждает предположение об ошибке переписчика списка НК.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 165.

⁷⁰ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 172.

смотрим эти известия более внимательно: действительно ли они могут восходить к какой-то центральнорусской (московской) летописи? Сопоставим первые 2 известия с известиями Рогожского летописца (далее — Рог.) и Симеоновской летописи (далее — Сим.), отразившими за это время центральнорусское летописание (Троицкую летопись).

1) В известии 6891 (1383) г. в Рог.—Сим. говорится: «Тое же весны князь великий Дмитриеи Ивановичъ отпусти въ Орду къ царю Тахтамишу сына своего старейшаго Василия...», и далее: «Тое же осени князь великий Михаило Александрович Тферский выиде изъ Орды, а сына своего князя Александра въ Ордѣ оставиль».⁷¹ Н 1мл. сообщает лишь, что «поиде князя великаго сынъ князь Василии в Орду, позванъ цесаремъ (...) Поиде князь Михаило Тфѣрьскый в Орду, ища великаго княжения».⁷² На фоне этих недомолвок сообщение НК1 выглядит и наиболее подробным, и наиболее содержательным: «Посла князь великий Дмитрии к царю в Орду сына своего Василиа *в свое мѣсто тягаться о великом княжении съ князем Михаилом Тферским* (...) Поиде князь Михаило Тферский в Орду, ища великого княжения (...) Выиде из Орды князь Михаило Тферский *без великого княжения, а Василья Дмитриевича прия царь въ 8000 сребра*. И Михайлов сынъ Александръ остался въ Орде» (НК, л. 292). Мы видим, что текст Рог.—Сим. производит впечатление не просто сокращенного, но сокращенного до полной потери смысла. Из него не ясно, зачем Василий направился в Орду, что они там делали с Михаилом Тверским и чем окончилась их поездка. Известие НК1, хотя действительно в данном случае текстологически связано с Рог.—Сим., однако отражает его несокращенный источник, явно *недоброжелательный* к Василию Дмитриевичу, подкупом добившемуся великого княжения. Вероятно, этот источник не мог быть московским. Некоторые соображения о возможном источнике этого известия дает нам сопоставление текста НК1 с памятником, отразившим не дошедшее до нас в полном виде смоленское летописание — «Сказанием летом вкратце». Известие «Сказания» почти полностью совпадает с первой фразой известия НК1: «В лето 6891 [1383]. Посла князь Дмитриеи в Орду сына своего Василиа, *в свое место претись о княжении со князем Михаилом*».⁷³ Эта параллель позволяет думать о возможном западнорусском (смоленском) источнике известия НК1.

⁷¹ Троицкая летопись. С. 426.

⁷² НПЛ. С. 379.

⁷³ Прокофьев Н. И. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое введение и текст // Литература Древней Руси. М., 1978. Вып. 2. С. 148.

2) В известии 6894 (1386) г. речь идет о битве смоленских и литовских войск под Мстиславлем. В Рог.—Сим. содержится обширный рассказ об этих военных действиях, начинающийся словами: «Того же лѣта князь великий Святославъ Ивановичъ Смоленский, собравъ воя многы, поиде ратью на Литовскую землю...».⁷⁴ НК1 описывает события двумя фразами, вторая из которых текстуально близка Рог.—Сим.: «И на том сступе убиша князя великого Святослава Смоленского и брата его князя Ивана, а князя Глѣба изымаша» (НК, л. 292 об.), ср. в Рог.—Сим.: «И ту на суимѣ убиша великаго князя Святослава Ивановича Смоленского, внука Александрова, правнука Глѣбова, и его братанича князя Ивана Александровича, и его дѣтеи, и боярь, и слугъ, и множество воя побиша. И приидоша къ городу Смоленску, тѣлеса избитыхъ князей вдаша, а взяша всю свою волю, елико въсхотѣша, и сътвориша и отъидоша, а князя Глѣба поведоша съ собою Святославича...».⁷⁵ Мы можем с равной степенью текстологической вероятности предполагать здесь как распространение в Рог.—Сим. общего с НК1 краткого источника, так и сокращение текста, восходящего к общему протографу Рог.—Сим., составителем НК1. Отметим, однако, что известие это не московское, поэтому предлагаем возводить его к западнорусскому (смоленскому) источнику.

3) То же самое относится и к известию 6912 (1404) г., посвященному осаде Смоленска Витовтом. В целом текст НК1 совпадает с Н 1мл., за исключением одного маленького дополнения: «...а с ним (т. е. с Витовтом. — А. Б.) князь Семен Олгердович и брат его князь Свѣтригаило» (НК, л. 295). И здесь мы предполагаем влияние западнорусского источника.

4) Два известия, по содержанию центральнорусские и отсутствующие в Н 1мл., находятся в НК1 под 6916 (1408) г.: добавлена фраза «Погорѣ Ростов» (НК, л. 296), а рассказ о победе князя Ивана Владимировича Пронского, которому помогали татары, над Федором Ольговичем Рязанским (известен по Сим.) передан в НК1 совершенно невразумительно: «А татарове бишася съ княземъ рязанскимъ Феодоромъ Олговичем. И побиша рать коломенскую» (НК, л. 296). Для того чтобы написать эти известия, составителю НК1 не обязательно было использовать письменные источники. В особенности второе известие напоминает запись искаженных неясных слухов.

Итак, по своему содержанию эти известия вряд ли могут быть связаны с центральнорусским (московским) летописанием: известие

⁷⁴ Троицкая летопись... С. 431—432.

⁷⁵ Там же. С. 431.

1383 г. недоброжелательно по отношению к князю Василию Дмитриевичу, подкупом добившемуся в Орде великого княжения для Москвы, и текстологически связано с памятником, отразившим не дошедшее до нас в полном виде смоленское летописание; известия 1386 и 1404 гг. имеют западнорусский (смоленский) характер. Эти 3 известия, скорее, могли находиться в новгородской летописи — источнике НК1, чем в центральнонорусской.⁷⁶ Наконец, 2 известия под 1408 г. невразумительны и напоминают запись искаженных неясных слухов. Доказательств правки НК1 по центральнонорусской летописи мы, таким образом, не находим.

В НК1 находится также известие под 6919 (1411) г., предпоследнее в последней годовой статье подборки, которое нельзя возвести к новгородским (или смоленским) источникам: «А князь великий Василей далъ дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича» (НК, л. 301). Вот это известие действительно бесспорно московское по происхождению, но выяснение причины его появления в НК1 уже выходит за рамки текстологического анализа. У нас будет возможность вернуться к этому вопросу позже, пока же остановимся на предварительных выводах, в целом подтверждающих текстологические заключения Г. М. Прохорова:

1) НК1 имеет самостоятельное, не связанное с С1, Н4 и их предполагаемым общим протографом происхождение. Текст НК1 первичен по отношению как к С1, так и к Н4 и НК2 (в тех случаях, когда между НК1 и НК2 имеются дублировки).

2) Составитель НК2 соединил 2 основных источника: с одной стороны, в границах до 1185 г. — центральнонорусскую летопись⁷⁷ с ПВЛ в начале текста, а с другой, на всем протяжении своего труда, вплоть до 1411 г., — Н1, открывающуюся Начальным сводом.⁷⁸

⁷⁶ Обратим внимание на то, что в начале XV в. в Новгороде княжили западнорусские князья: Семен (Лугвень) Ольгердович в 6915 (1407)—6920 (1412) гг. (НПЛ. С. 400, 403) и изгнанный из Смоленска Юрий Святославич в 6912 (1404)—6914 (1406) гг. (НПЛ. С. 398, 399). Именно в это время официальная «непрерывно ведущаяся» новгородская летопись могла содержать западнорусские известия, позже сокращенные.

⁷⁷ Г. М. Прохоров назвал этот источник «центральнонорусской летописью типа Лаврентьевской», заметив, однако, что отдельными чтениями он сближается с Радзивилловской и Ипатьевской и что можно думать о его «каком-то родстве (...) с мыслимым А. А. Шахматовым Владимирским сводом 1185 г.» (Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 172—173).

⁷⁸ Сложный вопрос об отражении текста Начального свода в летописании XV в. (С1, Н4 и др.) заслуживает отдельного рассмотрения и в данном исследовании не анализируется.

3) Создание НК1 хронологически предшествовало появлению как С1, так и Н4. В таком случае НК1 — это первый опыт масштабного сведения традиционной новгородской летописи с центральнорусской.⁷⁹

История создания НК1 понимается нами как своего рода «предыстория» возникновения общерусского митрополичьего свода. Следует напомнить, что появление «Свода 1408 г.» (Троицкой летописи), по мнению М. Д. Приселкова, «не вызвало к себе сочувствия и произвело совершенно иное впечатление, чем то, на которое рассчитывала эта работа. Ее московский характер и пренебрежительное ее отношение к местным летописцам, очевидно, отозвалось весьма чувствительно...».⁸⁰ На этом фоне создание НК1 было событием неординарным, и анализ этого памятника в значительной степени может и должен послужить ключом к пониманию последующей истории летописания.⁸¹

3.2.2. «Свод 1411 г.»

Сравнивая НК1 с ее источником — Н 1мл.,⁸² мы замечаем, что в заключительной годовой статье мартовского 6919 г. (март 1411—февраль 1412 г.)⁸³ составитель НК1 использовал весь текст, кроме самого последнего известия: «Сеи зимы ѿзди владыка Иоан на Москву к митрополиту Фотѣю».⁸⁴ Чем может объясняться это умолчание или пропуск?

⁷⁹ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 107—136; см. также: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века (Исследование и тексты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996. С. 13—18.

⁸⁰ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 202.

⁸¹ Изучению вопроса о времени и месте сложения текста НК1 и проблеме его атрибуции была посвящена наша статья: *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16—19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 89—101; см. также: *Бобров А. Г.* 1) Варлаам Лисицкий — новгородский книжник конца XIV—начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. № 18. С. 5; 2) Новгородские летописи XV века... С. 18—24; 3) Летописный свод митрополита Фотия: (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52. С. 90—129. Для данного исследования прежде опубликованные наблюдения уточнены и дополнены.

⁸² Следует отметить, что Н 1мл. в дошедшем до нас виде представляет собой более поздний вид текста, чем тот, который отразился в НК1, поэтому исследование заимствований НК1 из новгородского источника может иметь исключительно большое значение для установления истории текста Н1. Ср. примеч. 76 данной главы.

⁸³ О том, что в этой части летописи используется мартовский стиль летосчисления, см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 301.

⁸⁴ НПЛ. С. 403.

Как известно, в сентябре 1406 г. умер митрополит Киприан, с которым новгородцы были настолько в плохих отношениях, что даже угрожали самому патриарху переходом в «латинство».⁸⁵ С именем Киприана исследователи связывают подготовку Троицкой летописи, законченной уже после его смерти, но, возможно, еще до приезда на Русь митрополита Фотия. Эта летопись весьма недоброжелательна по отношению к новгородцам.⁸⁶ Следующий митрополит, грек Фотий, прибыл на Русь только в 1410 г. (22 апреля) и почти сразу обратился к новгородцам с довольно дружественным посланием (29 августа того же года). Это послание было полностью включено в НК1 под 6918 (1410) г.

Уже в следующем 1411 г. состоялся упомянутый в Н 1мл. визит новгородского архиепископа Иоанна в Москву к митрополиту Фотию. Поездка Иоанна в Москву к новому митрополиту была для него первой после некоторого перерыва в общении с московскими митрополитами. Предыдущая, как известно, состоялась в 1401 г. и закончилась тем, что митрополит Киприан продержал новгородского архиепископа более 3 лет под арестом.

Для более точной датировки новой поездки архиепископа Иоанна к митрополиту Фотию существенным оказывается указание Н4, сообщающей о ней несколько подробнее, чем Н 1мл.: «Езди владыка Иванъ на Москву къ митрополиту Фотию, и тамо преставился Акимъ дьяконъ марта 9 и положень бысть в монастыри святого Иоанна Златоустаго внѣ града».⁸⁷ Так как 9 марта 1412 г. относилось уже к следующему мартовскому году, в Н4 это известие перенесено из 6919 г. соответственно в 6920 г. Пребывание новгородского посольства в Москве, таким образом, следует датировать концом 1411—началом 1412 г. (зима—начало весны).

Приблизительно в это время в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре была переписана рукопись (Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями⁸⁸), приписка к которой имеет для нашей темы большое

⁸⁵ См.: *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 80—82.

⁸⁶ См., например, выписку из Троицкой летописи у Н. М. Карамзина: «Таков бо есть обычай Новгородцев: часто правают ко Князю к Великому, и паки разоятся, и не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от Князь не прогневаша? или кто от Князь угоди им, аще и Великий Александр Ярославичь не уноровил им?» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 282, примеч. 148).

⁸⁷ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 411—412.

⁸⁸ Цит. по: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980. № 74 (РГБ, ф. 304 (собр. ТСЛ), № 156, л. 252—252 об.).

значение. В ней сообщается, в частности, следующее: «...съписася книга сия (...) на имя священноиноку Матфею рукою грубаго и худаго, страннаго, последняго во иноцехъ, смиреннаго многими грехы Варлаама. (...) В лето 6920 написася божественаа Лествица месяца октовриа в 14 день (...) въ обители преподобнаго иигумена Сергия. В то ж лето и священа бысть церкви в тои же обители месяца семптямриа въ 25 день...».⁸⁹

Следует остановиться на вопросе о том, какой стиль летосчисления — мартовский или сентябрьский — использован в процитированной записи. По мнению Г. И. Вздорнова, «так как рукопись закончена Варлаамом во втором месяце нового (сентябрьского) года, при переводе на современное летосчисление вычитаем 5509 лет».⁹⁰ В таком случае как саму рукопись, так и освящение церкви в Троице-Сергиевом монастыре следует относить к 1411 г. Б. М. Клосс, однако, полагает, что здесь применено мартовское летосчисление (в таком случае речь идет о 1412 г.), аргументируя эту точку зрения теми обстоятельствами, что 25 сентября (день освящения Троицкой церкви) 1412 г. исполнялся «20-летний юбилей со дня кончины» преп. Сергия Радонежского, и к тому же этот день являлся воскресным.⁹¹ Вряд ли, однако, «юбилейные» соображения могли являться определяющими для троицких иноков начала XV в., а в 1411 г. 25 сентября была суббота, также вполне подходившая для освящения церкви. Существенным оказывается то обстоятельство, что в рукописи РГБ, ф. 304 (собр. ТСЛ), № 165 (Почтения аввы Дорофея с прибавлениями), переписанной в том же Троице-Сергиевом монастыре в 1414 г., «на имя» того же священноинока Матфея, который был заказчиком и Лествицы Варлаама, используется, судя по всему, именно сентябрьский стиль летосчисления.⁹² Таким образом, как написание Лествицы иноком Варлаамом, так и освящение Троицкой церкви следует относить не к 1412 г., а к 1411 г.

Хотя в записи инока Варлаама 1411 г. прямо указано место написания рукописи — Троице-Сергиев монастырь, Т. Б. Ухова считает за-

⁸⁹ Эта запись была использована В. Н. Лазаревым для датировки «Троицы» Андрея Рублева, написанной, как он считает, для деревянной Троицкой церкви 1411 г. (*Лазарев В. Н.* Андрей Рублев и его школа. М., 1966. С. 33, 135—137).

⁹⁰ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси... № 74.

⁹¹ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 148.

⁹² «В лето 6922 индикта 7 месяца февраля въ 8 день...» (цит. по: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси... № 75). Если предположить, что в этой записи использован мартовский стиль, то указанная дата соответствовала бы 8 февраля 6923 сентябрьского года, что дало бы не 7-й, а 8-й индикт.

ставку этой рукописи «вполне чуждой канону Троицкого монастыря».⁹³ «Выделение группы памятников, украшенных орнаментом, сходным с заставкой Лествицы, написанной иноком Варлаамом, — отмечает исследовательница, — позволило обнаружить еще один канон, который (...) можно связывать с новгородским монастырем Рождества Богородицы на Лисичьей горке».⁹⁴ Т. Б. Ухова считает Варлаама «новгородским мастером, работавшим в Троице-Сергиевом монастыре», выходцем из Лисицкого монастыря.⁹⁵ Действительно, в записи Варлаам называет себя «странным», что можно понять как «путешествующим, иной области, странником».⁹⁶

Новгородский книжник Варлаам с Лисичьей горки хорошо известен источникам конца XIV—начала XV в. Наиболее раннее упоминание имени Варлаама Лисицкого датируется 1397 г. В приписке к Тактикону Никона Черногорца говорится: «В лѣто 6905 (1397) (...) списана бысть книга сия святыи Никонъ въ Великомъ в Новѣгородѣ къ свѣтѣи Богородицѣ честному ея Рожеству на Лисичью Горку (...) Вынеслъ бо бѣше сия книги святыи Никонъ изъ Святое Горы игумень Ларионъ того же монастыря. А тогда игуменьствующю Варламу, оученику его...».⁹⁷

Из этого текста о Варлааме становится известно следующее: он был учеником игумена Лисицкого монастыря Илариона и после него (или во время отъезда Илариона на Святую гору) также выполнял игуменские обязанности.

Лисицкому монастырю, в котором Варлаам, вероятно, принял постриг и где он, во всяком случае, наверняка получал образование у своего учителя игумена Илариона и позже сам «игуменствовал», был посвящен ряд наших статей, основные выводы которых следует кратко повторить.⁹⁸ Было установлено, что эта обитель⁹⁹ являлась крупнейшим

⁹³ Ухова Т. Б. «Балканский стиль» в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: XIV—XV вв. М., 1984. С. 149.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 150.

⁹⁶ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб, 1912. Т. 3. С. 540—541.

⁹⁷ РНБ, Ф.п.1.41, л. 222.

⁹⁸ Бобров А. Г. 1) Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV—начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 10—16; 2) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV—первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98; 3) Лисицкий Рождества Богородицы монастырь // София (Новгород). 1997. № 1. С. 19—21.

⁹⁹ Лисицкий (на Лисей, или на Лисичьей, горке) монастырь Рождества Богородицы находился в 7 верстах от Новгорода по Московской дороге, на берегу Малого Вол-

центром книгописания в Новгороде конца XIV—первой половины XV в.¹⁰⁰ В первую очередь обратили на себя внимание афонские связи книжников Лисицкого монастыря (инок Арсений и игумен Иларион совершили хождения на Святую гору и принесли оттуда рукописные книги — Устав монастырский и Тактикон Никона Черногорца; кроме того, переписанное в 1431 г. на Лисьей горе «Слово постническое» Максима Исповедника было переведено с греческого на Афоне всего 6 годами раньше — в 1425 г., причем Троицкие списки этого Слова, по предположению Р. П. Дмитриевой, были копиями Лисицкого).¹⁰¹ Существует еще несколько фактов, говорящих о связи монастыря с афонской книжной традицией. В 6 лисицких рукописях имеются заставки «балканского стиля». По мнению Т. Б. Уховой, они созданы по одному канону, сложившемуся в монастыре на Лисичьей горе под влиянием именно афонской традиции, причем независимо от канона, созданного в книгописной мастерской Троице-Сергиева монастыря.¹⁰² К проблеме влияния афонской традиции на книгописание Лисицкого монастыря примыкает вопрос о переходе в новгородских землях от Студийского к Афонско-Иерусалимскому уставу и о роли книжников Лисицкого монастыря в этом процессе. Как известно, переход от Студийского к Афонско-Иерусалимскому уставу и, следовательно, к новым редакциям книг, отражающим литургическую и дисциплинарную практику, совершался в Московской Руси при митрополите Киприане (1389—1406). В Новгороде, как показало исследование Е. М. Шварц, служебные минеи, составленные по новой редакции, появляются лишь при архиепископе Евфимии II в конце 30-х—начале 40-х гг. XV в.,¹⁰³ и только сентябрьская служебная минея из Лисицкого монастыря, датируемая концом XIV в., содержит текст Афонско-Иерусалимской редакции. Если

ховца. В летописях он упоминается впервые под 1389 г., по-видимому, как уже существующий.

¹⁰⁰ 12 рукописных книг конца XIV—первой половины XV в., связанных по своему происхождению с Лисицким монастырем, сохранились до наших дней, а еще 2 не сохранились, но мы имеем письменные свидетельства об их существовании (подробные сведения о каждой из этих рукописей в данной монографии не приводятся вновь, так как они уже дважды были опубликованы; см.: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря... С. 79—89; ср. также этот перечень с некоторыми уточнениями и дополнениями: *Бобров А. Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 61—66).

¹⁰¹ *Дмитриева Р. П.* Четыре сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 158.

¹⁰² *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль»... С. 149, 151.

¹⁰³ *Шварц Е. М.* О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. статей. Л., 1984. С. 82—85.

учесть, что Тактикон Никона Черногорца определяет дисциплинарную практику Афонско-Иерусалимского устава, а его оригинал был доставлен лисицким игуменом с Афона, то можно сделать вывод: в конце XIV в. в Лисицком монастыре уже знали и могли использовать новый для новгородских земель церковный устав. Вполне вероятно, что и Лисицкая служебная минея восходит к афонскому оригиналу, тем более что на ее текст, как отметил М. Лисицын, оказал влияние сербский церковный устав.¹⁰⁴ Помимо связи лисицких книжников непосредственно с афонской традицией можно отметить факты, свидетельствующие об общем византийском и южнославянском влиянии на деятельность этого книгописного центра. Текст одного из произведений, содержащихся в Паренесисе Ефрема Сирина с прибавлениями — апокрифического переводного «Сказания Афродитиана», как показало проведенное исследование, отличается от большинства других списков: вставлено несколько фраз, отсутствующих в других славянских списках, но имеющих соответствия в известных греческих рукописях (перевод этих фраз описателен, неточен, имеет лишь приблизительное соответствие в греческом тексте, а порой и просто неверен). Эта версия «Сказания Афродитиана» с правкой по греческому тексту была названа нами Новгородской редакцией. Вслед за «Сказанием Афродитиана» в рукописи находится связанное с ним тематически «Проречение о Христе в кумирнице елинска бога Аполона» — самый ранний из известных нам русских списков этого произведения.¹⁰⁵

Анализ репертуара книг мастерской Лисицкого монастыря показывает, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых на Руси традиционно связывается со вторым южнославянским и византийским влиянием.¹⁰⁶ Зачастую в рукописях, связанных с лисицкой книгописной мастерской, находятся наиболее ранние датированные русские списки новых переводных сочинений, таких, как «Слово

¹⁰⁴ Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911. С. 12, 320.

¹⁰⁵ Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана»... С. 24—27, 60—75, 82—83, 100—104.

¹⁰⁶ См.: Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность XIV—XV вв. // Соболевский А. И. История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 150—151; см. также: Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Доклады сов. ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 95—171. М. Г. Гальченко отметила, кроме того, более раннее, чем в других новгородских рукописных книгах, появление «южнославянских» особенностей в графике и орфографии лисицких рукописей (Гальченко М. Г. Лисицкие датированные рукописи конца XIV—первой половины XV вв. и проблема второго южнославянского влияния // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5. P. 59—81).

постническое» Максима Исповедника, Слова Григория Синаита, «Главы добродетельные» Феодора Эдесского, «Главы трезвительные» Филофея Синаита, «О восьми помыслах» Нила Философа, сочинения Никиты Стифата, Илариона «Об отвержении мира» и Зосимы «Беседы душеспасительные о ярости».¹⁰⁷ Как эти, так и многие другие сочинения в рукописях, связанных с Лисицким монастырем (Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, аввы Дорофея и др.), большей частью переводные, относятся к кругу монашеской литературы, получившей распространение на Руси в связи с проникновением из Византии и от южных славян идей исихазма. Культурная ориентация лисицких книжников на новые веяния просматривается в их афонских связях, в принятии церковного устава, распространителем которого был митрополит Киприан, и в репертуаре сочинений, которые они включали в свои рукописи. На основании этих фактов их можно отнести к «единомудренным» с Киприаном и Сергием Радонежским сторонникам «грекофильской иноческой партии»,¹⁰⁸ представителям общежительного движения среди русского монашества. Не случайно лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского или Кириллу и Ферапонту, уходит далеко на север и основывает новый общежительный монастырь (Коневский). Наиболее известны из лисицких книжников конца XIV—первой половины XV в. игумены этой обители Иларион (позже ставший настоятелем московского Симонова монастыря и епископом Коломенским) и Евфимий (впоследствии новгородский архиепископ).

Анализ книгописной деятельности в Лисицком монастыре позволил утверждать, что на протяжении конца XIV—первой половины XV в. монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния. На протяжении более полувека монастырь на Лисичьей горе был своего рода университетом, готовившим крупных церковных деятелей (преп. Арсений Коневский, епископ Иларион, архиепископ Евфимий II). Из этой среды вышел и тот книжник, пребывание которого в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре в конце 1411 г. засвидетельствовано записью на Лествице Иоанна Лествичника, — Варлаам.¹⁰⁹

¹⁰⁷ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVI веков. СПб., 1903. С. 15—23.

¹⁰⁸ См.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

¹⁰⁹ См. подробнее о Варлааме: *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий. С. 89—101.

Мы видели, что в конце XIV—начале XV в. продвижение одного из лисицких книжников — Илариона к высшим церковным должностям происходит в Москве. В Новгороде же выходцы из Лисицкого монастыря начинают занимать значительные посты несколько позднее. Первым здесь оказывается ученик Илариона Варлаам: в 1410 г. он упоминается в качестве архимандрита Юрьевского, первого, главного игумена Новгорода. По мнению В. Л. Янина, Варлаам, возможно, оставался при этом и лисицким игуменом.¹¹⁰ Под 1410 г. в Н 1мл. сообщается о строительстве архимандритом Варлаамом церкви, посвященной св. Варлааму Хутынскому: «Того же лета Варлаам анхимандрит постави церковь камену во вратах монастыря Лисицкого во имя преподобного Варлаама, игумена святого Спаса Хутиньскаго».¹¹¹ П. М. Строев, справедливо поместив Варлаама среди архимандритов Юрьева монастыря, отметил: «Не из Лисицкого ль?».¹¹² Основанием для такого предположения, конечно, послужило упоминание Варлаама в приписке к Лисицкому Тактикону 1397 г. и строительство архимандритом Варлаамом церкви именно в Лисицком монастыре.

Варлаам — игумен Лисицкого монастыря упоминается еще в одном недавно обнаруженном источнике — Житии Ксенофонта Робейского: «Тѣмъ же праведный сеи мужъ преподобный отецъ Ксенофонть, послѣдѹя святѣишимъ стопамъ апостоль Христовыхъ, рѣкшихъ: „Се мы вся оставихомъ и вслѣдъ Тебѣ, дражайшии нашъ учителю, идохомъ“, отвержеса мира и возлюби Христа, и приидѣ в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы, нарицаемыи Лисицкии, къ пречестному тоя обители игумену Варлааму, владѣ себе въ научение иноческаго и постническаго жития, въ скоромъ времени постриженъ бысть от него во ангельский образъ».¹¹³ Далее в тексте этого Жития, известного по единственному позднему списку, Варлаам оказывается не кем иным, как преподобным Варлаамом Хутынским, бывшим, согласно этой версии, до основания своей обители лисицким игуменом. Казалось бы, доверять этому источнику у нас нет оснований, однако известие Жития о

¹¹⁰ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 145.

¹¹¹ НПЛ. С. 402.

¹¹² Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 45.

¹¹³ Бобров А. Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257—268 (Новгородский государственный музей. КП 30056—312 (старый шифр: НГМ 10923), л. 104—104 об. Сборник Житий новгородских святых. 30-е гг. XIX в. Житие Ксенофонта Робейского: л. 103 об.—106).

пострижении Ксенофонта в Лисицком монастыре при игумене Варлааме находит неожиданное, хотя и косвенное, подтверждение в летописи. В НК2 мы встречаем следующее известие 6925 (1417) г.: «Поставиша 5 церкви деревяных: Въскресе́ние Христо́во на Варяжской уличѣ, Възнесе́ние Госпо́дне в Савинѣ́ пустынь, свя́того Нико́лы в Селифонто́вѣ́, свя́того Нико́лы на Вяжи́щах» (НК2, л. 421 об.). Схожий текст читается и в Н4, где к слову «Селифонтѣ́» добавлено «пустыньѣ́».¹¹⁴ Эта Селифонтѣ́ пустынь фиксируется писцовыми книгами конца XV в.,¹¹⁵ а в позднем «Летописце Новгородском церквам Божиим» аналогичное НК2 и Н4 известие читается так: «...да церковь свя́того Нико́лая чюдотворца в Ксенифонто́вѣ́ пустыни».¹¹⁶ Сам контекст упоминания Селифонтѣ́ (Ксенофонтѣ́) пустыни сразу после Савиной пустыни (под которой, конечно, разумеется незадолго до этого основанная обитель Саввы Вишерского) позволяет уверенно считать преподобного Ксенофонта современником не Варлаама Хутынского (как это принято в церковной традиции), а Саввы Вишерского и Варлаама Лисицкого. По всей вероятности, лежащий в основе сохранившегося Жития письменный источник свидетельствовал о том, что Ксенофонт был выходцем из Лисицкого монастыря и принял постриг при игумене Варлааме в конце XIV—начале XV в. Агиограф, творивший, судя по всему, никак не ранее XVIII в., ошибочно отождествил лисицкого игумена с хутынским, жившим раньше его на 2 века.

Следует полагать, что Варлаам в качестве новгородского архимандрита, главы черного духовенства республики,¹¹⁷ должен был принимать участие в официальной поездке архиепископа Иоанна 1411—1412 гг. в Москву к митрополиту Фотию, а возможно, он прибыл в Москву даже

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 417.

¹¹⁵ *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе... С. 207 (Приложение II: Список Новгородских монастырей-землевладельцев. № 59).

¹¹⁶ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 258. Ясно, что имя «Селифонт» — это русифицированное «Ксенофонт» (в новгородско-псковской зоне это греческое имя адаптировалось как Ксинофонт, Синофонт, Селифонт, см.: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 423—424); соответственно в указателе к т. 4 ПСРЛ Селифонтѣ́ пустынь отождествляется с Ксенофонтѣ́ (ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 673), хотя у В. В. Зверинского они ошибочно учтены как разные (см.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. С. 195—196 (№ 902); Т. 3: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 154 (№ 2004)). См. подробнее: *Бобров А. Г.* Ксенофонтѣ́ Робейский монастырь // *София (Новгород)*. 1998. № 3. С. 21—23.

¹¹⁷ См. об институте новгородских архимандритов: *Янин В. Л.* Из истории высших государственных должностей в Новгороде // *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения... С. 136—149.

раньше основного посольства (его пребывание в Троице-Сергиевой лавре зафиксировано 14 октября 1411 г., архиепископ же был в Москве «зимой» при точной дате 9 марта 1412 г.).

Последние годы жизни Варлаама освещены источниками довольно бедно. В перечне новгородских архимандритов, находящемся в Комиссионном списке Н 1мл., вслед за Варлаамом упомянуты еще 6 имен: «Семеон, Михаило, Маркианъ, Нафанаиль, Саватии, Дионисии». Последние 2 имени, однако, являются дополнением, восполняющим пропуск в более ранней части перечня. Они восходят к известию 6702 (1194) г.: «В то же лѣто преставися Дионисии анхимандрит новгородчкый, игумень святого Георгия; и поставиша на мѣстѣ его Саватия».¹¹⁸ Таким образом, последнее современное имя в перечне — Нафанаил. К сожалению, Симеон, Михаил, Маркиан и Нафанаил не известны другим источникам, поэтому, казалось бы, ничего нельзя сказать и о датах их архимандритства. Важно, однако, что в Комиссионном списке Н 1мл. список архимандритов помещен в составе обширного хронологического обзора, во всех остальных рубриках которого, как показал В. Л. Янин, изложение доведено до 1423 г. Так как последнее упоминание Варлаама в качестве архимандрита относится к 1419 г. (см. далее), то следующие за ним иерархи должны были сменяться ежегодно: 1420 г. — Симеон, 1421 г. — Михаил, 1422 г. — Маркиан, 1423 г. — Нафанаил. Учитывая, что должность архимандрита Новгородского была, как установил В. Л. Янин, выборной (на вече) и что мы имеем массу примеров частой смены архимандритов, это не должно казаться странным. По всей видимости, в 1419 г. Варлаам перестал быть архимандритом Новгородским, но умер ли он или удалился на покой, неизвестно.

В последние годы деятельности Варлаам еще дважды фигурирует на страницах летописи. В 1418 г. в Новгороде произошли крупные беспорядки, известные в литературе как восстание Степанки. Примирителем сторон выступил новгородский архиепископ Симеон, а его послом для ведения переговоров был архимандрит Варлаам: «Владыка послуша моления их, посла анхимандрита Варлаама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль дворъ (...) да идут в дома своя. И разидошася молитвами святыя Богородица и благословениемъ архиепископа Семеона, и бысть тишина въ градѣ».¹¹⁹ Вероятно, авторитет Варлаама, занимавшего выборную должность бессменно уже много лет, был в Новгороде достаточно высок.

¹¹⁸ НПЛ. С. 234.

¹¹⁹ Там же. С. 410.

Под 6927 (1419) г. Варлаам в последний раз упоминается летописью: «А Варламъ анхимандрит постави церковь камену въ Юрьевѣ монастыри Рождество Богородицю».¹²⁰ Посвящение новой церкви именно Рождеству Богородицы кажется не случайным. Этот праздник в сознании современников не мог не связываться с происшедшей в этот день Куликовской битвой. Строительство монастырей и церквей, посвященных Рождеству Богородицы, после 1380 г. заметно активизируется. Особую роль играет в этом процессе возвышение московского Симона монастыря Рождества Богородицы.¹²¹ По всей видимости, строительство церкви, посвященной именно Рождеству Богородицы, для архимандрита Варлаама — это не просто богоугодное дело, но в какой-то мере и знак его приверженности традиции «грекофильской иноческой партии» с ее общеправославными идеями и идеалами.

Итак, мы могли убедиться, что книжники Лисицкого монастыря в своей деятельности в различных областях (репертуар и оформление рукописных книг, распространение церковного устава, связи с Византией и т. д.) успешно преодолевали узконовгородскую ограниченность, что учитель архимандрита Варлаама Иларион переехал в Москву, а позже стал одним из высших иерархов русской церкви (епископом Коломенским), и что сам Варлаам во время заметного улучшения отношений между церковными иерархами Новгорода и Москвы в 1411—1412 гг. занимался книгописной деятельностью в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре,¹²² при этом оставил на рукописи запись лето-

¹²⁰ Там же. С. 412.

¹²¹ В Новгороде, где уже существовали древние, основанные в XII—начале XIV вв. Антониев, Михалицкий, Десятинский и Перынский монастыри Рождества Богородицы (последний, впрочем, несмотря на древность сохранившейся церкви, впервые упомянут источниками в 1386 г.), в интересующий нас период Рождеству Богородицы были посвящены Лисицкий монастырь (первое упоминание — 1389 г., каменная церковь — 1393 г.) и основанный выходящем с Лисьей горы Арсением Коневский монастырь на Ладозском озере (первое упоминание в летописи — 1398 г.). Еще одна церковь Рождества Богородицы была поставлена в начале 6905 (1397) г.: «Постави Исакъ Окинфовъ церковь камену святая Богородица Рождество на Десятинѣ» (в период недолгого сближения с Москвой и с митрополитом Киприаном, до начала двинского конфликта).

¹²² Представляется существенным то обстоятельство, что сразу после известия о поездке в Москву владыки Иоанна Н Имл. сообщает о строительстве 3 церквей, в том числе «3-ю на Клопскѣ церковь деревяную святую Троицю» (НПЛ. С. 403). Это первое свидетельство источников о Троицком Клопском монастыре, который, как известно, был оплотом сторонников Москвы в Новгороде; видимо, его основание связано с улучшением новгородско-московских отношений в 1411—1412 гг. Следствием этой перемены был, очевидно, и отъезд в Литву князя Семена (Лугвеня) Ольгердовича («А Лугвень съѣха в Литву и намѣстники сведе с пригородовъ новгородчкихъ» — НПЛ. С. 403; следующее известие после сообщения об основании Троицкой церкви «на Клопскѣ»).

писного характера (об освящении Троицкой церкви 25 сентября 1411 г.). Время завершения работы Варлаама в Сергиевом монастыре над переписыванием рукописи (14 октября 1411 г.) точно совпадает с окончанием текста НК1, доведенным до 6919 мартовского года (март 1411—февраль 1412 г., но известие Н 1мл. о поездке архиепископа Иоанна в Москву «зимой» 1411/1412 г. не включено в летопись).

Вся сумма сделанных наблюдений позволила нам еще в статье 1995 г. предположить, что летопись, дошедшая до нас в списке НК1, могла быть создана в конце 1411—начале 1412 г. архимандритом Варлаамом во время его пребывания в Троице-Сергиевом монастыре.¹²³

Эта гипотеза дополнительно подкрепляется некоторыми косвенными свидетельствами.

1) Особенно важным для определения места и времени создания НК1 представляется известие 6919 (1411) г. (т. е. в той части НК1, которая использует исключительно новгородский источник — Н1) о свадьбе дочери Василия Дмитриевича Анны и сына византийского императора Иоанна (Калуяна): «А князь великий Василей дасть дочь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича» (НК1, л. 301). Как известно, дьякон именно Троице-Сергиева монастыря Зосима был в числе лиц, сопровождавших Анну в Царьград.¹²⁴ Напомним, что фраза из приписки Варлаама к Лествице 1411 г. («В то же лето и священа бысть церкви в той же обители, месяца семптямриа въ 25 день») имеет в общем летописный характер (а это верный признак причастности к ведению летописания) и отражает или его личные впечатления, или устные рассказы о недавнем, бывшем накануне его приезда, событии. Такое же устное происхождение, несомненно, имеет и запись о свадьбе княжны Анны и византийского царевича: об этом говорили буквально в те дни, когда Варлаам жил в Троице-Сергиевом монастыре.¹²⁵

2) Среди дополнений составителя НК1, не известных предшествующему новгородскому летописанию (насколько мы можем судить по

¹²³ Бобров А. Г. Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий. С. 97—101. Б. М. Клосс, утверждая, что «архимандрит Варлаам занимался (...) вопросом общерусского летописания» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 106—107), не ссылаясь на эту статью.

¹²⁴ Зосима, описывая свое путешествие в Константинополь (1419 г.), упомянул свою предыдущую поездку: «...яко же преже бех, коли со княжною...» (Прокофьев Н. И. Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину: (Текст и археографическое вступление) // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 26 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 455)).

¹²⁵ Княжна Анна умерла в 1417 г. и была похоронена в Константинополе, в монастыре Лива (Медведев И. П. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 255).

Н 1мл.), находится известие 6906 (1398) г.: «Поставлена бысть церковь Рождество святыя Богородица на Коневомъ острове» (НК, л. 294). Речь идет здесь о строительстве церкви в Коневском монастыре на Ладожском озере. Это событие не показалось составителям непрерывно ведущейся официальной новгородской летописи (отразившейся в Н 1мл.) достойным включения в соответствующую годовую статью, но в НК1 оно включено. Причина этого, очевидно, заключается в том, что основатель этого монастыря Арсений Коневский был, как и Варлаам, выходцем из Лисицкого монастыря, причем жили они в одной обители примерно в одни и те же годы (1390-е гг.).

3) Бывший источником НК1 список официальной владычной летописи, бесспорно, начинался словами: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание...» (так в Н 1мл.). В Новгороде заголовок не требовал никаких комментариев, но при сведении воедино двух источников летописцу, находившемуся за пределами республики, понадобилось сделать географическое уточнение к заглавию свой части: «*Софеиский Временникъ...*».

4) Напомним, что в статье 6919 (1411/1412) г. составитель НК1 не использовал последнее известие соответствующей статьи Н 1мл. об отъезде в Москву архиепископа Иоанна (см. об этом подробнее выше), что кажется нам подтверждением предлагаемой гипотезы, ибо в момент завершения работы летописец-создатель НК1 или еще не знал об этом, или же, опираясь на воспоминания о предыдущей поездке Иоанна в Москву (когда тот был арестован на 3 с лишним года), считал, что до благополучного завершения визита писать о нем еще рано.

5) Анализируя списки посадников, В. Л. Янин показал, что существовала первая редакция списка (так называемый «список А»), датированная им около 1409 г. Исследователь предположил, что составление «списка А» было одной из форм новгородского участия в подготовке Троицкой летописи 1408 г.¹²⁶ Однако, насколько мы можем судить, список посадников никоим образом не нашел отражения в Троицкой летописи.¹²⁷ Возможно, создание его можно связать с подготовкой новгородского посольства к новому митрополиту в 1410—1411 гг. (летописи

¹²⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 42.

¹²⁷ М. Д. Приселков отметил вообще незначительное использование составителем Троицкой летописи новгородских источников, «в противоположность другим источникам свода 1408 г.», что «нужно объяснять как нерасположением сводчика к Новгороду и его политическому строю, так и тем обстоятельством, что у Киприана был длительный и не улаженный до смерти митрополита конфликт с Новгородом в связи с отказом последнего платить митрополиту особые подати» (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 190).

сец — создатель НК1, очевидно, имел в своем распоряжении новгородскую летопись, доведенную до 6919 (1411) г.).¹²⁸

Итак, улучшение отношений между митрополитом и новгородским владыкой и книгописная деятельность в Троице-Сергиевом монастыре выходца с Лисьей горы Варлаама — вот та почва, на которой, по нашему мнению, возникает возможность соединения двух ветвей летописания. Можно полагать, что зимой 1411/1412 г. новгородским архимандритом Варлаамом (или каким-то книжником из его окружения) был создан свод-протограф НК1, который в дальнейшем будет условно именоваться также «Свод (или Летопись) 1411 г.». ¹²⁹

Фигура новгородского архимандрита Варлаама оказалась объектом пристального внимания в монографии Б. М. Клосса, посвященной «Житию Сергия Радонежского».¹³⁰ Два существенных факта, отмеченных исследователем, ускользнули от моего внимания. Во-первых, Б. М. Клосс указал, что на створках созданного «повелением» архиепископа Евфимия (бывшего игумена Лисицкого монастыря) Софийского панагиара 1435 г. появляется гравированное изображение Святой Троицы, «иконографическая композиция которого чрезвычайно близка к „Троице“ Андрея Рублева».¹³¹ Действительно, через архимандрита Варлаама «можно протянуть связующую нить» от Троице-Сергиева к Лисицкому монастырю, хотя между пребыванием Варлаама в Сергиевой обители и временем создания панагиара прошло 24 года. Другой важнейший факт, впервые отмеченный Б. М. Клоссом, — это наличие в тверской переработке Троицкой летописи (а автором этой переработки исследователь не без оснований считает игумена Кирилла) обращения к некоему Варлааму: «Довлѣтъ же здѣ о семъ написати, отче боголюбивый Варламе, таковыа ради вещи: отселе убо не въсхотѣша сынове Тверстии помагати Москвичемъ на Литву».¹³² Б. М. Клосс справедливо, на наш взгляд, отождествляет этого Варлаама с юрьевским архимандритом.

¹²⁸ Новые наблюдения В. Л. Янина о хронологии смены посадников показывают, что завершающие «список А» Иван Александрович и Фома Иванович «пришли на смену умершему в 1409 г. Есифу Захарьиничу», причем последний умер во второй половине года (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 37—38), следовательно, «список А» был составлен не раньше второй половины 1409—начала 1410 г.

¹²⁹ Здесь, как и в других случаях, дата в названии свода условна; она означает год окончания летописного текста, содержащегося в памятнике, созданном вскоре после этой даты.

¹³⁰ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 66, 87—88, 103—107, 116, 123, 148.

¹³¹ Там же. С. 88.

¹³² Там же. С. 106; ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 475—476.

В то же время, как нам представляется, исследователь чрезмерно преувеличивает роль и значение новгородского книжника в истории древнерусской книжности вообще и общерусского летописания в частности. Так, например, Б. М. Клосс обнаружил в составе Жития Кирика и Улиты авторские предисловие и послесловие, из которых мы узнаем, что некое «преподобство» заказало автору (по мнению исследователя, — Епифанию Премудрому) написать это сочинение и для этого послало ему книги.¹³³ На том основании, что само Житие находилось в новгородском Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г., делается вывод: «В „преподобстве“, заказавшем Епифанию сборник житий святых, необходимо видеть влиятельного церковного деятеля Новгорода Великого», а именно архимандрита Варлаама. Б. М. Клосс, однако, умолчал о том, что заказчики Мусин-Пушкинского сборника 1414 г. хорошо известны. Как следует из выходной записи, это архиепископ Новгородский Иоанн, некто Сидор Куприянов, а также Матфей Кусов, отождествленный еще А. А. Шахматовым с летописцем Матфеем Михайловым: «В лѣто 6922 (1414) г. написана бысть книга си къ святому [Володимеру] церкви благословениемъ владыцѣ [Иоана], повелѣниемъ Сидора Кюприянова, [а изисканьемъ ?] Матфѣя Кусова...».¹³⁴

Никаких оснований для отождествления заказчика («преподобства») именно с архимандритом Варлаамом, таким образом, нет. Если имена заказчиков самого новгородского списка сборника нам известны, то заказчик его несохранившегося оригинала («преподобство») совершенно необязательно должен быть также новгородцем.

Далее Б. М. Клосс без какой-либо ссылки на источники утверждает, что Варлаам владел собранием книг, причем «некоторые из них он присылал Епифанию в Троицкий монастырь».¹³⁵ К сожалению, нам неизвестны такие рукописи.¹³⁶ Обличение составителем Троицкой летописи (по Б. М. Клоссу, — Епифанием Премудрым) обычаев новгородцев («человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни...») исследо-

¹³³ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 103.

¹³⁴ В квадратные скобки заключены выскобленные места в Мусин-Пушкинском сборнике, причем вместо читавшегося изначально «Иоана» было написано «Антоня». Чтение «а изисканьем» предположительно восстановлено нами. См. подробнее Главу 2 данной книги (сноска 73), а также: Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 17—19.

¹³⁵ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 105.

¹³⁶ Существует запись полууставом XIV—XV в. на Стихираре XII в. (РНБ, ОСПК, Q.п.1.15, л. 105): «Г(осподину) архимандриту Варламу [сиротина твои]» (заключенные в квадратные скобки слова читаются только в ультрафиолетовых лучах), однако интерпретировать этот текст как свидетельство принадлежности рукописи Варлааму невозможно: это не владельческая запись, а, скорее, проба пера.

ватель также считает «естественно» предназначенным «для новгородца», причем далее он пишет: «Без особых натяжек мы можем предположить, что этим новгородцем был архимандрит Варлаам».¹³⁷ На наш взгляд, составитель Троицкой летописи мог бы обратиться с таким пассажем к Варлааму (как, впрочем, и к любому другому новгородцу) только в том случае, если имел намерение оскорбить его. Вывод исследователя о том, что Троицкая летопись была составлена «в расчете на апробацию Юрьевским архимандритом Варлаамом»,¹³⁸ представляется не только ничем не обоснованным, но и совершенно невероятным хотя бы в силу самой антиновгородской направленности этого памятника.

Далее Б. М. Клосс отмечает, что внутри текста «Слова о житии и преставлении» Дмитрия Ивановича «обнаруживается (курсив мой. — А. Б.)¹³⁹ вклинившееся в него сопровождающее письмо», в котором автор обращается к заказчику «преподобство твое», причем для исследователя «понятно, что это — Варлаам Новгородский». «Таким образом, — делается вывод, — Епифаний Премудрый выполнял литературные заказы Варлаама для составлявшегося в то время общерусского митрополичьего летописного свода»¹⁴⁰ (остается, правда, неясным, почему летописный свод называется «митрополичьим», если его заказчиком был юрьевский архимандрит).

Следует заметить, что в том случае, когда составитель Тверской летописи обращается действительно к Варлааму (что справедливо отметил Б. М. Клосс), он именует его не «преподобство», а «отче боголюбивый» (традиционное обращение к духовным лицам¹⁴¹). Автор Предисловия к некрологу князя Михаила Тверского обращается к заказчику, Кириллу Тверскому (также игумену, как и Варлаам Лисицкий), схоже: «отче отцемь» и «твое боголюбство».¹⁴²

Употребление абстрактного существительного «преподобство» для обозначения адресата также неоднократно встречается в памятниках средневековой эпистографии, причем «как почетный титул епископа

¹³⁷ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 107.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Исследователь не ссылается на тот факт, что это письмо было впервые обнаружено и подробно прокомментировано Г. М. Прохоровым еще в 1985 г. (см.: Прохоров Г. М. Непонятый текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 229—247).

¹⁴⁰ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 115—116.

¹⁴¹ См.: Фаль С., Харней Ю., Штурм Г. Адресат и отправитель в древнерусских письмах // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 122.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 386; НК, л. 407. Ср.: к Феофану Греку Епифаний Премудрый обращался «твое мудролюбие» (Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV века. М., 1981. С. 446).

проходит через всю патристическую литературу; применялся иногда и для духовных лиц более низкого ранга».¹⁴³ Думается, что заказчика (или заказчиков) как сборника с Житием Кирика и Улиты, так и Троицкой летописи и «Свода 1418 г.» следовало бы искать среди духовных лиц не Новгорода (для чего нет достаточных оснований), а Москвы.

Согласно Б. М. Клоссу, Варлаам Новгородский оказывается не только заказчиком всех основных летописных памятников, но и «соавтором» Епифания Премудрого. Исследователь пишет: «Под 1406 г. в Новгородской IV и Софийской I летописях читаются известие о смерти митрополита Киприана и его Духовная грамота. В одном месте заметно вмешательство Варлаама Новгородского, именно — в уточнении, что епископ Иларион Коломенский „быв прежде игуменом Лисицкой лавры“: такое добавление естественно было сделать Варлааму, самому бывшему игумену Лисицкого монастыря, а пристрастие монаха Лисицкого монастыря выдает его наименование „лаврой“».¹⁴⁴ Ошибочность этого рассуждения определяется тем, что дополнение об Иларионе не встречается ни в НК1, ни в С1, соответственно его не было, очевидно, и в «Своде 1418 г.»; наряду с двумя другими известиями о Лисицкой обители (1389 г. — о строительстве церкви Рождества Богородицы и 1403 г. — о росписи той же церкви) оно впервые появляется в НК2 и оттуда заимствуется в Н4. Эти дополнения НК2 позволяют связать ее создание с деятельностью не архимандрита Варлаама, а новгородского архиепископа Евфимия II (с 1429 г.), также бывшего до избрания на владычество игуменом Лисицкого монастыря.¹⁴⁵

Итак, роль новгородского архимандрита Варлаама по отношению к общерусскому сводному летописанию заключалась, как нам представляется, не в том, что он был заказчиком или инициатором его создания, а в том, что во время пребывания в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1411 г. или в начале зимы 1411/1412 г. он впервые соединил тексты, относящиеся к новгородской и центрально-русской летописным традициям в одно целое. Это «сведение» двух принципиально различ-

¹⁴³ Фаль С., Харней Ю., Штурм Г. Адресат и отправитель в древнерусских письмах. С. 125.

¹⁴⁴ Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 123.

¹⁴⁵ См.: Бобров А. Г. 1) Новгородские летописи XV века... С. 31—32; 2) Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 123. Конечно, теоретически возможно, что Варлаам после ухода с юрьевской архимандрии вернулся в свою прежнюю Лисицкую обитель и там работал над созданием НК2, однако в пользу атрибуции этой выборки именно Евфимию свидетельствуют, во-первых, тот факт, что она доведена до 1428 г. (а Варлаам не упоминается источниками после 1419 г.), и, во-вторых, дополнение НК2 под 1411 г. о строительстве церкви св. Николы в Вяжищском монастыре, постройщиком которого и был Евфимий.

ных источников было для своего времени первым, во многом несовершенным (и незавершенным) опытом.¹⁴⁶ «Заготовка» Варлаама послужила, однако, основой для последующих шагов по созданию сводного общерусского летописания.

Дальнейшая судьба Летописи 1411 г. видится нам так: с одной стороны, она попала в Новгород, но здесь летопись Варлаама оставалась, видимо, некоторое время не востребованной до той поры, пока архиепископ Евфимий II не инициировал создание Н4, а с другой — в конце 1410-х гг. она была использована в Москве при составлении общерусского митрополичьего свода (летописного свода митрополита Фотия).

3.3. СВОД МИТРОПОЛИТА ФОТИЯ

3.3.1. Исходные данные

Предложенная выше датировка протографа НК1 1411—1412 гг. и утверждение о его первичности по отношению к протографу С1 ставят перед исследователями новые вопросы.

Должно быть подвергнуто пересмотру, вслед за Г. М. Прохоровым, представление о существовании «свода-протографа С1—Н4» («Новгородско-Софийского свода» или «Свода 1448 г.»). Наличие общих чтений С1 и Н4 может быть удовлетворительно объяснено не тем, что они восходят к общему протографу, а тем, что они, во-первых, имеют общий непосредственный источник (НК1) и, во-вторых, связаны между собой, как показал Г. М. Прохоров, посредством выборки из протографа С1 (НК2), также послужившей источником Н4 (см. рис. 2 на с. 96). Принципиальное отличие нашей точки зрения от взглядов Г. М. Прохорова, однако, заключается в том, что мы не отказываемся полностью от шахматовской концепции существования общерусского летописного свода первой половины XV в.

Целью данного раздела исследования является попытка суммировать те сведения и представления о гипотетическом летописном своде начала XV в. (Своде митрополита Фотия), которые сложились в результате текстологического исследования новгородских и, отчасти, московских летописей, а также обосновать саму гипотезу о его существо-

¹⁴⁶ Центральнорусский источник Варлаам использовал только до 1185 г., то ли из-за недостатка времени, то ли потому, что ему был доступен лишь такой текст, да и последующая часть его труда не выглядит завершенной: в ней отсутствует, например, даже упоминание о Куликовской битве.

вовании, очертить круг его источников, рассмотреть проблему его датировки и, наконец, дать представление о его реконструируемом составе.

3.3.2. История изучения летописного Свода Фотия

Существование не дошедшего до нас общерусского по своему характеру гипотетического летописного свода (или сводов) первой половины XV в. (упоминания и характеристику которого можно обнаружить во многих учебниках и обобщающих трудах по древнерусской литературе и историографии)¹⁴⁷ впервые было обосновано в трудах А. А. Шахматова.¹⁴⁸ Установив, что текст С1 и Н4 сходен вплоть до 6926 (1418) г., исследователь предположил, что в основе обоих памятников лежит общий протограф — новгородский «Свод 1448 г.» (или «Новгородско-Софийский свод» в его же более поздней терминологии), в свою очередь восходивший к более ранней общерусской митрополичьей летописи — «Владимирскому Полихрону» 1423 г.

М. Д. Приселков, развивая положения А. А. Шахматова, датировал первоначальный митрополичий свод 1418 г. и назвал его «Фотиев Полихрон» или «Свод 1418 г.», а «Свод 1448 г.» предложил считать в равной степени митрополичьим.¹⁴⁹ По мнению Д. С. Лихачева, Свод Фотия также датируется 1418 г., но «Новгородско-Софийский свод» был создан не в Москве, а в Новгороде, при архиепископе Евфимии II.¹⁵⁰

¹⁴⁷ См., например: *Орлов А. С.* Лекции по истории древней русской литературы. М., 1916. С. 217—220; *Петухов Е. В.* Русская литература. Древний период. 3-е изд., испр. и доп. Пг., 1916. С. 98—101; *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 111; История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 116—117, 257—260; История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 253—255; История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 194—195; История всемирной литературы: В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 475—477; *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Уч. пособие. М., 1993. С. 109—111; Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник. М., 1994. С. 80; Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 103, и мн. др.

¹⁴⁸ См.: *Шахматов А. А.* 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 118—182 (особенно с. 137—161); 2) Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 331, № 9, отд. 1. С. 90—176; 3) Обозрение русских летописных сводов... С. 151—160, 366.

¹⁴⁹ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. С. 142—151 (по новому изданию: СПб., 1996. С. 204—215). Далее сноски приводятся по изданию 1996 г.

¹⁵⁰ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 305—317.

В цикле работ Я. С. Лурье убедительно опроверг общее со времен А. А. Шахматова представление о двух этапах редактирования общерусского летописания после свода типа Троицкой летописи (на основе этого прежнего представления выделялись как «Владимирский Полихрон» (Свод Фотия) 1418—1423 гг., так и «Свод 1448 г.» («Новгородско-Софийский свод 30—40-х гг. XV в.»)¹⁵¹). Доказав, что предположение о существовании обоих сводов текстологически необоснованно, Я. С. Лурье подошел к вопросу: «Не следует ли считать, что датировка Полихрона (1418—1423 гг.), так же как и его общая характеристика (как общерусского свода), может быть отнесена к непосредственному протографу С1—Н4?»¹⁵² Вывод исследователя, однако, заключался в том, что гипотеза о существовании именно Полихрона Фотия является излишней, а основным митрополичьим сводом первой половины XV в. являлся «Свод 1448 г.», автора которого Я. С. Лурье даже назвал «Нестором XV века».¹⁵³

Иной ответ на поставленный вопрос был предложен нами в статье 1993 г. Понимая тогда, вслед за А. А. Шахматовым и его последователями, гипотетический летописный свод как общий источник С1 и Н4, я предложил датировать его не 30—40-ми гг. XV в. (или даже 1448 г.), а временем около 1418 г.¹⁵⁴

Автором данной книги первоначально принималось, что тексты С1, Н4, а также НК1 и НК2, восходят к одному общему источнику. В процессе изучения летописных текстов, однако, было подвергнуто пересмотру, вслед за Г. М. Прохоровым, представление о существовании

¹⁵¹ В этой связи анахронизмом выглядит использование В. А. Кучкиным в текстологическом комментарии к изданию повестей о Куликовской битве обоих терминов (Свод 1423 г. и Свод 1430-х гг.). См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11, 45—47 и др.

¹⁵² Лурье Я. С. 1) К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142—146; 2) Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 114—129; 3) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121; 4) Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199; 5) Две истории Руси XV века... С. 15—16 и др.; 6) Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб., 1997. С. 37—38 и др.

¹⁵³ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 28—38.

¹⁵⁴ Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. С. 3—20 (особенно с. 6—11); см. также: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века... С. 24—28. Б. М. Клосс придерживается абсолютно той же датировки свода — общего источника С1 и Н4 — 1418 г. и отвергает принятую в науке датировку 1448 г., однако не ссылается на мою статью, замечая лишь, что «пересмотр этой (традиционной. — А. Б.) датировки — тема особого исследования» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 110—112, 116—117).

свода, являвшегося общим источником (или протографом) С1—Н4—НК («Новгородско-Софийского свода» или «Свода 1448 г.»). Этот пересмотр в значительной степени был основан на изучении соотношения текстов НК1 и С1. Были предложены новые (не привлекавшие Г. М. Прохорова), имеющие, на наш взгляд, необратимую силу, аргументы в пользу первичности текста НК1 по отношению к С1 (см. об этом выше). Если признание этого текстологического соотношения между НК1 и С1 уже не позволяет утверждать, что С1 и Н4 напрямую восходят к общему протографу, так как наличие в этих летописях схожих текстов может и должно объясняться иначе, то анализ текстологического соотношения между С1 и НК2 приводит нас к заключению, что общерусский летописный свод первой половины XV в. все же существовал. Теперь, после исследования Г. М. Прохорова и наших приведенных выше наблюдений, это положение требует специальных доказательств.

3.3.3. Доказательства существования Свода Фотия

Еще Я. С. Лурье, формально используя шахматовские названия «Новгородско-Софийский свод» и «Свод 1448 г.», по сути дела, радикально пересмотрел представления о составе этого гипотетического памятника. Если А. А. Шахматов считал его новгородским (что и отразилось в названии) и реконструировал в равной степени на основании текстов С1 и Н4, то Я. С. Лурье не только признал его московским, но и практически отождествил по составу с С1 («Текст этого общего протографа С1—НIV (...) без существенных добавлений дошел до нас в С1 (...) Если это и не „реальный текст” свода 1448 г., то очень близкий к реальному»)¹⁵⁵.

Установление первичности текста НК1 по отношению к С1 приводит к новому пониманию проблемы общерусского летописного свода начала XV в. Наличие общих чтений С1 и Н4 теперь может быть удовлетворительно объяснено не тем, что они восходят к общему протографу, а тем, что обе эти летописи, во-первых, имеют общий непосредственный источник (т. е. НК1) и, во-вторых, связаны между собой, как показал Г. М. Прохоров, посредством выборки из протографа С1 (т. е. НК2), также послужившей источником Н4. Но и в таком случае, казалось бы, гипотетический общерусский митрополичий свод начала XV в. практически может быть сближен с протографом С1, и проблема

¹⁵⁵ Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 215; подробнее см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 71—87.

реконструкции его состава должна быть решена путем сопоставления списков этой летописи.¹⁵⁶

Г. М. Прохоров действительно считает, что общерусский летописный свод дошел до нас в С1, а НК2 является «выборкой» из него, хотя и дополненной по другим источникам.

Существует, однако, свидетельство того, что дошедший до нас в составе С1 текст не может быть в полном объеме признан первичным по отношению к НК2. Я. С. Лурье приводил уже некоторые аргументы против этого предположения, но среди них не было, на наш взгляд, «текстологически необратимых» и бесспорно доказательных.¹⁵⁷

И здесь распутать «текстологический клубок» нам помогает привлечение «контрольного текста», а именно анализ одной дублировки (совпадения) текста между НК1 и НК2. Рассмотрим, как изменялся в НК1, С1 и НК2 летописный текст статьи 6900 (1392) г.:

НК1	С1	НК2
<i>Вышед</i> из Орды, князь Василей Дмитриевич	Ходи князь великий Василей Дмитриевич въ Орду ко царю Тактамышу, и <i>выиде</i> из Орды на великое княжение.	Ходи князь великий Василей Дмитриевич въ Орду к царю Тактамышу, и <i>вышед</i> из Орды на великое княжение.
взя Нижнии Новгород и пойма князи и княгини <i>в таль</i> ;	И ходи под Нижнии Новгород ратию, и взя город за себе, а князи и княгини пойма <i>въ полонъ</i> .	И ходи под Нижнии Новгород ратью, и взя град за себе, а князи и княгини пойма <i>в таль</i> .
а князь Семен бѣжа в Орду.	А князь Семень Дмитриевич убѣжа въ Орду.	А князь Семен Дмитриевич убѣжа в Орду.

¹⁵⁶ Г. М. Прохоров, собственно говоря, и считает С1 первой «сводной общерусской летописью», но в связи со своими представлениями о протяженности во времени процесса создания летописных сводов датирует ее 80-ми гг. XII—первой половиной XV вв. (см.: Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 197).

¹⁵⁷ См.: Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 211—213. Дж. Линд также отмечал неубедительность предположения Г. М. Прохорова о вторичности текста НК2 по отношению к С1 и приводил примеры с написанием имени «Бергер» под 6860 (1352) г. и географического названия «Каяно море» под 6885 (1377) г., точнее переданными в НК2, в то время как С1 дает искаженные чтения (соответственно «Бергел» и «Окиян море»). Исследователь отметил принципиальное значение этих примеров, так как иностранные имена собственные, оказавшись искаженными, вряд ли могли быть легко исправлены летописцем (Lind J. In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages; Odense University, 20—21 November 1989). Odense, 1990. P. 81).

В данном случае у нас есть возможность одновременно увидеть, как читалось летописное известие не только в непосредственном источнике протографа С1 (т. е. в НК1), но и в выписке из этого протографа (т. е. в НК2). Сопоставление текстов показывает, что в протографе С1 должны были, несомненно, находиться чтения «вышед» и «в таль», однако во всех дошедших до нас списках С1 читаем «выиде» и «въ полонъ». Это может свидетельствовать только об одном: в С1 до нас дошел уже измененный, отредактированный текст, а НК2 сохраняет летописные чтения в более раннем виде, какими они были еще до их редактирования создателем С1. Следует, таким образом, различать архетип С1 (к которому восходят все дошедшие до нас списки этой летописи) и общий протограф С1 и НК2 (см. рис. 3).¹⁵⁸

Значение этого вывода определяется тем, что в НК2 содержится не только «выборка из С1», но и еще целый ряд дополнительных («избыточных» в сравнении с С1) текстов, на протяжении от 6580 (1072) г. до самого конца памятника. Г. М. Прохоров, отстаивая первичность текста С1 по отношению к НК2, предложил рассматривать эти чтения как результат дополнения НК2 по различным источникам: во-первых, по Н1 и другим новгородским летописям; во-вторых, по «центральнорусской» летописи «типа Троицкой» (до 1392 г.), и, в-третьих, по внелетописным письменным памятникам (после 1392 г.).¹⁵⁹

Действительно, невозможно предположить, что многочисленные новгородские «избыточные» известия НК2 находились уже в ее московском источнике (протографе С1—НК2); они, выделяясь своим содержанием, легко вычлняются из текста и могут быть возведены частично к Н1, а частично — к неизвестным новгородским источникам.¹⁶⁰

Сложнее обстоит дело с «центральнорусскими» (в основном московскими) «избыточными» текстами НК2. Они, главным образом, расположены в заключительной части летописи. Г. М. Прохоров заметил по поводу дополнительных неновгородских текстов НК2: «Можно до-

¹⁵⁸ Определение характера и времени редакторской работы, произведенной при создании архетипа С1, заслуживает особого исследования. Отметим здесь лишь регулярное и последовательное употребление титулов «князь» и «великий князь» при всех упоминаниях соответствующих персонажей на протяжении всего текста (причем НК1, НК2 и Н4 не придерживаются такой системы, и это является свидетельством вторичности С1), что, наряду с другими обстоятельствами, позволяет видеть в этом памятнике великокняжескую обработку митрополичьего свода, не слишком доброжелательную по отношению к князю Юрию Дмитриевичу (например, в С1 при описании похода этого князя под 6903 (1395) г. был сокращен сохранившийся в НК2 вывод летописца: «...никтоже не запомнит так воююще русь Татарскую землю»).

¹⁵⁹ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 177—182.

¹⁶⁰ Там же. С. 178, 190—191.

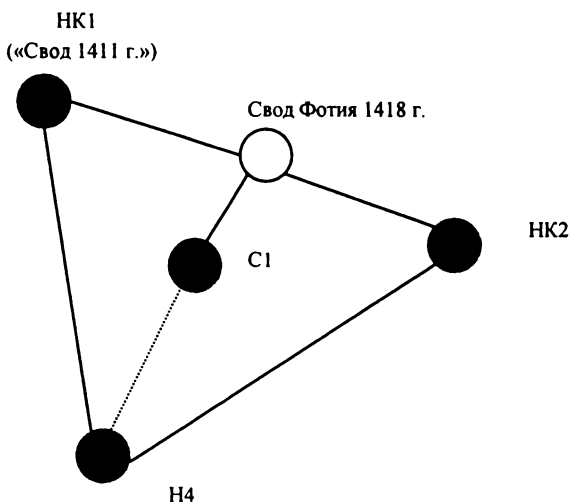

Рис. 3. Взаимоотношение летописей по А. Г. Боброву

пустить, что все это было в центральнорусском источнике НК2, но возможно также, что составитель НК2 специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов».¹⁶¹

Рассмотрим поэтому в первую очередь не отдельные летописные известия, а значительные по объему тексты — **повести и документы, находящиеся в НК2, но отсутствующие в С1:**

- 1) 6898 (1390) г. Л. 393—396: «Списокъ грамоты патриарши сборное» [Грамота патриарха Антония];
- 2) 6898 (1390) г. Л. 396 об.—397: «О трех татаринех, иже из Орды приидоша к Москвѣ и крестишася»;
- 3) 6902 (1394) г. Л. 399 об.—401 об.: «Антониа патриарха грамота к Новуграду»;
- 4) 6903 (1395) г. Л. 401 об.—403: [«Хождение дьякона Александра»];
- 5) 6904 (1396) г. Л. 404 об.: [Перечень 35 епископов ростовских];
- 6) 6907 (1399) г. Л. 407—409: [«Некролог»] «О преставлении князя Михаила Тферскаго»;
- 7) 6910 (1402) г. Л. 409 об.—411: [«Слово о небесном знамении»];

¹⁶¹ Там же. С. 181.

8) 6914 (1406) г. Л. 413—416 об.: [«Некролог» — плач о митрополите Киприане];

9) 6916 (1408) г. Л. 416 об.—418: [Грамота Едигея];

10) 6917 (1409) г. Л. 418—419: [«Некролог» о смерти епископа Тверского Арсения].

Из перечисленных дополнительных по отношению к С1 значительных по объему текстов 3 (под 1390, 1394 и 1395 гг.) связаны с византийской тематикой. Две грамоты патриарха Антония,¹⁶² одна из которых прямо адресована в Новгород, а другая в качестве циркулярного послания также могла быть здесь известна, как и «Хождение дьякона Александра» (возможно, новгородца),¹⁶³ казалось бы, могли отсутствовать в составе архетипа С1 и, наряду с другими дополнительными новгородскими известиями, войти в состав НК2 при ее составлении в Новгороде. Следует, однако, отметить, что грамота Антония в Новгород 1394 г. имеет «обличительный» характер и отстаивает интересы митрополии (в ней патриарх подтверждает наложенное митрополитом Киприаном на новгородцев «отлучение»), поэтому ее затруднительно рассматривать в качестве новгородского дополнения к летописному тексту. Действительно, судя по НК1, в источнике протографа С1—НК2 читалось под тем же 6902 (1394) г. следующее известие: «И приеха из Царяграда от патриарха Антония Вифлеомский владыка Михаил, а привез Новуграду две грамоты, поучение христианом». Свидетельство НК2 о возможном наличии в протографе С1—НК2 грамоты 1394 г., таким образом, подкрепляется сообщением НК1 о ее привозе из Царьграда (к этому известию естественно было присоединить сам текст патриаршей грамоты). В протографе С1—НК2, очевидно, читались обе части рассказа — и засвидетельствованная источником (НК1), и дошедшая в выписке (НК2), а редактор С1 их сократил.

Схожий текстологический «след» присутствия в протографе С1—НК2 другой грамоты патриарха Антония (1390 г.) усматривается в известии под тем же годом (дошедшем как в С1, так и в НК2) о приходе из Царьграда на Русь митрополита Киприана. Грамота написана в защиту его интересов; естественно, Киприан привез ее с собой, и находится в своде-протографе С1—НК2 она могла именно после этого летописного известия.

¹⁶² Одна из грамот (1390 г.) впервые была опубликована по единственному списку НК2 (ее нет и в Н4): *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... С. 225—228. Греческий оригинал грамоты неизвестен.

¹⁶³ Текст «Хождения» публиковался только по Н4; памятник исследован «недостаточно» (см.: *Белоброва О. А.* Александр // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 20).

Что же касается «Хождения дьякона Александра» (1395 г.), следом его наличия в протографе С1—НК2 можно считать сохранившееся в обеих летописях под тем же 6903 (1395) г. известие о военном конфликте в Византии («Приходилъ царь Калочанъ Андрониковъ сынъ съ туркы ко Царюграду. И выѣха царь Мануиль съ грекы и съ фрязы, и прогонилъ турки»), к которому оно и могло быть присоединено.

Еще менее вероятным кажется нам предположение, что сводчик-новгородец собрал центральнорусские по происхождению сочинения (по поводу трех сочинений из числа указанных дополнений НК2 — «некрологов» Михаила Тверского, Киприана и Арсения Тверского уже давно было высказано предположение, что это сочинения Епифания Премудрого¹⁶⁴), и при этом неизвестные московскому летописанию (или, во всяком случае, отсутствующие в С1).¹⁶⁵ Учитывая более чем сложные отношения Новгорода и митрополита Киприана (см. об этом выше), особенно сомнительной представляется возможность того, что новгородский летописец сам нашел и включил в свой свод плач об этом иерархе и посвященную ему повесть «О трех татаринех...».

Главное же обстоятельство, препятствующее предположению, будто составитель НК2 собрал «списки цельных, способных к самостоятельному существованию произведений»¹⁶⁶ и вставил их в свой свод, заключается в том, что большинство из перечисленных выше текстов самостоятельными как раз и не являются. Рассмотрим эти тексты более пристально.

1) Под 6904 (1396) г. в НК2 находится следующий текст: «О поставлении Григория, епископа Ростовскаго. Индикта 4, марта 19, Киприанъ митрополит на Москве поставил въ владыкы Григория епископом граду Ростову, и Ярославлю, Бѣлуозеру, и Угличю Полю, и Устьюгу, и Молозѣ. А с ним были на поставлении епископов 5; сеи же Григорей 35-и бысть епископъ Ростовскыи. 1 Феодоръ, 2 Феогность, 3 Феодоръ, 4 Иларионъ, 5 Феогность, 6 Феодоръ, 7 Леонтии, 8 Иларион, 9 Исаия, 10 Ефрем, 11 Нестеръ, 12 Леон, 13 Лука, 14 Иоанъ, 15 Пахомей, 16 Симон, 17 Кюрьякъ, 18 Митрофан, 19 Кирил, 20 Кириль, 21 Тарасей,

¹⁶⁴ См. о стилистическом родстве этих произведений и «Слова о житии... Дмитрия Ивановича»: Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 147—150. См. также: Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 217.

¹⁶⁵ Из названных текстов только повесть «О трех татаринех...» читалась в Троицкой летописи (см.: Троицкая летопись. С. 443).

¹⁶⁶ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

22 Игнатии, 23 Семион, 24 Прохоръ, 25 Антонию, 26 Иаков, 27 Иоан, 28 Гавриил, 29 Игнатеи, 30 Петръ, 31 Парфении, 32 Арсению, иже бѣ и князь, [33 Матфѣи Гречин], 34 Феодоръ архиепископъ, 35 Григориии».

В С1 текст явно испорчен: «Киприанъ митрополить (...) постави (...) Григория епископомъ Ростову, и Ярославлю, Бѣлуозеру, и Угличю Полю, и Устюгу, и Молозѣ. А съ нимъ были на поставлении 5 владыкъ. Си же Григории 30 и 5 [вариант С1 младшей редакции — 20 и 5] лѣтъ бысть епископомъ Ростову».¹⁶⁷

Г. М. Прохоров полагает, что «каким бы ни был в данном случае источник С1, ясно, что перечня ростовских епископов в нем не было: был бы перечень, понятны были бы цифры и не возникло бы ошибки. Вставляя перечень в НК2, естественно было исправить и искаженную фразу».¹⁶⁸ Однако трудно представить себе самостоятельно существующий вне летописи список ростовских владык. Кроме того, предположение о существовании свода-протографа С1—НК2 позволяет объяснить и происхождение ошибочных чтений С1: в этом своде должен был читаться тот же текст, что и в НК2; далее уже в архетипе С1 был сокращен перечень епископов и текст приобрел такой вид: «...Си же Григории 35 бысть епископъ Ростову»; наконец, составители С1 старшей (далее — С1ст.) и младшей (далее — С1мл.) редакций схожим образом попытались его осмыслить.¹⁶⁹

2) Под 6907 (1399) г. в НК2 читается отсутствующий в С1 текст Предисловия к рассказу о кончине Михаила Тверского:

«О преставлении князя Михаила Тѣрскаго.

Егда единоу видѣвы пришлецъ великаго града изрядное стоание, что убо хошетъ рещи о немъ, но токмо же в собѣ видению дивится, яко инѣм же глаголетъ. Видѣх убо аз преславное граду видѣние, о нем же по части нѣсть ми съглаголати, преудивиша бо мя мудраа основания твердости и крѣпости стѣнь, и утврѣжение врат, и сведение стлѣпь, и полатъ украшение, разум же не прѣде ми ни къ единому ухищрению, да тѣмъ не могу инѣмъ исповѣдати, ибо сам азъ не насладихся неизреченныа красоты. Яко же и се в томъ подобное вещи, отче отцемъ Кириль .Г.С.Р.Ч.Е.Е.Г., еже повелѣл ми еси написати от жития премудраго Михаила, боголюбца князя. И то выше силы, и не досажема умале-

¹⁶⁷ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 249—250.

¹⁶⁸ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

¹⁶⁹ Отметим здесь, что, хотя С1ст. в целом точнее отражает протограф С1, чем С1мл., порой именно в младшей редакции сохраняются первоначальные чтения. Создание С1ст. должно быть отнесено ко времени после 1431 г., так как в обоих ее списках говорится, что Фотий был митрополитом 22 года (см.: ПСРЛ. Т. 5. С. 258).

нию нашему, обаче же блюсти подобает, да не преслушание в нас обрешется; молю твое боголюбство, честная главо, ибо сама чюдися мужа разуму и нравомъ, и не моги единого рассуждения въ умъ привести, ослушания же бояся, да аще от великихъ много малаа нѣкаа речемъ, всяко прощение въ оглаголения мѣсто да примемъ, от священнаго верха».¹⁷⁰

Далее в НК2 следует совпадающий с С1 текст о смерти князя: «Разболѣся князь великий Михаил Александрович Тверский по Господниѣ дни...» (НК2, л. 407). Процитированное Предисловие — это такое же письмо к заказчику, как и то, которое вычленил из текста «Слова о жити... Дмитрия Ивановича» Г. М. Прохоров.¹⁷¹ Хотя это Предисловие было использовано (переработано) в Тверском сборнике,¹⁷² его отдельное от дальнейшего повествования, самостоятельное бытование в рукописной традиции не зафиксировано и представляется маловероятным, поэтому и его следует возводить к протографу С1—НК2.

3) Встречающийся в НК2 под 6910 (1402) г. текст «Слова о небесном знамении» также является частью, а точнее, продолжением соответствующей летописной статьи, начало которой совпадает в С1 и НК2:

«В лѣто 6910. В Великое говѣние месяца марта являшеся нѣкое знамение на небесѣхъ, в вечернюю зарю, на западѣ звѣзда немала, аки копейным образомъ, верху же ея акы лучь сияше, иже на востокѣ всходящи и на западѣ лѣтнемъ являющеся, юже видѣхомъ весь тои мѣсяць...».¹⁷³

Далее в НК2 текст продолжает процитированное известие: «...такое всходящи и сияющи. Се же является грѣх ради нашихъ, прообразуетъ и претить, и велить намъ покаитися от грѣхъ нашихъ. Убо смѣю рещи, сбывается слово евангельское, якоже самъ Спасъ въ Евангелии рече:

¹⁷⁰ Текст Предисловия является одновременно и посланием к заказчику Жития Кириллу «Г.С.Р.Ч.Е.Е.Г.» (цифровая тайнопись?), отождествляемому «с тем Кириллом, к которому обращался Епифаний Премудрый в своем послании о Феофане Греке, упоминая, что Кирилл предоставил ему убежище в Твери во время нашествия Едигея в 1408 г. (когда троицкие монахи, включая, очевидно, и Епифания Премудрого, покинули свой монастырь)» (см.: Лурье Я. С. Житие Михаила Александровича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 299—301). Атрибуция Предисловия Епифанию Премудрому принадлежит А. Д. Седельникову: Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский») // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 159—176.

¹⁷¹ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 88—122.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 15. С. 463 (см.: Лурье Я. С. Житие Михаила Александровича. С. 300—301).

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 5. С. 252; ср. НК2, л. 409 об.

„В послѣдняя дни будут знаменія велика на небеси, в солнци и в лунѣ, и въ звѣздахъ, услышати же имате слухъ ратей и нестроения, и слышания бранемъ; встанетъ бо языкъ на языкъ, и страна на страну, и царство на царство, и будутъ гладове, и мятежи, и пагубы, и труси велици по мѣстомъ, и страхованія в мори, все же се начало болѣзнемъ. Предасть же братъ брата на смерть, и отецъ чадо, и встанутъ чада на родителя своя, и убьютъ я, и другъ друга предасть, и възненавидитъ и прелститъ, и за умножение безаконіи изсякнутъ любви многихъ; будетъ бо тогда печаль велика, и скорбь человекомъ, и туга языкомъ, и гнѣвъ на людехъ, и страхъ повсюду”. Да еже въ Евангелии Спасъ нашъ преже глаголаше, то нынѣ в послѣднее время все збывается, а реченаа знаменія с небесе в солнцѣ, и в лунѣ, и въ звѣздахъ являються; а еже рече: Встанетъ языкъ на языкъ, царство на царство, се бо всташа языци воеватися, ратующеся: ово татарове, ово же туркове, индеже фрязове, а инде ляхове, а онамо нѣмци, а овамо глаголемаа литва. Что ли поминаю татаръ, и турковъ, и прочая языки невѣрныя и некрещеныя; но и мы сами, рекомыа христiane, правовѣрнии суще и православни, сътворяемъ межи събою брани и рати, и кровопролитія, яже сутьъ межи нами усобици; случаетъ бо ся сие встаетъ ратью правовѣрнии князь на правовѣрнаго князя, и тѣи же на брата своего, или на дядю, и бываетъ промежи ими вражда и непокорение, гнѣвъ же и ярость, конечнее же рать и брань, сѣча бо и кровопролитье, еже естьъ межиусобица, промежи ими бываетъ воины, а обои суще правовѣрнии христiane, и сюду, и оводу, овии по своимъ княземъ ретують, желающе не токмо дрѣзнути, но и умрети за своего князя, а друзии с другую страну, тако же православнии суще воины, зѣло побарающе за своего князя, и волею и неволею стоятъ, хотяще и дрѣзающе главы своя положити за нь, и егда на соимѣ, тогда в то время обои бьются нещадно, и сѣкутся без милости. И ту прочее жалостно видѣти, и позоръ плача достоинъ, подоиметъ бо руку хрестѣанинъ на христѣанина, и въздвигнетъ оружiе свое другъ на друга, скуетъ же копiе свое братъ на брата, и поостритъ мечъ свои любовникъ на любовника, и стрѣлами своими състрѣляетъ ближнии ближняго, и сулицею прободаетъ сродникъ сродника, и племенникъ своего племенника низлагаетъ, и правовѣрнии единовѣрнаго постѣкаетъ, и юношя старця сѣдинъ многолѣтныхъ не усрамляется, и рабъ Божии раба Божии не пощадитъ. Да где естьъ любовь съврѣшенная, юже Христосъ въ Евангелии предасть намъ, глаголя: „Заповѣдь нову даю вамъ, да любите другъ друга”. И пакы: „Болше сея любви никто же имать, да кто положитъ душу свою за ближняго”. Мы же токмо не полагаемъ душа своеа за ближняго, но и з ближняго извлачимъ ю, хотящи изяти ю оружиемъ заколениа. Тако ти естьъ межиусобная рать, от нея же дабы избавилъ ны Господь Богъ

нашь, яко вси есмы в бѣдах, и яко посреди сѣти мимо ходихъ; да вси закупѣ помолимся Богу, глаголюще: „Молитвами, Господи, всѣх святых твоих и молитвъ ради святыя Богородица подаи же, Господи, правѣрнымъ княземъ нашимъ мирно же княжение и тихо, и красно, и не мятежно, и не завистно, и не зарочно, и не раздорно, и не расколно, и не развратно, и бескрамолно, да и мы в тишинѣ их тихо и безмлъвно житие поживемъ, въ всякомъ благовѣрии и чистотѣ, да и прочее лѣто живота нашего в мирѣ и в покаании скончати у Господа просимъ”. И понеже время послѣднее приходит, и скращено есть уже, и конец житию приближается, и знамения же въ звѣздахъ являются. И се звѣзда, юже видѣхомъ нынѣ, необычныя и незнаемыя звѣзды, о неиже нынѣ пишемъ и глаголемъ, продлѣжающе слово; но абие препоеимъ бесѣду и скратимъ рѣчь, и дадимъ величие Богу нашему, ему же слава» (НК2, л. 409 об.—411).¹⁷⁴

Невозможно представить себе самостоятельный текст, начинающийся словами «...такъ всходящи и сиаючи. Се же является...». Более того, в конце «Слова о небесном знамении» вновь возникает звучавшая в начале летописной статьи 1402 г. С1—НК2 тема звезды: «И се звѣзда, юже видѣхомъ нынѣ...» (НК2, л. 411). Таким образом, следует признать, что данное произведение читалось уже в составе свода-протографа С1—НК2 и было сокращено при редактировании архетипа С1.

4) Под 6914 (1406) г. в НК2 после рассказа о преставлении митрополита Киприана и текста его Духовной грамоты читается «Плач о Киприане», завершающий все повествование.¹⁷⁵

«Множество человеческое, все на землю пришедшее, общее естество оплачим, еже злочастнѣ обогащаемся. О, како честнѣишее Божиихъ сздания, еже по подобию его, увы, и по образу, безъ дыхания зрится и мертво, увы, и мерзко, полно червие нечистыхъ, испущаа отъ дыхания смраднѣ! Како изчезе мудрование? Како скрыся слово? Како разставися сугубое? Како утаися вскорѣ? Тричастное погыбе! Четвъртое же растлѣ! Пятое безъ дыхания и мертво! Увы, страсти, увы! Сугубая деся-

¹⁷⁴ Убедительные аргументы в пользу атрибуции «Слова о небесном знамении» Епифанию Премудрому были приведены Б. М. Клоссом, заметившим, между прочим, что «это небольшое произведение написано с такой силой и с таким литературным мастерством, что обязательно должно учитываться в учебниках древнерусской литературы» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 121—123). Ранее текст издавался только в составе Н4 (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 392—394).

¹⁷⁵ Знаки препинания расставлены в соответствии с публикацией этого текста по списку НК Г. М. Прохоровым (Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 127—128).

торица погипе, и по седмѣи, осмая же будущего въображает растворе-
ние. Земля убо наше смѣшение, земля покрывает, и паки земля вста-
ние. Увы, страсти, увы мнѣ! Нагъ изыдох на плач съи младенецъ съи,
наг и отиду паки. Отнюду же что тружаюся и смущаюся всеу, нагъ,
вѣдая конецъ житиа? Дивьство, како шествуем вси равны образом от
тмы на свѣт, от свѣта же въ тму, от чрева матерня с плачемъ в миръ, от
мира же печального с плачемъ въ гробъ! Начало и конецъ — плач. Каа
потреба посреднимъ? Сонъ, сѣнь, мечтание — красота житиискаа. Увы,
увы, страсти многосплетенны житиа! Яко цвѣт, яко прах, яко сѣнь,
преходить» (НК2, л. 415 об.—416).¹⁷⁶

Как показал Г. М. Прохоров, хотя в рукописной традиции этот по-
этический текст встречается и отдельно, первоначальный его вид при-
надлежит автору, выполнявшему заказы составителя общерусского
свода, «который легко мог сопроводить сообщение о смерти митропо-
лита Киприана не только текстом его Духовной грамоты, но и своей
поэмы». ¹⁷⁷ Хотя прямо исследователь не говорит, кто же этот автор, его
мысль ясна: «Нет нужды напоминать, что „Слово о житии и учении”
Стефана Пермского насыщено у Епифания подобного рода стихооб-
разными медитациями». ¹⁷⁸ Эти наблюдения противоречат мысли самого
Г. М. Прохорова, что «поэтический плач» принадлежал к числу «цель-
ных, способных к самостоятельному существованию произведений». ¹⁷⁹
Ясно, что этот текст изначально являлся частью единого летописного
повествования о кончине Киприана в протографе С1—НК2.

5) Под 6916 (1408) г. в НК2 и С1 находится краткий рассказ о наше-
ствии Едигея. В НК2 после слов «Едегѣи приде ратью к Москвѣ нояб-
ря 23 и да грамоту в град» помещен сам текст этой грамоты (НК2,
л. 416 об.—418). ¹⁸⁰ В С1 текста самой грамоты нет, но имеется упоми-
нение о ней: «Прииде Едегѣи ратию къ Москвѣ, мѣсяца ноября въ
23 день (...) Присла Едегѣи свою грамоту къ великому князю на Моск-

¹⁷⁶ См. об этом тексте с атрибуцией его Епифанию Премудрому: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 123—152; ср.: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 123 (без ссылки на Г. М. Прохорова утверждается, что «описание последних дней Киприана и его кончины принадлежит, несомненно, Епифанию Премудрому»).

¹⁷⁷ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 146.

¹⁷⁸ Там же. С. 150.

¹⁷⁹ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

¹⁸⁰ См. об этом тексте: Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2.: Л—С. С. 197—201 (особенно с. 199—200).

ву».¹⁸¹ Отдельное, самостоятельное бытование в рукописной традиции грамоты Едигея вне рассказа о самом нашествии 1408 г. не только не зафиксировано, но и крайне маловероятно. Очевидно, и этот текст был сокращен редактором архетипа С1.

6) Под 6917 (1409) г. в НК2 читается рассказ и поэтический плач о смерти епископа тверского Арсения (НК2, л. 418—419).¹⁸²

«В лѣто 6917. О Христѣ Исусѣ, Господи нашемъ, Богъ щедротамъ благи челоуколюбецъ, Спасъ всѣмъ приходящимъ к нему с вѣрою, хотяи всѣмъ челоукомъ спастися, и в разумъ истинныи приити, не хотяи смерти грѣшникомъ, но ожидая обращения, приемляи кроткыя, и упокоевая смиренныя по дѣланію добродѣтели их. Бысть в богоспасаемѣмъ градѣ Тфери при благовѣрномъ великомъ князи Иване Михайловиче священному епископу Арсенію Тферскому, от житія преставитися сицевымъ образомъ. Индикта 2, приспѣвшу сбору всегодишному, и многолѣтствовахомъ пастырю и учителю своему в неделю сборную, в понеделникъ же поучение слышахомъ от устъ его, и нѣкаковаа исправления о законныхъ дѣлахъ, послѣ же всѣмъ благословение и прощение, и отъидохомъ въсвои. Бысть же мѣсяца февраля 28, тоя же недели в четвергъ, поболѣ главою велии нашъ учитель, к полунощи же случися словесному органу угаснути и затворитися гласу. Наставшу мѣсяцю марту, по книжному день первыи, а по лунному февраля 15, в пяткъ по заутренни, приходитъ к нему князь великыи с своею братьею, и з детми, и з боляры, и съзываетъ архимандриты, и игумены, и попове на освящение масла и на помазание святителя. Сему же тако бывшу, приходящимъ же к нему всѣмъ благословения ради и прощения, глубоцѣ нощи суще, присѣдяху у него 10 черноризцовъ, чающе нѣкоего словеси услышати от него, и не бысть гласа, ни послушания. О нужда, страхъ бо ны обдержит и ужась: в толицѣ сыи славѣ и чѣсти бывыи, лежитъ безгласенъ, и нечюуствен истязаяся, приемля за пищу алканіе, за покои болѣзнь, за беспечаліе тугу; увы, увы, слышати въздыханія болезненная, и стenanія сердечнаа. Тое нощи бысть за полѣтретья часа, пастырь нашъ и учитель, сборныа великыа церкви святаго Спаса настолникъ от житіа к Богу отходить, нас же сирыхъ оставль, своя овця, не имущихъ пастыря. О

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 5. С. 257.

¹⁸² См. публикацію части текста по списку НК с атрибуціею Елифанію Премудрому: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 149—150; о списках: Коняевская Е. Л., Прохоров Г. М. Арсеній // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 68—70 (особенно с. 70). По мнѣнію Б. М. Клосса, авторомъ является не Елифаній, а Кирилл Тверской (Клосс Б. М. Житіе Сергія Радонежскаго. С. 123—124).

нужда, плач и рыдание, вопль мног! По Богослову: не злѣ ли и болезнь, нѣ старость над главою, печалемъ сплетение, изчезе доброта, умножися злоба, друзи невѣрны, церковь бес пастыря, путье ношью, свѣщи нѣсть, постѣнитель спит; бывыи на своемъ столѣ, добрѣ упасъ свою церковь лѣт 19 и 6 месяць, месяца марта в 2, свитаючи суботѣ, на память святого священномученика Феодота Киринаиска. И вложи Богъ в мысль великому князю и всѣмъ людемъ положить честное тѣло его у святой Богородици въ богосъзданиѣмъ его монастырѣ и у святыхъ отецъ Феодосиа и Антониа. Събравшу же ся събору священному и всему множеству народа, и пѣвше надгробное в святомъ Спасѣ, и проводиша и честно в богосъзданѣ его церкви, и тамо пѣвше над гробомъ, и положиша и в гробъ. О великое человеколюбие Божие! Бывъ пастырь и постѣнитель всеи земли Тферской, гробу предается, имѣа честь славну и слугы доволны, обладаемаа вся преминушяся по пророку: в тои день погыбнут вся помышления их, в гробѣ покрываются; котораа слава свѣта сего пособьствуетъ, токмо единый Господь Богъ, владыка всемогнии Иисус Христос, и пречистаа его мати, да избавит ны в день будущего суда, в вѣкъ на вѣкъ, и в вѣкъ вѣку. Слава в Троици единому Богу. Аминь».

Хотя в С1 вообще нет упоминания о кончине Арсения Тверского, ее источник (НК1) содержит краткое известие («Тое же весны преставися епископъ Тферский Арсении»: НК, л. 296), очевидно, замененное на подробный рассказ в своде-протографе С1—НК2. Следует заметить, что этот текст, по мысли Г. М. Прохорова, сочинен также Епифанием Премудрым для общерусской летописи¹⁸³ и отдельно в рукописной традиции не встречается.

Итак, гипотеза Г. М. Прохорова о том, что составитель НК2 специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов, к тому же «способных к самостоятельному существованию»,¹⁸⁴ наталкивается на существенные возражения. Перечисленные выше тексты центральнорусского происхождения, очевидно, не могли быть включены в состав НК2 редактором-новгородцем; они находились в составе его центральнорусского летописного источника (протографа С1—НК2), а при составлении оригинала дошедших до нас списков С1 названные тексты были сокращены.¹⁸⁵

¹⁸³ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 149—150, 152.

¹⁸⁴ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

¹⁸⁵ Между прочим, Г. М. Прохоров, предполагая влияние центральнорусского источника типа Лаврентьевской или Троицкой летописи на НК2 «по крайней мере по статью

3.3.4. Свод Фотия и Софийская 1 летопись

Придя к этому выводу, мы должны по-новому взглянуть и на проблему интерпретации всего комплекса разночтений С1 и НК2. Выявленная нами характерная особенность редактирования архетипа С1 — сокращение различного рода текстов, видимо, проявляется и в целом ряде других случаев. Наиболее существенные из них встречаем в составе летописных повестей конца XIV—начала XV в., впервые появившихся в протографе С1—НК2.

Так, например, в Повести «О различныхъ градоплененияхъ, о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ» (1372 г.) в архетипе С1 сокращена фраза «Кто, братье, о семь не поплачется, кто ся осталь живыхъ, видѣвъ како они горкую и нужную смерть подъяша, и святыя церкви пожжены, и град весь отнюдь пусть, ниже от поганныхъ бывало таково зло» (здесь и далее текст цитируется по НК).

В Повести 1375 г. о событиях в Твери С1 сокращает заголовок: «То же. О воинѣ и о брани, иже бѣ под Тферью», в Повести того же года «О Прокоповѣ кончинѣ» — заключительную фразу «И такова бысть кончина Прокопу и его дружинѣ».

Не как вставку новгородца, а как первоначальное чтение протографа С1—НК2, следует теперь расценивать и фразу из Летописной повести о Куликовской битве (1380 г.): «А не яко при нынешнихъ временахъ литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беду оставльше и на предлежащее възвратимся».¹⁸⁶

Далее, редакторским сокращением следует объяснять и отсутствие в С1 читавшихся в протографе С1—НК2 нескольких крупных фрагментов из Повести «О плѣнении и о приходе Тахтамыша царя, и о московскомъ взятии» (1382 г.): «...и святыя церкви стояше акы разорены, акы осиротѣвши, акы овдовѣвши. Плачется церкви о чядахъ церковныхъ, паче же о избьеныхъ, яко матере о чядѣхъ плачущися. О, чада церковная, о, страсотерпци избьении, иже нужную кончину подъясте, иже сугу-

1392 г.), считает, что «НК2 обычно берет статью в том объеме, какой она имеет в С1, но внутри нее производит отдельные замены — как бы восстанавливает первоначальные чтения» (Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 178—179). Мы, однако, приходим к выводу, что во всех этих случаях НК2 как раз и отражает текст более первоначальный, чем сохранившийся в С1.

¹⁸⁶ См. историю вопроса и аргументацию в пользу новгородского происхождения фразы: Кучкин В. А. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 86—87. Б. М. Клосс, напротив, связывает появление этой фразы с «явной антилитовской направленностью» Свода митрополита Фотия (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 117).

бую смерть претръпѣсте от огня и мечя, от поганных насилства! Церкви стоаше не имущи лѣпоты ни красоты! Где тогда красота церковнаа, понеже престала служба, ею же многа блага у Господа просимъ, престала святаа литургия, престала святаа просфира приношение, еже на святомъ жрътвеницѣ, престала молитва заутреня и вечерняя, преста гласъ псалму, по всему граду умлъкоша пѣсни! Увы мнѣ! Страшно се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти! Грѣси наши то нам створиша! Где благочиние и благостояние церковное, где четци и пѣвци, где клиросници церковнии, где суть священники, служащии Богу день и ночь? Все лежать и почиша, все уснуша, все постѣчени быша и избьени быша, устѣчениемъ меча умроша. Нестъ позвонения в колоколы, и в било нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща, нѣсть слышати славословіа, ни хвалословіа, не бысть по церквамъ стихословіа и благодарения. Въистину суета человѣчьская, и бысть все мятежъ человѣчьскыи. Сиче же бысть конецъ московскому плѣнению. Не токмо же едина Москва взята бысть...»; «И кто нас, братие, о семъ не уstraшитсѣ, видѣ такое смущение Руской земли? Якоже Господь глагола пророкомъ: Аще хотите, послушаете, благаа земнаа снѣсте, и положю страхъ вашъ на вразехъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побѣднѣте никимъ же гоними, пошлю на вы страхъ и ужасъ, побѣднѣтъ васъ отъ пяти сто, а отъ ста тма»; «А опрочъ того, елико здѣлаша татары напасти же и убытка Руси и княжению великому, елико створиша протора своимъ ратнымъ нахождениемъ, колико градъ плениша, колико злата и сребра и всякого товара взяша, и всякого узорочья, колико волостей и селъ повоеваша, колико огнемъ пожгоша, колико мечемъ постѣкоша, колико в полон поведоша! И аще бы мощно было то все убытки, и напасти, и проторы исчитати, убо не смѣю решить, мню, яко ни тысяща тысячъ рублевъ не иметъ число!»; «...оханье сѣтовальное, (...) исчезновение, поправление, безчестие, поругание, посмѣвание враговъ, укоръ, студъ, срамота, поношение, уничижение».

В Повести «О томъ, како приходилъ князь великий Московский ратью к Новугороду к Великому» (1386 г.) редактор С1 сократил принадлежавшую протографу С1—НК2 фразу: «...а инии с студения помроша, занже низовци их грабили до нага тѣла, а инии полонъ на миру отпускали» (ее принадлежность протографу подтверждается, между прочим, схожим по смыслу пассажем в Повести 1372 г.: «видяще над собою грабление, а они одираху до послѣдней наготы (...) тые от срамоты и бѣды в водѣ истопашася»).

Бесспорно, восходят к протографу С1—НК2 многочисленные «избыточные» чтения НК2 в «Слове о жити и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго» (1389 г.). На самый большой

«избыточный» период (занимающий в рукописи л. 389 об.—391 об.) обратили внимание М. А. Салмина и Я. С. Лурье, указав на тот факт, что его отсутствие в С1 делает текст бессвязным.¹⁸⁷

Этот «избыточный» текст уже был издан по списку НК (частично М. А. Салминой, и частично Г. М. Прохоровым). Начинается он со слов «Бчелы ничим же хужшу ему быти...» (издан до слов: «...предоблаго господина ми слово изнести восхотѣх;...»¹⁸⁸). Далее текст издан Г. М. Прохоровым, от слов «...инѣ добродѣтели вид и въздержание, еже святыи любляше...» до слов «...двѣ главѣ быша философомъ, Платонъ и Пифагоръ: овъ благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ мльче, понеже...»;¹⁸⁹ потом следует текст «Письма заказчику», вычлененный из «Слова...» Г. М. Прохоровым («Преподобство твое испроси у нашего художества слова ... но токмо колико слышал еси, сице. О Господѣ, здравствуи!»¹⁹⁰), и, наконец, продолжение самого сочинения: «...Богъ двоинства не имѣет, душамъ имѣеть троиство (...) а не якоже человеци мертвии, преже смерти скончашася».¹⁹¹ Наконец, окончание «избыточного» текста НК2 вновь следует смотреть в издании М. А. Салминой (от слов «Солнцю же доброта и величество...» до слов «...яко солнце, лучя испущаа и вся съгрѣя»).¹⁹²

Очевидно, что весь этот «избыточный» период религиозно-философского характера, как и включенное в него случайно «Письмо к заказчику», принадлежит автору самого сочинения и не мог быть добавлен при создании НК2. Г. М. Прохоров вынужден был предположить, что текст «Слова...» был либо «выправлен» составителем НК2 по «исправному списку», либо «просто заменен»,¹⁹³ однако представляется бесспорным, что и этот текст восходит к протографу С1—НК2, но был сокращен в С1.

Такое редактирование в целом соответствует общей тенденции изменения текста в архетипе С1: сокращаются (или лишаются ритмичности¹⁹⁴) недостаточно информативные, «поэтические» тексты, либо не

¹⁸⁷ Лурье Я. С. Еще раз о Своде 1448 г. ... С. 212—213.

¹⁸⁸ Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV века. С. 222—224 (подгот. текста М. А. Салминой).

¹⁸⁹ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 104.

¹⁹⁰ Там же. С. 89—90.

¹⁹¹ Там же. С. 104, 110—111.

¹⁹² Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV века. С. 224—226.

¹⁹³ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 180.

¹⁹⁴ См., например, в С1 сокращенный прозаический пересказ «Плача о разоренной Москве» из «Повести о нашествии Тохтамыша» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 102, 110).

подходящие, с точки зрения редактора, для летописи в жанровом отношении (грамоты патриарха, «хождение» и т. д.).

Итак, приведенные наблюдения вынуждают нас пересмотреть представление Г. М. Прохорова о том, что текст НК2 в целом вторичен по отношению к С1. Очевидно, с большой степенью вероятности можно утверждать, что НК2 представляет собой выборку из более раннего текста, чем тот, который дошел до нас в составе С1. Таким источником, по нашему мнению, и был летописный Свод митрополита Фотия.

В этом своде, в целом более полно (по объему) отраженном в С1, но, как правило, более точно — в выборке НК2, «поэтические» тексты, создание которых Г. М. Прохоров, а теперь и Б. М. Клосс справедливо связывают с именем Епифания Премудрого, должны были читаться в том же виде, что и в НК2. Наличие в протографе С1—НК2 (Своде Фотия) «некрологов» Михаила Тверского, Киприана и Арсения Тверского, а также «Слова о небесном знамении», приписываемых Епифанию Премудрому, подтверждается их стилистической родственностью и предполагаемой общей атрибуцией с рядом других летописных повестей, впервые появляющихся в составе протографа С1—НК2 (начиная с Повести «О различныхъ градоплененихъ, о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ» 1372 г.,¹⁹⁵ «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Слово о жити и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича...», и вплоть до «некролога» Арсения Тверского 1409 г.).¹⁹⁶ Можно полагать, что включение в состав летописи предполагаемых творений Епифания носило единовременный характер и было одной из наиболее существенных характерных черт реконструируемого гипотетического летописного свода митрополита Фотия.

Итак, мы приходим к определенному заключению, что НК2 не просто восходит к С1 в ее протографичном виде, как полагает Г. М. Прохоров,¹⁹⁷ а отражает не сохранившийся в первоначальном виде их общий свод-протограф (Свод митрополита Фотия). Для реконструкции состава

¹⁹⁵ См.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 149.

¹⁹⁶ См. также: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 110—116, 119—124. Для будущих исследований по атрибуции летописных повестей С1 и НК2, наряду со стилистическими сопоставлениями, может оказаться существенным тот факт, что в заглавии двух повестей в НК2 указано: «Того же» (1375 г. «Того же. О воинѣ и о брани, иже бѣ под Тферью индикта 13, о Великомъ заговѣньи»; 1380 г. «Того же. О побоищи, иже на Дону, и о томъ, что князь великии бился съ Ордою»), причем в первом случае такое написание явно не может рассматриваться как дефектная (сокращенная) формула «Того же [лета]», ибо находится в самом начале годовой статьи. Такие пометы со значением «Того же [автора]» см., например: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. С. VII, IX, X, XI.

¹⁹⁷ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 182.

этого свода нельзя просто привлекать и сопоставлять общие чтения С1 и Н4, предположительно включая и часть текстов, дошедших только в одной из этих летописей (как следовало из концепции А. А. Шахматова—Я. С. Лурье), но невозможно и ограничиться самим «реальным» текстом С1 (что вытекает из взглядов Г. М. Прохорова).

Для определения реконструируемого состава Свода, на наш взгляд, необходимо привлечение текстов как его непосредственного источника — НК1 («Свода 1411 г.»), так и текстов обоих летописных памятников, восходящих к нему напрямую: С1 и НК2.

Можно отметить, что для реконструкции состава Свода Фотия вообще нет смысла привлекать текст Н4, так как эта летопись восходит не собственно к Своду, а, главным образом, к одному из его источников (НК1) и к отразившему Свод напрямую памятнику — НК2 (с дополнениями по Н 1мл.). Кроме того, Н4 использует еще один источник, отличный от упомянутых выше, — это С1 (см. об этом подробнее в Главе 4). Таким образом, Н4 не является непосредственным отражением Свода Фотия, поэтому текст этой летописи не может использоваться при реконструкции его состава.

Для того чтобы очертить состав реконструируемого гипотетического свода, важно отметить тот факт, что по объему С1 примерно в два раза больше НК1, и это удвоение объема в первую очередь обусловлено включением в текст С1 целого ряда общерусских повестей конца XIV—начала XV в. Характер дополнений С1 по сравнению с НК1 рельефно вырисовывается при анализе состава НК2 — летописной подборки, восходящей к «Своду 1418 г.». Текст НК2 содержит практически только те известия С1, которых нет в НК1. Возражая Г. М. Прохорову, Я. С. Лурье считал невероятным чудом то, что один текст (НК2) возникает из другого (С1) путем скрупулезного, филологически точного удаления содержащихся в этом другом заимствований из третьего (НК1).¹⁹⁸ Ничего чудесного, однако, нет в том, что составитель НК2, если он имел в своем распоряжении НК1, стремился для рационального уменьшения объема своей работы избежать повторений уже известного ему текста, т. е. не тратить время на переписывание текстов, совпадающих в своде-протографе (Своде Фотия) с НК1.

В таком случае текст НК2 позволяет наглядно увидеть, чем составитель их общего с С1 протографа дополнил один из своих основных источников — НК1.

В реконструкцию Свода Фотия следовало бы включить текст НК1, за исключением явно местных новгородских известий, отсутствующих в С1 (такие известия, очевидно, сокращались в Москве при составлении

¹⁹⁸ Лурье Я. С. Еще раз о Своде 1448 г. ... С. 211.

Свода Фотия). В тех случаях, когда текст присутствует и в НК1, и в С1, можно утверждать, что он, бесспорно, находился и в Своде Фотия.

Далее, в реконструкцию Свода Фотия должен быть включен текст НК2, за исключением явно местных новгородских известий, отсутствующих как в НК1, так и в С1 (такие известия, очевидно, добавлялись при составлении НК2). В тех случаях, когда текст присутствует и в НК2, и в С1, можно утверждать, что он бесспорно находился и в Своде Фотия.

Текст, находящийся только в С1 (отсутствующий как в НК1, так и в НК2), может быть возведен к летописному своду Фотия лишь предположительно, но с достаточно большой долей вероятности. Его отсутствие в новгородских версиях может объясняться либо случайными пропусками списка НК, либо сознательным сокращением ненужного в Новгороде (или неприятного новгородскому летописцу) материала. Что же касается редактора архетипа С1, то он, судя по всему, не дополнял, а, главным образом, сокращал и редактировал текст летописного свода, поэтому «избыточные» по сравнению с новгородскими версиями чтения С1 следует, в большинстве случаев (разумеется, при совпадении текста обеих редакций С1), все же возводить к самому Своду Фотия.

Пользуясь этими принципами, мы можем представить себе если не сам текст, то состав несохранившегося летописного свода в его основных чертах.

3.3.5. Вопрос о датировке Свода Фотия

Как известно, С1 дошла до нас в двух редакциях — старшей и младшей. В обоих списках С1 ст.¹⁹⁹ последние статьи относятся к 1418 г., а в списках С1 мл. после 1418 г. имеются лишь редкие записи за отдельные годы, практически не совпадающие в части до 1428 г. с НК и Н4.²⁰⁰ Логично было бы предположить, что текст С1 заканчивался 1418 г., и датировать создание свода-протографа С1—НК2 приблизительно этим временем. Однако некоторые исследователи вслед за А. А. Шахматовым (полнее всего Я. С. Лурье) выдвинули ряд аргументов в пользу более поздней датировки гипотетического общерусского свода — 1430—1440-ми гг. (или даже 1448 г.). Рассмотрим заново эти аргументы.²⁰¹

¹⁹⁹ Списки Карамзина (РНБ, ОСПК, F.IV.298) и Оболенского (РГАДА, ф. 135, рубр. 2, № 3).

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 5. С. 81—275; Т. 6. С. 1—111.

²⁰¹ В более кратком виде аргументация была изложена в статье 1993 г.: Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. С. 6—11.

а) Датировку летописного свода (протографа С1 и Н4 в его понимании) 1448 г., как известно, предложил еще А. А. Шахматов на основании интерпретации записи под 1380 г., где указано, что Пасха в 1380 г. совпала с Благовещением, «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета (т. е. в 1296 г. — А. Б.), а потом будет за 80 лет без лета (т. е. в 1459 г. — А. Б.), а потом будет за 11 лет». Так как в 1470 г. (1459 + 11) Пасха с Благовещением не совпадает, то ~~А. А. Шахматов предложил не прибавить, а отнять эти 11 лет от 1459 г. и получил предполагаемую дату составления свода — 1448 г.~~²⁰² Очевидный недостаток такой интерпретации текста заключается в том, что в одном случае предлагается понимать одни и те же слова «потом будет за...» как основание для прибавления указанной даты, а в другом — для вычитания. Конъектура А. Поппэ, предложенная им в письме Я. С. Лурье и обнародованная последним,²⁰³ дает возможность понимать слова «а потом будет за 11 лет» в прямом значении. По мнению А. Поппэ, перед этими словами пропущена фраза «а потом будет за 80 лет и за 4 лета» (гаплография: ср. начало записи), т. е. совпадение праздников в 1543 г. (1459 + 84 = 1543), а затем через 11 лет — в 1554 г. В таком случае можно представить себе, что в своем первоначальном виде текст источника С1—НК2 должен был читаться следующим образом:

«В лѣто 6888. Благовѣщение бысть въ Великъ день [= 1380 г.],
а перво сего было за 80 лѣтъ и за 4 лѣта [= 1296 г.],
а потомъ будетъ за 80 лѣтъ безъ лѣта [= 1459 г.],
— [а потомъ будетъ за 80 лѣтъ и за 4 лѣта] [= 1543 г.],
а потомъ будетъ за 11 лѣтъ»²⁰⁴ [= 1554 г.].

Исправление текста по А. Поппэ вполне обоснованно палеографически, а главное, текст становится понятен и точно отражает хронологические интервалы между совпадениями Пасхи и Благовещения.²⁰⁵

²⁰² Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 98. С этой точкой зрения согласился Я. С. Лурье (К проблеме свода 1448 г. С. 142—144), хотя сам А. А. Шахматов, как известно, после возражений А. В. Маркова отказался от термина «Свод 1448 г.» и стал называть его «предположительно 30-х гг. XV в.» (см.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 366; Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 447—449).

²⁰³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 109.

²⁰⁴ Пропуск был допущен уже в протографе С1—НК2, так как в НК2 также находится ошибочное чтение.

²⁰⁵ Г. М. Прохоров предложил свой вариант объяснения этого текста. По мнению исследователя, из текста записи ясно, что писец работал в 1380 г. Г. М. Прохоров также считает, что после слов «а потомъ будетъ за 80 лѣтъ безъ лѣта» [1459 г.] читалось соответствующее хронологии «а потом за 80 и 4 лѣта» [1543 г.], но в результате описки «не внимательный переписчик» принял буквенное обозначение 84 (ПД) за буквенное обозначение 11 (АИ) (Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 193). При таком объяснении

б) Общий текст двух редакций С1 оканчивается 6926 (1418) г., однако встречающиеся в С1 ст. под 1418 г. 2 летописных известия (представление княгини Анастасии 11 июля и пожар в Москве 18 августа) находятся в С1 мл. под 1422 г.:²⁰⁶

С1 ст.

6926 (1418). «Мѣсяца июля 11 преставися благовѣрная княгини Анастасия княжа Юрьева Дмитриевича въ Звенигородѣ.

Того же лѣта Москва город погорѣ, мѣсяца августа 18, въ полунощи загорѣся, а назаутрие о полудне преста горѣти».

С1 мл.

6930 (1422). «Мѣсяца июля 11 преставися благовѣрная княгини Анастасия княжа Юрьева Дмитреевича во Звенигородѣ, а положена бысть на Москвѣ въ монастыри святого Вознесения.

Того же лѣта Москва городъ погорѣ, мѣсяца августа въ 18, въ полночь загорѣся, а назавтрие о полудни преста горѣти».

По своему содержанию эти известия не поддаются проверочной датировке независимым источником, поэтому в принципе их можно было бы относить как к 1418 г. (согласно С1 ст.), так и к 1422 г. (согласно С1 мл.). Недавно, однако, М. А. Шибаеву удалось найти убедительное объяснение расхождения дат в двух редакциях С1. По его мнению, составитель С1 мл. обнаружил под 6929 (1421) г. известие о приезде в Москву другой княгини Анастасии, дочери Василия Дмитриевича,²⁰⁷ но не понял, что речь идет о разных людях, и поэтому перенес известие о смерти Анастасии из статьи 6926 (1418) г. в 6930 (1422) г. Таким образом, первоначальный вариант текста читается в С1 ст., и оснований предполагать окончание протографа С1 не 1418 г., а 1422 г. не существует.²⁰⁸

в) В НК2 под 6932 (1424) г. есть известие о вокняжении Василия Васильевича. Оно есть и в С1 мл. под 6933 (1425) г.:²⁰⁹ Однако тексту-

кажется совершенно неправдоподобным, что получившееся в результате описки (случайного искажения) чтение «а потомъ будетъ за 11 лѣтъ» оказалось точно соответствующим следующему за упомянутым интервалу между совпадениями Пасхи и Благовещения (1554 г. – 1543 г. = 11).

²⁰⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 108 (ПСРЛ. Т. 5. С. 261—262). Именно на основании сопоставления известий о кончине Анастасии и пожаре в Москве в С1 ст. и С1 мл. А. А. Шахматов датировал завершение текста С1 1422 г. (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 209).

²⁰⁷ См., например: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 245.

²⁰⁸ Доклад М. А. Шибаева «Наблюдения над текстом Софийской первой летописи» на диссертационном семинаре Европейского университета С.-Петербурга (Факультет истории), апрель 1998 г.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 263.

ально эти известия не совпадают, а внесение в добавочные статьи списков столь важного известия могло быть сделано независимо друг от друга. Такое предположение подтверждается и отсутствием этого известия в С 1ст.

г) Я. С. Лурье отмечает бедность материала в записях 1408—1418 гг., в то время как современник, по его мнению, мог пользоваться обильными и свежими источниками.²¹⁰ Но тогда еще удивительней при более поздней датировке общерусского свода оказывается практически полное отсутствие записей за 20—40-е гг., хотя бы не политически острых, которые могли быть сокращены, но и нейтральных. Так, в С 1мл., в которой Я. С. Лурье видит отражение текста «Свода 1448 г.», вообще нет годовых статей 1419—1421, 1424, 1428—1430, 1435—1436, 1440, 1442—1444 гг. Кроме того, надо сказать, что обильные источники за 1408—1418 гг., которыми, по мнению Я. С. Лурье, мог бы пользоваться составитель свода, вообще не существуют. Еще Н. М. Карамзин отмечал бедность известий всех летописей за эти годы.²¹¹

д) Я. С. Лурье отметил, что для протографа С1 характерна тема осуждения «братоненавидения» — борьбы между князьями, что, по его мнению, мало актуально для конца 10-х гг. XV в. «Ни о какой борьбе за власть в этот период мы ничего не знаем», — отмечает исследователь.²¹² Но это не совсем так: борьба Ивана и Даниила, сыновей Бориса Константиновича, за свою отчину (1411—1418 гг.), столкновение Москвы и Новгорода в 1417 г. и особенно конфликт Василия Дмитриевича с братом Константином 1418 г. (см. о нем подробнее далее), закончившийся отъездом Константина в Новгород в самом начале 1419 г., свидетельствуют об актуальности темы осуждения междоусобных распри и в это время.²¹³

е) Отмечая антитатарские настроения составителя свода-протографа С1, Я. С. Лурье пишет: «Никем не ставился еще в первые десять лет после нашествия Эдигея и вопрос о борьбе с Ордой».²¹⁴ Однако сам же Я. С. Лурье в другой статье признает, что составитель летописного свода 1412 г. был сторонником «не осторожного маневрирования, а более

²¹⁰ Лурье Я. С. 1) Общерусский свод... С. 134; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 112.

²¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. С. 114, примеч. 207.

²¹² Лурье Я. С. 1) Общерусский свод... С. 135; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 111.

²¹³ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2, т. 4. С. 355—362.

²¹⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 111.

смелой и достойной политики в отношении Орды».²¹⁵ Уже в «Повести о Едигее» в Тверском своде 1412 г. отразились антитатарские настроения эпохи.

Итак, выдвигавшиеся исследователями аргументы в пользу относительно поздней (1430—1440-е гг.) датировки свода-протографа С1, на наш взгляд, не являются доказательными.

Аргументы в пользу более ранней датировки протографа С1 представляются более весомыми:

а) Анализируя состав церковно-юридических статей в С1, Я. Н. Щапов показал, что они были утверждены грамотой митрополита Киприана в 1402 г., в то время как тот же церковный сборник, при том же князе Василии Дмитриевиче был подтвержден вторично такой же грамотой митрополитом Фотием в 1419 г. и в этом виде получил новое распространение на территории Русского государства.²¹⁶ Исследователь справедливо, на наш взгляд, заключает, что включение в С1 сборника не 1419 г., а 1402 г. может свидетельствовать о том, что это было сделано еще до 1419 г.²¹⁷

б) Особенно сложным и важным представляется вопрос о датировке и происхождении целого ряда повестей, впервые появляющихся в протографе С1—НК2, в том числе «Повести о Куликовской битве»,²¹⁸ «Повести о нашествии Тохтамыша»,²¹⁹ «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»²²⁰ и многих других текстов. Разумеется, на исследователей не могла не оказывать влияние принятая в науке датировка общерусского свода 30—40-ми гг. XV в., и они пытались найти в этих повестях черты эпохи феодальной войны. Так, например, М. А. Салмина, убедительно доказавшая в цикле работ вторичность упомянутых повестей по отношению к текстам, встречавшимся в

²¹⁵ Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 298.

²¹⁶ Щапов Я. Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. Посв. памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 178.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ См.: Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 244—246 (здесь же библиография).

²¹⁹ См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // Там же. С. 254—255 (здесь же библиография).

²²⁰ См.: Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Там же. С. 403—405 (здесь же библиография).

Троицкой летописи (или в «Своде 1409 г.»),²²¹ менее аргументированно, на наш взгляд, предложила датировать повести концом 40-х гг. XV в.²²² Предложенная М. А. Салминой датировка ряда повестей свода-протографа С1 не является общепринятой; так, например, Г. М. Прохоров высказал, вслед за А. В. Соловьевым, убедительно аргументированное предположение о том, что автором «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» является Епифаний Премудрый (ум. между 1418 и 1422 гг.),²²³ а Л. А. Дмитриев считает автора «Повести о нашествии Тохтамыша» (1382 г.) современником, а возможно, даже очевидцем нашествия.²²⁴

в) Один из доводов М. А. Салминой, которому Я. С. Лурье придает особое значение для датировки свода,²²⁵ заключается в следующем: в рассказ о смерти Дмитрия Донского (в «Слове о житии...») вставлены цитаты из его завещания, причем к словам о передаче Василию Дмитриевичу великого княжения сделано (по сравнению с текстом Духовной грамоты Дмитрия) добавление: «...яже есть столь отца его и дѣда и прадѣда».²²⁶ М. А. Салмина, а вслед за ней и Я. С. Лурье связывают это добавление с политической позицией Василия II, искавшего в 1432 г. в Орде великого княжения на основании аналогичной формулы: «Князь великы по отечеству и по дѣдству искаше стола своего...».²²⁷ Однако анализ именно этого летописного известия убеждает в том, что свод, включающий «Слово о житии...» (т. е. протограф С1—НК2), к 1432 г. уже существовал.

²²¹ См. библиографию в указанных статьях «Словаря книжников...».

²²² Датировка «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» XVI в., предложенная М. А. Салминой позднее (Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162), как справедливо отметил Г. М. Прохоров, опровергается фактом существования списков XV в. (Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 119). Ср. также: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 116.

²²³ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 85—106; Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 88—122. См. также: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 111—117.

²²⁴ Дмитриев Л. А. Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV—середина XV века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 180. См. также: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 111.

²²⁵ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 113.

²²⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 108 (см.: Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 99—100).

²²⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 103; Т. 25. С. 249.

Приведем этот летописный фрагмент полностью:

«Князь великы по отчѣству и по дѣдству искаше стола своего, князь же Юрьи — лѣтописци старыми списки (разрядка моя. — А. Б.) и духовною отца своего великого князя Дмитрея».²²⁸

«Старые списки» летописцев (вместе с Духовной грамотой) здесь явно противопоставляются неназванным новым, на которые Юрий Дмитриевич уже не мог сослаться, чтобы подтвердить свои права. Именно так понимал этот текст и М. Д. Приселков, писавший: «...в Орду не только возили наши летописные тексты, но и выбирали разные редакции этих текстов, конечно, старыми редакциями («старыми списками») опорочивая работу редакторов современных».²²⁹ Далее исследователь уточнил: «Автор (летописного известия. — А. Б.) хочет сказать, что князь Юрий повез к хану не новый список Летописца, а старые его списки...».

Таким «новым списком Летописца» и был, очевидно, свод-протограф С1—НК2, формулировка которого «яже есть стол отца его и деда и прадеда» фактически процитирована использованной в споре в Орде 1432 г. формулой «по отчѣству и по дедѣству». И дело тут даже не в самой формуле, а в ее понимании. В Троицкой летописи, судя по всему, также уже была использована формулировка «яже есть стол отца его и деда и прадеда», но речь шла о том, что Василий Дмитриевич получил великое княжение, как и его отец, дед и прадед, от царя («...а посажень бысть царевым посломъ Шихматомъ»),²³⁰ в то время как в «Слове о житии...» явно намекается на получение великого княжения как «отчины», наследуемого владения (Дмитрий Иванович «призвавъ сына своего пръвие болшаго, князя Василья, на старѣишии путь, предать в руцѣ его великое княжение, яже есть столъ отца его, и дѣда, и прадеда, съ всѣми пошлинами, и даль есть ему отчину свою Рускую землю»). Новгородский летописец тонко чувствовал эту разницу между «отчиной» (уделом) и великим княжением: «...князь Василеи прииде въ отчину свою на Москву. И тогда прииде из Орды посол Уланъ царевич, и посади его на великомъ княжении» (НК2, в С1 текст изменен).

Спор в Орде 1432 г., таким образом, можно думать, был отчасти текстологическим, и князь Юрий Дмитриевич мог легко доказать, что ни в духовной грамоте его отца, Дмитрия Донского, ни в старых летописях не говорилось о принципе наследования великого княжения «по отчине и дедине».²³¹ В подлинном завещании Дмитрия Ивановича, на-

²²⁸ ПСРЛ. Т. 27. С. 103; ср.: Т. 25. С. 249.

²²⁹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 41.

²³⁰ Троицкая летопись. С. 434—435.

²³¹ Ср.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1949. С. 34—35.

против, прямо говорится: «А по грехом отъимет Бог сына моего Василя [Дмитриевича], а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел...».²³² Правда, А. А. Зимин, интерпретируя этот текст, писал: «...говоря о переходе своего удела к следующему по старшинству сыну, он (Дмитрий Донской. — А. Б.) как бы осторожно внушал мысль, что и великое княжение должно перейти к нему».²³³ Но и в таком случае Юрий Дмитриевич мог сослаться в Орде на это завешание как на аргумент в пользу своих прав.

Судьбу великого княжения решила, однако, не текстология: согласно Московскому летописному своду конца XV в., боярин великого князя Иван Дмитриевич Всеволожский в своей речи противопоставил мертвой грамоте (т. е. завещанию Дмитрия Ивановича) «жалование волного царя», что на тот момент решило спор о великом княжении в пользу Василия II.²³⁴ На самом же деле впереди была еще почти 30-летняя феодальная война.

Итак, можно утверждать, что к 1432 г. летописный свод, содержащий формулу «яже есть столъ отца его и дѣда и прадѣда» в такой интерпретации, что на нее Василий II мог опереться в споре о получении великого княжения, уже существовал.

г) Для датировки того летописного свода, в котором уже появилось понимание «стола отца его и дѣда и прадѣда» как «отчины», принципиальное значение имеет тот факт, что вопрос о наследовании после Василия Дмитриевича великого княжения возник при его жизни, уже в 1418—начале 1419 г. Как отмечается в Н 1мл., 25 февраля 1419 г. в Новгород приехал брат великого князя Константин Дмитриевич, «а про то был в Новѣгородѣ, занеже брат его князь великий Василии хотѣлъ его в челование привести под своего сына Василя: и онъ не хотя быти подъ своимъ братаничем, и князь Василии возверже нелюбие на него, и отъима у него всю отчину, и боярь его поима, и села и животы их отъима».²³⁵

Очевидно, для того чтобы в нарушение завешания Дмитрия Донского²³⁶ «в челование привести» дядю под племянника, Василий Дмитриевич должен был иметь уже какое-то обоснование. Такое обоснование и содержал, на наш взгляд, текст протографа С1—НК2. Важно отметить,

²³² Там же. С. 35.

²³³ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 8.

²³⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 249—250.

²³⁵ НПЛ. С. 412.

²³⁶ См.: Черепнин Л. В. 1) Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 91—106; 2) Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 652, 737 и др.

что если в своем первом завещании 1406 г. Василий Дмитриевич писал лишь о гипотетической возможности получения великого княжения его сыном («А даст Бог сыну моему (...) княженье великое держати...»), то во втором, датируемом 1419—1420 г., прямо говорится: «А сына своего, князя Василья, благословляю своею *вотчиною*, *великим княженьем*, чем мя благословил мои отец». Реакцию братьев Василия I можно понять по известию 1419 г. об отъезде в Новгород Константина Дмитриевича. В результате третье завещание 1423 г. повторяет первую из формул («А даст Бог сыну моему великое княжение...»).²³⁷ Ясно, что появление в протографе С1—НК2 сближения между «отчиной» и великим княжением («столом отца и дѣда и прадѣда») должно было хронологически соответствовать именно второму завещанию Василия Дмитриевича, что дает нам датировку этого летописного памятника временем не позже 1423 г.

г) Идея местной автономии в рамках единого государства, на отражение которой Я. С. Лурье указывает в тексте гипотетического «Свода 1448 г.» (его он практически отождествляет с текстом С1),²³⁸ не чужда эпохе митрополита Фотия: она знакома уже редактору летописного свода 1412 г. и, как показал Л. В. Черепнин, отразилась в вошедшей в эту тверскую летопись «Повести о Едигее».²³⁹

д) Еще одним доказательством, убеждающим нас в датировке окончания свода-протографа С1—НК2 1418 г., является совпадение границы общего текста Московского свода 1479 г. (далее — МС) и Ермолинской летописи (далее — Ерм.) с завершением текста С1 на известии об убиении Михаилом Рассохиным Анфала и Нестера в 1418 г.²⁴⁰ Именно этим известием и заканчивается текст С1. Полагая, что протограф МС и Ерм. отразил С1,²⁴¹ Я. С. Лурье не придал значения тому факту, что протограф МС—Ерм. еще раз дает независимое подтверждение окончания текста свода именно 1418 г.

е) Рассматривая источники свода-протографа С1, исследователи выделяют заимствования из новгородских, московских, ростовских,

²³⁷ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 9.

²³⁸ Лурье Я. С. О политических идеях общерусского свода 1448 года // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen, 1982. S. 135—152.

²³⁹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства... С. 726.

²⁴⁰ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 155—156.

²⁴¹ Я. С. Лурье признает, что «в отдельных случаях обнаруживаются совпадения этого памятника (протографа МС—Ерм. — А. Б.) то со старшей, то с младшей редакцией С1, то с Н4» (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 155), что свидетельствует, очевидно, о непосредственном влиянии на него именно свода-протографа С1—НК2, а не архетипа С1 или С1ст. (ср.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 258—261).

псковских, тверских, южнорусских летописных сводов, ни один из которых не датируется временем после 1418 г.²⁴² Напротив, изучая влияние свода-протографа С1 на позднейшее летописание, исследователи отмечают его использование уже в протографе Н 1мл., доведенном до 1432 г.²⁴³ Согласно нашим наблюдениям, влияние свода-протографа С1 на Н 1мл. следует относить ко времени правления в Новгороде владыки Феодосия Клопского (1421—1423).²⁴⁴

Существование общерусского свода, созданного при митрополите Фотии, было подробно обосновано еще А. А. Шахматовым,²⁴⁵ который, в частности, отметил особый интерес этого свода к событиям, связанным с Фотием. Исследователь предположил, что этот свод назывался «Владимирским Полихроном» именно потому, что был составлен митрополитом, кафедральным городом которого считался Владимир.²⁴⁶ М. Д. Приселков уточнил датировку Свода Фотия, остановившись на 1418 г.²⁴⁷ С этой датой согласился и Д. С. Лихачев.²⁴⁸ Анализ исторической и культурной обстановки эпохи митрополита Фотия, данный в работах А. А. Шахматова, а также М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и некоторых других исследователей,²⁴⁹ убеждает в том, что общерусский летописный свод, создатель которого стремился к тому, чтобы стать выше границ между княжествами, скорее всего, мог быть создан в конце 10-х гг. XV в., около 1418—1419 гг., при митрополичьей кафедре в Москве.²⁵⁰

²⁴² Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 93—104 (здесь же отмечены наблюдения А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, В. А. Кучкина и М. А. Салмина).

²⁴³ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 163—171; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 91—93; Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 138; Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая. С. 246.

²⁴⁴ См.: Бобров А. Г. 1) Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 189; 2) Новгородские летописи XV века... С. 10.

²⁴⁵ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 162—176.

²⁴⁶ Там же. С. 176.

²⁴⁷ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 213.

²⁴⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 305—308.

²⁴⁹ См., например: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 465—482.

²⁵⁰ Б. М. Клосс также считает, что 1419 г. — это «верхняя граница времени создания митрополичьего свода», однако нижнюю границу он парадоксальным образом определяет как 1412 г., игнорируя тот текстологический факт, что общие чтения С 1ст., С 1мл. и НК2 доходят до 1418 г. (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 116—117). Весьма существенным для датировки летописного Свода Фотия является указание Б. М. Клосса на его «антилитовскую направленность», что справедливо связывается исследователем с обострением отношений митрополита с Литвой после поставления в 1415 г. киевского

Я. С. Лурье, высоко оценивая значение свода-протографа С1 для последующего летописания, полагал, что его создатель трудился «вне Москвы», «где-то „в пути”».²⁵¹ Трудно, однако, представить себе, чтобы митрополичий свод, собравший воедино большое количество летописных и внелетописных источников, был создан во времена феодальной войны, когда на Руси вообще не было митрополита, либо при Герасиме (находившемся в Смоленске) или Исидоре (проведшем в Москве всего несколько месяцев, не считая периода заточения после возвращения с Ферраро-Флорентийского собора). Характерно, что Я. С. Лурье, отстаивающий представление об общерусском характере свода, даже предположительно не мог связать его создание с каким-либо кругом книжников или политиков, в то время как «Свод 1418 г.» определенно связывается с именами и деятельностью митрополита Фотия и Епифания Премудрого. В этой связи совершенно справедливой представляется мысль Г. М. Прохорова, что Епифаний Премудрый до самой смерти (т. е. до 1418—1422 гг.) «мог служить своим пером (...) митрополиту Фотию»,²⁵² выполняя его заказы, в том числе и связанные с написанием целого ряда летописных повестей для летописного «Свода 1418 г.»²⁵³ Отметим, между прочим, что если троцкий инок выполнял такого рода «заказы», то вряд ли он мог быть одновременно и составителем самой летописи, но литературные достоинства «Свода 1418 г.» в первую очередь определялись вкладом именно этого писателя, поэтому «Нестором XV в.» можно назвать Епифания Премудрого.

митрополита Григория Цамблака, нормализовавшихся только после смерти последнего в 1419 г. (Там же. С. 117—119).

²⁵¹ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. С. 37.

²⁵² Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 120.

²⁵³ Сведения о возможном заказчике летописи могут быть извлечены из обнаруженного Г. М. Прохоровым в составе «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича...» письма автора заказчику (см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 88—122). Справедливо предполагая в авторе «Слова...» и письма Епифания Премудрого, исследователь, однако, пишет: «...автор жил и работал не там, где его корреспондент-заказчик (...) — иначе ему незачем было бы писать ему письмо и сетовать на редкость встреч. (...) Получается, что территориально от него удаленный заказчик, имевший, видимо, отношение к сводному общерусскому летописанию — причем отношение такое, какое давало ему право раздавать литературные заказы для общерусского летописного свода, — жил не в Москве» (Там же. С. 114). Это рассуждение требует уточнения: автор (Епифаний Премудрый) жил как раз не в Москве, а в Троице-Сергиевой лавре, а заказчик (на наш взгляд, митрополит Фотий) по преимуществу находился в Москве. Мнение Б. М. Клосса о том, что «Епифаний Премудрый выполнял литературные заказы Варлаама (Новгородского. — А. Б.) для составлявшегося в то время общерусского митрополичьего летописного свода» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 116), как уже было показано, чрезмерно гиперболизирует влияние и возможности юрьевского архимандрита.

Итак, подвергнув рассмотрению вопрос о датировке общерусского митрополичьего свода, отразившегося в С1 и НК2, мы пришли к определенному подтверждению вывода, сформулированного нами еще в статье 1993 г.: он мог быть создан только в 1418—1419 гг. Исполнителем работы по написанию ряда повестей для включения в этот выдающийся памятник летописания был, по всей вероятности, инок Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый, а «заказчиком» создания летописного свода в целом — митрополит Киевский и всея Руси Фотий, поэтому мы и называем его «Летописный свод митрополита Фотия».

3.4. НОВГОРОДСКАЯ КАРАМЗИНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ (ВТОРАЯ ПОДБОРКА)

3.4.1. Состав Второй подборки Новгородской Карамзинской летописи

Итак, НК2 позволяет ясно увидеть, чем составитель протографа С1 дополнил один из своих основных источников — НК1. Первое бросающееся в глаза отличие НК2 от НК1 — это наличие в ее составе многочисленных летописных повестей, занимающих более половины ее объема. Каково же их происхождение?

Для удобства анализа НК2 в композиционном отношении может быть условно разделена на 3 части.

I. Первая часть занимает 52 листа (л. 302—353) и охватывает период с 6496 (988) г. до 6878 (1370) г.; она состоит главным образом из кратких летописных известий. В этой части находятся только 3 более или менее значительные летописные повести:

1) 6724 (1216) г. Л. 314 об.—319 об.: «О побоищи новгородцемъ съ Ярославом» [Повесть о битве на Липице].

2) 6773 (1265), 6774 (1266), 6776 (1268), 6779 (1271), 6780 (1272), 6807 (1299) гг. Л. 331—335: [Повесть о Довмонте].

3) 6860 (1352) г. Л. 346 об.—347 об.: «Рукописание Магнуша, свѣйскаго короля».

Эти повести уже в достаточной мере исследованы текстологически. Я. С. Лурье установил, что «Повесть о битве на Липице» в составе С1 и НК2 значительно дополнена по сравнению с Н 1ст., и переделка эта связана со смоленскими источниками.²⁵⁴ В свою очередь В. И. Охотни-

²⁵⁴ Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице в летописании XIV—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 98—103, 113—115.

кова установила, что «Повесть о Довмонте» в составе С1 и НК2 восходит к существовавшей в целостном виде псковской повести.²⁵⁵ Что же касается «Рукописания Магнуша», то, как показывают наблюдения японского исследователя Ацуо Накадзава, этот памятник был составлен в Новгороде около 1411—1413 гг., а в конце этого десятилетия его список оказался у составителя московского митрополичьего свода.²⁵⁶ Можно предположить, что это произведение было создано в Новгороде сторонниками «промосковской» линии (такими, например, были иноки Троицкого Клопского монастыря; см. об этом в Главе 2). По мнению А. Накадзава, «Рукописание Магнуша», возможно, было первоначально написано не как летописная статья, а создано в виде отдельной подложной грамоты.

Итак, летописные повести, вошедшие в первую часть НК2, были включены в состав протографа С1—НК2, возможно, из различных вне-летописных смоленских, псковских и новгородских источников. Вопрос этот, однако, требует дальнейшего рассмотрения.

II. Вторая часть занимает значительно более половины объема НК2 — 72 листа (л. 353—424) и охватывает период с 6879 (1371) г. до 6926 (1418) г. Текст НК2 за эти годы почти полностью состоит из центрально-русских (главным образом московских и тверских) по происхождению летописных повестей и документов. Отдельные вкрапления новгородских известий в этой части НК2 по объему совершенно сопоставимы с явно преобладающими центрально-русскими повестями:

1) 6879 (1371) г. Л. 353—353 об.: «Побоище москвичом с рязанци».

2) 6880 (1372) г. Л. 353 об.—355 об.: «О различных градоплениниях, о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ».

3) 6883 (1375) г. Л. 355 об.—357 об.: «Того же. О воинѣ и о брани, иже бѣ под Тферью индикта 13, о Великомъ заговѣньи».

4) 6883 (1375) г. Л. 357 об.—358: «О Прокоповѣ кончинѣ».

5) 6885 (1377) г. Л. 358 об.—359: «О Олгердѣ».

6) 6886 (1378) г. Л. 359—360: «О побоищи иже на Пьянѣ».

7) 6887 (1379) г. Л. 360—361: «О побоищи иже на Вожи».

8) 6888 (1380) г. Л. 361—370: «Того же. О побоищи, иже на Дону, и о томъ, что князь великий бился съ Ордою».

²⁵⁵ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985. С. 72—81.

²⁵⁶ Накадзава А. Когда и кем было составлено «Рукописание Магнуша»? // Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures: Japanese Contributions to the XIII International Congress of Slavists. Krakow, Aug. 24—Sept. 3, 1998. Tokyo, 1998. P. 67—87.

9) 6890 (1382) г. Л. 370—377 об.: «О плѣненнии и о прихождении Тахтамыша царя, и о московскомъ взятии».

10) 6894 (1386) г. Л. 378—379: [Об осаде Мстиславля].

11) 6894 (1386) г. Л. 379—380: «О том, како приходилъ князь великий Московский ратью к Новугороду к Великому».

12) 6897 (1389) г. Л. 382—393: «Слово о житиѣ по преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго».

13) 6897 (1389) г. Л. 393—396: «Списокъ грамоты патриарши сборное» [Грамота патриарха Антония].

14) 6897 (1389) г. Л. 396 об.—397: «О трех татаринех, иже из Орды придоша к Москвѣ и крестишася».

15) 6902 (1394) г. Л. 399 об.—401 об.: «Антониа патриарха грамота к Новуграду».

16) 6903 (1395) г. Л. 401 об.—403: [Хождение дьякона Александра].

17) 6903 (1395) г. Л. 403—404: «О Смоленском пленении и о томъ, како Витовтъ область створи над ними».

18) 6903 (1395) г. Л. 404—404 об.: «О взятии Новграда Нижнего».

19) 6907 (1399) г. Л. 405 об.—407: «Слово о том, како бился Витовтъ съ Ордою съ царемъ Темирѣ—Кутлуемъ».

20) 6907 (1399) г. Л. 407—409: «О преставлении князя Михаила Тферскаго».

21) 6910 (1402) г. Л. 409 об.—411: [Слово о небесном знаменнии].

22) 6912 (1404) г. Л. 412—413: [О князе Семене Суздальском].

23) 6914 (1406) г. Л. 413—416 об.: [О смерти митрополита Киприана].

24) 6916 (1408) г. Л. 416 об.—418: [Повесть о нашествии Едигея].

25) 6917 (1409) г. Л. 418—419: [О смерти епископа Тверского Арсения].

26) 6925 (1417) г. Л. 422—423 об.: [О Григории Цамблаке].

Многие из перечисленных текстов в протографе С1—НК2, очевидно, восходят к Тр. или используют ее текст в качестве источника, но часть из них, отсутствующая в Тр., видимо, была создана специально для включения в общерусский митрополичий свод.²⁵⁷

III. Наконец, третья условно выделяемая часть текста НК2 совсем невелика: на последних 2 листах рукописи (л. 424—425 об.) содержатся краткие, главным образом новгородские летописные известия за 6926 (1418)—6936 (1428) гг. Естественно, составитель НК2 в этой части уже

²⁵⁷ См.: Троицкая летопись: С. 393—471. Изучение характера работы составителей Свода Фотия со своими источниками (и, в частности, с Троицкой летописью) выходит за пределы данного исследования. Этой теме будет посвящена специальная работа.

не мог опираться на Свод митрополита Фотия, который оканчивался известием 1418 г. об убиении на Вятке Анфала и сына его Нестера, поэтому в этой части НК2 обнаруживает ближайшее родство со своим непосредственным источником — «постоянно ведущейся» новгородской «владычной летописью», текст которой дошел до нас в Н 1мл.²⁵⁸

3.4.2. Вопрос о времени сложения текста Второй подборки Новгородской Карамзинской летописи

Отдельно следует рассмотреть вопрос об окончании текста НК2 и о времени создания этого памятника летописания. Как уже отмечалось, текст НК2 доведен до годовой статьи 6936 (1428) г. С этого же года начинаются и серьезные разночтения между первой (Новороссийский и Голицынский списки) и второй редакциями Н4, что дало нам основания еще в статье 1993 г. предположить, что основной текст Н4 был доведен до известия о заключении мира с Витовтом в 1428 г.²⁵⁹ С этой мыслью не согласился Я. С. Лурье на следующем основании: «Окончание НК под 6936 г. — это именно обрыв текста (на середине фразы: «а то серебро браша...»); в обеих редакциях Новгородской 4 последние слова 6936 г. и первые слова 6937 г. совпадают».²⁶⁰ Эту же мысль Я. С. Лурье неоднократно высказывает и в книге «Две истории Руси XV века».²⁶¹

Поразительным образом все исследователи, работавшие с рукописью НК, да и автор этих строк, до недавнего времени не обращали внимания на наклейку — узкую полоску бумаги на последнем листе НК (л. 425 об.). Оказывается, достаточно посмотреть этот лист на свет, как становится видным, что под этой наклейкой читается окончание годовой статьи: в основном тексте — «а то серебро браша...», а под наклейкой почерком того же писца: «...на всех волостех новгородскихъ и по Заволочью з десети человекъ рубль». Именно этим известием и этими словами оканчивается общий текст списков Н4 и они расходятся на 2 редакции — так называемые первую и вторую. Более того, в НК вслед за последним словом под наклейкой («рубль») писец поставил небольшой крестик, обычно означающий в рукописях окончание текста. Думается, что факт окончания летописного текста НК2 статьей о

²⁵⁸ Ср.: НПЛ. С. 410—415.

²⁵⁹ Бобров А. Г. Из истории летописания... С. 5—6.

²⁶⁰ Лурье Я. С. Феодалная война в Москве и летописание первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 84.

²⁶¹ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 112—113; ср. с. 16, 73 и др.

заключении мира с Витовтом в 1428 г. не требует дополнительных доказательств, а это в свою очередь определяет существование «основной» редакции Н4, доведенной до 1428 г.

Среди обильных новгородских по происхождению добавлений НК2²⁶² («неизвестно-откуда-взятых» материалов, по терминологии Г. М. Прохорова) для определения времени и места создания этого памятника наиболее показательными представляются следующие:

1) 6897 (1389) г. Л. 393: «Того же лѣта поставиша церковь древяну Рожество Богородицы на Лисьи горкѣ».

2) 6911 (1403) г. Л. 411 об.: «Того же лѣта подписана бысть церковь святыа Богородица на Лисьи горкѣ».

3) 6914 (1406) г. Л. 413 об.: К словам «...Иларион, епископ Коломенский» добавлено: «бывъ преже игумень Лисицкои лавры».

4) 6919 (1411) г. Л. 419: «Поставиша церковь древяну святого Николы на Вежищах».

Эти дополнительные известия, неизвестные ни Н 1мл., ни НК1 («Своду 1411 г.»), очевидно, позволяют связать создание НК2 с деятельностью новгородского архиепископа (с 13 ноября 1429 г.) Евфимия II, бывшего постриженником Вяжищского монастыря, а затем, до избрания на владычную кафедру, — игуменом Лисицкой обители.²⁶³ Создание НК2, учитывая ее «вспомогательный», дополнительный по отношению к НК1 характер, таким образом, следует связывать с развернувшейся при архиепископе Евфимии II беспрецедентной работой по созданию Н4 (см. подробнее Главу 4) и датировать временем «не раньше ноября 1429 г.», а вероятнее всего, — 1430 г. (см. рис. 4).

Итак, подведем некоторые итоги. На протяжении первых десятилетий XV в. традиционное новгородское летописание, до того почти не уделявшее внимания событиям за пределами республики, стало претерпевать существенные изменения. Наряду с «непрерывно ведущейся», пополняющейся год от года летописью (Н 1мл.) появился принципиально новый тип летописного свода, создаваемого практически одновременно и последовательно соединяющего известия двух разных как

²⁶² Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 190—191.

²⁶³ В Житии Евфимия II, написанном Пахомием Сербом, говорится, что преподобный при владыке Симеоне (1415—1421 гг.) был казначеем, а при владыке Евфимии I (1423—1429) «отходить въ монастырь святаго Спаса, иже и Хутино зовомъ, и тамо житие нмаше. По семъ же времени старцы монастыря Пречистыя, иже на Лисичи горѣ, молбою возведоша того на игуменство въ свои монастырь. И тамо ему бывшу настоятелемъ, всѣхъ бо миловаше и всѣмъ купно честь даяше» (Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. Костомаровым. С. 18).

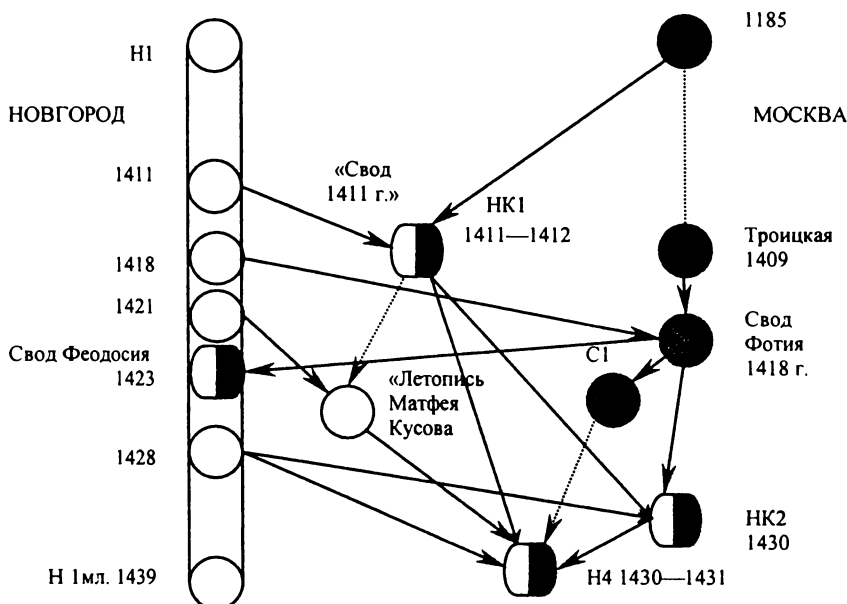

Рис. 4. Стемма, отражающая соединение новгородского и московского летописания в первой трети XV в.

по происхождению, так и по характеру источников — новгородского и общерусского.

Первым по времени, на наш взгляд, из памятников такого рода был летописный свод 1411 г., текст которого дошел до нас в НК1. Создание «Свода 1411 г.» связывается нами с деятельностью выходца из Лисицкого монастыря архимандрита Варлаама или кого-то из книжников его круга. Этот свод, несмотря на свою несовершенство и незавершенность, сыграл исключительно важную роль в истории древнерусского летописания. Именно в нем впервые «встретились» в пределах единого повествования Начальный свод и «Повесть временных лет», именно его составитель впервые использовал название «Софийский временник» для той части летописи, которая в его источнике называлась просто «Временник», наконец, именно этот текст в конце 1410-х гг. лег в основу самой значительной общерусской летописной компиляции XV в. — Свода митрополита Фотия, а позже позволил пополнить новгородское летописание комплексом общерусских известий от начала «Повести временных лет» до 1185 г.

Спустя некоторое время, видимо, около 1423 г., определенное влияние общерусского летописания (Свода Фотия или его переработки —

С1) испытал протограф Н 1мл., созданный при владыке Феодосии Клопском. Можно думать, что новгородский архиепископ Евфимий II продолжил работу по созданию сводного летописания, начатую его предшественниками. Имея в своем распоряжении список «Свода 1411 г.», он (или его сотрудники) осуществил выборку известий и статей Свода Фотия, дополнительных (избыточных) по отношению к уже известным. Новгородское летописание теперь, благодаря созданию НК2, обогатилось не только новым комплексом общерусских известий, но и сочинениями самого яркого писателя конца XIV—начала XV в. — Епифания Премудрого. Естественно, обе подборки НК не получили и не могли получить распространения в рукописной традиции, так как являлись своего рода «черновиками» для готовящихся грандиозных летописных мероприятий — Свода Фотия и его новгородского аналога — Н4. Дошедший до наших дней список НК, таким образом, позволяет нам заглянуть, пользуясь удачным выражением Дж. Линда, в мастерскую (или творческую лабораторию) древнерусских летописцев.

НОВГОРОДСКАЯ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕТОПИСЬ

4.1. СПИСКИ Н4

Новгородская четвертая летопись сохранилась в 10 списках:

- 1) **Музейский первый список**, конца 50-х—70-х гг. XV в. (ГИМ, Музейское собр., № 2982)¹ — сокращенно обозначается М1;
- 2) **Фроловский список**, конца 70-х гг. XV в. (РНБ, ОСРК, F.IV.235)² — сокращенно обозначается Фр.;
- 3) **Новороссийский список**, 70—80-х гг. XV в. (БАН, Тек. пост. 1107)³ — сокращенно обозначается Нр.;
- 4) **Строевский список**, конца 70—80-х гг. XV в. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 2035)⁴ — сокращенно обозначается Ст.;
- 5) **Толстовский список**, конца XV в. (РНБ, ОСРК, Q.IV.138)⁵ — сокращенно обозначается Т.;
- 6) **Академический первый список**, XV в. (БАН, 45.8.296)⁶ — сокращенно обозначается А1;
- 7) **Голицынский список**, второй половины 1510-х гг. (1516—1518 гг.) (РНБ, ОСРК, Q.XVII.62)⁷ — сокращенно обозначается Гл.;

¹ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 107—108 (№ 103); ПС XV в. С. 199 (№ 1985). Список не привлекался при изданиях.

² ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 3—4 (1-я паг.); ПС XV в. С. 309 (№ 3418).

³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 7—8 (1-я паг.); ПС XV в. С. 199 (№ 1984). Список впервые был введен в научный оборот: [Павлов А. С. Сообщение] // ЛЗАК. СПб., 1877. Вып. 6. Отд. 4. Выписка из протоколов. С. 25—27.

⁴ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 2 (1-я паг.); ПС XV в. С. 308 (№ 3408).

⁵ Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 238. Отд. II, № 52; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 8 (1-я паг.); ПС XV в. С. 253 (№ 2707).

⁶ Покровская В. Ф., Копанев А. И., Кукушкина М. В., Мурзанова М. Н. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 317; ПС XV в. С. 111 (№ 782). Список не привлекался при изданиях.

⁷ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 5—7 (1-я паг.).

8) **Академический второй список**, первой половины XVI в. (БАН, 16.3.2 (Осн. 22))⁸ — сокращенно обозначается А2;

9) **Синодальный список**, 1544 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 152 (46))⁹ — сокращенно обозначается С.;

10) **Музейский второй список**, середины XVI в. (ГИМ, Музейское собр., № 2060)¹⁰ — сокращенно обозначается М2.

Списки Н4 представляют 2 редакции текста — так называемые «первую», или «старшую», в которой изложение доведено до 1437 г. (Нр. и Гл.), и «вторую», или «младшую», в которой текст продолжен до 1447 г. (остальные списки).¹¹ Различаются 2 редакции главным образом окончанием текста. Текст обеих редакций совпадает только до конца известия 1428 г. («основная редакция» Н4), а далее расходится.

4.2. СОЗДАНИЕ Н4

Отказавшись, вслед за Г. М. Прохоровым, от представления, что НК1 и НК2 являются выборками из Н4, и признав первичность их текста по отношению к Н4, мы должны, безусловно, принять и тот тезис исследователя, что в результате соединения НК1 и НК2 (с новым редактированием и дополнением) появилась Н4. Мы предположили, что создание НК1 следует датировать 1411—1412 гг., а создание НК2 — временем не ранее ноября 1429 г. Сам характер НК2, выполняющей «дополнительную» функцию по отношению к НК1, предполагает идею последующего соединения текстов этих двух летописных выборок. Такое соединение и было осуществлено, дав нам в результате самый значительный памятник новгородского летописания — Н4.

Когда и кем могла быть проведена такая работа? Совпадение окончания общих чтений редакций Н4 и установленного нами окончания НК2 (см. Главу 3) указывает нам на известие о заключении новгородцами мира с Витовтом в 1428 г. как на границу летописного свода. Известно, что в ноябре 1429 г. был избран новый архиепископ Евфи-

⁸ *Шилов А. А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для Полного собрания русских летописей). Вып. 1 // ЛЗАК. СПб., 1910. Вып. 22. С. 14—15 (6-я паг.); ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 4—5 (1-я паг.).

⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 2—3 (1-я паг.); *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки... С. 107 (№ 102).

¹⁰ *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 257—258; *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки... С. 106 (№ 101).

¹¹ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182—184.

мий II, бывший до этого игуменом Лисицкого монастыря.¹² Хотя общий текст двух редакций Н4 и НК2 доходит только до 1428 г., есть основания полагать, что протограф НК2—Н4 составлялся не при Евфимии I, умершем 1 ноября 1429 г., а уже при Евфимии II. Об этом свидетельствует сопоставление летописных известий за время правления владыки Евфимия I в Н 1мл. и Н4: если в Н 1мл. подчеркивается роль этого архиепископа в церковном строительстве, то в Н4 текст соответствующих известий исправлен (см. Главу 2). Кроме того, не только для НК2, но и для Н4 характерно включение в летописный текст дополнительных известий, связанных с Лисицким монастырем. Как уже отмечалось, в текст НК2 включаются известия 1389, 1403 и 1406 гг., причем последнее свидетельствует об особых симпатиях летописца к этому монастырю: он называет его «лаврой» (см. об этом подробнее Главу 3). Важно отметить, что еще 2 известия с точными датами, связанные с Лисицким монастырем, были добавлены при окончательном редактировании в Н4:

1) 6900 (1392) г.: «Маиа 27 по обѣдехъ сгорѣ церковь святыя Богородица деревяная, и весь монастырь на Лисицьи горкѣ погорѣ». ¹³

2) 6908 (1400) г.: «Преставися Василеи, братъ владычнь, въ чернцехъ и въ скимѣ, на Лисицьи горкѣ, мѣсяца июля 9». ¹⁴

Таким образом, создание протографа Н4 можно связать с инициативой нового новгородского архиепископа Евфимия II и датировать временем не ранее ноября 1429 г., вероятно, 1430—1431 гг. (естественно, Н4 была создана после своего источника — НК2).

Для уяснения характера работы над созданием нового новгородского летописного свода (Н4) представляется важным проанализировать, какие материалы были дополнительно включены в него на заключительном этапе редактирования. Если мы вычленим из текста Н4 все то, что составитель этой летописи позаимствовал из НК1 и НК2, получится довольно обширный перечень известий. Такую сопоставительную работу проделал Г. М. Прохоров, и она отражена в подготовленной им таблице соотношения известий НК1, С1, НК2 и Н4.¹⁵ Датский ученый Дж. Линд, проделав аналогичную работу, пришел к выводу о сущест-

¹² Об этом говорится в Житии Евфимия II, написанном Пахомием Сербом (Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. Костомаровым. С. 18).

¹³ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 372.

¹⁴ Там же. С. 390.

¹⁵ Еще раз пользуюсь случаем поблагодарить Г. М. Прохорова за возможность пользоваться этой исключительно полезной таблицей до ее публикации.

вовании «третьего источника» Н4 — летописи, «более близкой к повседневной жизни города, чем все другие Новгородские летописи».¹⁶ Правда, исследователь сделал важное примечание: «Множество, хотя и не все из этих и сходных дополнений также обнаруживаются в Новгородской Первой летописи».¹⁷ Как мы увидим далее, Н 1мл. являлась действительно «третьим» источником Н4, поэтому известия Н4, отсутствующие в НК1 и НК2, но имеющиеся в Н 1мл., не могут быть напрямую использованы для реконструкции неизвестной новгородской летописи, использованной при создании Н4.

Г. М. Прохоров заметил: «Первым после НК1 и НК2 вспомогательным источником для Н4 послужила Н1. Ее непосредственное влияние заметно в 116 статьях начиная с 6508 (1000) и кончая 6933 (1425) г.».¹⁸ Летописец, бесспорно, сводил чтения своих источников, предпочитая по своему усмотрению то один из них, то другой.¹⁹ Мелкие детали позволяют предположить определенное влияние Н 1мл. на Н4 и в годовых статьях после установленной Г. М. Прохоровым границы 1425 г., вплоть до самого окончания текста «основной» редакции.²⁰ Итак, мы можем утверждать, что при создании Н4 летописец-сводчик снова обратился к Н 1мл. и в целом ряде случаев вернулся к ее чтениям или учитывал их при редактировании известий НК, которые были для него основным источником.²¹

¹⁶ Lind J. In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages; Odense University, 20—21 November 1989). Odense, 1990. P. 77.

¹⁷ Ibid. P. 81.

¹⁸ Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 185.

¹⁹ На примере анализа известий заключительной части Н4 можно увидеть, как он это делал. Так как НК1 оканчивается 1411 г., для более позднего периода основными источниками Н4 остаются НК2 и Н 1мл. Составитель Н4 чаще опирался на НК2, но в целом ряде случаев привел известия, имеющиеся в Н 1мл., но не вошедшие в НК2 (точная дата выборов по жребию владыки — 1421 г.; сообщение «А новгородци целоваша крест за один брат», известие о «гладе» (в Н1мл — «глад и мор», в НК2 — «мор») — 1422 г. (в Н 1мл. — 1421 г.); известие о «море» в Корельской земле — 1423 г. (Н 1мл. — 1424 г.); запись «Денгъ сковаша во Псковѣ» — 1424 г. (в Н 1мл. — «...въ Псковѣ дѣнги сковаша», а в НК2 — совсем иначе: «Начаша торговати в Пскове денгами»); сообщения «Погорѣ Торговая съторона и Людинъ конецъ» и о смерти Феодосия — 1425 г.).

²⁰ Церковь Спаса «свершена», согласно Н4, «устроениемъ» владыки, ср. в Н 1мл.: «устроена бысть», а в НК2 — «повелением» — 1427 г.; в Н4: «И ту (...) приеха владыка», в Н 1мл.: «И тогда прииха владыка», а в НК2: «И приехаша владыка...» — 1428 г.

²¹ На примере анализа известий заключительной части Н4 можно видеть, что ее составитель использовал следующие чтения НК2, отличные от Н 1мл.: 1) вместо уже упо-

Еще один источник Н4, отличный от упомянутых выше, — это С1. Г. М. Прохоров, отметив ряд случаев (всего 14), когда текст Н4 независимо от подборок НК совпадает с центральнорусским источником, считая их незначительными и предложил объяснять их существование дефектами или лакунами в дошедшем до нас списке НК или в одном из предшествовавших ему списков.²² Несомненно, писцы могли ошибаться, однако обращает на себя внимание определенная тенденция этих общих для С1 и Н4 дополнений, вряд ли возможная при случайном характере предполагаемых Г. М. Прохоровым пропусков: целый ряд из них связан с отношениями Пскова и «Немцев».²³ К числу общих для С1 и Н4 дополнений, неизвестных ни НК1, ни ее источнику (Н 1мл.), ни НК2, следует отнести и такое существенное чтение, как известие о казни стригильников (6883 (1375) г.: «И тогда стригальниковъ побиша, дьякона Микиту, дьякона Карпу, 3-е чловѣка его, и свергоша ихъ с мосту»). Приведенный Г. М. Прохоровым²⁴ ряд общих чтений С1 и Н4, отсутствующих в НК1, НК2 и Н 1мл., может быть дополнен. К известиям, очевидно, взятым составителем Н4 из С1, относятся также приведенная под 6913 (1405) г. фраза «И митрополит еха к Витовту»,²⁵ и об-

минавшегося чтения Н 1мл. о строительстве 4 церквей, в НК2 и Н4 приводится известие о строительстве только 2 церквей, но с указанием заказчиков (1421 г.); 2) вместо подробного рассказа о «жребии» при выборе владыки в Н 1мл., как НК2, так и Н4 ограничиваются одной фразой: «...возведен бысть по жребию в домъ святыхъ Софѣя Феодосеи игумень святыхъ Троица съ Клопска» (1421 г.); 3) в НК2 и Н4 добавлено, по сравнению с Н 1мл., известие о строительстве еще 3 церквей (1422 г.); 4) в Н 1мл. отсутствует сообщение о распространении мора «во Пскове, и за Волокомъ, и по всей Руси, и в Литвѣ и в Нѣмцехъ...», имеющееся как в НК2, так и в Н4 (1424 г.); 5) в НК2 и Н4 говорится, что церковь Спаса была построена не Евфимием I, как в Н 1мл., а новгородцами (1424 г.); 6) к известию о преставлении Ивана Михайловича НК2 и Н4 добавляют: «...а приказа княжение свое сыну своему Борису Александровичю, а Кашинъ брату своему Василию» (1425 г.); 7) все известия годовой статьи 1426 г. взяты составителем Н4 из НК2, а не из Н 1мл.; 8) в статье 1427 г. НК2 и Н4 сокращают текст об иконах и книгах, украсивших церковь Спаса; 9) весь рассказ о нашествии Витовта (кроме упоминавшейся конструкции «И ту (тогда) приеха (прииха)...)» восходит в Н4 к НК2 (1428 г.).

²² Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 185.

²³ Например, под 6849 (1341) г. в Н4 читается в соответствии с С1: «Того же лѣта мѣсяца сентября убиша нѣмци в Латыголѣ на сѣлѣ на Опочнѣ псковскихъ пословъ 5 мужъ, Михала Любниновича с други, на миру, и плесковичи, ꙗхавше съ княземъ Александромъ Всеволодовичемъ, повоеваша Латыголу, и князь Александръ, учинивъ розратъ с нѣмци, и поѣха прочь»; под 6875 (1367) г. к известию о походе псковичей против немцев добавлено (как и в С1): «...и убиша у плесковичъ Селилу воеводу»; под 6917 (1409) г. в Н4 (как и в С1) добавлено: «Псковичи взяша миръ с Витовтомъ и с Нѣмци» (схожее известие есть и в Н 1мл., но Н4 дословно совпадает с С1, а с Н 1мл. расходится).

²⁴ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 185.

²⁵ Ср.: «...митрополит поиде в Литву к Витовту» (ПСРЛ. М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. С. 138).

ширный перечень сожженных новгородских монастырей и церквей во время осады города москвичами (6894 (1386) г.).²⁶

Таким образом, составитель Н4 последовательно сводил воедино чтения НК1, НК2, Н1мл. и С1 (в меньшей степени), но помимо использования (соединения) этих текстов он внес из неизвестных нам источников добавления в 40 годовых статей.²⁷

Начинаются эти добавления со статей 1141 и 1147 гг., где лишь уточнены отчества новгородских посадников; далее под 1273 г. добавлено уже целое известие, а с 1320 по 1421 г. дополнительные материалы Н4 идут все более интенсивно и связаны почти исключительно с Новгородом. Отметим, что к первой половине XIV в. относятся всего 4 таких известия. Как справедливо заметил Г. М. Прохоров, далее, с 1350 г., «лишние» материалы идут «сплошной цепью».²⁸ Для удобства дальнейшего анализа приведем здесь тексты этих дополнений.

6649 (1141) г.: добавлено отчество посадника «Ивановичю».

6655 (1147) г.: добавлено отчество посадника «Микулиничь».

6781 (1273) г.: «Бысть число 2-е изъ Орды отъ царя».

6828 (1320) г.: «А Лука ходи на Мурманы, а нѣмци избиша ушку[и] Игната Молыгина».

6829 (1321) г.: «Моръ бысть на люди».

6838 (1330) г.: добавлено о владыке Моисее — «бывъ 5 лѣтъ, и съидѣ съ владычества в монастырь на Ко[ло]мци».

6839 (1331) г.: «Того же лѣта помрачение бысть солнцю».

6858 (1350) г.: о церкви Иоанна Златоуста добавлено: «заложи Юрьи посадникъ». «Выгониша новгородци из Новагорода въ Плесковъ Феодора посадника и брата его Михаила, и Юрья, и Ондрѣяна, а дома ихъ разграбиша, а Прускую улищу всю пограбиша; они же изъ Пскова поѣхаша в Копорью. А рать нѣмецкаа истопе въ морѣ».

6859 (1351) г.: о поновлении церкви Бориса и Глеба добавлено: «Орѣховьскымъ серебромъ».

6861 (1353) г.: «Поставиша Симионъ святыи».

6863 (1355) г.: «А с княземъ Иваномъ новгородци смиришася».

6866 (1358) г.: «Того же лѣта целоваша бочек не пити».

²⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 346. Это известие, хотя и связано с Новгородом, по своему происхождению является, вероятно, московским. В перечне монастырей среди обителей Софийской стороны (после Юрьева и перед Пантелеевым) упоминается некий «Рождественый», по другим источникам неизвестный. Если перечень принадлежит перу московского книжника, то эту ошибку следует объяснять наличием Рождественской церкви в Юрьевом монастыре. Новгородец, наверное, так не мог ошибиться.

²⁷ См.: Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 191.

²⁸ Там же.

6869 (1361) г.: о серебре, взятом из св. Софии на починку новгородского Детинца, добавлено: «владычня Моистѣ[ва] скопления».

6875 (1367) г.: к имени купца Василия, захваченного великокняжескими боярами, добавлено: «Машкова (...) и Прокопья Киева».

6877 (1369) г.: после известия из Н 1мл. о пожаре в Новгороде добавлено: «предъ Воздвижениемъ. Тои же осени шло Волгою 10 ушкуевъ, а инии шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары».

6879 (1371) г.: «Постави Наталья церковь каменну святого Андрѣя Уродиваго на Ситискѣ. Августа 20 (...) [далее известие о пожаре из Н 1мл.]. И новгородци взяли градъ Ярославль и Кострому».

6883 (1375) г.: «Родися Матфѣи Михайлов».

6886 (1378) г.: «Бысть знамение въ солнци мѣсяца июля въ 29, въ день недѣльныи. Поставиша святого Никиту и святого Георгия».

6890 (1382) г.: «Преставися Михаило, отецъ Матфѣевъ» (2 раза, в начале и в конце годовой статьи).

6892 (1384) г.: «Бысть жалование на Патракия князя к Новугороду отъ городчанъ, и выѣха князь в городъ, и подня посуломъ Славеньский конецъ, и смути Новъгородъ. И стояху Славлянѣ по князи, и съзвониша вече на Ярославли дворѣ по 2 недѣли, а здѣсе и на сѣи сторонѣ три конци другое вече ставиша, по двѣ же недѣли, у святѣи Софѣи, и тысячкии Есифъ ходи на сию сторону въ вече, Плотничани и добрыи люди. И бысть на Черътисовѣ недѣли, в четвергъ, удариша Славеньский конецъ на тысячкою на Есифовъ дворъ с вѣча, съ Ярославля двора, и Плотничанѣ тысячкою Есифа не выдаша, и биша грабѣжниковъ и полупиша. А тогда быша у князя Патракия два чловѣка в дому, Кирилка Олиствикове да Мишка Щекоткове, поповичъ с Подола. И бысть на мясопустной недѣли, вторникъ, февраля 9, dospѣша 3 конци, Неревъский, Загородский, Людинъ, на Славеньский конецъ, и стояше у святѣи Софѣи на вечи, всякий въ оружии, аки на рать, отъ обѣда и до вечернии; и Плотиньской конецъ съслався послы с тремя конци, на Славлянъ хотѣша ити. А заутра въ среду не потягнуша Плотничани на Славлянъ с тремя конци, [и три конци] списаше три грамоты въ одина слово обѣтныи, и Славлянѣ, собѣ dospѣвъ, стояше съ княземъ на вѣчи на Ярославли дворѣ, въ вторникъ на мясопустной недѣли. В четвертокъ Славлянѣ отъ своей сторонѣ мость великой переметаша промежи двумя городнями. И по усобной тои рати поидоша вся 5 концевъ во одиначество: отняша тыи города у князя, а даша ему Русу да Ладогу, и Наровъский берегъ, и грамоту списаша съ княземъ, и запечаташа на вечи на Ярославли дворѣ. В Петрово говѣние ѣхаша из Новагорода на Яму города ставити: воевода Есифъ Захарьичъ, Юрии Онцифоровичъ, Иванъ Феодоровъ, Феодоръ Тимофеевъ, Стефанъ Борисовъ, и инии боляре и

житьи люди, и поставиша его въ 30 днии и въ 3 дни. Погорѣша лѣсы и сѣна многы по пожнямъ, и в Новѣгороди бысть помрачение на многи дни и нощи».

6893 (1385) г.: «А в Новѣгороди на Даньславли улици бысть пожарь. Того же лѣта загорѣся на Подолѣ, июня 14, заговѣвъ Петрово говѣние, на 3 недѣли, и погорѣша оба конца, Плотничкои и Славенскои, и Торгъ весь, и церкви каменныхъ 26, а деревяныхъ 6; толко не горела церкви святая Богородица на Михалици монастырь, и на Микитинѣ улици отъ креста в полѣ не горело, и Красилничкая улка; и много бысть убытка крестьяномъ обѣима концама. А загорелося середѣ утра, и горе весь день, чресъ всю ночь въ среду, и заутриа, и в четвертокъ чресъ все утро, престало по обедѣ конецъ Славна, все выгоревъ; а Успѣние святѣи Богородици конецъ Ильинѣ улици внутри церкви велми много погорело у купцевъ в коробьяхъ всякого товара; и дымомъ ся подхнуло 9 чловѣкъ Васильевыхъ и 2 сторожа; нищихъ трое сгореша, а Ивашъ, церковный росписникъ, сгорѣ в Павловѣ монастырѣ; и въ святомъ Иванѣ конецъ Славна на Торгу въ церкви сторожъ затыхнулся; и у святѣи Пятници сторожъ затыхнулся, а другии сторожъ живъ; а у Христовѣ церкви сторожъ да странникъ дымомъ ся затыхнуль. И всѣхъ душъ погорѣло и дымомъ ся затыхнуло 70. В тои же день въ среду, за 6 днии до Петрова канона, загорѣся у святого Мины въ обѣдную и погорѣ отъ Княсчевѣ трубѣ въ Духовьской улькѣ, на память святого мученика Ульяна.

А тои зимы бысть цѣлование въ великои постѣ по Сборѣ, на 2 недѣли: цѣловаше крестъ Феодоръ посадникъ Тимофеевичъ, тысячкои Богдан Обакуновичъ, на вѣчи на княжи дворѣ, и вси боляре и дѣти болярьскии, и житьеи и черныи люди, и вся пять концевъ, что не звати-ся к митрополиту, судити владыке Алексею въ правду по манакануну, а на судъ подняти двѣма истцемъ по два болярина на сторонѣ, и по два житья чловѣка; такоже и посаднику и тысячкому судити право по цѣлованию».

6894 (1386) г.: «Тогда по Вѣлице дни погорѣ все внутри въ Орѣшкѣ, и самъ городъ попортися. И новгородци прислаша Василья Кузмина Орѣховьскаго города починивати и костровъ».

6897 (1389) г.: «Тогда бысть въ Блудкинѣ городкѣ морь и по всему Залѣсью желозою».

6898 (1390) г.: о строительстве церкви св. Афанасия добавлено: «...а мѣсяца октября въ 12, въ среду, крестьянѣ (...) изъ лѣса привезоша бревна, у святѣи Софьи (...) по благословению и по повелѣнию владычню». О пожаре церкви св. Дмитрия на Даньславле улице добавле-

но: «...февраля въ 8, (...) во обѣдѣ». «А зима стала за двѣ недѣли до Яковля дни, а и по Радуницахъ люди и дрова возили из лѣса на конѣхъ, аки зимнии возы».

6899 (1391) г.: «А новгородци взяли сребра 5000 у святѣи Софѣи с полатеи, скопления владычня Алексеева, и раздѣлиша на пять концевъ, по 1000 на конецъ, и иставиша костры каменные по обѣ сторонѣ острога, у всякой улицы». О строительстве церкви Богородицы «на полатахъ» церкви св. Иакова на Яковли улице добавлено: «...полаты у святого Иакова над дверми, октября 2, и бысть отъ крестьянъ помету много Покрову святѣи».

6900 (1392) г.: «Маиа 27 по обѣдехъ сгорѣ церковь святыхъ Богородица деревяная, и весь монастырь на Лисицы горкѣ погорѣ».

6904 (1396) г.: к списку ростовских епископов добавлены: «36. Дионисии. 37. Ефрѣмъ».

6908 (1400) г.: к известию о вокняжении в Твери Ивана Михайловича добавлено: «...марта въ 7 день. Погорѣ владычнь берегъ на вербниці. Преставися Василеи, братъ владычнь, въ чернцехъ и въ скимѣ, на Лисицы горкѣ, мѣсяца июля 9».

6909 (1401) г.: о новгородском после в Тверь добавлено: «Якова Федоровича сына посадника».

6911 (1403) г.: «Бысть вода суха велми, рли вси сухи быша».

6912 (1404) г.: «Постави Перфурии Камьскіи на Папортниі церковь древяну святого Николу и монастырь устрои».

6913 (1405) г.: «Преставися Феодосіа Матфѣева, мѣсяца маа 18».

6914 (1406) г.: «Бракъ бысть Матфѣю Михайлову, маиа в 23. (...) Июня въ 16 солнце погибе».

6917 (1409) г.: перед рассказом о смерти Арсения Тверского добавлено: «Блюдите убо братья: зде нужда».

6919 (1411) г.: «Родися Матфѣю сын Кюприан».

6924 (1416) г.: к известию о возвращении в Новгород из Москвы владыки Симеона 16 апреля добавлено: «...на ту ночь преставися Намъ крилошанинъ святѣи Съфѣи».

6926 (1418) г.: рассказ о «восстании Степанки» подробнее, чем в Н 1мл.; «И митрополитъ Григорей Витовтовъ приеха в Литву, бывъ в Римьскомъ градѣ Костянтинѣ»; к известию о поездке владыки Симеона во Псков добавлено: «...и поучивъ ихъ: [текст Поучения Симеона псковичам о том, чтобы им не вступаться «в земли, и в водѣ, и в суды, и в печать, и во вси пошлыны церковныи»]».

6928 (1420) г.: «Поставлени быша 2 церкви древяны: святыхъ Никола во Отнѣхъ пустынь, святой Енуфрей на Красномъ островѣ».

6929 (1421) г.: подробный рассказ о наводнении в Новгороде 21 апреля «при архиепископѣ Симеонѣ, в лѣто 6-е владычества его»; подробный рассказ о грозе 19 мая и молении архиепископа; в известии о смерти Симеона добавлено, что он был владыкою 6 лет «безъ дву мѣсяць и безъ 4 дни. И князь Иванъ Тферьскій изнима боярина новоторьскаго Ивана Кумганца и сына его Фому и, бѣвъ ихъ, заточи в Новыи городокъ. И в Новѣгороди восташа бранью два конца, Неревьскій и Славеньскій, за Климентѣя Ортѣмьина, про землю, на посадника Ондрѣя Ивановича, и пограбиша дворъ его в доспѣсехъ, и иныхъ боярь разграбиша дворы напрасно, и убиша Андрѣевыхъ пособньниковъ 20 чловѣкъ до смерти, а Неревлянъ 2 чловѣка, и умиришася. (...) Генваря 15 свершиша мость великий».

6931 (1423) г.: к известию об отправке новгородцами владыки Феодосия обратно в монастырь добавлено: «...а ркучи тако: „не хотимъ шестника владыкою”».

Дополнительные материалы содержат в основном известия о строительстве церквей (1350, 1351, 1353, 1371, 1378, 1390, 1391, 1404, 1420 гг.) и укреплений (1361, 1384, 1386, 1391 гг.), о пожарах, эпидемиях, затмениях и стихийных бедствиях (1321, 1331, 1371, 1378, 1384, 1385, 1386, 1389, 1390, 1392, 1400, 1403, 1406, 1421 гг.); о военных и дипломатических событиях в Новгородской республике (1320, 1350, 1355, 1369, 1371, 1384, 1385, 1404, 1418, 1421 гг.). Можно ли выявить какую-либо закономерность в привлечении составителем или составителями Н4 «неизвестно-откуда-взятых» дополнительных материалов?

Как уже говорилось, 2 дополнительных известия Н4 связаны с Лищинским монастырем (1392, 1400 гг.), что представляется закономерным: его игуменом перед избранием во владыки был Евфимий II. С окончательным редактированием Н4 при Евфимии, возможно, связано и включение в ее текст рассказа 1385 г. об отказе новгородцев от митрополичьего суда. Включение в Н4 этого текста объясняется, на наш взгляд, тем, что вопрос о давно, еще в конце XIV в., утраченном Московой праве на митрополичий суд вновь остро встал в конце 1429—середине 1431 гг. В грамоте 8 августа 1430 г. тверскому епископу Илье митрополит Фотий говорит о своих попытках восстановить это право и утверждает, что не «поставит» нового новгородского архиепископа Евфимия II, пока не добьется своего.²⁹ 1 июня 1431 г. Фотий умер, а следующий митрополит «всая Руси» Герасим «поставил и благосло-

²⁹ См.: Прохоров Г. М. Фотий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 482; Русская историческая библиотека. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 422—426 (ошибочно под 1422 г.).

вил» Евфимия. Таким образом, добавляя в Н4 этот рассказ, Евфимий II, возможно, хотел показать, что он не властен в вопросе о митрополичьем суде и не в силах отменить «крестное целование» и решение высшего органа власти в Новгороде — веча. Такой «дипломатический ход» имел особый смысл, видимо, только при жизни Фотия, т. е. до середины 1431 г.³⁰

С редактированием Н4 при Евфимии II можно связать и появление в тексте ряда известий об архиепископской кафедре. Из Жития Евфимия мы знаем, что при владыке Симеоне (1415—1421) будущий архиепископ выполнял функции владычного казначея. Этим, вероятно, объясняется появление дополнительных сведений о казне и имуществе «дома святой Софии»: 1351 г. — «Орѣховьскымъ серебромъ»; 1361 г. — «владычня Моисѣва скопления»; 1391 г. — «скопления владычня Алексева»; 1400 г. — «погорѣ владычнь берегъ».

К «владычным» источникам информации можно предположительно отнести также появление известий 1330 г. об архиепископе Моисее, дополнения к списку ростовских епископов под 1396 г., сообщения о возвращении Григория Цамблака с Констанцкого собора в 1418 г., объяснения отставки Феодосия Клопского в 1423 г., а также сведений о строительстве ряда церквей (особенно в тех случаях, когда подчеркивается роль владычной кафедры, как в 1390 г., или когда речь идет явно про общежительные, подобно Лисицкому, монастыри: 1404, 1420 гг.).

Хотя появление некоторых из приведенных выше «неизвестно-откуда-взятых» известий Н4 можно объяснить редакторской работой Евфимия II или его книжников вскоре после ноября 1429 г., значительная часть «избыточного» текста не поддается интерпретации такого рода. Так, например, редактированием при Евфимии II невозможно объяснить происхождение целой серии известий Н4, связанных с родом некоего Матфея Михайлова:

1375 г.: «Родися Матфѣй Михайлов»;

1382 г.: «Преставися Михаило, отецъ Матфѣев»;

1405 г.: «Преставися Феодосиа Матфѣва, мѣсяца маа 18»;

1406 г.: «Брак бысть Матфѣю Михайлову, маиа в 23»;

1411 г.: «Родися Матфѣю сын Кюприан».

На фоне других записей о значительных событиях в жизни города и республики выделяется своим частным характером и дополнительное

³⁰ В таком случае, вероятно, предполагалось, что митрополит Фотий познакомится с новой новгородской летописью и оценит перемены в официальном «владычном» летописании.

сообщение под 1416 г. о том, что 16 апреля «преставися Наумъ крилошанинъ святѣи Съфѣи».

На записи, связанные с Матфеем, обратил особое внимание еще А. А. Шахматов, предположивший, что они попали в гипотетический свод-протограф С1—Н4—НК «из одного из его источников»³¹ — редакции Н1 («Софийского временника»), составленной Матфеем Михайловым,³² которого исследователь отождествил предположительно с уставщиком владычного двора Матвеем Кусовым.³³ Я. С. Лурье уточнил, что, поскольку записей Матфея нет ни в Н1 мл., ни в С1, ни в НК, они могли быть включены только уже редактором Н4.³⁴ Относя создание Н4 ко времени после 1448 г., Я. С. Лурье предположил, что составитель Н4 включил в летопись «личные записи» Матфея Михайлова.³⁵ Эта мысль вызвала сомнения Г. М. Прохорова: «Трудно представить себе, чтобы летописец привлек для этих записей какой-то письменный источник или написал это о ком-то другом, не пояснив, кто такой этот Матфей Михайлов. Скорее всего, он писал о себе».³⁶ Согласившись с этим утверждением, в статье 1993 г. я пришел к выводу, что в таком случае Матфей, очевидно, — исполнитель замысла Евфимия II, сводчик подборок НК в единую летопись.³⁷ Эта точка зрения, однако, должна быть пересмотрена.

Дж. Линд, рассмотрев возможность отождествления Матфея Михайлова с редактором-составителем Н4, отверг ее на основании наличия дублировки: известие о смерти отца Матфея приведено в Н4 дважды, в начале и в конце статьи 6890 (1382) г.³⁸ Действительно, характер этой дублировки не оставляет сомнений в том, что составителем Н4 был ошибочно дважды использован некий *письменный* источник: дословно повторяются сразу 3 летописных известия (о смерти отца Матфея, о строительстве каменной церкви Рождества на Поле и о приезде в

³¹ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Ч. 331, № 9, отд. 2. С. 114.

³² Там же. С. 189.

³³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 155—156.

³⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 82.

³⁵ Отождествление редактора Н4 с Матфеем Михайловым в таком случае сомнительно, так как ему должно быть уже более 73 лет (ср.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 114). Впрочем, Я. С. Лурье не исключает такой возможности (Лурье Я. С. Матфей Михайлов // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 109).

³⁶ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 193.

³⁷ Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 17.

³⁸ Lind J. In the Workshop... P. 76.

Новгород Дионисия Суздальского). Этот письменный источник, таким образом, представлял собой не просто «личные записи» некоего Матфея Михайлова, как полагал Я. С. Лурье, а какую-то летопись, дополнительный источник Н4, существование которого обосновал в своей статье Дж. Линд.

Этот «четвертый» источник Н4 бесспорно принадлежал перу Матфея Михайлова, внесшего туда сведения о себе и о своей семье. Составлен он был, во всяком случае, после 1411 г., так как под этим годом читается бесспорно заимствованное из него известие: «Родися Матфѣю сын Кюприан». В таком случае можно полагать, что Матфей Михайлов был знаком с НК1, ибо находившееся в его летописной подборке известие о строительстве каменной церкви Рождества на Поле (1382 г.), отсутствующее в Н1мл., обнаруживается уже в тексте «Свода 1411 г.» (НК1) (см. рис. 4 на с. 165).

А. А. Шахматов не указал оснований, по которым он отождествил Матфея Михайлова с Матфеем Кусовым, известным по записям на рукописных книгах (см. Главу 2), однако нам удалось найти прямое подтверждение этого увлекательного предположения. Среди дополнительных известий Н4, как уже отмечалось, имеется упоминание о преставлении 16 апреля 1416 г. некоего Наума, клирошанина Софийского собора. Это известие своим «частным» характером напоминает записи Матфея Михайлова о своих близких. Действительно, в Синодике Лищинского монастыря начала XV в. обнаруживается поминание Наума Кусова,³⁹ который, видимо, может быть отождествлен с названным в Н4 Наумом-клирошанином, родственником летописца. Связующим звеном между Матфеем-книжником и Матфеем-летописцем может служить и дополнение в Н4 указания на точное время пожара 1390 г. в церкви св. Дмитрия на Даньславле улице («февраля въ 8, (...) во обѣдь»). Как уже отмечалось (см. Главу 2), дьяк церкви св. Дмитрия Василий переписал «изисканьем Матфѣя Кусова» рукописные книги 1411 и 1413 гг., причем более вероятной кажется принадлежность упомянутого дьяка именно к этой (из посвященных св. Дмитрию) церкви. Матфей Михайлов и Матфей Кусов в таком случае — одно лицо, а летопись Матфея Михайлова Кусова, использованную составителем Н4, следует датировать временем не ранее упоминания в ней Наума-клирошанина, т. е. 1416 г.

Как свидетельствует рассмотренная выше (в Главе 2) поздняя запись на Минее праздничной, Матфей Кусов и после по крайней мере

³⁹ РГАДА, ф. 381, № 141, л. 70 об.

1423 г.⁴⁰ был жив и сотрудничал с новгородским владыкой, поэтому при реконструкции летописи Матфея, видимо, следует учитывать, что «неизвестно-откуда-взятые» материалы Н4 следуют сплошной цепью по крайней мере до 6929 (1421) г.⁴¹ Последним дополнением такого рода является известие о волнениях в Новгороде в 1421 г.: «И в Новѣгородѣ восташа бранью два конца, Неревѣский и Славенѣский...».⁴² Это народное волнение произошло между 15 июня (смерть владыки Симеона) и 1 сентября 1421 г. (избрание во владыки Феодосия Клопского), причем исследователи связывали избрание на владычный престол Феодосия с восстанием 1421 г.⁴³ Мы видели выше (Глава 2), что летописец отрицательно отнесся к действиям восставших, представлявших Неревский и Славенский концы Новгорода. После победы восстания 1421 г. и избрания на кафедру Феодосия заметна смена стиля летописания, свидетельствующая о том, что Матфей уже не принимал участия в его ведении. Теперь, однако, мы пришли к выводу, что Летопись Матфея была использована при создании Н4, и эта летопись не тождественна Н 1мл. Тот факт, что известие об этом роковом для Матфея как «владычного» летописца восстании 1421 г. является хронологически последним «неизвестно-откуда-взятым» дополнением Н4, позволяет предположить, что оно также входило в состав Летописи Кусова, но уже не «официальной владычной», а основанной на ней частной, куда книжник занес и свои семейные записи.

В этой связи обращает на себя внимание наличие среди дополнительных текстов Н4 ряда известий о волнениях и восстаниях в Новгороде. В статье 1350 г. говорится об изгнании из города посадника и бояр, представляющих Славенский конец. Особенно характерна дополнительная летописная статья 1384 г., явно направленная против представителей Славенского конца (также в 1421 г. участвовавших в восстании). Рассказ о восстании 1418 г. изложен в Н4 с дополнительными подробностями, но летописец здесь, кажется, в равной степени осуждает всех участников беспорядков.⁴⁴ Отмеченный нами во 2-й главе инте-

⁴⁰ «А ся книга дана бысть от Матѣѣ от Кусова святѣи Софѣи владыци Еуфимью» (РНБ, Софийское собр., № 387, л. 1 об. Минея праздничная, XV в., запись полууставом XV в.).

⁴¹ Дополнение 1423 г. о Феодосии Клопском мы относим к редакторской правке Евфимия II (см. выше).

⁴² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431.

⁴³ Беляев И. Рассказы из русской истории. М., 1866. Кн. 2: История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. С. 461; Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 32—35.

⁴⁴ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 251—257.

рес Матфея Кусова к чудесным знамениям (на материале Н 1мл.) отчасти проявился в одном дополнительном чтении рассказа о восстании 1418 г. После восходящего к Н 1мл. известия о знамении от иконы в церкви св. Анастасии летописец перед рассказом о восстании добавляет: «...сбыться знамение».

Что же представляла собой использованная, по нашему мнению, в Н4 Летопись Матфея Михайлова Кусова? Некоторое представление о ее характере дают дополнительные известия Н4 1369 и 1371 гг. В первом случае редактор Н4, выявив в Летописи Кусова целое неизвестное ему сообщение о походе ушкуйников на Волгу и Каму, заодно позаимствовал из предыдущего сообщения хронологическое уточнение «предъ Воздвиженьемъ». Это уточнение относилось к известию о пожаре, встречающемуся в Н 1мл. Во втором случае редактор Н4, выявив в той же Летописи Кусова новое известие о построении церкви св. Андрея, заодно позаимствовал из последующего сообщения хронологическое уточнение «августа 20». Это уточнение также относилось к известию о пожаре, встречающемуся в Н 1мл. Таким образом, «неизвестно-откуда-взятые» сообщения были заимствованы из летописи типа Н 1мл., но более полной.

Итак, предположительно установлены 2 источника дополнений Н4: редакторские вставки Евфимия II или кого-то из его книжников и Летописец Матфея Михайлова Кусова, основанный на Н 1мл. и доведенный по крайней мере до 1421 г. Не всегда возможно провести четкую границу между этими источниками. Так, например, явный интерес дополнительного источника к деятельности владыки Симеона (см. известия 1416, 1418, 1421 гг.) соотносим как с деятельностью Матфея Кусова, «владычного» летописца при этом архиепископе, так и с деятельностью Евфимия, «владычного» казначея в те же годы.

Таким образом, мы приходим к заключению: «неизвестно-откуда-взятые» известия Н4 были извлечены из архива «владычной» канцелярии или из не дошедшего до нас летописного источника и добавлены при окончательном составлении Н4.

Главный вывод, к которому приводит текстологическое исследование Н4 в ее основной редакции, доведенной до 1428 г., заключается в том, что, в отличие от Н 1мл., Н4 — это не «постоянно ведущаяся летопись», а именно свод, результат сознательной творческой работы одного или нескольких летописцев, трудившихся в первые годы владычества Евфимия II. Для создания принципиально новой основы официального «владычного» летописания были использованы обе подборки НК, Н 1мл., С1 и Летопись Матфея Кусова 1421 (?) г. В результате этой «собирательской» деятельности книжников Евфимия появилась «новгородская общерусская летопись» — Н4.

Принято считать, что деятельность Евфимия II по установлению почитания новгородских святых, канонизация архиепископов и князей Великого Новгорода, строительство храмов «на древней основе», стремление возвеличить церковное и государственное значение города и республики носила антимосковский, «сепаратистский» характер.⁴⁵ Однако обращает на себя внимание тот удивительный факт, что все свидетельства источников о деятельности Евфимия II, которые возможно интерпретировать в таком «областническом» духе, начинаются только после 1439 г. Правда, в 1434 г. Евфимий II ездил на поставление в архиепископы к митрополиту Герасиму в Смоленск. Однако мы не имеем никаких оснований рассматривать этот шаг как «западнический». Герасим, во-первых, был законным митрополитом «всех Руси». Во-вторых, и самого митрополита Герасима нельзя назвать «западником».

О будущем митрополите из текста записи на рукописи РНБ, ОСПК, F.I.476 (л. 153 об.) мы узнаем следующее: «Начинаемому си писана бысть книга си въ царствующем градѣ Константинополи въ царствѣ святого царя кирь Мануила. Прѣстол же тогда украшая святыми патриархъ кирь Иосиф въ обители Прѣчистыя Богородица и честнаго Ея Успения в монастырьѣ Панъмакаристѣ повелѣниемъ смиреннаго епископа кирь Герасима Владимирскаго Волынскыя земля, родом же москвитина, Титова сына, а Болванова внука. Его же бысть и книга си, глаголема Исаакъ Сирьанинъ, рукою раба Божия Тимофѣя почата бысть писати в лѣто 1420 месяца мая 25, кончана того же лѣта месеца июня 22». Сама сохранившаяся рукопись РНБ, ОСПК, F.I.476 была переписана, согласно записи с пространной похвалой Витовту, в 1428 г. в Смоленске «повелениемъ» того же Герасима, теперь уже епископа Смоленского, и благословением митрополита Фотия.

Митрополит Герасим был по-своему замечательной фигурой. В 1416 г. он, тогда еще епископ Владимира-Волынского, — участник неканонического поставления западнорусского митрополита Григория Цамблака,⁴⁶ вызвавшего негодование Царьграда и Москвы, а после смерти или ухода Цамблака в 1419 г. он уже на следующий год оказы-

⁴⁵ См., например: *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода XIV—XV вв. // *История русской литературы*. М.; Л., 1946. Т. 2: Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. С. 256—264; *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.; Л., 1947. С. 263—264; *Хорошев А. С.* Из истории борьбы Новгорода против Москвы (местная канонизация 30—40-х гг. XV в.) // *Вестник Московского гос. ун-та*. 1971. Сер. 9: История. № 6 (ноябрь—декабрь). С. 54—61, и др.

⁴⁶ См.: *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский*. История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. Отд. 1. С. 62.

вается, как видно из цитированной записи, в Константинополе. Вполне в духе времени он заказывает здесь переписку иноческого аскетического сочинения — Слов постнических Исаака Сирина.

В одной только записи 1428 г. он умудрился и вспомнить поездку в Царьград, и упомянуть о своих московских корнях, и сплести похвалу Витовту (включая утверждение, что тот властвует над всеми восточными славянами и даже чехами) — и все это на листах рукописи, содержащей созерцательные сочинения преподобного Исаака, одного из предшественников исихазма. В 1433 г. при поддержке нового литовского князя Свидригайло Герасим стал митрополитом «Киевским и всея Руси»,⁴⁷ причем, обосновавшись в Смоленске по причине феодальной войны на Руси,⁴⁸ вел с Римом переговоры о готовящейся церковной Унии.⁴⁹ В конце концов за переписку со своими политическими противниками Свидригайло его сначала заключил в тюрьму, а в 1435 г. в Витебске Герасим окончил свою бурную жизнь на костре.

Он участвовал во всех интригах на стороне всех политических партий своего времени. Так, например, его участие в распространении сочинений Исаака Сирина, скорее всего, — не знак определенных взглядов и убеждений, а попытка заручиться сочувствием «иноческой партии» и особенно митрополита Фотия. Во всяком случае, легитимность митрополита Герасима бесспорна, и даже «промосковски» настроенный св. Михаил Клопский не видел ничего предосудительного в поездке Евфимия II на поставление в Смоленск: согласно его Житию, он предсказал Евфимию: «Доездиши в Смоленско и поставять ты владыкою».⁵⁰

Перемены в позиции Евфимия II начинают прослеживаться только с конца 1430-х гг. В Н 1мл. под 1439 г. отмечается: «Того же лета об-

⁴⁷ Бытовавшая ранее точка зрения, что Герасим был поставлен не митрополитом всея Руси, а лишь Литовским (см., например: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 416—418; *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Киев, 1904. Ч. 1: Княжение Василия Васильевича Темного. С. 9—10 и др.), не находит подтверждения в источниках (см.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 84—85; *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. Кн. 3. Отд. 1. С. 70—71, 527).

⁴⁸ Согласно Псковской 1 летописи, в 6942 г. «Герасимъ владыка, на осень, приѣхъ из Царяграда от патриарха поставленъ митрополитомъ на Рускую землю, и приѣхъ в Смоленескъ. А на Москву не поѣхъ, зане князи руския воюются и сѣкутся о княжении великомъ на Рускои земли» (Псковские летописи / Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1 С. 41—42).

⁴⁹ *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. Кн. 3. Отд. 1. С. 71.

⁵⁰ Повести о житии Михаила Клопского. С. 96; ср. с. 105.

рѣтоно бысть тѣло архиепископа Иоана, при коемъ былѣ суздальцѣ под Новымъ-городом. Того же лѣта архиепископъ Еуфимии позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; тако- же и матери его гробъ подписа; и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября в 4».⁵¹

В Житии Иоанна Новгородского об упомянутом в Н 1мл. обретении мощей архиепископа Иоанна рассказывается подробнее: в паперти Софийского собора «камень (...) отпаде от верхние стены» и разбил надгробную плиту. Под плитой обнаружен был некий архиепископ в нетленных ризах. Приказав закрыть гробницу, Евфимий II начал молить Бога, «да проявит ему», кто есть «лежащий во гробе оном». Явившийся владыке во время молитвы св. Иоанн Новгородский повелел установить в городе 4 октября память по преставившимся князьям и архиепископам Новгородским «и всем православным христианомъ». Житие сохранило более позднюю, по сравнению с летописью, дату этого явления — 6948 (1440) г.,⁵² однако если считать, что житие датирует обретение мощей уже по сентябрьскому летосчислению, то 6948 г. соответствует (для 4 октября) 6947 г. летописного мартовского счета,⁵³ т. е. получаем тот же 1439 г.

Существует еще один текст, непосредственно связанный с установлением «памяти» новгородских архиепископов и князей, — «Видение пономаря Аарона», дошедшее до нас в составе рукописных сборников,⁵⁴ а также поздних летописей под 1438 и 1439 гг.⁵⁵ В этом «Видении» рассказывается о том, что в одну из ночей пономарь Софийского собора Аарон⁵⁶ увидел, как «преже отшедшая архиепископы» вошли в собор и молились в нем. Аарон поведал об этом архиепископу Евфимию II, и тот «быв радостен о таком явлении», и «гробъ позлати князя

⁵¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 420 (далее — НПЛ).

⁵² См.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 160—161.

⁵³ См.: *Каменцева Е. И.* Русская хронология: (Справочное пособие). М., 1960. С. 20—24.

⁵⁴ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 171—174.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 491 («Видение» здесь включено в статью 6966 (1458) г., в связи с кончиной Евфимия II, и датировано 6946 (1438) г.); *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода... С. 261.

⁵⁶ Пономарь Аарон отождествляется В. В. Филатовым с «иноком Аароном», иконописцем, написавшим в 1439 г. икону «Архангел Гавриил» «повелением» архиепископа Евфимия (*Филатов В. В.* Иконостас Софийского собора // *Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода.* М., 1968. С. 63—82).

Владимера (...) и матери его гробъ, подписа и покровъ положи, и память им управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4».⁵⁷

Для определения взаимоотношения текстов важно отметить, что заключительная часть «Видения пономаря Аарона» почти дословно совпадает с известием Н 1мл. 1439 г. об установлении в Новгороде церковного почитания князя Владимира Ярославича и его матери:

Н 1мл.

...архиепископъ Еуфимий позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа. Также и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября въ 4.

«Видение»

...архиепископъ Еуфимий и гробъ позлати князя Владимира, внука великаго князя Владимира, *крестившаго Рускую землю*, и подписа. Также и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4.

«Видение пономаря Аарона», очевидно, использует текст Н1 мл., добавляя к имени Владимира уточнения: «князя (...) крестившаго Рускую землю». Вторичность текста «Видения» по отношению к Н 1мл. позволяет признать первоначальной дату Н1 мл. — 1439 г. К 1439 г. исследователи обычно относят и канонизацию 10 новгородских епископов и архиепископов, похороненных в Софийском соборе.⁵⁸

Отметим, что указанный поворот в политике новгородского архиепископа явно сказался и на летописании: уже начиная с 1438 г. прекращаются дополнения к спискам Н4 «старшей» редакции, а через некоторое время создается новая летопись — Н5, в которой текст Н4 в значительной степени просто заменен текстом Н 1мл. (см. подробнее в Главе 5). Можно предположить, что с изменениями новгородской политики был связан и отъезд из Новгорода в Троице-Сергиев монастырь Пахомия Логофета (Серба), который датируется исследователями 1440—1443 гг. Пахомий вернулся в Новгород, но только после смерти Евфимия II, при следующем архиепископе Ионе.

Приведенный материал, свидетельствующий, как нам представляется, о повороте политики Евфимия II в 1439—1440 гг., дает и дополнительное подтверждение датировки создания «основной» редакции Н4 первым периодом правления владыки, так как после 1439 г. Евфимий, наверное, уже не стал бы организовывать сведение новгородского летописания с общерусским. Вся его деятельность периода после 1439 г.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 491. О церковном почитании князя Владимира Ярославича и его матери в Великом Новгороде см. также Главу 3.

⁵⁸ *Филарет, архиеп.* Русские святые, чтимые всею церковью или местночтимые. 2-е изд. Чернигов, 1865. Кн. 1. С. 173.

направлена на создание культа новгородской самобытности и «старинны».

4.3. ДВЕ РЕДАКЦИИ Н4

Как уже отмечалось, текст «основной» редакции Н4 оканчивается известием о заключении мира с Витовтом в 1428 г. Далее текст Н4 расходится на редакции «старшую» («первую») (далее — Н4ст.) и «младшую» («вторую») (далее — Н4мл.), причем «вторая» редакция близка Н1мл.:

Н1мл.

В лѣто 6937. Преставися владыка Еуфимии, мѣсяца ноября въ 1; на память святого Кузму и Димиана; а был владыко 5 лѣт и 5 недѣль, а чернцом былъ на сѣнх год и двѣ недѣли.

Того же мѣсяца въ 13 возведенъ бысть по жеребью священноинокъ Еуфимии с Лисищи горкѣ на сѣни в домъ святѣи Софѣи.

Того же лѣта падеся церковь святых Отецъ на княжи дворѣ.

Н4мл.

В лѣто 6937. Преставися владыка Еуфимей, мѣсяца ноября 1; на память святого Козмы и Демьяна; а былъ владыкою 5 лѣт и 5 недѣль, а черньцомъ былъ на сѣнхъ годъ и двѣ недѣли.

Того же мѣсяца въ 13 възведенъ бысть по жребию священноинокъ Еуфимии с Лисичьи горкѣ на сѣни в домъ святѣи Съфѣи.

Того же лѣта падеся церковь святыхъ Отецъ на княжи дворѣ.

Н4ст.

В лѣто 6937. Преставися архиепископъ владыка Еуфимии Новгородчкыи, ноября въ 1; былъ архиепископъ 5 лѣтъ и 5 недѣль и два дни, а церенцемъ былъ на синехъ годъ и 2 недили.

Того же мѣсяца ноября въ 13, на память святого Иоанна Златоустаго, возведенъ бысть по жеребью священноинокъ владыка Еуфимии в домъ святѣи Софѣи на сени изъ монастыря святѣи Богородици с Лисищи горкѣ.

А тогда же паде церковь камня святѣи Отци на княжи двори.

Тои зимы взяша Татарови на Крещение Кострому и Галиць.

Мы видим, что текст годовой статьи 6937 (1429) г. практически полностью совпадает в Н1мл. и в Н4мл., но заметно отличается от них в Н4ст. Наиболее существенными являются следующие различия: отсутствие указания на церковную память святых Козьмы и Дамиана в день преставления владыки Евфимия I; дополнения в рассказе о поставлении Евфимия II (указание на церковную память Иоанна Златоуста в день его поставления и более полное именование Лисицкого монастыря), а также целое отсутствующее в Н1мл. и Н4мл. известие о взя-

тии татарами Костромы и Галича. Несомненно, обе летописные версии текстологически связаны между собой, но каково их взаимоотношение? Продолжим сопоставление текстов.

Н 1мл.

В лѣто 6938. Поста-
виша церковь камену
святых Отець на княжи
дворѣ в тоя мѣсто.

Того же лѣта Новго-
родци приставили к Пор-
хову другую стѣну каме-
ну [нет Ак.].

Того же лѣта при-
гонъ былъ крестяномъ к
Новугороду город стави-
ти, а покручаль 4-и 5-го.

Н 4мл.

В лѣто 6938. Поста-
виша церковь каменну
святыхъ Отець на княжи
дворѣ в тоя мѣсто.

Того же лѣта Новго-
родци приставиша къ
Порхову другую стѣну.

Того же лѣта при-
гонъ былъ крестяномъ к
Новугороду городъ ста-
вити, а покручаль 4 по
5-го.

Н 4ст.

В лѣто 6938. Того лѣта
церковь камену на княжѣ
двори поставиша святых
Отець.

Того же лѣта престаविша
Новгородци к Порхову [нет
Нр.] другую стѣну камену.

Того лѣта пригонъ былъ
крестяномъ в Новъгородъ
города ставить, а покручаль
4-и пятого.

Тои же осени бысть в
Литвѣ, озеро Троцкое бысть
кроваво по 3 дни, люди и
скоты не могоша пити воды.

Вновь текст Н 4ст. оказывается более полным по сравнению с Н 1мл. и Н 4мл.

Н 1мл.

Тои же осени умре
князь Витовтъ Литовъ-
ский, и наседѣ на него
мѣсто на княжение
князь Свѣтригаило.

Тои же осени вода
бысть мала велми, и
земля и лѣсы горяху, и
дымъ много велми, ино-
гда друга не видѣти; и с
того дыма мряху рыбы и
птици, а рыба дымомъ
воняше и по два года.

Н 4мл.

Тои осени умре князь
Витовтъ Литовьский, и
седѣ на него мѣсто на
княжении князь Свѣтри-
гаило.

Тои же осени вода
бысть мала велми, и
земля и лѣсы горяху, и
дымъ много велми, иногда
друга не видѣти; и с того
дыма мряху рыбы и пти-
ци, а рыба дымомъ воня-
ше и по два года.

Н 4ст.

Умре князь Витовтъ Ли-
товьский; княжилъ лѣтъ 38.

Тои же осени бысть за-
суха велика, и згараша мхи и
болота, бысть дымъ великъ,
а вода мала; и с того дыма
помроша птици и рыбы, а
людие не могоша издѣти по
озерю; и милостию Божию
предста дымъ и мегла, и
бысть свѣтъ; ради быша
крестяни свѣта.

Тои же осени сѣде на
княжении в Литвѣ Свѣтри-
гаило.

Разночтения между двумя летописными версиями довольно значи-
тельны. В рассказе Н 1мл.—Н 4мл. можно заметить явные признаки

вторичности текста: летописец объединил в одно известие сообщения о смерти Витовта и о вокняжении Свидригайла, и он знает, что рыба во- няла дымом спустя 2 года после пожаров 1430 г. (значит, он писал это в 1432 г. или несколько позже). Составитель Н 4ст., напротив, представляется современником описываемых событий: о засухе он, похоже, узнал раньше, чем о вокняжении на смену Витовту Свидригайла. Такое изложение возможно при непрерывном (а не задним числом) пополнении летописных статей.

Разночтения в следующей статье 6939 (1431) г. также весьма существенны:

Н 1мл.

В лѣто 6939. Преставися на Москвѣ митрополит Фотѣи.

Того же лѣта ходиша князи русѣи въ Орду: Юрьи Дмитриевич, Василии Васильевич.

Н 4мл.

В лѣто 6939. Преставися на Москвѣ митрополит Фотѣи.

Того же лѣта ходиша князи русии в Орду: Юрьи Дмитриевич, Василеи Васильевич.

Н 4ст.

В лѣто 6939. Преставися на Москвѣ митрополитъ Фотѣи *всєя Руси, а родомъ Гречинъ, бывъ лѣтъ 21 митрофолитомъ.*

Того же лѣта поидоша князи рускии во Орду: князь Василеи Васильевич *о великое княжение с дядею своимъ Юрьемъ Дмитревичемъ, [и даша царь Махметъ — нет Гл.].*

Заратися Литовская земля.

Итак, мы видим, что с известия о смерти владыки Евфимия I (1429 г.) начинается расхождение текста в списках Н4 на две версии, причем до 6940 (1432) г. текст Н4 «второй» («младшей») редакции почти абсолютно идентичен тексту Н 1мл. Текст так называемой «первой» («старшей») редакции Н4 на этом отрезке расходится с Н 1мл. главным образом за счет изменения порядка слов и существенных дополнений («Тои зимы взяша Татарови на Крещение Кострому и Галиць» — 1429 г.; «Тои же осени бысть в Литвѣ, озеро Трочкое бысть кроваво по 3 дни, люди и скоты не могоша пити воды»; Витовт «княжил лѣтъ 38» — 1430 г.; Фотий «родомъ Гречинъ, бывъ лѣтъ 21 митрофолитомъ»; «Заратися Литовская земля» — 1431 г. и др.).

Все эти добавления однородны (они не новгородские), и их наличие напоминает тенденцию «основной» редакции Н4 (доведенной до 1428 г.), соединяющей общерусские и новгородские известия. Связь этой «основной» редакции Н4 с владыкой Евфимием II находит в Н 4ст. как бы свое продолжение в указании на церковную память Иоанна Златоуста в день его поставления и в более полном именовании

Лисицкого монастыря. Можно полагать, что летописцы-составители Н4, закончив сведение источников, продолжили свою работу уже в традиционной для Новгорода манере «непрерывно ведущейся летописи», и их текст дошел до нас в составе Н 4ст. К «основной» редакции летописцы Евфимия добавили 3 годовые статьи (1429—1431 гг.), возможно, приписав их к тексту свода-протографа.⁵⁹

Если в данном случае чтения «первой» редакции изначальны, а «вторая» редакция Н4 и текст Н 1мл., очевидно, восходят к «первой», то дальнейшее изложение событий в Н 4ст. (с 1432 г.) уже не имеет черт первичности по отношению к тексту Н 1мл.

Выше (в Главе 2) было показано, что Н 1мл. — это «непрерывно ведущаяся летопись», пополняющаяся из года в год, но само чтение в ее статье 6938 (1430) г. «рыба дымомъ воняше и по два года» свидетельствует о том, что это известие было записано по крайней мере в 1432 г. или даже немного позднее. Это же чтение находим и в Н 4мл. Как же соотносятся между собой эти версии летописного текста?

А. А. Шахматов рассматривал возможность замены окончания «второй» редакции Н4 на текст Н 1мл., но признал, что затрудняется «указать ясные следы такой редакционной работы».⁶⁰ Таким «ясным следом» работы редактора представляется, на наш взгляд, уже неоднократно обращавшая на себя внимание исследователей дублировка известий 6940 (1432) г.

В Н 1мл. читаются подряд 2 статьи 1432 г., причем этот повтор нельзя объяснить попыткой редактора, как полагал Я. С. Лурье, «совместить две версии событий».⁶¹ в Н 1мл. повторяются не только противоречившие друг другу сведения о споре князей в Орде (см. об этом споре 1432 г. в Главе 3), но и ряд других, приводить разные «версии» которых для летописца было абсолютно бессмысленным делом:

1-я статья 6940 (1432) г.

Выидоша князи руции из Орды *без великаго княжения.*

2-я статья 6940 (1432) г.

Выидоша князи руции из Орды: князь *Василии Васильевич, Юрий Дмитриевич; цесарь Махмет дал княжение великое князю Василию Васильевичю на всеи Рускои земли.*

⁵⁹ Аналогичным образом, можно полагать, делались приписки к основному тексту Синодального списка Н 1ст. (см.: Новгородская харатейная летопись / Издано под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964. С. 340—343).

⁶⁰ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 187—188.

⁶¹ Лурье Я. С. Феодальная война в Москве и летописание первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 87 (примеч. 11).

Того лѣта владыка Еуфимии *священноинокъ* постави церковь древяну святых Апостолъ на Чюдинцевѣ улицѣ.

Тои осени прииха в Новѣгород князь Юрьи Семенович из Литвы.

Того лѣта владыка Еуфимии постави церковь древяну святых Апостолъ на Чюдинцевѣ улицѣ.

Тои осени прииха в Новѣгород князь Юрьи Семенович *со своею княгинею* из Литовской земли.

Ясно, что перед нами не просто точный механический повтор известий, а 2 варианта годовой статьи с разночтениями. Мы предлагаем такое объяснение этого факта: первая годовая статья 1432 г. — это текст, написанный летописцем-исполнителем, еще не знавшим о результатах спора в Орде (см. об этом споре подробнее в Главе 3). Другой человек (назовем его «летописец-редактор») предложил свой вариант годовой статьи, внося исправления во все 3 известия: весьма существенное в первое (о результате спора в Орде) и незначительные — в другие (сократил слово «*священноинокъ*» во втором и добавил слова «*со своею княгинею*» в третьем известии). Вместо того чтобы заменить первый вариант отредактированным, «летописец-исполнитель» включил в летопись обе статьи.

Если такое понимание происхождения дублировки верно, то следует признать ее наличие не вторичным, а присущим протографу Н 1мл. текстологическим фактом. Эта дублировка сохранялась и в протографе Н 4мл. (об этом свидетельствует список А2, где она присутствует).⁶² Что же касается Н 4ст., то здесь она уже устранена, причем оставлен только второй, отредактированный вариант годовой статьи (великое княжение получает Василий Васильевич; Евфимий не назван «*священноинокомъ*»; отмечен приезд Юрия Семеновича «с *княгинею*»). Вторичность текста Н 4ст. в данном случае свидетельствует о том, что примерно с 1432 г. (или чуть позже) возобновляется непрерывное пополнение годовыми статьями Н 1мл., причем эти статьи являются, по всей видимости, первоначальными по отношению к Н 4ст. Так, например, под 1434 г. в Н 1мл. (и в Н 4мл.) читается: «Князь Юрьи Дмитриевич взя град Москву и сяде на великом княжении» (НПЛ. С. 417), а Н 4ст. опускает слова «и сяде на великом княжении». Чтение Н 1мл. = Н 4мл. представляется протографичным, написанным еще до случившейся в том же году кончины князя Юрия (напомним, что, с точки зрения другого современника — псковского летописца, Юрий Дмитриевич также «седе на великом княжении во граде Москвы во своей отчине»⁶³).

⁶² См.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 433 (примеч. 28).

⁶³ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 41.

Ежегодно заготавливаемые составителем Н 1мл. годовые статьи подвергались редактированию в Н 4ст., причем явно в кругу владыки Евфимия II, при владычной кафедре. Это доказывается следующими примерами:

1) О строительстве в 6841 (1433) г. Грановитой палаты Н 1мл. (и Н 4мл.) сообщает: «постави (...) владыка Еуфимей полату въ дворѣ у себе...».⁶⁴ Архиепископский летописец (Н 4ст.) уточняет: «...полату великую...».⁶⁵

2) В Н 1мл. (и в Н 4мл.) под 6942 (1434) г. рассказывается о приезде князя Василия Юрьевича: «Того же лѣта прииха князь Василии Юрьевич в Новѣгород при владыци Еуфимии. Тои осени выиха из Новагорода князь Василии Юрьевич и много пограби, ѣдущи по Мьстѣ и по Бежичкому верху и по Заволочью, и много зла бысть от него».⁶⁶ Первая часть этого известия написана явно тогда, когда пагубные итоги приезда Василия Юрьевича еще не были известны. Летописец владыки Евфимия пишет уже позже и сокращает неприятные для архиепископа детали: «Того лѣта приѣха в Новѣгородъ князь Василии Юрьевич и поѣха из Новагорода к Москвѣ».⁶⁷

3) Под 6942 (1434) г. составитель Н 4ст. добавляет связанные с архиепископом отсутствующие в Н 1мл. (и в Н 4мл.) сведения: «Тои осени взяша Навгородци со Пьсковичи миръ по старинѣ Тои зимы ѣздѣ владыка Еуфимии суду судить во Пьсковъ».⁶⁸

4) В известии 6943 (1435) г. в Н 1мл. говорится, что в походе на Ржеву участвовали, наряду с новгородскими посадниками и боярами, «...и новгородчовъ много, а с рушаны Федоръ Остафьевъ, Михаила Буиносовъ и порховицѣ...».⁶⁹ Интерполяция Н 4ст. весьма характерна: «...и навгородци, а с рушани Федоръ Остафьевичъ, Михаило Буносовъ, и владычнь дворъ молотцѣ, и порховичи...».⁷⁰ Вставной характер упоминания «молотцев владычного двора» подтверждается тем, что речь о них идет уже при перечислении неновгородских участников похода.

⁶⁴ НПЛ. С. 416.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 452.

⁶⁶ НПЛ. С. 417.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 452.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ НПЛ. С. 417—418. Вторичность Н 4мл. по отношению к тексту Н 1мл. доказывает искаженными вариантами слова «порховицѣ» (жители Порхова) во всех списках Н 4мл. («ирховичъ»; «арховичъ»), что вызвано пропуском «по» в протографе этой летописи («и [по]рховичъ»). См.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 434.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 453.

5) Согласно Н 1мл. (и Н 4мл.), победа 1435 г. под Ржевой была одержана «Божиею помощью».⁷¹ Летописец-составитель Н 4ст. добавляет: «...помощию Божиею, *святѣи Софѣи и благословениемъ архиепископа владыкы Еуфимиа*».⁷²

Итак, создание «старшей» («первой») редакции Н4, продолжающей текст «основной» редакции за 1429—1437 гг., несомненно связано с Евфимием II и с книжниками «дома святой Софии». Записи за 1429—1431 гг., видимо, были приписаны к тексту «основной» редакции, оканчивающейся 1428 г., и являются первоначальными по отношению к Н 1мл.—Н 4мл. В 1432 г. или вскоре после этого была возобновлена работа над «ежегодно ведущейся летописью», отразившейся в заключительной части Н 1мл. (не в Хутынском ли монастыре она велась? См. Главу 2). Годовые записи поступали в «дом святой Софии» и там редактировались для создания официальной «владычной летописи» — Н 4ст.

Эти выводы противоречат наблюдениям Я. С. Лурье о предполагаемой связи «первой» редакции Н4 с Григорием Васильевичем Заболотским, великокняжеским наместником в Новгороде. Исследователь заметил, что последние слова летописи в списке Нр. о поездке Евфимия II в Москву к митрополиту Исидору написаны, «как это делалось в конце текста, треугольником вершиной вниз, а после этого следует запись: „Господи, помози рабу Божью Григорью Васильевичу на многа лета“».⁷³

По мнению Я. С. Лурье, «личность человека, связанного с написанием летописи, может быть определена. „Григорий Васильевич“ — это, очевидно, Григорий Васильевич Заболотский, наместник Василия II, у которого новгородцы Яким Гуреев и Матвей Петров получили откупную грамоту, „коли был князь велики Василен Васильевич в Великом Новегороде“, т. е. в 1434 г.».⁷⁴ Предполагаемая связь «первой» редакции Н4 с великокняжеским наместником, наряду с окончанием текста Н 4ст. 1437 г., позволила Я. С. Лурье прямо утверждать, что она была создана в Новгороде в 1437 г. при Григории Васильевиче Заболотском.⁷⁵ Исследователь предположил, что этот составитель Н 4ст. «про-

⁷¹ НПЛ. С. 418.

⁷² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 453.

⁷³ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 75.

⁷⁴ Там же. С. 75, 117. Исследователь датирует грамоту 1434 г. вслед за изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 149 (№ 93).

⁷⁵ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 75, 76, 88, 113.

явил куда большую лояльность Василию Васильевичу»,⁷⁶ чем составители Н 1мл. и Н 4мл.

Отвергая мои возражения против датировки «Новгородско-Софийского свода» 1448 г.,⁷⁷ Я. С. Лурье посчитал, однако, анализ окончания списка Нр. достаточным, чтобы пересмотреть свою датировку свода. Исследователь отметил: «Этот именно текст дает веское основание для определения даты, ранее которой (*terminus ante quem*) был составлен Новгородско-Софийский свод. Если в конце 30-х гг. существовала первая редакция Н4, то, значит, ее протограф (...) уже существовал к этому времени. Именно наблюдения над Новороссийским списком (...) дают основания отказаться от датировки Новгородско-Софийского свода 1448 годом, предложенной Шахматовым и прежде разделявшейся автором этой книги».⁷⁸

Дело, однако, заключается в том, что датировка 1434 г. документа с упоминанием имени Григория Васильевича Заболотского издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова» ошибочна.⁷⁹ Как показал В. Л. Янин, великокняжеский наместник Григорий Васильевич Заболотский был посажен Василием Темным в Новгороде после Яжелбицкого мира 1456 г.,⁸⁰ а упоминание того, «коли был князь велики Василей Васильевич в Великом Новегороде», относится не к 1434 г., когда тот «был в Новгороде в положении непринятого беглеца»,⁸¹ а к 1460 г.

Не исключено, что «Григорий Васильевич» записи списка Нр. (который датируется 70-ми гг. XV в.), — это действительно Заболотский, но выводы Я. С. Лурье из этой догадки представляются ошибочными. Наличие в одном из списков Н 4ст. записи некоего Григория Васильевича, даже при его гипотетическом отождествлении с великокняжеским наместником конца 50-х—60-х гг. XV в. (который мог быть просто владельцем списка Нр. или его протографа), никак не способствует ни уточнению датировки «Новгородско-Софийского свода», ни определению характера и взаимоотношения двух редакций Н4.

Н 4ст., бесспорно, — это «детище» Евфимия II (как и НК2, и Н4 «основной» редакции, заканчивающейся 1428 г.). Это, правда, уже не

⁷⁶ Там же. С. 75.

⁷⁷ Бобров А. Г. Из истории летописания... С. 6—11; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 109 и далее.

⁷⁸ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 113.

⁷⁹ На это обстоятельство обратил мое внимание В. Л. Янин, которому я, пользуясь случаем, приношу благодарность.

⁸⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 182—184.

⁸¹ Там же. С. 184.

свод, а «непрерывно ведущаяся летопись», добавления к которой прекращаются летом 1437 г. (последнее известие: «Того лѣта поѣхъ на Москву архиепископъ Новгородчкий Еуфимий к митрополиту Сидору, мѣсяца июля 7, на память святаго отча нашего, Фомину недилу»⁸²). Прекращение дополнений к Н 4ст. хронологически близко примыкает к тому повороту в политике архиепископа, о котором уже шла речь.

Вопрос о причинах изменений в политике Евфимия II напрямую связан со сложными взаимоотношениями церковных и политических деятелей Москвы, Новгорода и Пскова и с их отношением к одному из центральных, ключевых событий эпохи — к Флорентийской унии 1439 г.⁸³

4.4. ЕВФИМИЙ II И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ

4.4.1. Непонятное решение митрополита Исидора (декабрь 1437 г.)

Псков, как известно, в церковном отношении был наместничеством новгородского архиепископа. Источники не сохранили упоминаний новгородских владычных наместников в Пскове до XIV в. Известны «печати архиепископа новгородского», которые по сфрагистическому типу отнесены к XIV—XV вв., а по месту находок — только к Пскову. Их считают принадлежащими новгородским владычным наместникам в Пскове.⁸⁴ Наиболее ранняя среди известных наместничьих печатей Пскова датируется началом XIV в. и имеет надпись «Плесковъшкаг намешник(а)».⁸⁵ Сфрагистические данные свидетельствуют то о большей, то о меньшей степени подчиненности наместника новгородскому владыке,⁸⁶ но постоянные попытки псковичей добиться церковной независимости от Новгорода не имели успеха вплоть до декабря 1437 г., когда, как отмечает Н 1мл., митрополит Исидор по дороге на Флорентийский собор проезжал Псков и «постави имъ анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычнь и вси пошшины»,⁸⁷ т. е. полностью

⁸² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 453.

⁸³ См. также: Бобров А. Г. Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 359—373.

⁸⁴ Янин В. Л. Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. С. 252—256.

⁸⁵ Белецкий С. В. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14—начале 15 вв. // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 82—83.

⁸⁶ Там же. С. 84—85.

⁸⁷ НПЛ. С. 419.

вывел псковскую церковную организацию из-под юрисдикции новгородского архиепископа.

Несомненно, Исидор этим ослабил позиции новгородской архиепископии, существенно урезал ее доходы. Почему митрополит решился на такую акцию накануне Флорентийского собора, когда, казалось бы, ему незачем было портить отношения с самым влиятельным и могущественным русским иерархом? Исследователи не дали пока вполне удовлетворительного аргументированного ответа на этот вопрос. Так, например, по мнению А. В. Карташева, митрополит «устроил себе (...) новый источник доходов».⁸⁸ А. А. Зимин без каких-либо доказательств предположил, что Исидор сделал это, «стремясь упрочить власть Московской митрополии, в пику Евфимию».⁸⁹ А. С. Хорошев и Я. С. Лурье, напротив, говорят о новгородской ориентации Исидора.⁹⁰ А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко показали, что решению митрополита Исидора о выводе Пскова из церковного подчинения Новгороду предшествовала специально проведенная подготовительная работа — создание Сборника посланий церковных иерархов (преимущественно митрополитов Киприана и Фотия) во Псков.⁹¹ По мнению этих исследователей, Исидор решил воспользоваться обострением взаимоотношений Пскова и Новгорода для «переподчинения псковской церкви непосредственно митрополичьей кафедре».⁹²

Объяснение загадочного решения Исидора вряд ли следует искать в московско-новгородских отношениях (ранее они неоднократно бывали значительно более напряженными) или в корыстолюбивых соображениях митрополита: перед ним стояла задача, несопоставимая по масштабам с перераспределением церковных налогов. Исидор ехал на Ферраро-Флорентийский собор, который должен был преодолеть многовековое разделение католического и православного миров. Как воспринималась идея объединительного собора и его решения на Руси, этим вопросом задавались многие исследователи (только в XX в. — А. Я. Шпаков, О. Пирлинг, А. Зиглер, М. Чернявский, А. В. Карташев, Г. Штекль, Л. В. Черепнин, Г. Алеф, О. Халецки, Дж. Джилл, А. А. Зи-

⁸⁸ *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. 351.

⁸⁹ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 87.

⁹⁰ *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 90; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века... С. 105.

⁹¹ *Плигузов А. И., Семенченко Г. В.* Новгородско-псковские отношения во второй половине 1430-х годов и формулярник митрополита Исидора // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 11.

⁹² Там же.

мин, Н. А. Казакова, И. Мейендорф, Я. С. Лурье и др.). И все же некоторые аспекты этой проблемы, в первую очередь касающиеся позиции и роли новгородского архиепископа Евфимия II в событиях 1437—1441 гг., могут быть заново пересмотрены.

4.4.2. Митрополит Исидор и архиепископ Евфимий II

Первая встреча Исидора и Евфимия состоялась в Москве летом 1437 г., вскоре после прибытия митрополита на Русь. Очевидно, эта встреча была в определенном смысле значимой для Евфимия: известием о его отъезде в Москву 7 июля 1437 г. завершается основной текст Н 4ст.⁹³ Уже 7 или 9 октября того же года⁹⁴ посольство во главе с Исидором на пути в Италию остановилось в Новгороде. Летописец епископа Павла упоминает, что суздальский епископ Авраамий, а следовательно, и остальные суздальцы — участники поездки прибыли вместе с митрополитом.⁹⁵ Как справедливо заметил Г. Штекль,⁹⁶ судя по тому, что, согласно псковским летописям, делегация прибыла в Псков только «на память святого отца Николы, в Рождественное говѣние»⁹⁷ (т. е. 6 декабря 1437 г.), в Новгороде она пробыла не «семь днии», как утверждает автор «Хождения на Флорентийский собор»,⁹⁸ а целых 7 недель.

Разумеется, главным предметом переговоров на обеих встречах (в Москве и в Новгороде) был грядущий объединительный собор. Хотя пребывание Исидора в Новгороде описывается летописцем как бесконфликтное («и почестиша его владыка и посадники, и бояръѣ, и купчи, и весь Великий Новѣград»⁹⁹), это выражение представляется в большей степени этикетным, чем действительно отражающим ход и содержание переговоров.

⁹³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 453.

⁹⁴ Дата 7 октября содержится в анонимном «Хождении на Флорентийский собор» (см.: Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 63); дата 9 октября — в Н 1мл. (НПЛ. С. 419).

⁹⁵ «Приехал[и] в Новгород митрополит Сидор, владыка Создальский» — БАН, собр. Доброхотова, № 18, л. 47 об. Об этом же свидетельствует и анонимный автор «Хождения на Флорентийский собор» (см.: Казакова Н. А. Первоначальная редакция... С. 62).

⁹⁶ Reisebericht eines unbekannten Russen (1437—1440) / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Günther Stokl // Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Busantinische Geschichtsschreiber. Graz; Wien; Köln, 1954. Bd 2. S. 175 (A. 17).

⁹⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 44.

⁹⁸ Казакова Н. А. Первоначальная редакция... С. 63.

⁹⁹ НПЛ. С. 419.

К встречам летом и осенью 1437 г. два бывших игумена, ставших выдающимися церковными деятелями и политиками, пришли с разным жизненным опытом, воспитанием и образованием. Исидор и Евфимий II были представителями двух различных направлений в культурной жизни первой половины XV в.

Исидор был человеком широкого кругозора, и его интересы не замыкались в кругу церковных проблем. Он занимался астрономией,¹⁰⁰ оставил после себя географическое сочинение о плавании из Константинополя в Сиракузы,¹⁰¹ состоял в дружеской переписке с неким итальянским гуманистом Гуарино Гуарини,¹⁰² любил читать сочинения Гомера, Софокла и Цицерона.¹⁰³ По воспитанию и убеждениям Исидор был гуманистом. Он был опытным дипломатом и ревностным сторонником идеи Унии: еще в 1433 г. по поручению византийского императора он, тогда еще игумен константинопольского монастыря св. Дмитрия, ездил на Базельский собор для переговоров о соединении церквей.¹⁰⁴

Новгородский архиепископ Евфимий II взошел на новгородскую кафедру из игуменов Лисицкого монастыря, известного традиционными крепкими связями со Святой горой, интересом к переводным мистическим и исихастским сочинениям.¹⁰⁵ Взгляды Евфимия II в первое десятилетие его правления (1429—1438 гг.) были достаточно широки, чтобы пригласить «немецких» мастеров строить архиепископскую палату (не культовое здание!) и соорудить первую в новгородских землях часовню,¹⁰⁶ чтобы впервые в широких масштабах соединить официальное традиционное узконовгородское летописание с митрополичьим общерусским (НК2 и Н4). Для Новгорода в целом тогда были характерны культурные контакты не с Константинополем, как у Москвы, а с Афоном.¹⁰⁷ «Святогорская» ориентация Евфимия II сказалась, конечно, и в том, что в 30-х гг. с Афона в Новгород приезжает Пахомий Лого-

¹⁰⁰ *Гукова С. Н.* Естественнаучные знания в палеологовский период // *Культура Византии: XIII—первая половина XV в. М., 1991. С. 367.*

¹⁰¹ *Бородин О. Р.* Развитие географии в поздней Византии // Там же. С. 385.

¹⁰² *Карташев А. В.* Очерки по истории... Т. 1. С. 353.

¹⁰³ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 85.

¹⁰⁴ *Карташев А. В.* Очерки по истории... Т. 1. С. 349.

¹⁰⁵ Подробнее см. Главу 3. См. также: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV—первая половина XV в.) // *Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98.*

¹⁰⁶ *НПЛ. С. 416, 418.*

¹⁰⁷ *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // *ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 181.*

фет, и в том, что архиепископ начинает распространять в своей епархии Иерусалимский церковный Устав Афонской редакции.¹⁰⁸

Парадоксальные встречи и переговоры 1437 г. между новгородцем — «грекофилом» Евфимием и греком — «западником» Исидором не нашли отражения в источниках, но дальнейшие события позволяют думать, что проходили они непросто, и первым знаком разногласий между ними явилось изъятие митрополитом Пскова из новгородской юрисдикции.

...Пока огромная делегация во главе с Исидором на 200 лошадях медленно двигалась в Италию, и позже, когда шли заседания Ферраро-Флорентийского собора, православный мир как бы замер в ожидании вестей. И в Византии, и на Руси многие ожидали, что «латиняне» покаются в своих догматических заблуждениях и признают правоту ортодоксии. В 1438 г. новгородские летописцы отметили только 2 события: приезд на княжение 3 марта Юрия Семеновича и новую попытку строительства церкви Николы в Вязищском монастыре, обрушившейся годом раньше. В первой половине следующего 1439 г. летопись отмечает еще несколько незначительных «строительных» мероприятий Евфимия.¹⁰⁹

28 августа 1438 г. в Перынском монастыре игумен Дионисий Шестник заканчивает переписывать ноябрьскую служебную Минею «при благовѣрнѣмъ и велицѣмъ князи Василии Василиевиче Московстѣмъ, при архиепископѣ нашемъ Исидорѣ митрополитѣ Киевстѣмъ и всея Руси, повелѣниемъ господина моего архиепископа владыки Еуфимия Великаго Новагорода».¹¹⁰ Для нас важно, что в официальных выходных данных рукописи 1438 г. упоминается митрополит Исидор. В ожидании вестей с собора он по-прежнему признается в Новгороде законным главой русской церкви.

4.4.3. Отношение Новгорода к известию о провозглашении Флорентийской Унии (осень 1439 г.—лето 1440 г.)

Известие о провозглашении (6 июня 1439 г.) и, главное, о содержании решений Флорентийского собора должно было достичь Нов-

¹⁰⁸ Бобров А. Г. Из истории летописания... С. 12—13.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 436.

¹¹⁰ РНБ, Софийское собр., № 191, л. 299. Наименование Исидора здесь одновременно архиепископом и митрополитом не должно смущать: в рукописи 1433 г. о предыдущем митрополите вообще говорится: «при архиепископѣ нашемъ Герасимѣ Киевстѣмъ и всея Русѣи» (ГИМ, собр. Черткова, № 230, 1°, л. 424).

города к началу осени, и реакция на него последовала незамедлительно. Как уже отмечалось, согласно Житию Иоанна Новгородского, 4 октября 1439 г. в паперти Софийского собора «камень (...) отпаде от верхние стены» и разбил надгробную плиту, под которой был обнаружен некий архиепископ в нетленных ризах, явившийся Евфимию II (это и был Иоанн) и повелевший установить в этот день память по преставившимся князьям и архиепископам Новгородским «и всем православным христианомь».¹¹¹ К этой же дате (4 октября 1439 г.) мы относим и «Видение пономаря Аарона» (см. выше). Аналогичным известием об установлении памяти князю Владимиру 4 октября 1439 г. завершается основная часть Комиссионного списка Н 1мл. (далее текст написан другой рукой и на бумаге с другой филигранью).¹¹² Как отметил Д. С. Лихачев, «выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе».¹¹³ После чудесных событий осени 1439 г. Евфимий II уже по собственной инициативе в 1440 г. освидетельствовал мощи Варлаама Хутынского.¹¹⁴

Начиная с 1439 г. в писцовых записях на рукописях, переписанных «повелением» Евфимия, полностью исчезают упоминания как великого князя, так и митрополита.¹¹⁵ Наконец, участник русского посольства иеромонах Симеон Суздальский, принявший сторону противников Флорентийской Унии, уже после ее подписания, во время остановки в Венеции 9 декабря 1439 г. бежит из «крепости» и весной 1440 г. прибывает в Новгород, где проводит все лето при дворе Евфимия II.¹¹⁶ Оче-

¹¹¹ О датировке чуда см.: *Бобров А. Г.* Из истории летописания... С. 14. Ср. в этой связи замечание архиепископа Филарета: «Явление небожителя (архиепископа Иоанна. — А. Б.) было плодотворно: прежде всего оно было сильным предостережением против чтилелей запада, каков был Исидор» (*Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы: 862—1863. 3-е изд., поправл. и доп. СПб., 1884. Кн. 1: 862—1720. С. 108).

¹¹² НПЛ. С. 7—8, 420. На этом рубеже основного и дополнительного текста Н 1мл. сменяется и календарный стиль: последний год основной части — 6947 (1439/1440 мартовский) г., а первый в дополнительной части — 6948 (1439/1440 сентябрьский) г. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 303.

¹¹³ *Лихачев Д. С.* Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. С. 69.

¹¹⁴ Об этом повествуется в распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского (см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 54—55).

¹¹⁵ См., например, записи на рукописных книгах 1441—1443 гг.: РНБ, Софийское собр., № 196 (1441 г.), № 1248 (1441 г.), № 200 (1441 г.); РГБ, собр. Румянцев (ф. 256), № 273 (1441 г.), № 438 (ок. 1441 г.); ГИМ, Синодальное собр., № 332 (вкладная запись 1441 г.); собр. Щукина, № 9 (1442 г.); БАН, 16.14.15 (1443 г.) и др.

¹¹⁶ Этот факт Я. С. Лурье сопоставил с тем, что первое известие о неприятии Унии появилось именно в новгородских летописях, и объяснил тем, что «латинская» опасность

видно, отношение архиепископа к готовившейся Унии Симеон мог понять еще при первых встречах в Новгороде осенью 1437 г.

Создание культа новгородской «старины» Евфимием II начинается только с осени 1439 г.,¹¹⁷ а до этого он занимал иную, «общеправославную» позицию.¹¹⁸ Впрочем, по сути дела он ей и не изменил: вовсе не «новгородский сепаратизм» и западническая ориентация, как полагают многие исследователи, а, напротив, неприятие Унии определяло его действия.

О всплеске антизападных настроений в конце 1439 г. можно судить по письму ганзейских купцов из Новгорода бургомистрам и магистрату Ревеля от 28 декабря 1439 г.¹¹⁹ В этом письме подробно описывается, как при установке новых ворот Готского двора на Михайловой улице плотник стесал мостовую на ширину ладони, так как новые косяки были толще прежних. В результате разгорелся конфликт с участием старост Михайловой улицы, новгородского тысяцкого и посадника, а также «большого числа возбужденных людей».¹²⁰ Раздавались даже угрозы повесить приказчика Готского двора. Незначительный бытовой вопрос перерос в серьезное столкновение, видимо, под влиянием антизападных настроений новгородцев буквально через несколько недель после получения известия о заключении Флорентийской Унии. В дальнейшем своем развитии этот конфликт привел к полному разрыву отношений и отъезду всех западных купцов из Новгорода, причем сам архиепископ Евфимий II, вопреки традиции, даже отказался принять на хранение ключи от немецкой церкви.¹²¹

осознавалась здесь сильнее, чем в Москве (*Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века... С. 107).

¹¹⁷ Джозл Раба обратил внимание на тот факт, что в области строительства Евфимий 1430-х гг. был новатором, обогатившим новгородскую архитектуру новыми, доселе неизвестными образцами, а Евфимий 1440-х гг. обращается к прошлому (*Raba J.* Archiepiscopal authority and Novgorodian culture in the fifteenth century // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1985. Vol. 31—32. P. 356). Отметим также, что с начала 1440-х гг. в новгородских рукописях наблюдается расцвет тератологического декора, казалось бы, уже ушедшего в прошлое и вытесненного балканским орнаментом (см.: *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. С. 65).

¹¹⁸ См.: *Бобров А. Г.* Из истории летописания... С. 11—15.

¹¹⁹ *Клейнберг И. Э., Севастьянова А. А.* Уличане на страже своей территории: (По материалам ганзейской переписки XV в.) // *Новгородский исторический сборник*. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 157—164.

¹²⁰ Там же. С. 161.

¹²¹ *Рыбина Е. А.* Ганзейская контора в Новгороде в XV в. // *Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума*. Новгород, 1986. С. 8.

4.4.4. Возвращение митрополита Исидора (осень 1440 г.)

Следующий этап развития событий наступил после возвращения митрополита. Приезд Исидора из Италии псковским летописцем был отмечен вполне благожелательно: «Того же [6949] лѣта на осень приѣха митрополитъ киевский Сидоръ, на Покровъ святѣи Богородицы, из собора от Риму, из Флорентея града, от вселеньскаго собора, и от римскаго папе Евѣнгения, и присла во Псковъ свое благословение и грамоты».¹²² Дата 1 октября 6949 г., несомненно, соответствует 1440 г., так как здесь применено сентябрьское летосчисление (в предыдущей годовой статье последняя точная дата — 29 августа, а первая в анализируемой — 5 сентября).¹²³

Хотя псковский летописец не говорит прямо, куда именно прибыл Исидор, известно, что в августе 1440 г. он был уже в Вильно.¹²⁴ Действительно, в дальнейшем Псковская первая летопись утверждает, что Исидор весной следующего 1441 г., «в вербную неделю», прибывает в Москву из Литвы,¹²⁵ а Псковские вторая и третья летописи прямо уточняют, что «на Покров» 1440 г. он прибыл в именно в Литву,¹²⁶ откуда, очевидно, и осуществлял руководство своей митрополией: «...позва своего намѣстника Галасѣя псковьскаго архимарита; онъ же поѣха изо Пскова на Николинъ день на осеннии; и по томъ присла митрополит инога архимарита во Псковъ Григория по Петрове дни зимнем».¹²⁷

Новгородский летописец, правда, считает, что Исидор «той же зимѣ приѣха (...) съ осмого сбора на Русь из Рима»,¹²⁸ но следует отметить, что представления новгородских летописцев о «Руси» весьма неоднозначны: иногда для них что не Новгород — то и Русь (ср.: «бысть пожаръ в Руси: погорѣ город Москва, Вологда, Витебско»¹²⁹).

Возможно, подобно своему предшественнику Герасиму, Исидор обосновался в Смоленске. Для такого предположения у нас есть достаточно веские основания. Согласно первоначальной авторской редакции сочинения Симеона Суздальского о Флорентийском соборе, сторонник

¹²² Псковские летописи... Вып. 1. С. 45.

¹²³ Н. Г. Бережков предполагает, что «1 октября датировано здесь прибытие Исидора в тот город великого княжества, из которого митрополит прислал грамоты во Псков» (*Бережков Н. Г. Хронология русского летописания...* С. 346).

¹²⁴ *Карташев А. В. Очерки по истории...* Т. 1. С. 354.

¹²⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 45.

¹²⁶ Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 46, 134.

¹²⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 45.

¹²⁸ НПЛ. С. 421.

¹²⁹ Там же. С. 346.

митрополита Исидора князь Юрий Семенович (Лугвениевич) обманом вызвал иеромонаха из Новгорода в Смоленск, где противник Унии просидел всю зиму 1440/1441 г. «въ двоих железѣх». ¹³⁰ Симеон так описывает события, случившиеся после его возвращения в Новгород: «В то же время прииде князь Юрьи Семеновичъ Лугвениевич, и сѣде въ Смоленску въ своей вотчинѣ. И тому митрополиту пришедшу Исидору со збора. И присла по мене князь Юрьи к Новугороду, и мнѣ пошедшу къ Смоленску, надѣющися, яко христианинъ есть. (...) И руку свою дасть ми на томъ, „яко ничтоже ти будетъ, токмо честь тебе будетъ от мене и от всѣхъ христианъ“. И мнѣ у него пребывшю немного дни, и ту быша грекове митрополичи черньци, и выдасть мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сѣдѣвшу въ двоихъ железѣхъ в велицѣхъ нужи въ единой свитцѣ и на босу ногу». ¹³¹ Далее в своем сочинении Симеон вновь возвращается к описанию приезда митрополита Исидора с Флорентийского собора и замечает: «...много злата папа дал ему, и тою областию папешскою преиде вси земли, и Литовскую землю, доиде и до Киева, и до Смоленска. А в то лѣто въ Смоленску на княжение князь Юрьи Лугвениевич». ¹³²

Хотя суздальский иеромонах не говорит напрямую, что Исидор обосновался именно в Смоленске, это следует из общего смысла его рассказа: князь Юрий «сede» в Смоленске, и Исидор вернулся с собора (почти подразумевается — туда же); в Смоленске находится аппарат (двор) митрополита — его чернецы, причем не проездом, так как всю зиму Симеон находится у них в заточении и позже отсюда они повезут его в Москву; наконец, Смоленск назван как конечный пункт маршрута Исидора с собора. Следует также отметить, что в поздней польско-белорусской «Летописи Панцырного и Аверки» находится указание, хотя и довольно туманное, на пребывание Исидора в Смоленске после возвращения с Флорентийского собора. ¹³³

¹³⁰ *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложение. С. 98.

¹³¹ Там же. Приложение. С. 97—98.

¹³² Там же. Приложение. С. 98.

¹³³ В разделе летописи, переписанной Михаилом Панцырным из Витебска (не позже 1768 г.) содержится следующее известие: «Roku 1439. Izydor, metropolit kiiowski, iedził na sobor do Florencyi, tam go wczynił ociec swienty kardynałem, lecz za przybyciem do Kiiowa powrociwszy z Florencyi tego kniaz moskowski nieulubiwszy, kazał osadzić go w Smolensku w wienzieniu, zkond do Polski salwował sie y uciekł» (ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 194). Перевод на русский язык: «В лето 1439. Киевский митрополит Исидор ездил на собор во Флоренцию. Там святой отец сделал его кардиналом. Но когда возвратился он из Флоренции и прибыл в Киев, тогда Московский князь, негодуя на него, велел послать его в Смоленск, в заточение, откуда он спасся бегством в Польшу» (*Сапунов А.* Витебская

В том, что Смоленск тогда мог быть избран резиденцией митрополита, есть определенная логика компромисса между Вильно и Москвой. Как уже упоминалось, смоленский епископ Герасим, избранный в 1433 г. митрополитом «Киевстѣмъ и всеа Русѣи»,¹³⁴ по свидетельству псковской летописи, «на Москву не поѣха, зане князи руския воюются и стѣкутся о княжении великомъ»,¹³⁵ а стал жить в Смоленске. После его гибели в 1435 г. митрополичий двор, очевидно, находился здесь в ожидании нового иерарха.

Если наши рассуждения верны, то становится ясной причина расхождения информации псковского и новгородского летописцев о том, куда приехал Исидор — в Литву или на Русь, так как Смоленск, в зависимости от точки зрения, мог быть назван в это время и литовским, и русским городом.¹³⁶

4.4.5. Сторонники Исидора (зима 1440/1441 г.)

Обосновавшись, вероятно всего, в Смоленске, Исидор вел тонкую политику и добился заметных успехов. П. Пирлинг так описывает его тактику: «Митрополит, видимо, заранее решил подолгу останавливаться в славянских землях, чтобы всюду вербовать сторонников Унии и сломить сопротивление ее врагов. Можно сказать, что, пропагандируя идею Унии, Исидор хотел прилететь в Москву как на крыльях. Переходя от успеха к успеху, он мечтал этим подготовить свою окончательную победу в Кремле».¹³⁷

Поддержкой Пскова митрополит заручился при помощи предоставления церковной независимости от Новгорода еще по пути в Италию. Вернувшись с собора, он отозвал архимандрита Геласия и прислал дру-

старина. Витебск, 1883. Т. 1. С. 457). По мнению С. Г. Жемайтиса, высказанному в личной беседе, фраза «*każał osadzić go w Smolensku w wienzieniu*» может быть переведена и по-другому: «велел осадить его в Смоленске в окружение». В обоих случаях известие не может быть признано исторически достоверным, однако указание на пребывание Исидора в Смоленске может восходить к местной устной традиции.

¹³⁴ ГИМ, собр. Черткова, № 230, 1°, л. 424.

¹³⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 42.

¹³⁶ Ср. упомянутое выше причисление летописцем-новгородцем Витебска к русским городам. Москва же в XV в. неоднократно заявляла права на свою «вотчину» — Смоленск (см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 301).

¹³⁷ *Пирлинг П.* Россия и папский престол. Кн. 1: Русские и Флорентийский собор. М., 1912. С. 95.

гого — Григория,¹³⁸ значит, Псков продолжал признавать законность власти Исидора.¹³⁹ По возвращении с собора он получил союзников в лице православных западнорусских князей — Юрия Семеновича в Смоленске и Александра Владимировича в Киеве; последний даже дал ему грамоту, в которой подтверждались все права митрополита.¹⁴⁰

Особо следует сказать об отношении к Унии двух русских великих княжеств — Твери и Москвы. Я. С. Лурье уже отмечал, что в «Слове похвальном» великому князю Тверскому Борису Александровичу, написанном иноком Фомой, «нет никакого осуждения Унии».¹⁴¹ К этому следует добавить тот факт, что в первой, видимо, наиболее ранней части «Слова похвального» греческие иерархи, подписавшие Унию, восхваляют тверского князя, но среди них нет похвалы того, кто единственный не подписал ее — Марка Эфесского.¹⁴² Если это не следствие дефектности списка, то перед нами уже не «отсутствие осуждения», а ясно выраженная позиция. Кроме того, существует московско-тверской мирный договор, заключенный «по благословению отца нашего Исидора, митрополита Киевского и всея Руси».¹⁴³ Я. С. Лурье считает на основании этого документа, что «после возвращения Исидора митрополит рассматривался в Москве не как отступник», а как законный глава русской церкви.¹⁴⁴ Датировка договора, однако, не может считаться

¹³⁸ В 1995 г. во Пскове был обнаружен фрагмент печати, поступившей через антикварный рынок в одну из частных коллекций С.-Петербурга, с надписью на реверсе: «[Гри]гория [наме]стник[а ми]тропо[лита]» (см. подробнее: *Белецкий С. В.* Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30—40-е годы XV в. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20—24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 50—52).

¹³⁹ В послании Филиппа Петрова новгородскому архиепископу Геннадию говорится о существовавшей в то время грамоте митрополита Исидора во Псков, подписанной следующим образом: «Благословение Исидора митрополита Киевского и всея Руси, легатоса и от ребра апостольскаго сѣдалища лятскаго и литовскаго, и немецкаго, въ Псков о Святѣм Дусѣ» (РНБ, ОСПК, Q.XVII.50, л. 94. Сборник XVI в.). Об этом послании см.: *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1969. С. 356.

¹⁴⁰ *Карташев А. В.* Очерки по истории... Т. 1. С. 355.

¹⁴¹ *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века... С. 106.

¹⁴² Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 274—278. В единственном списке «Слова», правда, как раз в этой части вырван лист. Это позволило Н. В. Поньрко и Я. С. Лурье предположить, что на нем могли быть записаны недостающие речи митрополитов Марка Эфесского, Исидора Русского и Досифея Монемавсийского (Там же. С. 610).

¹⁴³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 105 (№ 37).

¹⁴⁴ *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века... С. 107.

окончательно установленной,¹⁴⁵ возможно даже, что он остался только проектом,¹⁴⁶ подготовленным еще в 1437 г., но сам факт существования этого текста, благословленного Исидором, показателен.

Единственный довод, который может трактоваться как свидетельство негативного отношения Твери к Унии, — это утверждение Симеона Суздальского, что тверской посол на соборе Фома якобы бежал вместе с ним от Исидора во время остановки на обратном пути в Венеции. Однако еще А. Я. Шпаков заметил, что охранный лист, выданный папой послу Фоме, служит доказательством его независимости от митрополита.¹⁴⁷ Фома не был членом делегации Исидора и мог самостоятельно выбирать свой маршрут на Русь. Забегая вперед, заметим, что бегство Исидора из Москвы именно в Тверь осенью 1441 г. показывает, что даже после разрыва с Кремлем митрополит ожидал встретить здесь союзников. В Твери Исидор пробыл почти полгода (до 12 марта 1442 г.). Как справедливо указал Э. Клюг, «тверичам явно потребовалось время, чтобы определить свою позицию по отношению к Исидору».¹⁴⁸ Что же касается более раннего момента, зимы 1440/1441 г., то поддержка Унии Тверью представляется бесспорной.

Наконец, Москва. Согласно «Повести» Симеона Суздальского, Исидор еще в Италии говорил римскому папе, «яко вси в твои руце,

¹⁴⁵ Л. В. Черепнин находил указание на связь с событиями 1438—1439 гг. (походом Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного против Улу-Махмета к Белеву и нашествием Улу-Махмета на Москву) в следующих словах окончания: «А что ся есѣ воевали со царемъ, а положить на вас царь вину в том, и мнѣ вам, брате, не дати ничего в то, и мои братии молодшии, и мои братаничи, ни нашим дѣтем, ни внучатом, а вѣдаться в том вамъ самимъ» — Духовные и договорные грамоты... С. 106 (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 124). Этот текст, однако, вряд ли может быть использован для датировки договора, так как схожий с ним встречается в московско-тверском договоре, заключенном около 1396 г.: «А что есмя воевал со царемъ, а положит на нас в том царь вину, и тобѣ, брате, в том намъ не дати ничего, ни твоим дѣтем, ни твоим внучатом, а в том намъ самимъ вѣдаться» — Духовные и договорные грамоты... С. 41. Вероятнее всего, благословленный Исидором договор Москвы и Твери следует датировать 1437 г., когда митрополит находился еще на Руси, а не 1440—1441 гг., как я полагал ранее (см.: Бобров А. Г. Церковные отношения Пскова с Новгородом и Флорентийская уния // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20—24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 55). Датировать его временем после возвращения Исидора на Русь затруднительно, ибо в нем упомянут как здравствующий «Жигимонт» (Сигизмунд), убитый 19 марта 1440 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 303), когда Исидор был еще в Венгрии или Польше (на это обстоятельство обратила мое внимание О. А. Абеленцева).

¹⁴⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 125.

¹⁴⁷ Шпаков А. Я. Государство и церковь... Ч. 1. С. 92.

¹⁴⁸ Клюг Э. Княжество Тверское: (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 329.

все князи и епископи: ни един со мною не может глаголати; а сам князь великий млад есть и в моеи воли есть».¹⁴⁹ Вряд ли это было лишь пустое бахвальство, и московско-тверской договор тому подтверждение.

Один из пунктов этого договора касался отношений с Новгородом: «А с Новымъ ти городомъ жити по старинѣ...».¹⁵⁰ Очевидно, с точки зрения Москвы «старина» была нарушена. Зимой 1440/1441 г. без всяких видимых причин Василий II «възверже нелюбие на Новѣгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волости новгородчых много».¹⁵¹ Псковичи выступают заодно с москвичами, и псковский летописец сразу за известиями о приезде Исидора и сношениях с ним помещает подробный отчет о военных действиях. В соответствии с благословленным Исидором московско-тверским договором, тверские войска также приняли участие в военных действиях против Новгородской республики зимой 1440/1441 г.: «...а съ нимъ (Василием Васильевичем. — А. Б.) была сила Тверскаа, а воевода былъ Александръ Романовичъ да Карпъ Федоровичъ».¹⁵²

Насколько летописцы дружно молчат о причинах этой московско-псковско-тверской агрессии против Новгородской республики, настолько теряются в догадках исследователи, предполагавшие, что либо Василий II просто «искал (...) добавочных доходов»,¹⁵³ либо совершал «карательный поход» за заключение новгородско-литовского мирного договора,¹⁵⁴ — но такой же договор с Литвой в разгар боевых действий 30 декабря 1440 г. заключили союзники Василия II — псковичи.¹⁵⁵ Разгадку, очевидно, надо искать в самом Великом Новгороде.

4.4.6. Новгород против Унии (1440—1441 гг.)

В отличие от своего псковского коллеги, новгородский летописец сразу говорит о возвращении Исидора с явным осуждением: «Тои же зимѣ приѣха митрополить Исидоръ съ осмого сбора на Русь из Рима, и нача зватися легатосомъ от ребра апостольскаго, съдалища римь-

¹⁴⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 182.

¹⁵⁰ Духовные и договорные грамоты... С. 107.

¹⁵¹ НПЛ. С. 421.

¹⁵² ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. (Летописный сборник, именуемый Тверской летописью). Стб. 491 (перизд.: М., 1965).

¹⁵³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 247.

¹⁵⁴ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 90.

¹⁵⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 321—322 (№ 335).

ския власти, и митрополитомъ римскимъ, и нача поминати папу римскаго въ службѣ, и иныя вещи новыя, их же николиже слышахомъ от крещения Руския земля; а повелѣ в лячких божницах рускимъ попом свою службу служить, а в русских церквахъ капланомъ, Литва же и Русь за то не изымашеся».¹⁵⁶ Существенно, что эта оценка дана новгородским летописцем ранее (в предшествующей годовой статье) рассказ о приезде митрополита Исидора в Москву.

Отношение новгородского архиепископа к сложившейся в 1440—1441 гг. политической и конфессиональной ситуации проявилось, на наш взгляд, в его строительной и иконописной программе. В конце летописной статьи 6948 г. (это соответствует для данного случая примерно осени 1440 г.¹⁵⁷) содержится, на первый взгляд, ничем не примечательное известие: «Постави владыка церковь камену святую Анастасию».¹⁵⁸ Строительство этой церкви, однако, представляется делом далеко не случайным. Э. С. Смирнова в статье об иконах с изображением Богоматери «Знамение» (помогшей новгородцам одержать победу над суздальцами в XII в. при архиепископе Иоанне) отметила повторяемость на них определенных избранных святых, и среди них — великомученицы Анастасии.¹⁵⁹ Уже на самой ранней иконе этого типа (со святыми и «Знамением»), которую исследовательница датирует 30-ми гг.—серединой XV в., изображены Илья, Никола и Анастасия.¹⁶⁰ Присутствует ее изображение и на многих других иконах этого типа XV—XVI вв. В чем же причины такой распространенности почитания Анастасии в Новгороде начиная с эпохи Евфимия II?

Размышляя о значении отдельных персонажей и составе фигур в каждой иконе со святыми и «Знамением», Э. С. Смирнова говорит об Анастасии, что она — «святая-целительница; во время эпидемии чумы в 1417 г. новгородцы общими усилиями построили за один день деревянную церковь Анастасии».¹⁶¹ В средневековом Новгороде известна только одна церковь Анастасии, значит, осенью 1440 г. каменная цер-

¹⁵⁶ НПЛ. С. 421.

¹⁵⁷ Предыдущее известие этой годовой статьи (о бегстве Юрия Семеновича из Литвы в Москву), как показал Н. Г. Бережков, уже выходит за пределы сентябрьского 6948 г., т. е. относится к осени 1440 г. (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 304).

¹⁵⁸ НПЛ. С. 421.

¹⁵⁹ *Смирнова Э. С.* О местной традиции в новгородской живописи XV в.: Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение» // *Средневековое искусство: Русь. Грузия.* М., 1978. С. 193—211.

¹⁶⁰ Там же. С. 194—196.

¹⁶¹ Там же. С. 211.

ковь была сооружена на месте деревянной 1417 г. О первоначальной деревянной церкви в Н 1мл. говорится, что она была поставлена «в память ея»,¹⁶² т. е. в день ее церковного почитания. Известно 3 отдельно почитаемые святые Анастасии: две мученицы — так называемые Анастасия Старшая (память 29 октября) и Младшая (память 22 декабря), а также преподобная Анастасия (память 10 марта). «Святая-целительница», которую имеет в виду Э. С. Смирнова, — это великомученица Анастасия Младшая, или Узорешительница.¹⁶³ Обращение к тексту Н4 позволяет уточнить, что церковь 1417 г. была посвящена «мученици Анастасии в память ея мѣсяца октября 29»,¹⁶⁴ т. е. речь идет скорее об Анастасии Старшей. Хотя в XV—XVI вв. постоянно наблюдается смешение двух Анастасий-мучениц¹⁶⁵ (так, например, в Великих Минеях четых оба их жития помещены под 29 октября¹⁶⁶), обращение к текстам житий позволяет думать, что в Новгороде эпохи Евфимия II особо почиталась именно Анастасия Старшая.

Ее житие известно по древнейшему датированному списку октябрьской Четъей минеи 1490 г.¹⁶⁷ В нем рассказывается следующее: «Въ времена Диоклитияна царя (...) бѣ гонение велико христьяномъ в Римѣ». ¹⁶⁸ Старейшине Прову доносят, что «есть монастырь, иже прямо граду, христяныхъ жень, еже наричаються преподобныя Софія»,¹⁶⁹ и в нем живет Анастасия, возвещающая повсюду учение Христа. Посланные в монастырь воины, «влѣзше, рѣша къ игумении, еи же имя Софія: „Еи, старице, даждь ны отроковицю, юже имаши zde, нарицаемую Анастасию”». ¹⁷⁰ Игумения Софія просит дать ей немного времени и напутственно поучает Анастасию: «„прельстятъ ты словесы многими, и имѣнии, (...) но стани крѣпко, якоже поистинѣ Христова невѣста”. И инѣми мнозѣми утверди ю словесы учителница ея Софія». ¹⁷¹ Когда святую привели в Рим, «старишина рече: „Почто ся наричаеши Ана-

¹⁶² НПЛ. С. 408.

¹⁶³ Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1: А—К. С. 72.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 418.

¹⁶⁵ Э. С. Смирнова отмечала запутанность и взаимозависимость культов Анастасий-мучениц (см.: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 240—241).

¹⁶⁶ Великие Миней четъи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 19—31. СПб., 1880. Стб. 1987—1996.

¹⁶⁷ РНБ, Софийское собр., № 1385, л. 432 об.—437 об.

¹⁶⁸ Там же, л. 432 об.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же, л. 433 об.

¹⁷¹ Там же.

стасиа?» — „Яко въстави ми Господь и Богъ мои труждатися пред тобою, да негле побѣжду отца твоего сотону”». ¹⁷² Старейшина уговаривает Анастасию отречься от веры: «Дам ти имѣние и ризы многы, и бисеръ, и челядь многу...». ¹⁷³ Она отказывается, и после ужасных мучений Анастасию выводят за город, казнят и бросают там ее тело. «Великой Софии, учителнице ея», ¹⁷⁴ как именует агиограф игумену, явился ангел и сказал следующее: «Въстани и возми тѣло чада своего Анастасия, процвѣте бо труд учения твоего (...) имаши ю молящуюся за тя и за вся печалныя». ¹⁷⁵

Некоторые параллели между сюжетом Жития и сложившейся в эпоху Флорентийской Унии ситуацией (гонение на христиан в Риме, попытки материальными благами склонить к отказу от веры) относятся к настолько распространенным топосам, что не могут пролить свет на расцвет почитания Анастасии в евфимиевском Новгороде. Существенной в этом житии, однако, представляется роль «великой» Софии, чей «труд учения процвете», благословляющей Анастасию принять венец мученичества. Не только игумену в житии зовут Софией, но и сам монастырь посвящен св. Софии (в другом списке: «рекомыи Софинь» ¹⁷⁶). Известно, что София для Новгорода — это не только кафедральный собор, но также символ и небесный хранитель республики и ее церковной организации. Сочетание имен Софии и Анастасии, столь важное именно для Жития Анастасии Старшей, зримо воплощается в строительстве церкви, посвященной мученице Анастасии, не просто в Детинце, но вплотную к Софийскому собору, непосредственно у его южного фасада. ¹⁷⁷ Осенью 1440 г., когда коалиция всех соседних русских княжеств собиралась начать войну против Новгорода, такое строительство должно было означать готовность новгородцев по благословению Софии принять мученический венец за веру, отказавшись от возможных приобретений земных благ, по примеру Анастасии, чье имя толкуется в Житии как «восстание» («Яко въстави ми Господь и Богъ мои труждатися пред тобою, да негле побѣжду отца твоего сотону» ¹⁷⁸). Понятным становится и тот ряд ассоциаций, который вызывал древнейший тип иконы Богородицы «Знамение» с избранными святыми

¹⁷² Там же, л. 434.

¹⁷³ Там же, л. 434 об.

¹⁷⁴ Там же, л. 437.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Великие Минеи четьи... Октябрь. Дни 19—31. Стб. 1987.

¹⁷⁷ Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского Кремля. Л., 1991. С. 15.

¹⁷⁸ РНБ, Софийское собр., № 1385, л. 434.

Ильей, Николой и Анастасией: старинная победа над великим княжеством («Знамение») при архиепископе Иоанне (*Илья*) вспоминается сейчас, при Евфимии (монастырь, где он принял постриг, вел строительство и впоследствии погребен — *Вяжищский св. Николы*), когда новгородцы готовы во имя учения Софии принять даже мученичество (*Анастасия*).

С 1441 г. начинается ряд летописных известий о воссоздании Евфимием церковей XI—XII вв. «на старой основе». Первая из таких «воссозданных» церковей посвящена святым Борису и Глебу: «Того же лѣта постави архиепископъ Еуфимей церковь святыи Борисъ и Глѣбъ, на старой основѣ, во Околоткѣ; и быша ему пособьници новгородци».¹⁷⁹ Эта церковь, по размерам равная Софийскому собору, построенная в XII в. знаменитым Сотко Сытиничем и находившаяся на территории новгородского Детинца, ранее неоднократно перестраивалась, а в последний раз перед восстановлением сгорела в 1405 г.¹⁸⁰ Как показал В. Л. Янин, в XIV—XV вв. борисоглебский культ в Новгороде тесно связан с идеей небесного заступничества в военных столкновениях.¹⁸¹ Отметим, что во всех отмеченных исследователем случаях, когда Борис и Глеб помогают одерживать военные победы, противниками являются шведы или немцы, что придает новгородскому борисоглебскому культу «антизападный» или, точнее, «антикатолический» оттенок.

Таким образом, воссоздание церкви Бориса и Глеба в контексте событий 1441 г. и общего отношения Евфимия II к Флорентийской Унии может быть соотнесено с обращением к небесным заступникам православной республики, а фраза летописца «и быша ему пособьници новгородци», видимо, свидетельствует о поддержке не только самого строительства, но и позиции архиепископа горожанами.

Частью широкой культурной программы Евфимия II было и создание знаменитой иконы «Битва новгородцев с суздальцами».¹⁸² Лежащий в ее основе сюжет на протяжении XIV—первой половины XV в. неод-

¹⁷⁹ НПЛ. С. 421.

¹⁸⁰ Там же. С. 398.

¹⁸¹ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце: (О новгородском источнике «Жития» Александра Невского) // Культура средневековой Руси: Посв. 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 91.

¹⁸² Икона известна в целом ряде списков, из которых 2 древнейших (из Третьяковской галереи и из Новгородского музея) датируются по стилистическим признакам приблизительно серединой—второй половиной XV в. Современные исследователи предполагают, что сюжет возник при архиепископе Евфимии II, после 1439 г., когда было установлено церковное почитание архиепископа Иоанна (см.: *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода... С. 83—86, 100—101, 150—154, 217—220, 229—230).

нократно вновь и вновь становился актуальным (например, в 1340, 1393, 1398, 1401, 1417 гг.), что порождало новые версии и переработки исходного повествования. Не мог он не вызвать исторических сопоставлений и в 1441 г. Опять, как и в XII в., на Новгород двинулась «вся земля Русская»; вновь столкновения происходили как вблизи города, так и на Двине. При всей повторяемости исторических событий на иконе есть 2 мотива, которые находят объяснение лишь в контексте войны 1440—1441 гг. Во-первых, в центре среднего регистра иконы изображены переговоры (2 группы всадников и надписи: «послове»; «суздальцы»¹⁸³), о которых, как установил Л. А. Дмитриев, письменные источники до середины XV в. ничего не упоминают. Только в Новгородской пятой летописи, созданной около 1447 г., появляется фраза: «...и слы съезжахуся по три дни и не умиришася».¹⁸⁴ Вероятно, этот мотив послов и переговоров проникает в летопись из иконы, а в нее в свою очередь — из реальных событий 1441 г., в которых переговоры, как мы увидим, сыграли ключевую роль.

На иконе «Битва новгородцев с суздальцами» есть еще один мотив, вообще неизвестный письменным источникам (в том числе и поздним): только здесь мы видим Бориса и Глеба, помогающих осажденному городу.¹⁸⁵ Характерно, что святые князья выступают здесь против своих «сродников» — Рюриковичей. Упомянувшийся «антикатолический» характер новгородского борисоглебского культа и восстановление церкви Бориса и Глеба именно в 1441 г. позволяют связать появление этого мотива также с войной Новгорода против благословленной Исидором коалиции русских княжеств.

Итак, в вопросе об Унии Евфимий II занял ту же позицию, что и его духовные учителя и сподвижники — афонские монахи, наотрез отказавшиеся признать решения Флорентийского собора. Известно, что

¹⁸³ Как заметила В. К. Лаурина, в композиционном и геометрическом центре иконы «Битва новгородцев с суздальцами» из Новгородского музея дана рука одного из суздальцев (послов) с указующим перстом (Лаурина В. К. О новгородской иконописи XV в. // Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода... С. 151). Несомненно, этот требовательный жест принадлежит великому князю, возглавлявшему, согласно данной иконописной версии, переговоры в XII в., и является смысловым стержнем всего изображения. Невозможно, однако, согласиться с мнением В. К. Лауриной, что «осторожный иконописец», изобразив этот жест в центре композиции, «уважительно изображает» противника Новгорода, «отдавая тем самым дань и могущественной Москве» (Там же). «Московская» аллюзия здесь очевидна, но именно *противостояние* Новгорода повелительному жесту великого князя определяет композицию иконы.

¹⁸⁴ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера... С. 145.

¹⁸⁵ Там же. С. 144—145.

святогорские иноки отправили на Русь послание, в котором выступали против решений объединительного собора,¹⁸⁶ и новгородский архиепископ, вероятно, был знаком с ним. Поддержка далеких афонских монахов, однако, мало что значила с военной точки зрения. Вопреки традиционной точке зрения о неуспехе дела Унии на Руси,¹⁸⁷ Исидор был близок к полной победе, а положение Новгорода было критическим.

4.4.7. «Странный» мир (конец зимы 1441 г.)

Тем временем военные действия продолжались. После того, как псковские отряды повоевали на порубежных землях и дошли до Порхова, как Василий II в Деревской пятине подступил к Демону, а новгородские воеводы «с заволочаны» в свою очередь повоевали великокняжеские земли, возле города Демона состоялась встреча «на высшем уровне» между великим князем и новгородским архиепископом, и был заключен не менее «странный» мир, чем сама война.

Новгородский летописец пишет только следующее: «...докончаша с ним (Василием II. — А. Б.) миръ по старинѣ, и даша ему 8000 рублевъ».¹⁸⁸ Пскович хотя и более подробно излагает ход переговоров, но ясности добавляет немного: «...Еуфимии и с посадники новгородскими биша челомъ много князю великому, и князь великий Василии Василиевич челобитие новгородское приять, владычня ради благословения и богомоления; и миръ докончаша князь великий с новгородцы, како за себе, тако и за пскович; и даша новгородцы князю великому Василию Василиевичю осмь тысящъ рублевъ за свою вину».¹⁸⁹ В этом известии псковской летописи следует обратить внимание на то, что при заключении мира для Василия Васильевича существенным было «благословение и богомоление» новгородского владыки Евфимия II — не содержится ли здесь указание на конфессиональную природу конфликта?

Особенно же удивляет тот факт, что, не сдав ни одного города и не проиграв ни одного сражения, новгородцы заплатили «окупт» за неведомую «вину», равный выплаченному в 1386 г., когда был осажден Новгород и сожжены все пригородные монастыри, и лишь на 2 тысячи меньший, чем в 1456 г., когда они были полностью разгромлены, потеряли Старую Руссу и

¹⁸⁶ Карташев А. В. Очерки по истории... Т. 1. С. 355—356.

¹⁸⁷ См., например: Макарий, архим. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 5, кн. 2. С. 363—367; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л., 1959. С. 233—236 и др.

¹⁸⁸ НПЛ. С. 421.

¹⁸⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 45.

другие города.¹⁹⁰ Несомненно, впечатляет сумма в 8000 р., если вспомнить, что, когда Исидор приехал во Псков в 1437 г. и вывел его из церковного подчинения Новгороду, ему дали 20 р. при приезде и 100 р. на дорогу.¹⁹¹

Демонский мир был заключен, как можно судить по косвенным свидетельствам источников, в конце зимы 1441 г.,¹⁹² а в начале весны (19 марта) того же года, видимо, ничего не подозревавший Исидор (5 февраля 1441 г. он был еще в Киеве¹⁹³) наконец прибыл в Москву. Судьба Флорентийской Унии на Руси, однако, уже была решена в заключенном возле Демона соглашении, и Василий II «внезапно», поразив всех окружающих, обнаружил, что митрополит во время литургии первым поминает папу, а не патриарха...

Дальнейшие события хорошо известны: Василий Васильевич повелел заточить Исидора в Чудов монастырь, все лето 1441 г. его пытались уговорить отказаться от Унии, но безуспешно, и наконец 15 сентября 1441 г. митрополит при явном попустительстве властей бежал в Тверь, затем в Литву, а оттуда в Рим. Впоследствии он был участником обороны Константинополя в 1453 г., а последние годы жизни провел в Италии, где в 1458 г. получил номинальный сан патриарха Константинопольского.¹⁹⁴

Война Москвы, Пскова и Твери против Новгорода зимой 1440/1441 г. свидетельствует о поддержке митрополита Исидора инициаторами этих военных действий не на словах, а на деле. Оставшись в одиночестве, архиепископ Евфимий II стал демонстративно создавать культ новгородских святых и новгородской старины (демонстрация твердости), а упомянутому Симеоном Суздальским «папскому золоту», которое использовал Исидор, вынужден был во время переговоров под Демоном противопоставить значительные средства из казны Новгородской республики.

В Житии Евфимия II, написанном Пахомием Логофетом вскоре после смерти архиепископа по заказу его преемника Ионы, события, связанные с

¹⁹⁰ Выплата великому князю 8000 р. в 1441 г. не может связываться с регулярной выплатой дани — «черным бором», так как периодичность таких выплат определяется в 7—8 лет, а предшествующая выплата состоялась всего 4 года назад — в 1437 г. (см.: Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 98—107).

¹⁹¹ Казакова Н. А. Первоначальная редакция... С. 63. Напомним, что в 1383 г., согласно летописному источнику, именно столько — 8000 р. — для Москвы стоило в Орде купить великое княжение (см. выше в Главе 3, с. 108).

¹⁹² Еще 22 января 1441 г. Василий Васильевич находился в походе (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. С. 262).

¹⁹³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 488 (№ 259).

¹⁹⁴ Лурье Я. С. Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 450.

восприятием Флорентийской Унии, не нашли практически никакого отражения, и это естественно: слишком уж они противоречили агиографическому канону. Лишь одна фраза Пахомия, возможно, косвенно намекает читателю, хотя и в самых общих выражениях, на роль Евфимия II в ситуации 1440—1441 гг.: «Аще бо нѣщии, иже богатствомъ и саномъ велицы, законопреступно дѣяти хотяще, зѣло тѣмъ запрещае».¹⁹⁵

Что же касается церковной независимости Пскова от Новгорода — разменной монеты в игре политиков, то она продолжала существовать какое-то время после Демонского мира 1441 г. и бегства Исидора, так как и в 6950 (1442) г. псковская летопись упоминает архимандрита Григория.¹⁹⁶ Возможно, юридически отменить решение предыдущего митрополита смог только следующий — Иона, избранный собором русских епископов лишь в декабре 1448 г.¹⁹⁷ Во всяком случае, когда в 1449 г. после 14-летнего перерыва состоялся традиционный приезд новгородского архиепископа Евфимия II во Псков, ни о каком архимандрите речь уже не идет. В псковско-новгородских отношениях воцаряется идиллическое согласие до следующего «розмирия»...

4.5. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Политическая победа Евфимия над Исидором и неприятие Флорентийской Унии Русью предопределили в какой-то степени многие дальнейшие события и тенденции: неуспех как идеи Унии в целом, так и антитурецкой военной кампании европейских государств 1443—1444 гг.; и падение Константинополя, не получившего в результате реальной военной помощи; и будущую автокефалию русской церкви; и постепенное затухание в русской культуре предвозрожденческих гуманистических веяний. Как справедливо заметил в статье о Флорентийском соборе И. Мейендорф, «московское религиозное и политическое самоутверждение, которое вскоре приобрело мессианские формы, (...) является не причиной, а следствием событий середины XV в.».¹⁹⁸

¹⁹⁵ Памятники старинной русской литературы... Вып. 4. С. 20.

¹⁹⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 46.

¹⁹⁷ С. В. Белецкий считает, что «возвращение псковского наместничества в состав новгородской епархии произошло вскоре после потери архимандритом Григорием статуса наместника митрополита, то есть — вскоре после 1442 г.» (*Белецкий С. В. Новые данные...* С. 52). Неясно, однако, почему исследователь дату последнего упоминания архимандрита Григория источниками отождествляет с датой потери им своего статуса.

¹⁹⁸ Мейендорф И. Ф. Флорентийский собор: Причины исторической неудачи // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 97.

Итак, «новая линия» новгородских «грекофилов» XV в. подверглась судовому испытанию. Идея общеправославного единства, основанная на соединении церковного централизма и политического федерализма, которую, вслед за митрополитами Киприаном и Фотием, обосновывали новгородские книжники — выходцы из Лисицкого монастыря, лишилась самого своего основания. Та Византия, которая была для них высшим авторитетом, перестала существовать. Не только Новгород, но и весь православный мир, не принявший Унию, оказался перед лицом неведомых дотоле проблем. Решались они в разных княжествах и республиках по-разному, но общим для всех было то, что существовавшее ранее зыбкое равновесие между противостоящими друг другу силами было нарушено. Господин Великий Новгород начиная с 40-х гг. XV в. неотвратно вступал в полосу испытаний.

Годами наивысшего расцвета новгородской культуры, думается, были первые десятилетия XV в. (1400-е—начало 1440-х гг.). Именно к этому периоду, согласно нашему исследованию, относится создание ключевых памятников новгородского летописания — Н1мл., НК1, НК2 и Н4. Этот вывод расходится не только со взглядами А. А. Шахматова и Я. С. Лурье, которые, в связи с их представлением о существовании «Свода 1448 г.», датировали перечисленные летописи серединой XV в., а то и более поздним временем. Предложенная точка зрения существенно отличается и от позиции Г. М. Прохорова (чьи текстологические тезисы во многом приняты и развиты в данном исследовании) по вопросу о времени и характере сложения новгородских летописных текстов.

Пересмотрев традиционную точку зрения на проблему соотношения летописных подборок НК, а также Н1, С1 и Н4, Г. М. Прохоров аргументированно отверг гипотезу о существовании непосредственного общего протографа С1—Н4 — «Новгородско-Софийского свода» («Свода 1448 г.»). Дальнейший анализ характера распределения в перечисленных летописях «неизвестно-откуда-взятых» известий¹⁹⁹ привел исследователя к мысли о том, что все эти памятники создавались не единовременно, а протяженно во времени, «наращиваясь» год за годом. По мнению Г. М. Прохорова, НК1 создавалась на протяжении конца XII в.—1411 г. как «заготовка новгородской составляющей общерусского свода», который также велся непрерывно

¹⁹⁹ Следует отметить, что указанный Г. М. Прохоровым перерыв в использовании НК1 в С1 с 1237 по 1311 г., которому исследователь придает особое значение (*Прохоров Г. М. Летописные подборки...* С. 189), не подтверждается данными таблицы, составленной им же (см. использование именно НК1 составителем С1 под 6759 (1251), 6766 (1258), 6771 (1263), 6772 (1264), 6788 (1280) гг.): *Прохоров Г. М. Материалы по статейного анализа общерусских летописных сводов* (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 172—175.

с конца XII в. и дошел до нас в С1; НК2 «мыслилась и создавалась» с середины XIV в. по 1428 г. как «заготовка для Н4», дополнительная по отношению к НК1 «вытяжка из общерусского свода»; наконец, Н4 была начата сразу следом за НК2 (в 1350 г.) и до 1428 г. велась как новгородский вариант общерусского свода.²⁰⁰

С формально-текстологической точки зрения, конечно, трудно различить, единовременно или растяженно во времени происходило заимствование летописных известий. Следует, однако, заметить, что ежегодное накопление на протяжении 80 лет «дополнительных», вспомогательных по назначению статей НК2 в одной рукописи представляется бессмысленным и загадочным; что обрыв ведения «новгородской составляющей» общерусского свода НК1 в 1411 г., когда после 30-летнего «розмирия» наконец улучшились новгородско-московские отношения, кажется необъяснимым; и что прекращение составления общерусской подборки НК2 в конце 1420-х гг., когда «традиционалиста» Евфимия I сменил на новгородской владычной кафедре сторонник «открытой политики» Евфимий II, выглядит по меньшей мере странным.

Для датировки перемен в летописании Великого Новгорода следует обратить внимание на удивительное соответствие между ними и общими переменами в рукописной книжности XV в. Как отметил А. А. Турилов, процесс появления в древнерусской книжности рукописей, переписанных новыми полууставными почерками, с сильным влиянием южнославянской графики и орфографии, с орнаментикой балканского (реже неовизантийского) стиля «явно носил взрывной, революционный характер».²⁰¹ «На основании точно датированного материала, — пишет исследователь, — можно утверждать, что где-то на рубеже 1400—1410-х гг. в скрипториях Северо-Восточной Руси» (в первую очередь Троицкий монастырь) появляется значительное число таких рукописей, а «для Новгорода такой гранью служит рубеж 1420-х—1430-х гг.».²⁰² Эти данные, полученные на основании анализа многочисленных и бесспорно достоверных источников, точно совпадают с нашими выводами о времени и месте создания основных памятников новгородского летописания: рубеж 1400—1410-х гг. (1411 г.), Троицкий монастырь — для НК1, рубеж 1420—1430-х гг., Новгород — для НК2 и Н4.

Объяснение этого совпадения вытекает из дальнейшего изложения А. А. Турилова: «Первоначально рукописи этого круга связаны происхож-

²⁰⁰ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 187—193, 196—197.

²⁰¹ Турилов А. А. Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986). М., 1993. С. 13.

²⁰² Там же.

дением с митрополичьей кафедрой (в Новгороде со второй трети XV в.²⁰³ с владычной кафедрой) и новыми общежительными монастырями (Троице-Сергиев и дочерние обители на Северо-Востоке Руси, в Новгороде в первую очередь Лисицкий)». ²⁰⁴ Одни и те же новгородские книжники совершали подлинный переворот и в создании нового типа рукописных книг, и в создании нового типа сводного общерусского летописания. И то, и другое являлось плодом их общих представлений о единстве православного мира.

Именно анализ истории новгородского летописания XV в. в контексте историко-культурных перемен в жизни республики на протяжении изучаемого периода позволяет объяснить причины появления многих «неизвестно-откуда-взятых» известий и показать обусловленность и закономерность возникновения новых летописей и их редакций.

²⁰³ Точнее, с рубежа 1420—1430-х гг.

²⁰⁴ *Турилов А. А.* Предисловие (Опыт авторецензии). С. 13.

НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ СЕРЕДИНЫ— ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в. (1447—1477 гг.)

Рассмотрев в Главах 2—4 достаточно подробно основные памятники новгородского летописания XV в. (Н 1мл., НК1, НК2, Н4), остановимся более кратко на характеристике летописей последних трех десятилетий существования республики.

5.1. НОВГОРОДСКАЯ ПЯТАЯ ЛЕТОПИСЬ

Окончанием текста «второй» редакции Н4, как отметил еще А. А. Шахматов,¹ является известие 6955 (1447) г. о борьбе великого князя Василия Васильевича Темного с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским: «Князь великий выбѣже во Тферь, и приехаша к нему князи и бояри, и татары; и слышавъ князь Дмитрии и князь Иванъ Можайский, и выехаша за Волгу в Галич и на Кострому, и на Вологду, и стоаху противу себе о рѣцѣ о Волгѣ, а новгородци не вѣступишася ни по одному; а землю Русскую остатокъ истратиша, межи собою бранячися. А за Волокомъ Онѣго и Каркополе, и Пудогу повоеваша и пограбиша шестники».²

Это летописное известие как нельзя лучше характеризует ту социально-психологическую ситуацию, в которой оказалась Русская земля к началу второй половины 40-х гг. XV в., после того, как Василий II был в 1445 г. побежден и захвачен в плен татарским царевичем Мамотеком, в следующем году за огромный выкуп выпущен из плена, а позже схвачен в Троицком монастыре и ослеплен. В статье, которой завершилось ведение «общерусского новгородского летописания», фраза «землю Русскую остатокъ истратиша» выглядит своеобразным объяснением прекращения работы над Н4.

Подобно тому, как несколькими годами раньше события, связанные с Флорентийской Унией и ее восприятием на Руси, повлияли на поли-

¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182—183.

² ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 444.

тику новгородского владыки и, вероятно, обусловили прекращение ежегодных дополнений к Н4 «старшей» редакции, именно эти обстоятельства побудили Евфимия II еще в большей степени пересмотреть те принципы, которые нашли яркое отражение в созданном им в первые годы своего правления и продолженном до 1447 г. «новгородском общерусском летописании».

К 1447 г. не только перестает пополняться новыми годовыми статьями «вторая» редакция Н4, но и, более того, создается Н5³ — летопись, в целом ряде текстов возвращающаяся снова к Н1мл., т. е. к традиционной узконовгородской точке зрения. Н5 сохранилась в 15 списках:

1) **Хронографический список**, начала XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 280, л. 433—707)⁴ — сокращенно обозначается Хр.;

2) **Погодинский первый список**, второй половины XVI в. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1404а, л. 421 об.—629 об.)⁵ — сокращенно обозначается П1;

3) **Погодинский второй список**, конца XVI в. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1402, л. 6—270)⁶ — сокращенно обозначается П2;

4) **Библиотечный первый список**, начала XVII в. (РНБ, ОСПК, Q.XVII.54) (до 1017 г.) — сокращенно обозначается Б1;

5) **Академический первый список**, начала XVII в. (БАН, 34.4.32, л. 394 об.—591)⁷ — сокращенно обозначается Ак1;

6) **Карамзинский список**, середины XVII в. (РНБ, ОСПК, F.IV.603, л. 426—438)⁸ (за 1429—1446 гг.) — сокращенно обозначается Кар.;

7) **Список Оболенского**, середины XVII в. (СПб. ФИРИ, собр. Археографической комиссии, № 252, л. 16 об.—553 об.)⁹ — сокращенно обозначается Об.;

8) **Библиотечный второй список**, XVII в. (РНБ, ОСПК, Q.XVII.151, л. 9—133 об.)¹⁰ (до 1100 г.) — сокращенно обозначается Б2;

³ В первом издании ПСРЛ были, как известно, опубликованы 4 новгородские летописи. Определение данной летописи как «Пятой» принадлежит А. А. Шахматову (см.: *Шахматов А. А.* 1) *Обозрение русских летописных сводов...* С. 196—207; 2) *Киевский начальный свод 1095 г.* / С вступ. статьей Н. Ф. Лаврова // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 145—147).

⁴ ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 2—3 (1-я паг.). Описание: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1: № 577—819. С. 133—134 (№ 754).

⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 3—5 (1-я паг.); Псковские летописи / Подгот. к печ. А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 14—15 (1-я паг.).

⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 15—16 (1-я паг.).

⁷ Там же. С. 18 (1-я паг.).

⁸ Там же. С. 19—20 (1-я паг.).

⁹ Там же. С. 16—18 (1-я паг.).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 5—6 (1-я паг.).

9) **Архивский список**, XVII в. (РГАДА, собр. МГАМИД, № 447/915, л. 1—18, 55—68, 89 об.—120)¹¹ — сокращенно обозначается **Арх.**;

10) **Список Царского**, второй половины XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 752, л. 558—611)¹² (отрывок за 1134—1447 гг.) — сокращенно обозначается **Ц.**;

11) **Снегиревский список**, начала XVIII в. (СПб. ФИРИ, собр. Археографической комиссии, № 242, л. 10—243)¹³ — сокращенно обозначается **Сн.**;

12) **Академический второй список**, начала XVIII в. (БАН, 31.4.22 (Осн. 1127), л. 1—128)¹⁴ — сокращенно обозначается **Ак2.**;

13)*¹⁵ **Вахромеевский список**, XVIII в. (ГИМ, собр. Вахромеева, № 499, л. 7—209)¹⁶ — сокращенно обозначается **Вах.**;

14)* **Типографский список**, XVIII в. (РГАДА, собр. Синод. типографии, № 1915/1179, л. 4—137 об.)¹⁷ — сокращенно обозначается **Тип.**;

15)* **Румянцевский список**, начала XIX в. (РГБ, собр. Румянцева, № 249, л. 4—192 об.)¹⁸ — сокращенно обозначается **Рум.**

Состав Н5, по замечанию А. А. Шахматова, «вполне прозрачен».¹⁹ Как было установлено исследователями, Н5 представляет собой особую сокращенную переработку Н4мл., в которой была проведена правка по Н1мл. (см. рис. 5 на с. 242), причем статьи 955—996 гг. и 1384—1405 гг. были просто полностью заменены на текст Н1мл.²⁰

А. А. Шахматов обратил внимание «на связь составителя Новгородской 5-й летописи с церковью Пантелеимона в Новгороде». «Мы видели, — пишет исследователь, — что летопись эта выпускала много известий Новгородской 4-й, а между прочим и известия о построении церковей. Поэтому вставка трех известий, относящихся к церкви Панте-

¹¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 21—23 (1-я паг.).

¹² Там же. С. 21 (1-я паг.).

¹³ Там же. С. 18 (1-я паг.).

¹⁴ Там же. С. 20 (1-я паг.).

¹⁵ * — Здесь и далее: сокращение Н5, выполненное ок. 1630 г. (по Насонову).

¹⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 24—25 (1-я паг.).

¹⁷ Там же. С. 25—26 (1-я паг.).

¹⁸ Там же. С. 23—24 (1-я паг.).

¹⁹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 197.

²⁰ См.: Там же. С. 196—207; Клосс Б. М. Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никонского свода // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 257—264; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 241—251; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 91.

леймона, не может быть объяснена случайностью, а конечно вызвана теми или иными отношениями к этой церкви самого летописца».²¹ Исследователь привел эти 3 дополнения:

1) Под 6664 (1156) г. прибавлено после слов: «въ то же лѣто поставиша купци заморѣстии церковь святыя Пятница на Торговищи» — «а Федоръ Пинешиницъ св. Пантелемона»;

2) В статье 6716 (1208) г. к известию о строительстве церкви св. Пантелеймона добавлено: «камену».²²

3) Под 6880 (1372) г. добавлено известие: «Того же лѣта поновиша церковь камену святаго Пантелеимона, бѣ бо палася».²³

Итак, неизвестный нам исполнитель, несомненно связанный каким-то образом с церковью св. Пантелеймона, около 1447 г. провел работу по «исправлению» Н4. Значительное число списков, среди которых и явно «официальные» (легшие в основу псковского и смоленского летописания, и список, оказавшийся, вероятно, у архиепископа Геннадия), убеждает в том, что этот отход от «общерусской» линии был не частной инициативой, а исполнением заказа владыки Евфимия II.

О церкви св. Пантелеймона известно немного фактов, но они позволяют отчасти пролить дополнительный свет на историю создания Н5. Эта церковь находилась в Пантелеймоновом монастыре, до наших дней не сохранившемся. Монастырь был основан в 1134 г. князем Изяславом Мстиславичем²⁴ на левом берегу Волхова, у южной оконечности оз. Мячино, совсем недалеко от Юрьева монастыря. Не только географически, но и своей былой принадлежностью княжескому домену Пантелеймонова обитель «тянула» к Юрьеву монастырю. Более того, в 1667 г. она и была к нему приписана.²⁵

²¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 204.

²² В Н4: «Свѣршиша церковь святаго Пянтелѣмона в монастырѣ Федоръ Пинѣшиницъ» (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 181).

²³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 204—205. Исследователь отмечает, что кроме известий о церкви Пантелеймона «находим еще только одну вставку в Новгородский 5-й — это о построении церкви Иоанна-усекновения Моисеем Домажиричем в 6682 (1174) г.» (Там же. С. 205).

²⁴ Датировку жалованной грамоты князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю 1134 г. см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 136—138.

²⁵ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 260—261 (№ 1036). По Описи Новгорода 1617 г. после «шведского разорения» в Пантелеймоновом монастыре числилось «26 книг в десть и в полдесть и в четверть писменные на бумаге»; «а келей и ограды и старцов и слуг никого нет» (Опись Новгорода 1617 года / Под общей ред. В. Л. Янина. М., 1984. Ч. 1. С. 111—112).

Достаточно ярко характеризуется консервативная позиция иноков Пантелеймонова монастыря тем фактом, что общежительным он стал только в 1528 г. по реформе архиепископа Макария.²⁶ Если вспомнить «общежительные» корни и симпатии Евфимия II, а также традиционную противопоставленность резиденции архимандрита (Юрьева монастыря) и «владычной» кафедры, то сама передача летописного дела в Пантелеймонов монастырь оказывается почти символом «смены курса» новгородской политики.

Особенно существенна для характеристики взглядов составителя Н5 принадлежащая ему обширная вставка под 6911 (1403) г.:

«Того же лѣта бысть сие: искони дьяволъ не хотя добра роду чело-
вѣчьскому, паче же Бога любящимъ спротивится, вложи въ сердце
Кюприану митрополиту, еже удержати владыку Новгородьского Ивана
безъ разсуда; честный же старецъ радуяся съ благодарениемъ терпяше,
и молящеся Богу Господу нашему Иисусу Христу и пречистѣи его Ма-
тери, по написанному: „Господи! Не постави ему грѣха сего!“ И ис-
полнися еуангельское слово, рекшее: „Не можеть градъ укрытися верху
горы стоя, ни вжигаютъ свѣтилника и поставляютъ въ скровѣ, но на
свѣтилѣ, да свѣтитъ на вся“. Также и сего старца не може утаитися
смирненная его добродѣтель, исполняше бо еуангельская словеса, еже
рече: „Страненъ бѣхъ, и введосте мене“, а сии самъ страненъ и въ не-
воли бѣше тамо, а странныя и нищая велми любляше и потребная имъ
даше. И вложи Богъ въ сердце великому князю Василью Дмит-
рѣвичу, и въспомяну архиепископа Ивана, видя честныя его добро-
дѣтели, и посла къ митрополиту глаголя: „Иже еси удержалъ владыку
Ивана, въ тѣ часъ отпусти его съ честью къ Великому Новугороду“.
Куприанъ же митрополитъ, не могый ослышатися слова князя велика-
го, отпусти архиепископа Ивана съ благословениемъ и съ честью».

И приѣха владыка Иванъ въ Новгородъ, мѣсяца июня въ 15, бывъ
на Москвѣ 3 годы и 3 мѣсяци, и 3 недѣли. И стрѣтоша и со кресты
игумены и попове, и всь клиросъ святыя Софѣя, и всь Новгородъ, у
святаго Николы на Ярославлѣ дворѣ, и обрадовашася радостию вели-
кою своему господину владыцѣ».²⁷

Этот текст в своей заключительной части основан на известии
Н 1мл.: «Того же лѣта прииха в Новгород владыка Иоанн, мѣсяца ию-
ля въ 15 день, бывъ на Москвѣ 3 годы и 4 мѣсяци у Киприяна митро-
полита. Стрѣтоша и со крести игумены и попове с крилошаны святыя

²⁶ ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 545.

²⁷ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 144.

Софѣя, и весь Новѣгород, у святого Николы на Ярославлѣ дворѣ, и обрадовашася радостию великою своему владыцѣ».²⁸ Уточнение срока задержания владыки Иоанна (вместо 3 лет 4 месяцев в Н 1мл. — 3 года, 3 месяца и 3 недели в Н5), скорее всего, является литературным приемом, придающим «эпичность» повествованию (типа сказочной формулы «тридцать лет и три года»). Сам рассказ в целом следует рассматривать не как достоверный исторический источник, а как факт литературы и датировать его создание временем работы над составлением Н5 (около 1447 г.). Благочестивая роль великого князя Василия Дмитриевича в этом тексте, видимо, служит напоминанием сражающимся за его наследие сторонам о христианских заповедях.

Отметим, что благодаря замене текста Н4 на текст Н1 за 1384—1405 гг. составитель Н5 исключил из своего свода целый ряд общерусских повестей, в первую очередь «О том, како приходилъ князь великий Московский ратью к Новугороду к Великому» (1386 г.) и «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго» (1389 г.).

Под 1421 г. в Н5 при имени посадника Александра Фоминича добавлено его прозвище: «Царько». Действительно, в писцовой записи на Минее служебной (БАН, 34.7.5, л. 115) читаем о том, что она была создана в 1398 г., в разгар новгородско-московского конфликта и боевых действий, «повелѣниемъ архиепископа владыцѣ Ивана при посадницѣ Олександрѣ Цесари. В то время послаша новгородьци за Волокъ рать». Возможно, это необычное прозвище посадника было дано ему в связи с его «антимосковской» позицией (напомним, что в «Слове о житьи...» Дмитрий Иванович носит титул «царя Рускаго»). Можно думать, что составитель Н5, исключивший текст «Слова о житьи...» из своего летописного свода, не случайно вспомнил «значимое» прозвище новгородского посадника.²⁹

²⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 398 (далее — НПЛ).

²⁹ В других источниках, кроме записи на Минее 1398 г. и Н5 (и восходящих к Н5 летописях), это прозвище не упоминается. В этой связи любопытно вспомнить, что в Предисловии к «Временнику» (Начальному своду) говорится: «...все по ряду извѣстно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исаакья» (НПЛ. С. 104). Попыткам интерпретации имен Александра и Исаакия посвящена огромная литература, начиная с П. М. Строева, заметившего: «Стоит только разыскать, кто были сии последние, чтобы узнать время, в которое жил летописатель (...) Не были ли они Посадниками Новгородскими?» (Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. Строев. М., 1820. Ч. 1: С 862 по 1425 г. С. 12—13). Еще Филарет заметил, что «если летописецъ начинает повесть с Михаила царя, то и оканчивает ее, конечно, царем Исаакием, а не посадниками». Упомянутого в Предисловии Исакия он отождествил с Исаакием

Почти в те же годы, что и Н5, в Лисицком монастыре также создается какая-то летопись. Хотя она не сохранилась до наших дней, кое-что о ней все же известно.

5.2. ЛИСИЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ 1450 г.

В Н2 под 6958 (1450) г. находится уже упоминавшаяся выше запись: (л. 147 об.): «В лѣто 6958 [1450 г.] написана бысть сия книга в лѣтописецъ во обители Пречистей Рожества на Лисьи гори повелинием раба Божия дьякона инока Геронтия, в полдествъ, держанъ. В лѣто 7000 восьмьдесятага [1572 г.] мѣсяца февраль въ 5, вторник, а служилъ того дни в манастири на Лисьи горѣ обидню и смотрил в манастири книги литопитца церковнаго. А сказывал, что литописецъ Лѣсицкои добри сполна, ажо не сполна. Развие написано в лѣписцѣ (sic!) в Лѣсуцкомъ владыкы Навгороцькые, не вси сполна писаны, развие до владыкы Еуфимия Навгороцького. А смотрилъ въ кельи у старца у келаря у Деонисия».³⁰

Запись под 7080 (1572) г. о просмотре в Лисицком монастыре местного летописца, доведенного «до владыкы Еуфимия», принадлежит, возможно, новгородскому архиепископу Леониду. Д. С. Лихачев,³¹ а вслед за ним и А. И. Семенов³² на основании первой части этой записи считали Лисицкий летописец одним из основных источников сведений Н2 до 1450 г. Однако новое издание этой летописи в 30-м томе ПСРЛ, где текст издан в том же порядке, что и в рукописи, а не в «хронологическом», реконструированном порядке, как ранее, дает возможность установить, что записи под 1450 и 1572 гг. составляют единое целое. Автор записи 1572 г. составил описание просмотренного им Лисицкого летописца 1450 г., включив в него сведения о том, до какого времени доведено повествование («...до владыкы Еуфимия»), о приписке писца,

Ангелом (1185—1204) (*Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Обзор русской духовной литературы. 862—1863. 3-е изд., поправл. и доп. СПб., 1884. Кн. 1: 862—1720. С. 44—45). Александра же исследователи, на основании чтения Троицкого списка Н 1мл. («до Олексн, Исакия»: НПЛ. С. 512), отождествляют с братом Исаакия Алексием. Не связано ли каким-то образом чтение всех списков (кроме Тр.) «до Александра» с необычным прозвищем посадника Александра Фоминича, умершего в 1421 г.?

³⁰ ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1965. С. 194—195.

³¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 444.

³² Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского летописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 370.

о формате кодекса («в полдесть»), о его сохранности («держанъ», т. е. подержанный, ветхий). Тот факт, что Лисицкий летописец 1450 г. был просмотрен возможным составителем Н2, еще не значит того, что он вообще был им использован для своей летописи, а тем более не значит того, что он был его основным источником в части до 1450 г.

Вопрос об источниках и составе Н2 в науке еще не исследован.³³ Так как Н2 — летопись XVI в., то ее изучение выходит за хронологические рамки настоящего исследования, однако для выяснения вопроса о Лисицком летописце 1450 г. придется остановиться на ее рассмотрении немного подробнее.

5.2.1. Лисицкий летописец 1450 г. и Новгородская вторая летопись

Как отметил В. К. Зиборов, текст Н2 «можно разделить на две части: до XVI в. и после. Источниками первой части являются: Летопись Новгородская I младшего извода, Лисицкий летописец и другие новгородские летописи...».³⁴ Это замечание достаточно полно характеризует состояние изученности вопроса. Н2 существует в 2 списках (РГАДА, собр. МГАМИД, № 62/85, конца XVI—начала XVII в. и РНБ, Q.IV.213, начала XIX в.), но поскольку второй список является сделанной для Н. М. Карамзина копией с первого (см. об этом в Главе 1), остановимся подробнее лишь на характеристике древнего списка.

Рукопись была описана в Предисловии к изданию в т. 30 ПСРЛ.³⁵ Содержит она 184 л. и написана разными полууставными почерками конца XVI—начала XVII в. Состав Н2 не вполне обычен для летописи: она написана без соблюдения какой-либо хронологической последовательности событий, а к тому же переплетена в некоторых случаях с перебивкой листов. Попытки вычленить в тексте Н2 возможные следы использования Лисицкого летописца 1450 г. приводят к выделению некоторых отдельных комплексов летописных известий.

Так, например, один из них, переписанный на л. 52—59 об., содержащий известия 1354—1424 гг., в принципе мог бы восходить к утраченному Лисицкому летописцу 1450 г., но этот ряд завершается записью, очевидно, скопированной с использованного списка: «В лѣто 7000

³³ См. библиографию и обзор литературы: Зиборов В. К. Летопись Новгородская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 51.

³⁴ Там же.

³⁵ ПСРЛ. Т. 30. С. 5—6.

шездесятого. Мѣсяца октября в 17 день в субботу написана сии тетрат-
ратъ (sic!) Федши волосного диака». Содержащиеся в этом комплексе
известия бесспорно восходят к Н4. Об этом свидетельствуют, в частно-
сти, следующие примеры:

а) Под 6914 (1406) г. читаем: «Брак бысть Матфѣю Михайлову маиа
в 23 день» (л. 52). Это известие имеется только в Н4.

б) Под 6920 (1412) г. читаем: «...ѣзди владыко Иван на Москву к
митрополиту Фотѣю, и тамо преставись Иаким диакон мѣсяца марта 9,
и положен бысть в монастыри святого Иоана Златоустаго» (л. 52 об.).
Вся вторая часть этого известия читается только в НК2 и Н4.

в) Весь рассказ о восстании Степанки 1418 г. изложен по Н4
(л. 54 об.—58).

Наличие прямого указания на источник (тетрадь Федши 1552 г.) по-
зволяет утверждать, что эти известия не были выписаны из Лисицкого
летописца 1450 г.

Далее в Н2 еще неоднократно встречаются выписки из Н4. Так, на-
пример, в тетради на л. 67—74 содержатся известия 989—1409 гг.,
включая характерные именно для Н4 сообщения 1330, 1331, 1371 гг.
(см. Главу 4). Следующая тетрадь на л. 75—81 также содержит выпис-
ки из Н4 (включая характерные именно для Н4 известия 1321, 1403 гг.),
причем в распоряжении у книжника был список Н4, продолженный
известиями до начала XVI в., следовательно, это также не был Лисиц-
кий летописец 1450 г. Вероятно, к Н4 восходят также известия на л. 93
(о пожаре в Лисицком монастыре, 1392 г.), на л. 99 (о смерти Наума
клирошанина, 1416 г.) и некоторые другие, но все они находятся в
окружении выборок, относящихся ко второй половине XV—XVI вв.,
что свидетельствует о том, что они не могли быть выписаны из источ-
ника 1450 г.

Сама запись о просмотре Лисицкого летописца, однако, также нахо-
дится (на л. 147 об.—148) в окружении известий XVI в., которые, есте-
ственно, не могут восходить к этому памятнику. Единственное извест-
ие, видимо, заимствованное из интересующего нас источника, отделе-
но от сообщения о просмотре 5 февраля 1572 г. Лисицкого летописца
всего лишь одним днем и одной фразой («Да того же мѣсяца февраля
въ 6 горело в Новигородѣ на Славкове улицы, згорело три двора»).
Далее следует такой текст: «Клали жеребьи в Софии на престолы на
Благовѣщенского монастыря игумена Перфирия, да на Рожественско-
го монастыря Афанасья игумена с Поля, да на Спаського монастыря с
Хутины игумена Ивана о владычестви Навгороцьком. И остана жере-
бии Иванов на престолѣ. Ивана владыкою поставили в Новигороди, а

вынесъ жереби из церкви протопопъ въладыченъ Измаило» (л. 148—148 об.).

Этот рассказ относится к 1388 г. и изложен в Н 1мл., НК2, Н4 и Н5 значительно подробнее. Думается, здесь в Н2 не выписка из источника, а его сокращенный пересказ. Заметим, однако, что ни в одной из названных летописей нет дополнительного уточнения об игумене Рождественского монастыря: «с Поля». Такое уточнение вполне могло находиться в списке Лисицкого летописца, ибо монастырь на Лисьей горе также был Рождественским, и для писца было важно указать, что в источнике упоминается другая обитель.

Некоторые детали сближают выписку Н2 с текстом НК2. В Н 1мл. (и следующей за ней в этом разделе Н5) читаем «игумена святого Благовѣщенна», а в НК2 — «игумена *Благовѣщенскаго*» (ср. в Н2: «*Благовѣщенскаго* монастыря игумена»); точно так же вместо чтения Н 1мл.—Н5 «игумена святого Рожества» в НК2 находим «игумена *Рождественаго*» (ср. в Н2: «*Рождественскаго* монастыря игумена»). Кроме того, в НК2 есть чтение «...а Иванов *остася на престолѣ*» (ср. «...остася жеребии *Иванов на престолѣ*» в Н2), в то время как в Н 1мл.—Н5 аналогичное чтение выглядит совсем иначе: «...*(о)стави жеребен его на престолѣ своемъ*».

Вряд ли известие о выборах 1388 г. в Н2 может быть возведено и к Н4. В Н4 отличается от схожего в НК2 и Н2 другое чтение: если в НК2 находим «*протопоп Измаило вынесе жеребии*» (ср. Н2: «*вынесъ жереби из церкви протопопъ въладыченъ Измаило*»), то в Н4: «*протопопъ Измаило, вземъ с престола, изнесе на вече жереби*». Известие 1388 г. в Н2 вряд ли восходит к Н4 и потому, что там добавлены отчества кандидатов на избрание, на которые составитель выписки должен был бы обратить внимание.

Таким образом, выпиской из Лисицкого летописца 1450 г. в Н2 следует считать только известие о выборах архиепископа в 1388 г., причем сопоставление текста этого сообщения в Н2 и других новгородских летописях показывает, что некоторыми мелкими чтениями оно сближается с НК2.

О том, что Лисицкий летописец 1450 г. не являлся «основным источником» Н2, свидетельствует также и то, что за период до 1450 г. на всем протяжении Н2 встречаются только 2 упоминания событий в Лисицком монастыре: пожар 1392 г. и строительство каменной церкви в 1393 г. В то же время не упоминаются: строительство деревянной церкви — 1389 г., «преставление» в Лисицком монастыре «владычня брата» Василия — 1400 г., роспись каменной церкви — 1403 г., уточнение при упоминании Илариона, епископа Коломенского, «...быв пре-

преже игуменомъ Лисицкои лавры» — 1406 г. и строительство церкви Варлаама Хутынского — 1410 г. Все эти сведения содержатся только в Н4 и, кроме двух — пожара 1392 г. и преставления Василия 1400 г., — в НК1 (л. 293, 300 об.) и НК2 (л. 393, 411 об., 413 об.). Если бы действительно составитель Н2 использовал Лисицкий летописец 1450 г. как основной источник (который должен был бы содержать эти статьи, известные Н4), вряд ли он сократил бы 5 из 7 известий, связанных с этим монастырем. Таким образом, вероятнее всего, Лисицкий летописец лишь упомянут в Н2, из него сокращенно использовано известие 1388 г., но сам он не являлся одним из ее основных источников до 1450 г.

Какой же новгородский летописный свод мог быть переписан «повелинием инокa Геронтия» в Лисицком монастыре? Можно высказать осторожное предположение, подкрепленное текстологическим анализом выписки 1388 г. в Н2, что в этой обители в 1450 г. мог быть переписан протограф сохранившейся рукописи Новгородской Карамзинской летописи, содержащей НК1 и НК2. Предполагаемая связь обеих подборок с выходцами из Лисицкой обители (Варлаамом и Евфимием II) позволяет думать, что списки этих сводов могли находиться в лисицкой монастырской библиотеке.

Более того, в связи с необычной структурой НК, состоящей из двух подборок летописных известий, обращает на себя внимание запись в Лисицком летописце 1450 г.: «Написа бысть сия книга в летописецъ». Употребление предлога «в» здесь кажется излишним, если не предположить, что название переписанной книги — «ѿ [2] летописецъ» (двойной летописец). Вероятнее всего, так и должны были называть летопись, содержащую НК1 и НК2. Несомненная причастность к созданию НК2 (а значит, и к бытованию НК1) бывшего в 1450 г. архиепископом выходца из Лисицкого монастыря Евфимия II позволяет объяснить, почему этот летописный памятник мог быть переписан «повелинием» дьякона инокa Геронтия³⁶ именно в Лисицком монастыре.

³⁶ Нам не представляется невероятным отождествление лисицкого инокa (в 1450 г.) Геронтия с митрополитом всея Руси Геронтием (до 1453 г. — архимандрит Симонова монастыря, в 1453—1472 гг. — епископ Коломенский, в 1472—1489 гг. — митрополит всея Руси). О возможности такого отождествления говорит путь Геронтия по ступеням церковной иерархии, аналогичный тому, который проделал ранее Иларион (Лисицкий монастырь — Симонов монастырь — Коломенская епископия), а также существование «посоха владыки Геронтия», созданного новгородскими мастерами в 1462 г. (см.: *Бочаров Г. Н. Резьба по кости в Новгороде: X—XV века // Древний Новгород: История. Искусство. Археология. М., 1983. С. 129—140*). Характерно, что летописный свод 80-х гг. XV в., связываемый с именем митрополита Геронтия, содержит много отсутствующих в других летописях новгородских известий (рассказы из Жития Варлаама Хутынского,

5.3. ЛЕТОПИСАНИЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Летописание последних лет существования Новгородской республики (6957 (1449)—6985 (1477) гг.) отразилось в двух списках Н4: Строевском (Ст.) и Синодальном (С.).³⁷

Известия последних лет правления Евфимия II (6957 (1449)—6966 (1458) гг.) здесь весьма лапидарны, причем годовые статьи за 6958 (1450), 6959 (1451), 6960 (1452), 6964 (1456), 6965 (1457) гг. вообще отсутствуют. Летописец ограничился лишь самыми краткими известиями о строительстве часозвони (1449 г.), о смерти и захоронении Дмитрия Юрьевича (1453 г.), о строительстве церкви св. Михаила и о падении Царьграда (1454 г.), о строительстве колокольни и церкви св. Ильи (1455 г.). За последние 10 лет правления Евфимия Ст. и С. содержат лишь 4 очень краткие годовые статьи.

Так же нерегулярны летописные известия Ст. и С. при преемнике Евфимия II — архиепископе Ионе. Пропущены полностью годовые статьи 6967 (1459), 6968 (1460), 6972 (1464)—6974 (1466), 6976 (1468) гг.

Лишь начиная с 6978 (1470) г., когда архиепископом Новгородским становится Феофил, летопись становится значительно более подробной (см. о летописании 1470-х гг. далее). Вывод о затухании новгородского летописания в 1447—1469 гг., однако, был бы ошибочным. Текст владычной летописи за последнее десятилетие правления Евфимия II и за весь период правления Ионы дошел до нас в достаточно полном виде в составе так называемой Летописи Авраамки (см. рис. 5 на с. 242).

5.3.1. Летопись Авраамки

Под названием Летопись Авраамки (ЛА) принято понимать текст, содержащийся в летописном сборнике, составленном в 1495 г. в Смоленске западнорусским книжником Авраамкой, а также совпадающий с ним в ряде других рукописей. Только в одном использованном Авраамкой списке этого летописного памятника повествование продолжено до 1469 г., но и те списки, которые оканчиваются раньше (в 1382 или 1446 г.) или фрагментарны, но при этом текстуально близки в

рассказ 1460 г. о том, как новгородский владыка Иона отговорил новгородцев от нападения на Василия II, об освобождении пленных новгородцев по просьбе владыки Феофила, о поездке Ивана III в Новгород, об отказе новгородского владыки Феофила от архиепископского престола; см.: *Лурье Я. С. Общерусские летописи...* С. 235—240).

³⁷ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 445—450.

совпадающей части к списку 1495 г., также обычно называются списками Летописи Авраамки.

Летопись Авраамки сохранилась в 6 списках:

1) **Виленский список**, 1470-е гг. (БАН Литвы, F. 22—49, л. 1—436 об.)³⁸ (с уникальными известиями за 1447—1469 гг.) — сокращенно обозначается В.;

2) **Синодальный список**, конца XV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 154, л. 32 об.—152 об.)³⁹ — сокращенно обозначается Син.;

3) **Толстовский список**, начала XVI в. (РНБ, ОСПК, F.IV.156) — сокращенно обозначается Тол.;

4) **Супрасльский список**, первой половины XVI в. (РГАДА, собр. МГАМИД, № 26/70)⁴⁰ — сокращенно обозначается Суп.;

5) **Погодинский список**, XVI в. (РНБ, собр. Погодина, № 1570) — сокращенно обозначается Пог.;

6) **Тихановский список**, первой половины XVII в. (РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 201, л. 2—8 об.)⁴¹ (отрывок за 1371—1375 гг.) — сокращенно обозначается Тих.

Основным и наиболее полным списком ЛА является В. Состав этой рукописи, обнаруженной А. В. Рачинским в Полоцке,⁴² довольно сложен. Она содержит 450 л. и состоит из 3 условно выделяемых разделов.

Первый раздел (л. 1—313 об.) содержит особую хронографическую компиляцию, доведенную до императоров Льва и Константина (начало утрачено),⁴³ и следующий за ней летописный свод новгородского происхождения от «начала Русской земли» до 6977 (1469) г.⁴⁴ Этот текст в свою очередь подразделяется также на 3 части, первая из которых, по мнению А. А. Шахматова, восходит к реконструируемому им гипоте-

³⁸ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. [1—3]; ПС XV в. С. 78, № 318; *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги XV—XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // *Krakowsko-Wileńskie Studia slawistyczne*. Kraków, 1997. Seria Poświęcona starożytnościom słowiańskim. Т. 2. S. 75—79. В последнем, наиболее подробном, описании указано, что почерк смоленского писца Авраамки начинается с л. 436, а вся начальная часть рукописи (л. 1—435 об.) датируется по филиграммам не 1495 г., а 1460—1470-ми гг. Учитывая, что летописный текст доведен до 1469 г., возможно, перед нами оригинал ЛА.

³⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 12—14 (1-я паг.); Описание рукописей Синодального собрания... Ч. 1. С. 135—136; ПС XV в. С. 308, № 3413.

⁴⁰ Текст этого списка был полностью опубликован М. А. Оболенским: *Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи*. М.: Синод. типография, 1836. 24, 172, 32 с.

⁴¹ Описание: Псковские летописи. Вып. 1. С. 10; Опул.: Там же. С. 143—146.

⁴² См.: ЛЗАК. СПб., 1868. Вып. 4. С. 47.

⁴³ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 1—33.

⁴⁴ Там же. Стб. 33—324.

тическому «Краткому извлечению из Свода 1448 г.».⁴⁵ Я. С. Лурье оспорил это мнение, показав, что некоторые чтения в этой части ЛА специфичны для Н4.⁴⁶ Далее, от 1309 до 1446 г., текст восходит к Н5,⁴⁷ и наконец, заключительная часть текста (до 1469 г.), сохранившаяся только в списке В., представляет собой официальное летописание владык⁴⁸ Евфимия II (до 1458 г.) и Ионы Отенского (1458—1469 гг.).⁴⁹

Вторая часть рукописи Авраамки содержит летописный текст за 6453 (945)—6496 (988) гг.⁵⁰ Издатели ПСРЛ (А. Ф. Бычков и К. Н. Бестужев-Рюмин) сочли, что текст здесь представлен «в редакции, подобной той, которая вошла в состав Софийского временника (сл. ПСРЛ, V, 99—120)»,⁵¹ т. е. С1, но А. А. Шахматов уточнил, что в этом отрывке содержится текст Н4.⁵²

Наконец, третья часть сборника состоит из историко-юридических статей (в том же составе и в том же порядке, что и в списке Км. Н 1мл.) и перечней князей и иерархов.⁵³

Наибольший интерес в ЛА, конечно, представляют уникальные известия за 1447—1469 гг. Сопоставление этого текста с краткими сообщениями за те же годы в списках Ст. и С. показывает, что не краткий текст был распространен в ЛА, а, напротив, Ст. и С. сокращают первоначальный текст ЛА, причем не всегда удачно. Это доказывается следующим примером: в ЛА читаются 2 известия под 6962 (1454) г.: «Того же лѣта взяша Турци Царьградъ, и хрестьяньство погубиша, и святые

⁴⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 231—255.

⁴⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 87—91.

⁴⁷ Зависимость ЛА от Н5 видна из следующего примера: составитель Н4, как известно, допустил дублировку нескольких известий под 1382 г. В начале этой годовой статьи он переписал сообщения о смерти отца Матфея Михайлова, о строительстве церкви Рождества на Поле и о приезде в Новгород владыки Дионисия Суздальского. Поместив далее Повесть о нашествии Тохтамыша, в конце ее он вновь повторил дословно известия из начала статьи (см. об этом в Главе 4). Эта дублировка (за исключением сообщения о смерти отца Матфея Михайлова) встречается в Н5, и именно в таком виде находим ее в ЛА.

⁴⁸ «Продолжение это, сильно отличающееся от соответствующей части Синодального и Строевского списков, содержит явные указания на то, что заимствовано из Софийского владычного свода: ср. подробное описание всех событий, связанных с новгородским архиепископом, скажем больше — рассказ касается только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка» (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 239).

⁴⁹ См.: ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190—224.

⁵⁰ Там же. Стб. 225—260.

⁵¹ Там же. С. [2].

⁵² Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 235—238.

⁵³ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 261—320.

церкви разориша. Того же лѣта поставиша церковь камену у Святыхъ Апостолъ»⁵⁴ (во втором сообщении имеется в виду церковь Двенадцати апостолов на Софийской стороне, возле Чудинцевой улицы). Составитель протографа списков Ст. и С. соединил эти 2 известия следующим образом: «Того же лѣта взяша Турци Царьградъ, и хрестьянство погубиша, и святыхъ церкви разориша, *толко оставиша* церковь каменну Святыхъ Апостолъ».⁵⁵

В составителе анализируемой части ЛА можно видеть современника описываемых происшествий. Зачастую у него проявляется личностное отношение к событиям. Так, например, говоря о смерти Евфимия II, летописец добавляет: «Мнимъ его свята» (1458 г.); о нарушении мира между Псковом и немцами он замечает: «И не устоиша в томъ крестномъ человании не вѣмъ кто, Псковици или Нѣмыцѣ» (1463 г.); выпад против псковичей, бывших виновниками пожара, летописец смягчает самоуничижительным добавлением: «...по псковьскому невидѣнию и неразумию, и по худому ихъ величанию, якоже азъ писечъ многогрѣшнии всихъ людеи» (1466 г.).

С литературной точки зрения ЛА за 1447—1469 гг. является произведением незаурядным. Летописец охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов («тои день благъ, и свѣтель, и радостень»; «святителя чества, смирена, благоумна»; «мужа чества, проста и тиха»; «бысть дни снѣжны, бурны, студены, бестравны» и др.); ритмизацию повествования и глагольные рифмы. Приведем несколько примеров:

«...а коневъ и скота много пригнаша, / а землю повоеваша, / и села пожгоша, / а сами приѣхаша / добры и здоровы» (1447 г.);

«...и животы пограбиша, / и у святыхъ церкви двери выломаша, / и отъ иконъ круту отымаша, / и всякую утварь сребряную и златую и ларцы разьбиша, / и много зла учиниша, / а Рушанъ почаша имати, / и бити, / и животовъ у нихъ сочити» (1456 г.);

«...а ины оружиемъ прободоша, / иному руцѣ и нозѣ отсѣкоша, / а иныя въ водѣ истопиша, / и многы муки приемлюще, / бесчисленныя язвы мучителя побѣдиша, / крови своя излиша / за друголюбие и за князя Василья Ярославича» (1462 г.).

Не вызывает сомнения тот факт, что автор известий ЛА за 1447—1469 гг. был официальным «владычным» летописцем, весьма искусным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летопи-

⁵⁴ Там же. Стб. 194.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 445.

сания предшествующих веков он принес ярко окрашенный экспрессивно-эмоциональный стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями («малъ вѣкъ, кратко время!»), цитатами из церковной службы и Священного Писания.⁵⁶ Известный только по изданию ПСРЛ более чем столетней давности и полузабытый медиевистами-литературоведами, этот текст, на наш взгляд, требует более пристального внимания будущих исследователей и нового комментированного издания.

5.3.2. Летописец епископа Павла

Летописец епископа Павла (ЛЕП) — это довольно небольшой по размерам текст, занимающий всего 12 л. с оборотами формата фолио в сборнике, хранящемся в БАН, в собрании Доброхотова, № 18.⁵⁷ Этот сборник смешанного содержания, датируемый по филиграммам второй половиной XVI в., назван так по имени своего прежнего владельца: он поступил в БАН в 1905 г. от епископа Павла Доброхотова.

Весь сборник переписан одним писцом. В языке имеются белорусские или западнорусские особенности. На л. 36 об.—48 в нем содержится текст, до сих пор не опубликованный, который озаглавлен в рукописи так: «Летописец русских князей и земли русские». Повествование в нем хронологически обнимает период от начала русской истории до 1461 г. Впервые обратил на это произведение внимание и привлек к анализу А. А. Шахматов, посвятивший ему специальную главу в «Обозрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.».⁵⁸

Основные его выводы таковы: ЛЕП представляет собой краткую выборку новгородских известий, созданную в Новгороде в 60-х гг. XV в. на основе двух источников — так называемого «Краткого извлечения из Свода 1448 г.» и (в меньшей степени) из Хронографа. «Краткое извлечение из Свода 1448 г.» А. А. Шахматов реконструировал на основе сопоставления ЛЕП с Летописью Авраамки (в части до 1309 г.) и Рогожским летописцем (в части до 1288 г.). Известия ЛЕП после

⁵⁶ В будущих исследованиях стоит обратить особое внимание на некоторую неоднородность этого текста: начиная с 1458 г. он становится более литературно отделанным; в нем появляется значительно больше точных дат. В этой связи следует задуматься о возможном участии в его создании Пахомия Серба, вернувшегося в Новгород в 1458 г. и служившего своим пером архиепископу Ионе (см.: *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб (Логофет) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 167).

⁵⁷ Мне посоветовал обратить на него пристальное внимание В. Л. Янин, за что я ему искренне признателен.

⁵⁸ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов... С. 302—310.

1448 г., по мнению А. А. Шахматова, могли быть взяты из продолжения «Свода 1448 г.», ведшегося при дворе новгородского владыки. В статье для «Нового энциклопедического словаря» А. А. Шахматов кратко повторил приведенные выводы, заменив лишь название «Свод 1448 г.», от которого он отказался, на название «Новгородский Софийский свод».⁵⁹

Основные положения А. А. Шахматова поддержал Д. С. Лихачев,⁶⁰ однако Я. С. Лурье оспорил эту гипотезу.⁶¹ Сравнивая тексты рассказа о битве на Калке в Рогожском летописце (далее — Рог.), ЛА и других летописях, исследователь обнаружил черты вторичности повествования в Рог.—ЛА по отношению к Н1 и С1, совпадающие, однако, с Н4: Мстислав Галицкий назван «Черниговским», а дары половцев вместо «вельблудов, буволов и девок» обозначены как «злато и паволокы». Следовательно, считает Я. С. Лурье, мы имеем основания считать, что общий источник Рог. и ЛА — это текст, близкий Н4, а оснований реконструировать «Краткое извлечение из Новгородско-Софийского свода» в данном случае нет. По мнению исследователя, «еще меньше могут пригодиться для такой реконструкции кратчайшие выборки известий в сборнике епископа Павла», которая состоит почти полностью из «известий о новгородском строительстве и внутренних происшествиях, специфичных для Н4 и отсутствующих в С1».⁶² В совместной статье 1976 г. Б. М. Клосс и Я. С. Лурье так сформулировали свой вывод: текст ЛЕП основан на Н4, но дополнен по другим источникам.⁶³

Если к приведенному обзору исследований добавить еще подробное описание рукописи из собрания Доброхотова, № 18, опубликованное в 1965 г. А. И. Копаневым, М. В. Кукушкиной и В. Ф. Покровской⁶⁴ (где, кстати, вопреки всем остальным авторам, писавшим о ЛЕП, рукопись на основании анализа филигранных датировок не XVII в., а второй половиной XVI в.), то историю вопроса можно считать исчерпанной.

Подводя итоги, заметим, что, во-первых, некоторые текстологические выводы А. А. Шахматова в настоящее время отвергаются современными исследователями (например, о Русском Хронографе как ис-

⁵⁹ Там же. С. 368.

⁶⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 467—468.

⁶¹ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 87—91.

⁶² Там же. С. 91.

⁶³ Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. С. 78—139.

⁶⁴ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2: Исторические сборники XV—XVII вв. С. 133—137.

точнике ЛЕП — в связи с пересмотром его датировки), а, во-вторых, основной текстологический аргумент Я. С. Лурье в пользу вторичности по отношению к Н4 Рог. и близких ему летописей не имеет прямого отношения к ЛЕП, так как рассказ о битве на Калке в рассматриваемом памятнике вообще отсутствует.

Итак, состояние вопроса таково, что текст ЛЕП еще нуждается в детальном анализе для определения его места в истории летописания.

Сопоставление текста ЛЕП с другими новгородскими летописями (Н1, НК1, НК2, Н4, Н5), а также с ЛА и С1 показало, что, несмотря на свою краткость, этот памятник содержит ряд чтений (целых известий, мелких уточнений либо даже отдельных слов), противопоставляемых чтениям остальных летописных памятников. Чтения ЛЕП в части до 1424 г. оказываются не вторичными, а первоначальными по отношению к Н4. Приведем следующие примеры, позволяющие предположить вторичность Н4 по отношению к ЛЕП:

1) В ЛЕП о церкви св. Дмитрия на Славкове ул. говорится сначала под 1381 г. («заложили»), а потом под 1382 г. («доконали (...) и за мало падеся»), и наконец, в соответствии с Н1, под 1383 г. — об окончательном завершении. В Н4 все три известия объединены в одно, под 1381 г.: «заложиша (...) и за мало днии падеся».

2) В ЛЕП о церкви Рождества на валу также говорится дважды — сначала под 1381 г. о закладке, потом под 1382 г. — о завершении. В Н4 — только о завершении («свершиша») под 1382 г.

3) Аналогичным образом ЛЕП в соответствии с Н1 сообщает сначала о закладке церкви св. Филиппа (1383 г.), а потом об окончании строительства («поставили» — 1384 г.). В Н4 содержится только первое известие (1383 г.).

4) Под 1414 г. в ЛЕП сообщается: «Была болесь на людех *костолом*». Н1 сообщает о том же, но несколько иначе: «Бе болесь крестяном *тяжка*». Текст Н4 контаминирует оба варианта: «Бе болесь крестяномъ *тяшка, костолом*».

Можно отметить целый ряд случаев, когда составители НК2 и Н4 использовали чтения ЛЕП, отличающиеся от Н1 и С1 (о нашествии татар на Переяславль — 1388 г., о том, что владыка Иоанн находился в Москве 3 с половиной года — 1404 г., о том, что наводнение на Волхове снесло 20 «городен» моста — 1421 г. и др.). В то же время многие чтения ЛЕП (о природных явлениях в Новгороде и о строительстве некоторых церквей) не показались составителям Н4 достойными внимания.

Достоверность одного из таких уникальных известий ЛЕП может быть подтверждена: под 1424 г. встречаем запись — «гибло солнце». Действительно, астрономические вычисления подтверждают факт сол-

нечного затмения 26 июня 1424 г.⁶⁵ Характерные для ЛЕП избыточные по сравнению с другими летописями сведения местного, новгородского происхождения группируются, главным образом, в хронологических рамках второй половины XIV—первой четверти XV в. Но если бы особенностью ЛЕП были только чтения такого рода, наверное, А. А. Шахматов не затруднился бы определить наш памятник как краткий новгородский летописец, частично использованный при создании Н4 и продолженный до 1461 г. Тогда не нужны были бы ни гипотеза о сокращении «Краткого извлечения из Новгородско-Софийского свода», ни предположение о влиянии на ЛЕП Русского Хронографа. А. А. Шахматов, однако, отметил наличие в ЛЕП неновгородских известий, которых не знают другие новгородские летописи. Исследователь привел 3 таких примера, которые и послужили базой для его построения. В полном же виде перечень примеров такого рода выглядит так:

1425 г. — к сообщению о смерти великого князя Василия Дмитриевича добавлено: «...а был 36 лет». Ср. в С1: «...а был на великом княжении лет 36».

1426 г. — «Василеи Васильевич седель на великом княженьи». Ср. в С1: «Василии Васильевич седе на великом княжении».

1426 г. — «Того лета мор был на Москве». Ср. в С1: «...бысть мор во всех градахъ русьских».

1429 г. — «Тое зимы взяли татарове Кострому, Галич на Крещенье».

1430 г. — «Была у Литве у озере Троцком кровь».

1430 г. — к сообщению о смерти Витовта добавлено: «...и был лет 38».

1431—1432 гг. — сообщение о поездке в Орду князей Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича приведено без характерной для новгородских летописей дублировки.

Действительно, по смыслу (хотя и не дословно) все эти сообщения находят соответствие в С1ст. Но, несмотря на этот факт, возведение всего текста ЛЕП к протографу С1 представляется ошибочным по следующим соображениям:

1) Все случаи, которые приведены выше, укладываются в хронологические рамки 1425—1432 гг. Невозможно представить себе, чтобы составитель ЛЕП сократил все восходящие к общерусскому летописанию известия за остальные годы и оставил только эти.

2) Приведенные известия нельзя рассматривать как совсем неизвестные новгородскому летописанию. Сообщение о вокняжении Василия Васильевича с другим порядком слов встречается в НК2 (1426 г.); 3

⁶⁵ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 301.

известия за 1429—1430 гг. содержатся в Н 4ст.; наконец, сам характер дублировки известия о поездке в Орду князей 1432 г. новгородских летописей предполагает возможность ее устранения, осуществленную, в частности, в Н 4ст. и в Н 4мл. (кроме списка А2).

Таким образом, те известия ЛЕП, которые А. А. Шахматов возводил к «Краткому извлечению из Свода 1448 г.», должны быть возведены к новгородскому источнику ЛЕП (типа Н 4ст.). После 1432 г. дополнительные сведения ЛЕП становятся уже чисто новгородскими и в ряде случаев представляют не только текстологический интерес. Приведем один пример. Как известно, владыка Новгородский Евфимий II был поставлен в архиепископы митрополитом Герасимом, который находился в Смоленске. Новгородские летописи сообщают об этом так: «Поеха на поставление». Текст ЛЕП заметно отличается: «А владыка Евфимей сышолся в Литвѣ».

Итак, мы пришли к следующим предположениям. По нашему мнению, в своей основе ЛЕП — это краткий новгородский летописец. Время создания его протографа определяется четырьмя признаками.

1) В предваряющем текст памятника родословию русских князей последними названы сыновья Василия Дмитриевича — Юрий, Иван и Василий. Младший из них — Василий — родился в 1415 г., в то же время он не назван еще великим князем, что предположительно указывает на время до 1425 г.

2) Цепочка оригинальных новгородских известий в тексте ЛЕП прерывается в 1424 г.

3) Как мы пытались показать выше (см. Главу 2), внесение в новгородские летописи статьи о родословии русских князей (которая имеется в ЛЕП) относится ко времени владыки Феодосия (1421—1423 гг.).

4) Использование текста протографа ЛЕП составителем Н4 говорит, согласно нашим представлениям, о том, что это могло произойти не позже 1430—1431 гг.

Совокупность этих признаков позволяет предположить, что основная часть памятника (протограф ЛЕП) была завершена в 20-х гг. XV в., вероятнее всего, около 1424—1425 гг. Последующая часть ЛЕП составлялась, видимо, на основе не дошедшего до нас списка Н 4ст. и была продолжена до 1461 г.

Из сказанного следует, что ЛЕП нельзя пренебрегать как поздним, вторичным либо сокращенным ни при изучении истории летописания, ни при изучении собственно новгородской истории.⁶⁶

⁶⁶ Следует сказать о записи, завершающей текст ЛЕП. Вот как ее прочитал А. А. Шахматов: «В лето 6929 (1421), круг солнцу 17, а луне 17, индикта 14, переписаны

5.3.3. Летописание 1470-х годов

«Эстафету» официального новгородского летописания после окончания ЛА на известии 6977 (1469) г. о пожаре («Тои же весны, по Велици дни, на Щеркови улицы загорѣша дворы. Якоже милость Божия, тако и наказъ, а умножаи не умножи, а малаго не умали»)⁶⁷ подхватывают списки Ст. и С. (см. рис. 5 на с. 242).

Весьма краткие в части 1447—1469 гг., они содержат подробный рассказ о событиях 1470—1476 гг. Стиль летописи вновь становится деловым и информативным; очевидно, что этот текст принадлежит не тому автору, который создавал заключительную часть ЛА. Более того, нет никаких ясных указаний на «владычный» характер летописи. Архиепископ Феофил, избранный на место умершего в 1470 г. Ионы, упоминается на всем протяжении повествования только 3 раза, там, где не упомянуть его было просто невозможно: при возведении на кафедру (1470 г.), при заключении Коростынского мира с Москвой (1471 г.) и при «поставлении» в архиепископа в Москве (1471 г.).

В описании Шелонской битвы 1471 г. летописец даже, кажется, осуждает действия архиепископской дружины: «...коневаа рать не пошла к пѣшеи рати на срокъ в посobie, зане же владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: „владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути; послалъ насъ владыка на Псковичь”».⁶⁸ Складывается впечатление, что составитель известий ЛА за 1447—

лета о немецкомъ побитиѣ, о татарском и о великомирском; ино изочтено немецкому побитиѣ 70 лет и лето вышло, а татарскому побитиѣ 82 лете. По матце Божьей опoшнен назавтрее». Комментируя эту запись, А. А. Шахматов заметил, что под татарским побитьем имеется в виду поход Товлубия под Смоленск, бывший в 1339 г., т. е. за 82 года до 1421 г.; что разумеется под немецким побитьем, неизвестно; «неясны также последние слова этой приписки». Справедливо заметив, что под «вилкомирским побитьем» разумеется сражение при Вилькомире 1435 г., исследователь не придал значения противоречию между этой датой и прочитанной им в начале записи — 1421 г. Б. М. Клосс и Я. С. Лурье, воспроизведя эту запись без исправлений по сравнению с А. А. Шахматовым, заметили, что вместо 6929 (1421) г. следует читать 6989 (1481) г., так как именно в этом году исполнилось 71 год со времени Грюнвальдского сражения и 82 года — от битвы Витовта с Темир-Кутлум. Это верно тем более, что в рукописи как раз и стоит «пѣ», а не «кѣ», т. е. именно 6989 г. Мнение исследователей, что список ЛЕП восходит к протографу 1481 г., представляется, однако, небесспорным: ведь речь в записи идет о переписанных «летах», содержащих описания перечисленных сражений, а в ЛЕП битвы при Грюнвальде и Вилькомире даже не упоминаются. Вероятнее всего, запись попала в конец ЛЕП по недоразумению, случайно и к нему не относится. Последнюю фразу приписки можно прочесть так: «По милосце Божьей опoшнен (от глагола «опочивать, опочнуть») на завтрее» — «По милости Божией отдохни завтра».

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 224.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 446.

1469 гг. был последним «владычным летописцем», а с 1470 г. ведение летописания передается в руки магистрата. Возможно, конечно, что «владычная летопись» за последние годы новгородской независимости существовала, но просто не дошла до нас.

В центре внимания летописи по спискам Ст. и С. за 1470—1476 гг. находятся новгородско-московские политические отношения, военные действия, пожары, а также метеорологические и астрономические явления. Лишь однажды летописец отступает от делового стиля изложения, поднимаясь до высокой патетики: при осуждении «перевѣтника» Упадыша, заколотившего железом 5 пушек во время столкновения с Москвой 1471 г. Риторически обращаясь к уже казненному Упадышу, он восклицает: «Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгородъ, не сытии лукавства? На мзды ли предаши врагомъ Новъгородъ, о Упадыще, сладкаго брашна вкусилъ въ Великомъ Новѣградѣ? О, колика блага не памятивъ, недостаточное ума достигль еси! (...) И злочтивому злочтивая пагуба. Уне бы ти, Упадыше, аще не былъ бы во утробѣ материны, не бы былъ нареченъ предатель Новуграду».⁶⁹

Завершается летописный текст Ст. и С. известием об очередном пожаре: «В лѣто 6985. Тои осени, сентября^а 21, бысть пожар: от Розважи улицы погорѣ^б и до Боркови^в улицы,^г побережье все и до Великои улицы, и Марфи^д посадници^е дворъ. Арипъ^ж».⁷⁰

Если дату 21 сентября 6985 г. считать приведенной по сентябрьскому летосчислению, то она будет соответствовать 21.09.1476 г.⁷¹ Дальнейшие драматические события хорошо известны. Новгородские летописные источники о событиях 1477—1478 гг. не сохранились, лишь в Устюжской летописи (далее — Уст.) содержится одно уникальное известие под 6985 (1477) г. Я. С. Лурье отметил, что совпадения Уст. с известными нам новгородскими летописями заканчивается 6979 (1471) г., «однако под 6985 г. в Уст. читается еще один рассказ, посвященный новгородским событиям, но неизвестный по новгородским летописям, — о посольстве Ивана III в Новгород и о волнениях в городе накануне его окончательного присоединения к Москве».⁷² Этот не-

^а сентября въ С. ^б Нет С. ^в Борковѣ С. ^г улицѣ погорѣ С. ^д Марфѣ С.

^е Доб. чюдныи С. ^ж О Христи Иисусѣ аминь С.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 448.

⁷⁰ Там же. С. 450.

⁷¹ Возможно, однако, здесь использован мартовский счет, более традиционный для новгородцев. В таком случае последняя запись независимого новгородского летописания была сделана буквально за считанные дни до надвигавшейся катастрофы — падения республики и потери независимости.

⁷² Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 196.

большой, но выразительный текст заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью:

«В лѣто 6985. В Новѣгородѣ Великом бысть пожар силен: 15 церквей згорѣло, а 3 каменные разсыпалися, а над городом, яко солнце красно стояло. Тое же осени от великаго князя посол Федор Давыдовичъ. И ста на вѣчи и рече слово: „Бояре новгородски и весь Новѣгород, приходил к великому князю ваш подвоиской Назарей и дьяк ваш вѣчнои, и ркуше тако: новгородские посадники, и тысяцкие, и весь Великий Новѣгород наркли князеи великих себѣ Ивана Васильевича и сына его Ивана Ивановичя государем Новугороду; вы чем великих князеи имѣете?“. И тако ркли чернь: „Мы с тѣм не посылавали, то посылали бояря, а народ того не вѣдает“. И начаша народ на бояр за то злобу имѣти. И Федора Давыдовича отпустиша ни с чѣм. Меж собою в брани, и в том на вѣчьи убиша Василья Никифоровича, а иные разбѣглися. В то же возмущение убиша 2 посадника: Захарью Григорьевича да брата Козму, а сына Кузьмина за мертво оставиша, а Луку Федорова да Фефилата Захарьина, изымавшѣ, посадиша за сторожи. И потом приведше их на вѣчье и пожаловаша их, и целовали крест, что им хотети добра Новугороду».⁷³

Как и в тексте Ст.—С. за предыдущие годы, здесь совершенно не видна роль в описываемых событиях архиепископа и «Дома святой Софии». Ясно, что в Уст. дошел до нас фрагмент не «владычного», а городского летописания. Очевидно, перед нами последняя запись последнего летописца Новгородской республики: «...после окончательного присоединения города это летописание уже не продолжалось».⁷⁴

О дальнейших событиях 1477—1478 гг., закончившихся тем, что «вечной колокол сняли долов и на Москву свезоша»,⁷⁵ мы узнаем уже не из новгородских, а из московских и псковских летописей.

5.3.4. Летописание 1490-х годов?

Существует гипотеза о ведении летописи в Новгороде при архиепископе Геннадии, в 90-х гг. XV в. Я. С. Лурье высказал предположение, что «источником Новгородской Хронографической летописи и

⁷³ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 91—92.

⁷⁴ Лурье Я. С. К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 94.

⁷⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 75.

сходных с нею в этой части летописей (до 1491 г.: «Сокращенного свода 1495 г.», Новгородской Уваровской летописи, Новгородского свода 1539 г. — А. Б.) был великокняжеский свод второй половины 90-х годов (с дефектом в изложении 6999 г. и последующих годов) в какой-то редакции, связанной с архиепископом Геннадием Новгородским».⁷⁶ Исследователь отметил, что во всех указанных летописях под 6999 (1491) г. читается дополнительный рассказ о соборе на еретиков, подчеркивается роль Геннадия и описывается знамение в Новгороде.⁷⁷

В любом случае, принимать ли гипотезу Я. С. Лурье или нет, этот летописный текст относится уже совсем к другому жанру: это не летопись Новгородского государства или епархии, а личный, частный летописец, точнее, даже, 2 частных летописных известия (о соборе на еретиков и о знамении) внутри одной обширной годовой статьи 6999 (1491) г.

Яркое и самобытное явление литературной, культурной и политической жизни Новгорода — его летописание — не смогло пережить саму республику. То новгородское летописание, которое вновь появится в XVI в., будет уже совсем другим, утратившим связь с политикой, с живыми веяниями эпохи, оно будет скорее бытописательским и церковно-историческим.

Летописи Великого Новгорода последних трех десятилетий существования республики сохранились, по большей части, в единичных списках. Если Н4 известна в 10, а Н5 — в 15 рукописных копиях, то Лицицкий летописец 1450 г. вообще не дошел до нас, и мы можем лишь предположительно установить его состав; ЛА сохранилась в 6 списках, но только один сберег для нас уникальные известия 1447—1469 гг. Лишь в 2 списках (Ст. и С.) дошло до наших дней новгородское летописание 1470-х гг., а единичное летописное известие самого последнего года независимости, подобно осколку разбитой посуды, обнаруживается в далеком Устюге. По всей видимости, мнение Н. Н. Яниша о том, что после падения республики новгородские летописи сознательно уничтожались победившей стороной,⁷⁸ может быть принято, хотя и с другой аргументацией, чем предлагал исследователь.

Судьба летописания Великого Новгорода оказалась неразрывно связана с судьбой самой республики, пережить которую ему было не суждено. Новгородское летописание XV в. именно потому и останется

⁷⁶ Лурье Я. С. *Общерусские летописи...* С. 251.

⁷⁷ Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 176—178. См. этот текст: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 158—159.

⁷⁸ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки // ЧОИДР. 1874. Кн. 2, отд. 1. С. 1—96 (то же: Отд. изд. М., 1874. 96 с.).

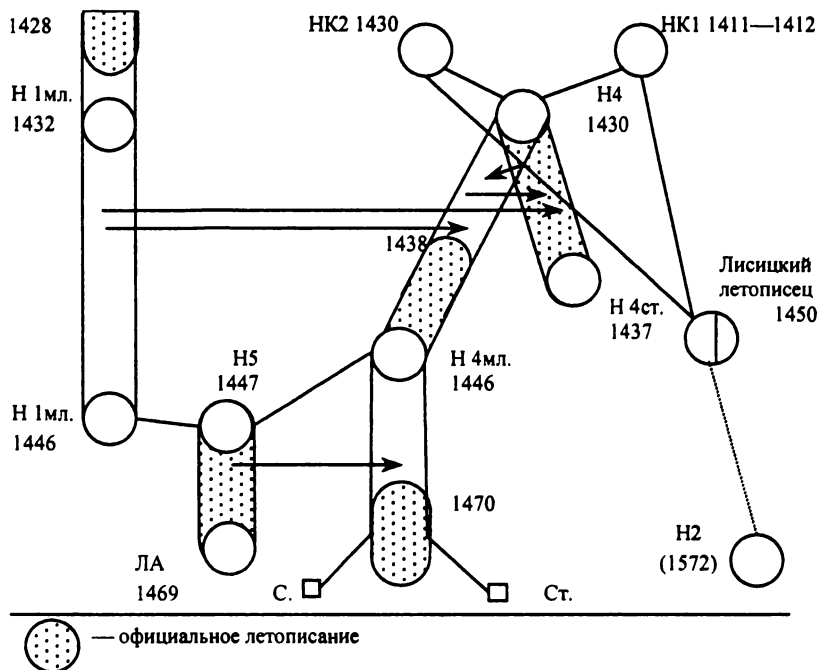

Рис. 5. Стемма новгородского летописания 1430—1470-х гг.

уникальным памятником истории и литературы, что его питали независимая политика Новгородского государства и споры, происходившие и на вече, и в монашеских кельях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тот факт, что древнерусские летописи составлялись по преимуществу в монастырях, очевиден и общеизвестен. Проведенное исследование, однако, позволило наполнить эту банальную истину новым конкретным содержанием, дающим пищу для размышлений.

Монастыри в Древней Руси были явлением, определяющим характер всей культуры. По словам Д. С. Лихачева, начиная с эпохи позднего средневековья, западноевропейский тип культуры был «городским» и «университетским», а русский — «монастырским» и «библиотечным». В XV—XVII вв. на Руси, несомненно, преобладающая часть литературных, исторических и публицистических произведений создавалась в стенах монастырей, и почти весь объем рукописной книжности переписывался в монастырских скрипториях и хранился в монастырских библиотеках. Развивая мысль Д. С. Лихачева, можно сказать, что древнерусские монастыри с их библиотеками были своего рода «духовными школами» и «университетами» того времени. Но было так не везде и не всегда.

В Древней Руси было 2 основных типа монастырей — придерживающиеся так называемого келлиотского устава («особные монастыри») и общежительного устава («киновии»). В келлиотских монастырях иноки жили в своих особых кельях, ели свою пищу, владели своим имуществом и т. д., а общей у них была только церковь или часовня, куда они сходились на молитву. Основанные ктиторами — князьями, епископами, боярами, посадниками и содержавшиеся на их средства, эти монастыри строились как «прибежище» для крупных вкладчиков. Если вкладчик хотел уйти из монастыря, он мог потребовать обратно свой вклад. В таких монастырях игумен во всем подчинялся ктитору.

Монастыри другого типа — общежительные — основывались на принципе отказа от какой-либо личной собственности, не исключая пищи и одежды, и на принципе равного обязательного участия всех иноков во всех службах и работах. Первым общежительным монастырем на Руси была знаменитая Киево-Печерская обитель. Один из ее основателей, Феодосий Печерский, как это ясно из его Жития, написанного Нестором, и из «Повести временных лет», получил богослужебно-дисциплинарный Типикон (Устав) из константинопольского Студийского монастыря около 1070 г.

Если в ранний период своей истории знаменитый Киево-Печерский монастырь строго придерживался общежительных порядков, то уже к XIII в., судя по Киево-Печерскому патерику, право личной собственности проникло в среду иноков. Еще в меньшей степени общежитие сохранилось в других обителях, и к XIV в. несомненное большинство монастырей придерживалось келлиотского устава.

Возвращение к забытой традиции общежития начинается на Руси с середины XIV в. Этот переворот в монастырской жизни связан прежде всего с деятельностью Сергия Радонежского и митрополитов Алексия и Киприана. Согласно Житию Сергия, написанному Елифанием Премудрым и переработанному Пахомием Сербом, общежительный устав в Троицкой лавре был введен по грамоте патриарха Константинопольского в 1355 г. В 1366 г. Алексей основал в Москве Чудов общежительный монастырь, он же учредил в Москве Андроников монастырь (точная дата его основания неизвестна), где также устроил общежитие, причем Сергей выделил в игумены своего ученика Андроника, а при основании московского Симонова монастыря первым игуменом стал племянник Сергия Феодор. Всего учениками и духовными друзьями преподобного Сергия Радонежского было основано до 40 монастырей, из которых в свою очередь вышли основатели еще примерно 50 обителей, и все эти монастыри, если не сразу, то вскоре после основания, по образцу Троице-Сергиевой лавры принимали общежительный устав.

Если нанести эти обители на карту, то нельзя не заметить, во-первых, преимущественное устремление учеников Сергия на Север Руси, главным образом в места, расположенные вдали от городов, в лесах, в пустынной незаселенной местности. Еще со времен В. О. Ключевского этот процесс был назван монастырской колонизацией Русского Севера.

Во-вторых, следует отметить ограничение распространения монашества из Сергиевой обители рубежами Новгородской республики. Хотя в церковном отношении Новгородская епархия подчинялась московским митрополитам, светские государственные границы были непроницаемы для учеников преподобного Сергия Радонежского. А. А. Савич справедливо отметил, что «монастырская колонизация на Русском Севере заключала в себе две струи. Одна направлялась из Московско-Ростовских областей, другая шла из Великого Новгорода».¹

¹ Савич А. А. Главнейшие моменты монастырской колонизации русского севера в XIV—XVII вв. // Сборник общества философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 54.

Общежительные монастыри Новгородской республики имели свою особую «родословную», восходившую не к троице-сергиевской, а к афонской традиции.

Новые монастыри отличались от старых не только внутренним уставом, но, главным образом, характером своего влияния на внешний мир. Если ктиторские монастыри, в которых действовал келлиотский устав, не обладали большими земельными владениями и за очень редкими исключениями сами не были феодальными землевладельцами, то новые монастыри начиная со второй половины XIV в. превратились в самостоятельные, независимые от князей и бояр феодальные вотчины с большим разветвленным хозяйством, играющие заметную роль в экономической и политической жизни страны.² Помимо экономических факторов при анализе перемен в монастырской жизни XIV—XV вв. следует, бесспорно, учитывать и культурный. Наличие общего имущества в новых монастырях обусловило появление обширных библиотек. Именно из общежительных монастырей — киновий — дошли до нас крупнейшие собрания древнерусских рукописей: Троице-Сергиевское, Соловецкое, Кирилло-Белозерское, Иосифо-Волоколамское, Чудовское и др. Именно в общежительных монастырях могли существовать книгописные мастерские — скриптории (назовем здесь также Андроников и Симонов монастыри в Москве, Лисицкий в Новгороде, Спасо-Елеазаров во Пскове, Ферапонтов в Белозерье). Именно такие монастырские библиотеки и скриптории постепенно начали определять тип древнерусской культуры с середины XIV в.

Если мы обратимся к содержанию рукописных книг, которые переписывались в этих обителях, то обнаружим, что наряду с литургическими текстами и аскетическими монашескими сочинениями все большее место начинают занимать в монастырских сборниках поучения против различных мирских пороков — лени, пьянства, языческих пережитков, «злых жен», сребролюбия и т. д.³ Парадоксальным образом, удаляясь в леса, иноки новых общежительных монастырей обращались лицом к миру. Что касается борьбы с суевериями, это неудивительно: иноки общежительных монастырей, уходя все дальше от городов, в большей степени должны были сталкиваться с проявлениями язычества. Мы видим это на примере новгородца преподобного Арсения Ко-

² Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М., 1966. С. 27.

³ См. об одном из таких сборников: Бобров А. Г. Псковский сборник XV в. «Златая Матица» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 40—41; Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 341—358.

невского, который застал в 90-х гг. XIV в. на острове Коневец (Ладожское озеро) культ камня, которому приносились в жертву лошади. Но была и другая причина, по которой монахи из киновий должны были обратиться против мирских пороков. Если монастыри старого типа, основанные князьями, епископами, боярами и содержавшиеся на их средства, строились как «прибежище» для крупных вкладчиков, живших в них по келлиотскому уставу, то и цель нравственного просвещения окружающего населения не стояла перед ними. Иное дело общежительные монастыри: открытые не только для состоятельных вкладчиков, но для любого человека; вынужденные сталкиваться с миром повседневно в силу хозяйственных потребностей; в принципе ставящие общее выше личного — они не могли оставаться замкнутыми корпорациями и оказывали на общество несравненно большее влияние, чем старые обители.

Помимо таинства исповеди единственными явными и публичными средствами воздействия на мир у иноков были проповедь, поучение, благословение (или неблагословение, моральное осуждение). Не случайно легенда связывает победу на Куликовом поле с благословением Сергия Радонежского, а победа в феодальной войне Василия Темного была во многом обусловлена позицией иноков отдаленных заволжских общежительных монастырей. Активная позиция по отношению к миру, к мирской жизни у монахов русских киновий была унаследована ими от их духовных учителей — византийских исихастов.⁴

Д. С. Лихачев называет эпоху Сергия Радонежского и его учеников «Предвозрождением». Г. М. Прохоров уточняет: «Православное Предвозрождение». Действительно, термин Д. С. Лихачева вызвал в научном мире неоднозначную реакцию. Многие отмечали, что основная черта европейского Возрождения — секуляризация культуры, ее обмирщение. На Руси этого не произошло, поэтому связывать процессы, происходившие у нас в XIV—XV вв., с понятием «Возрождение» (или даже «Предвозрождение») некоторым казалось рискованным.⁵ Но здесь важно подчеркнуть такой нюанс — иноки общежительных монастырей, обратившись лицом к миру, увидели в нем многие детали. В. П. Адрианова-Перетц заметила, что если положительный образ в поучениях строился методом «идеального преобразования действительности», то

⁴ См.: Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 9—12.

⁵ См.: Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке: Спорные вопросы региональных Ренессансов. Л., 1989. С. 183—205 (Глава «Проблема Ренессанса в России»).

обличение пороков больше опиралось на реальные наблюдения над действительностью.⁶ Таковы были обличения пьянства и «злых жен», мздоимства и сребролюбия, чревоугодия и сквернословия, лени и языческих пережитков. Все эти темы, в общем известные русской литературе с XI в., именно в эпоху «Предвозрождения» и именно среди книжников из общежительных монастырей становятся особо популярными. В эти сочинения (или новые редакции старых произведений) проникает стихия фольклора, входят меткие реалистические характеристики, а порой просачиваются «глумы» и смех.⁷

Благодаря книжникам из общежительных монастырей (Троице-Сергиева, Лисицкого, Саввино-Сретенского и др.) на Руси осуществляются контакты с Афоном и Константинополем, распространяется так называемое второе византийское и южнославянское влияние: появляются новые переводные литературные сочинения; прививаются новые художественные веяния; становится популярным «балканский» орнамент. В киновиях создают свои произведения Андрей Рублев и Епифаний Премудрый, Пахомий Серб и книжник Ефросин, а позже — Иосиф Волоцкий и старец Филофей... Не общежительные ли монастыри определили на века некоторые черты русской культуры — «соборность» и антииндивидуализм, «старчество» и мессианство?

Вот в самых общих чертах та проблематика, которую следует иметь в виду, рассматривая историю летописания, и в особенности новгородского летописания XV в. В Древней Руси летописи нередко создавались в монастырях, но в особенности — в Новгородской республике, где княжеское летописание в силу исторических причин не могло получить своего развития.

На землях Новгорода в эпоху независимости насчитывалось более 130 монастырей. Большинство из них не оставило после себя почти никаких следов, кроме описаний в Писцовых книгах или беглого упоминания в летописях. Другие, немногие, являлись ключевыми религиозными, культурными, экономическими и даже политическими центрами. Особую, ключевую роль в развитии новгородского летописания XV в. сыграл общежительный Лисицкий монастырь; очевидно, велись летописи также в Хутынском и Пантелеймоновом монастырях.

⁶ Адрианова-Перетц В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 21—22.

⁷ Лурье Я. С. Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31/32. P. 257—267; Бобров А. Г. «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 294—302.

В процессе работы над новгородскими летописями XV в. обнаружилось, что записи на рукописных книгах 1413 и 1414 гг., переписанных «изисканьем» Матфея Михайлова Кусова, явились непосредственным источником соответствующих летописных известий Н 1мл. В ходе дальнейшего исследования встал вопрос: насколько это закономерное явление? Мы вообще довольно мало знаем о «творческой лаборатории» древнерусских летописцев. Несмотря на огромное количество накопленного поколениями ученых материала текстологических сопоставлений, мы больше знаем о результатах деятельности летописцев, чем о самом процессе. Показателен в этом смысле спор между Я. С. Лурье и Г. М. Прохоровым, который, конечно, не сводится только к проблеме соотношения конкретных летописных памятников. Исследователи по-разному понимают сам процесс летописания: Я. С. Лурье, в соответствии с традициями А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, трактует его как историю создания летописных сводов — результата целенаправленной единовременной работы редакторов-сводчиков, а Г. М. Прохоров видит в нем главным образом непрерывный процесс ежегодного наращивания летописных памятников.

Наблюдения, сделанные в ходе данного исследования, позволяют предположить, что обычный, традиционный характер летописания (по крайней мере для Новгорода) был таким, как его понимает Г. М. Прохоров («ежегодно-ведущая летопись»). Памятником такого типа в целом является Н 1мл., так же создавалось и продолжение «основной» редакции Н4 (Н 4ст.). Создание сводов было распространенным, но далеко не единственным способом ведения летописания (подобно тому, как в рукописной традиции «сводные», «контаминированные» тексты часты, но далеко не повсеместны).

В тех случаях, например, когда возникала необходимость пересмотра текста той или иной летописи за прошлые годы, — тогда привлекались для сопоставления списки других летописей и создавалась новая версия — «свод». Такими сводами в летописании XV в. были, в частности, протографы НК1 («Свод 1411 г.»), НК2, С1 («Свод 1418 г.»), Н4 в «основной» редакции, доведенной до 1428 г.

Косвенное подтверждение точки зрения Г. М. Прохорова можно видеть в материалах канцелярской описи царского архива 70-х гг. XVI в. Годовые статьи, составленные, как отметил Р. Г. Скрынников, после отставки Адашева, хранились в архиве в отдельном ящике: «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го». Из пометы хранителя царского архива мы знаем, как выглядели эти материалы: «В 76-м году летопи-

сец и тетради посланы ко государю в Слободу».⁸ В XVI в., таким образом, черновые годовые статьи для летописей вначале записывались в отдельные тетради. А что было в XV в.?

Чтобы проверить предположение о функции записей летописного характера в рукописных книгах как о заготовках для создания летописных сводов, пришлось собрать воедино рассыпанные по каталогам сведения о записях новгородских книжников конца XIV—XV в. Оказалось, что практика создания «заготовок» годовых статей или отдельных летописных известий достаточно распространена. Более того, запись на рукописной книге «летописного характера» почти всегда свидетельствует о причастности того или иного писца к ведению летописания.

Именно изучение записей на рукописных книгах позволило по-новому взглянуть на многие вопросы истории новгородского и общерусского летописания. Так, например, переписанная новгородцем Варлаамом в Троице-Сергиевом монастыре рукопись позволила с некоторой степенью вероятности установить, что он (или какой-то книжник из его окружения) был и создателем протографа НК1 — летописи, впервые в XV в. соединившей традиционную новгородскую летопись с общерусской («Свод 1411 г.»).

Дальнейшая судьба Летописи 1411 г. видится нам так: с одной стороны, она была использована в Москве при составлении протографа С1 — Свода митрополита Фотия (в 1418 г. или вскоре после этой даты), а с другой, естественно, — попала в Новгород. В это же время в самом Новгороде начинается летописная деятельность другого яркого книжника первой половины XV в. Матфея Михайлова Кусова (род. в 1375 г.), но его усилия направлены на продолжение традиционной линии новгородского «владычного» летописания.⁹ «Свод 1411 г.» не получил распространения в Новгороде, но в Москве он оказался первым шагом на пути к созданию Свода Фотия 1418 г. Новгородский владычный свод, созданный при участии Матфея Михайлова Кусова (протограф Н 1мл.), также используется при создании Свода Фотия (этот этап новгородского летописания, как показал В. Л. Янин, хронологически зафиксирован в окончательной редакции «Списка А» новгородских посадников).

⁸ Описи Царского архива. М., 1960. С. 43; *Скрынников Р. Г.* О времени работы Ивана Грозного над лицевым сводом // Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 156.

⁹ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3—20.

С деятельностью архиепископа Феодосия, выходца из Троицкого Клопского монастыря с его традиционно промосковской ориентацией, мы связываем вторую попытку соединить новгородское и общерусское летописание, следами которой являются перечни русских князей, митрополитов, городов, родословия великих князей в ряде списков новгородских летописей, а также влияние протографа С1 на некоторые сочинения в составе Н 1мл. После изгнания Феодосия с владычной кафедры официальное летописание возвращается в традиционное русло.¹⁰ Наконец, еще один выходец из Лисицкого монастыря — Евфимий II, занявший архиепископскую кафедру в ноябре 1429 г., вновь, уже в третий раз, инициировал работу по соединению новгородского летописания с общерусским, используя все результаты своих предшественников.¹¹ Многолетние усилия привели к созданию Н4, видимо, самого яркого литературного памятника новгородского «Евфимьевского возрождения» (см. рис. 4 на с. 165).

Не только общерусское летописание обогащало новгородскую традицию, но было и существенное обратное влияние. Вкладом Новгорода в общерусское летописание явился не только «Свод 1411 г.» — источник Свода митрополита Фотия, но и Н5, послужившая основой для псковских, смоленских летописей и, уже в XVI в., — источником для московской Никоновской летописи.

Период наивысшего расцвета не только летописания, но и самой новгородской культуры, падает на конец XIV—первую половину XV в. Думается, тем рубежом, после которого началось «скольжение вниз» и культуры, и экономики, и государственного устройства, и самого духа Великого Новгорода, были события конца 30-х—начала 40-х гг., связанные с восприятием Флорентийской Унии на Руси. Суммируя сказанное в исследовании (см. Главу 4), можно утверждать, что Новгород в середине XV в. спас православие на Руси ценой собственной независимости.

Высокий трагизм накладывает отпечаток на все события и произведения последних десятилетий эпохи республики. Для летописания и других литературных жанров наступила пора последнего расцвета. Потеряв независимость, Новгород надолго еще сохранил особенности своей культуры, а Русский Север унаследовал и сберег их.

Еще П. М. Строев заметил: «Двиняне, Онежане, Пинежцы, Важане мало изменились от времени и нововведений: их характер *свободы*,

¹⁰ См. подробнее: Бобров А. Г. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 187—191.

¹¹ См. подробнее: Бобров А. Г. Из истории летописания... С. 17—19.

волостное управление, образ селитьбы, пути сообщения, нравы, самое наречие, полное архаизмов, и выговор невольно увлекают мысль в пленительный мир самобытия новгородцев. Скажу более: Двина и Поморье суть земля классическая для русского историка. Только там можно постигать вполне народный дух наших предков и физиогномию естественную и государственную древней России. Самые новгородские и другие северные летописи делаются вразумительнее во многом».¹²

В заключение хотелось бы процитировать слова остающегося непревзойденным в изучении летописания академика А. А. Шахматова: «Ошибки и неточности неизбежны в такой сложной работе, какую представляется изучение летописей, их состава и взаимных отношений».¹³ Наверняка дальнейшее изучение новгородского летописания XV в. позволит уточнить и исправить многие положения, выдвинутые в данной работе, но хочется надеяться, что хотя бы часть из них будет способствовать приближению к истине.

¹² См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 198.

¹³ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 120 (Записки имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. 4, № 2).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц В. П.* О реалистических тенденциях в древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 5—35.
- Азбелев С. Н.* Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219—228.
- Азбелев С. Н.* Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 282—297.
- Азбелев С. Н.* Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 110—117.
- Азбелев С. Н.* Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 236—262.
- Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960.
- Азбелев С. Н.* Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 364—370.
- Азбелев С. Н.* Новгородское летописание XVII в. (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
- Азбелев С. Н.* Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 251—283.
- Азбелев С. Н.* Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 270—287.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1.
- Антонова М. Ф.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 147—150.
- [*Аристов Н. Я.*] Обзор русских летописей в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1860. Ч. 1, апрель. С. 385—440; Ч. 2, май. С. 46—74; июнь, с. 177—201.
- Афанасьева М. И., Афиани В. Ю., Козлов В. П., Космолинская Г. А.* Комментированный список источников и литературы, использованных Н. М. Карамзиным в «Примечаниях» // *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 333—341; М., 1991. Т. 2—3. С. 660—677; М., 1992. Т. 4. С. 345—358; М., 1993. Т. 5. С. 406—420.
- Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.
- Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописей // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 229—238.
- Бегунов Ю. К.* К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 348—357.

- Белецкий С. В. Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30—40-е годы XV в. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20—24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 50—52.
- Белецкий С. В. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14—начале 15 вв. // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 82—83.
- Белоброва О. А. Александр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 20.
- Беляев И. Рассказы из русской истории. М., 1866. Кн. 2: История Новгорода Великого от древнейших времен до падения.
- Берединов Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографического комиссией. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 3—9 (1-я pag.).
- Бережков Н. Г. О хронологии русских летописей по XIV в. включительно // ИЗ. 1947. № 23. С. 325—363.
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1962.
- Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской, древних и средних времен. СПб.: При имп. Академии наук, 1767. Ч. 1: Летопись Нестерова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года.
- Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб., 1994.
- Бобров А. Г. Варлаам Лисицкий — новгородский книжник конца XIV—начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. № 18. С. 5.
- Бобров А. Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257—268.
- Бобров А. Г. Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV—начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л.: [ГПБ], 1985. С. 10—16.
- Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3—20.
- Бобров А. Г. Ипатьевская летопись // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 2 (Г—И). С. 304—305.
- Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 341—358.
- Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV—первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98.
- Бобров А. Г. Ксенофонт Робейский монастырь // София (Новгород). 1998. № 3. С. 21—23.
- Бобров А. Г. Летописи Новгородские // Литература Древней Руси: Библиографический словарь / Под ред. О. В. Творогова. М., 1996. С. 105—106.
- Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия: (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52. С. 90—129.
- Бобров А. Г. Лисицкий Рождества Богородицы монастырь // София (Новгород). 1997. № 1. С. 19—21.

- Бобров А. Г. «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV века // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 291—299.
- Бобров А. Г. Нестор // Русские писатели XI—начала XX века: Биобиблиографический словарь. Книга для учащихся / Под ред. Н. Н. Скатова; Сост. В. А. Котельников, Ю. М. Прозоров. М., 1995. С. 23—24.
- Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века (Исследование и тексты): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996. 66 с.
- Бобров А. Г. Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16—19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 89—101.
- Бобров А. Г. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 187—191.
- Бобров А. Г. Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 359—373.
- Бобров А. Г. О публикации древнерусских летописей // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, состоявшейся 14—16 октября 1998 года. Нижний Новгород, 1998. С. 5—7.
- Бобров А. Г. Предисловие // Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 1—10 (1-я pag.).
- Бобров А. Г. Псковский сборник XV в. «Златая Матица» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 40—41.
- Бобров А. Г. Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 107—136.
- Бобров А. Г. Троицкий Клопский монастырь // София (Новгород). 1999. № 2. С. 8—11.
- Бобров А. Г. Флорентийская уния и Новгород // София (Новгород). 1996. № 1 (17) (январь—март). С. 12—13.
- Бобров А. Г. Церковные отношения Пскова и Новгорода и Флорентийская уния // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20—24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 53—57.
- Бородина О. Р. Развитие географии в поздней Византии // Культура Византии: XIII—первая половина XV в. М., 1991. С. 376—394.
- Бочаров Г. Н. Резьба по кости в Новгороде: X—XV века // Древний Новгород: История. Искусство. Археология. М., 1983. С. 129—140.
- Брачев В. С. Петербургская Археографическая комиссия (1834—1929 гг.). СПб., 1997.
- Буганов В. И. Об издании русских летописей // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 17—28.
- Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: (Обзор советской литературы). М., 1975.
- Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М., 1966.
- Будовниц И. У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1969.
- Бычков А. Ф. Предисловие // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 6—8 (1-я pag.).
- Валк С. Н. «Русская правда» в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 124—160.
- Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948.
- Великие Минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 19—31. СПб., 1880.
- Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980.

- Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 171—198.
- Воскресенская летопись [Ч. 1] / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 1998. 645 с. («Русские летописи». Т. 2).
- Востоков А. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842.
- Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии // ЛЗАК. СПб., 1895. Вып. 10. Отд. 4. С. 1—130.
- Гальченко М. Г. Лисицкие датированные рукописи конца XIV—первой половины XV вв. и проблема второго южнославянского влияния // *Palaeoslavica*. 1997. Vol. 5. P. 59—81.
- Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18—47.
- Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3—72.
- Гиппиус А. А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996. 27 с.
- Гиппиус А. А. Новгородские летописцы XII—XIII веков // Проблемы синтеза культур: Тезисы научно-практической конференции. Севастополь, 1992. С. 3—5.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1.
- Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского Кремля. Л., 1991.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953.
- Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.
- Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. Ч. 1.
- Гукова С. Н. Естественнаучные знания в палеологовский период // Культура Византии: XIII—первая половина XV в. М., 1991. С. 361—375.
- Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.
- Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и сообщения. М.; Л., 1960.
- Дмитриев Л. А. Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV—середина XV века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 126—184.
- Дмитриева Р. П. О раннем периоде истории Соловецкого монастыря в Житиях Зосимы и Савватия и в списках Соловецкого летописца // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 89—98.
- Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 150—180.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции / Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов; Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1897. Т. 3: Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II.
- Зиборов В. К. Иннокентий Гизель // Словарь книжности и книжников Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И—О. С. 43—46.

- Зиборов В. К. *Летопись Новгородская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 51.
- Зиборов В. К. *О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в.* СПб., 1995.
- Зимин А. А. *Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.* М., 1991.
- Зимин А. А., Насонов А. Н. *О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // ВИ. 1951. № 2. С. 89—91.*
- Иконников В. С. *Опыт русской историографии*. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1.
- [Иларию, иером., Арсений, иером.] *Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры*. М., 1878. Ч. 1.
- Исаченко А. В. *Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1973. No 18. S. 48—55.*
- Казакова Н. А. *Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25.*
- [Калайдович К. Ф.] *Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: Из древних русских летописей*. М., 1821.
- Калайдович К. Ф., Строев П. М. *Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого*. М., 1825.
- Каменцева Е. И. *Русская хронология: (Справочное пособие)*. М., 1960.
- Карамзин Н. М. *История государства Российского*. СПб., 1816—1829. Т. 1—12.
- Карамзин Н. М. *История государства Российского*. М., 1991. Т. 2—3.
- Карамзин Н. М. *История государства Российского*. СПб., 1842. Т. 5.
- Карамзин Н. М. *История государства Российского: В 12 т.* М., 1993. Т. 5.
- Каргер М. К. *К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 565—568.*
- Каринский Н. *Язык Пскова и его области в XV в.* СПб., 1909 (Записки Историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета. Ч. 93).
- Карташев А. В. *Очерки по истории русской церкви*. М., 1991. Т. 1.
- Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР*. М., 1988. Ч. 1—2.
- Клейненберг И. Э., Севастьянова А. А. *Уличане на страже своей территории: (По материалам ганзейской переписки XV в.) // Новгородский исторический сборник*. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 157—164.
- Клосс Б. М. *Житие Сергия Радонежского*. М., 1998.
- Клосс Б. М. *Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 245—247.
- Клосс Б. М. *Никоновский свод и русские летописи XVI—XVIII вв.* М., 1980.
- Клосс Б. М. *Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. Посв. памяти А. Н. Насонова*. М., 1974. С. 252—269.
- Клосс Б. М. *Новый памятник русского эпоса в записи XVI в. // ИСССР. 1968. № 3. С. 151—157.*
- Клосс Б. М., Лурье Я. С. *Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР*. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 78—139.
- Клюг Э. *Княжество Тверское: (1247—1485 гг.)*. Тверь, 1994.
- Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А. *Кириллические рукописные книги XV—XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // Krakowsko-Wileńskie Studia slawistyczne. Kraków, 1997. Seria Poświęcona starożytnościom słowiańskim. Т. 2. S. 41—112.*

- Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.
- Коняевская Е. Л., Прохоров Г. М. Арсений // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 68—70.
- Кузьмин А. Г. К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской первой летописи // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 90—91.
- Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.
- Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966.
- Лаурина В. К. О новгородской иконописи XV в. // Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 143—174.
- Леонид, архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Троицкой Сергиевой Лавры..., ныне находящихся в Библиотеке Московской Духовной Академии. М., 1887. Вып. 2.
- Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. М., 1781.
- Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) году и кончающийся 6860 (1352) годом. М.: Синодальная типогр., 1819.
- Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911.
- Лихачев Д. С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV вв. // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 43—56.
- Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987.
- Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 66—89.
- Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.). М., 1946.
- Лихачев Д. С. Литература Новгорода XIII—XIV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2: Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. С. 105—127.
- Лихачев Д. С. Литература Новгорода XIV—XV вв. // Там же. С. 253—268.
- Лихачев Д. С. Литература Новгорода второй половины XV—первой половины XVI в. // Там же. С. 368—389.
- Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1945.
- Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Докл. сов. ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 95—171.
- Лихачев Д. С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945 (переизд.: М., 1959).
- Лихачев Д. С. Новгородские летописные своды XII в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук // ИОЛЯ. М., 1944. Т. 3, вып. 2—3. С. 98—106.
- Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 139—141.
- Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973.
- Лихачев Д. С. Рецензия на книгу Порфиридова Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.; Л., 1947 // Советская книга. 1947. № 11. С. 71—73.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОЛЯ. М., 1946. Т. 5, вып. 5. С. 418—428.
- Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240—265.
- Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы XI—XVII вв. / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1962. (2-е изд.: Л., 1983).

- Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 253—293.
- Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1—2.
- Лурье Я. С. Авраамка // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 5—6.
- Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205.
- Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.
- Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199—218.
- Лурье Я. С. Житие Михаила Александровича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 299—301.
- Лурье Я. С. Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 192—195.
- Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 176—178.
- Лурье Я. С. Изучение русского летописания // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 4—32.
- Лурье Я. С. Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 449—450.
- Лурье Я. С. История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я. С. Россия Древняя и Россия Новая (Избранное). СПб., 1997. С. 13—172.
- Лурье Я. С. К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 89—95.
- Лурье Я. С. К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142—146.
- Лурье Я. С. Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31/32. P. 257—267.
- Лурье Я. С. Летопись Новгородская IV // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 51—52.
- Лурье Я. С. Летопись Новгородская Дубровского // Там же. С. 52—54.
- Лурье Я. С. Летопись Новгородская Хронографическая // Там же. С. 55—56.
- Лурье Я. С. Летопись Софийская I // Там же. С. 57—60.
- Лурье Я. С. Матфей Михайлов // Там же. С. 109.
- Лурье Я. С. Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213.
- Лурье Я. С. О политических идеях общерусского свода 1448 года // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen, 1982. S. 135—152.
- Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 87—107.
- Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 197—201.
- Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице в летописании XIV—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 98—115.
- Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988.
- Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 185—195.
- Лурье Я. С. Феодалная война в Москве и летописание первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 82—94.

- Лурье Я. С. Rezensionen: *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Schriften zur Geschichte des ostlichen Europa. Wiesbaden, 1975. Bd 10. 240 S. // *Russia Mediaevalis*. München, 1977. T. 3. S. 83—92.
- Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1995. Кн. 3, отд. 1.
- Макина М. А. О демократических тенденциях в литературе древнего Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 230—233.
- Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- Медведев И. П. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 255—262.
- Мейендорф И. Ф. Флорентийский собор: Причины исторической неудачи // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 84—101.
- Моисеева Г. Н. Башилов Семен Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 72—73.
- Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.
- Муравьев Н. Н. Исторические исследования о древностях Новгорода, касающиеся: 1) его монет серебряных: гривен и полугривен или рублей; 2) его местности, величины, населения и околностей; 3) его укреплений, строений, нравов жителей и свойства управления. С четырьмя отдельными рисунками оных гривен и рублей; с планом и описанием древнего Новгорода; с подробною топографическою картою околностей Новгорода. СПб., 1828.
- Накадзава А. Когда и кем было составлено «Рукописание Магнуша»? // *Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures: Japanese Contributions to the XIIIth International Congress of Slavists. Krakow, Ang. 24—Sept. 3, 1998. Tokyo, 1998.* P. 67—87.
- Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ИЗ. 1946. № 18. С. 255—294.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969.
- Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 243—285.
- Никитин В. А. Житие и труды святителя Евфимия, архиепископа Новгородского // Богословские труды. М., 1984. Сб. 24. С. 260—307.
- Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1888.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Новгородская харатейная летопись / Изд. под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964.
- Новгородские летописи: (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Изд. Археографической комиссии. СПб., 1879.
- Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года // Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб.: при имп. Академии наук, 1786. Ч. 2. С. 1—4, 257—712 (2-я pag.).
- Новгородский летописец (с 946 до 1441 г.). Мышкин, 1899.
- Новикова О. Л. О «старом летописце» — источнике Новгородской Пятой летописи // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 337—339.
- Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1.

- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2: Исторические сборники XV—XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская.
- Описи Царского архива. М., 1960.
- Опись Новгорода 1617 года / Под общей ред. В. Л. Янина. М., 1984. Ч. 1—2.
- Орлов А. С. Лекции по истории древней русской литературы. М., 1916.
- Осипов В. И. Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995.
- Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1878 год. СПб., 1879.
- Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996.
- Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985.
- [Павлов А. С. Сообщение] // ЛЗАК. СПб., 1877. Вып. 6. Отд. 4. Выписка из протоколов. С. 25—27.
- Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV века. М., 1981.
- Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982.
- Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. Костомаровым.
- Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976.
- Перевошиков В. М. О русских летописях и летописателях по 1240 год. Материалы для истории российской словесности. СПб.: Типогр. Российской Академии, 1836.
- Перфецкий Е. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922.
- Перфецкий Е. Новгородський княжий літопис і його відношення до українського літописання XII століття // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1924. Т. 134—135. С. 1—18.
- Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке: Спорные вопросы региональных Ренессансов. Л., 1989. С. 183—205 (Глава «Проблема Ренессанса в России»).
- Петухов Е. В. Русская литература. Древний период. 3-е изд., испр. и доп. Пг., 1916.
- Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2.
- Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. 3.
- Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1: Русские и Флорентийский собор. М., 1912.
- Плигузов А. И., Семенченко Г. В. Новгородско-псковские отношения во второй половине 1430-х годов и формулярник митрополита Исидора // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 11.
- Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958.
- Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1—2.
- Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850. Т. 4: Период удельный. 1054—1240.
- Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1857. Т. 5: Период удельный.
- Погодин М. П. Новгородские летописи // ИОРЯС. СПб., 1857. Т. 6, вып. 3. Л. 13—16. Отд. Исторические чтения о языке и словесности. Стб. 209—233.
- Покровская В. Ф., Копанев А. И., Кукушкина М. В., Мурзанова М. Н. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1.
- Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.
- Помяловский М. И. Из области Новгородского летописания // Записки имп. Русского археологического общества. СПб., 1901. Т. 12, вып. 1, 2. С. 55—94 (Труды Отде-

- ления славянской и русской археологии, издаваемые под редакцией управляющего отделением С. Ф. Платонова. Кн. 5).
- Поньрко Н. В. Евфимий I (Емелиан) Брадатый // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 205—206.
- Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.; Л., 1947.
- Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1.
- Правда Русская / Под общей ред. Б. Д. Грекова; Отв. ред. тома А. А. Новосельский. М., 1963. Т. 3.
- Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей // *ИОРЯС*. Пг., 1922. Т. 25. С. 163—171.
- Пресняков А. Е. Записка о Новгородской 4-й летописи // *ЛЗАК*. СПб., 1902. Вып. 14. С. 16—21.
- Приселков М. Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской правды». По поводу выхода академической «Правды русской» под редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940 // *ИЗ*. 1945. № 16. С. 238—250.
- Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940 (современное переизд.: СПб., 1996).
- Приселков М. Д. [Рец.]: «Русская правда». Том первый — тексты. Институт истории АН СССР. Подготовили к изд.: В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. Изд. Академии наук, 1939 // *Вестник древней истории*. М., 1939. № 3 (8). С. 148—151.
- Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // *ИОРЯС*. Пг., 1922. Т. 25. С. 128—135.
- Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Прозоровский Д. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // *ЖМНП*. 1852. Ч. 75, № 7, отд. 2. С. 1—28.
- Прокофьев Н. И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину: (Текст и археографическое вступление) // *Вопросы русской литературы*. М., 1971. С. 12—42 (Учен. записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 455).
- Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1 (1835—1840 гг.). С. 475—476.
- Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // *ТОДРЛ*. Л., 1979. Т. 34. С. 3—17.
- Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // *ТОДРЛ*. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198.
- Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // *ТОДРЛ*. СПб., 1999. Т. 51. С. 137—205.
- Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987.
- Прохоров Г. М. Пахомий Серб (Логофет) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 167—177.
- Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
- Прохоров Г. М. Фотий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 475—484.
- Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Там же. С. 403—405.
- Псковские летописи / Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941—1955. Вып. 1—2. ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.
- ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4.
- ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

- ПСРЛ. М., 1853. Т. 6.
ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15 (переизд.: М., 1965).
ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.
ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11.
ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1.
ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1.
ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1.
ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2.
ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 5, вып. 1.
ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3.
ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.
ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27.
ПСРЛ. М., 1965. Т. 30.
ПСРЛ. М., 1975. Т. 32.
ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38.
ПСРЛ. М., 1994. Т. 39.
ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 496 с.
ПСРЛ. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. 648 с.
ПСРЛ. СПб., 2000. Т. 40: Новгородская Карамзинская летопись / Ред. тома Я. С. Лурье; Текст подгот. А. Г. Бобров и З. В. Дмитриева. 250 с. (в печати).
Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л., 1959.
РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6.
Розов Н. Н. Искусство книги Древней Руси и библиогеография: По новгородско-псковским материалам // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 24—51.
Романова О. В. Ипатьевская летопись и Новгородско-Софийский свод // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Сб. статей в честь В. К. Зиборова. СПб., 1997. С. 59—66.
Российская летопись по списку Софейскому Великому Новгороду в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. СПб., 1795. Ч. 1.
Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб.: При имп. Академии наук, 1767. Ч. 1: До 1094 года.
Рыбина Е. А. Ганзейская контора в Новгороде в XV в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 8.
Савич А. А. Главнейшие моменты монастырской колонизации русского севера в XIV—XVII вв. // Сборник общества философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 47—116.
Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. С. 244—246.
Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // Там же. С. 254—255.
Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 134—151.
Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 81—104.
Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162.
Сапунов А. Витебская старина. Витебск, 1883. Т. 1.
Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984.
- Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский») // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 159—176.
- Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 369—373.
- Сенигов И. П. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева // ЧОИДР. 1887. Кн. 4. Отд. 3. С. 1—8, 1—436.
- Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода // ЛЗАК. СПб., 1888. Вып. 8. Отд. 1. С. 1—125.
- Сенигов И. П. О первоначальной летописи Великого Новгорода // ЖМНП. 1884. Ч. 233, № 6, отд. 2. С. 198—236.
- Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1: Восточная агиология.
- Сидоров Н. И. Рукописи Археографической комиссии: Первое прибавление. СПб., 1904.
- Симеоновская летопись / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 1997 («Русские летописи». Т. 1).
- Скрынников Р. Г. О времени работы Ивана Грозного над лицевым сводом // Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 154—161.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1999. Вып. 1—24.
- Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994.
- Смирнова Э. С. О местной традиции в новгородской живописи XV в.: Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение» // Средневековое искусство: Русь. Грузия. М., 1978. С. 193—211.
- Смирнова Э. С. Очерки истории новгородской иконописи XV в. // Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 16—142.
- Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI веков. СПб., 1903.
- Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность XIV—XV вв. // Соболевский А. И. История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 147—158.
- Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского» // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 85—106.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1854. Т. 4.
- Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3—4.
- Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. Строев. М., 1820. Ч. 1: С 862 по 1425 г.
- Срезневский В. И. Мусин-Пушкинский сборник в копии начала XIX-го века. СПб., 1893.
- Срезневский И. И. Исследования о летописях Новгородских // ИОРЯС. СПб., 1853. Т. 2. Л. 1, 2, стб. 18—27; л. 31, стб. 70—78.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912. Т. 1—3.
- Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Ч. 1, разд. 18: Сборник 1414 г. С. 82—88.
- Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853—1866). СПб., 1903.
- Срезневский И. И. Труды П. М. Строева // Записки имп. Академии наук. СПб., 1865. Т. 6. С. 112—123.
- Степанов В. Н. Барков (Борков) Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 57—62.

- Строев П. М. О древних летописных сборниках и Софийском временнике // Записки имп. Академии наук. СПб., 1865. Т. 6. С. 124—141.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
- Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836.
- Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962—1968. Т. 1—7.
- Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3—26.
- Тихомиров И. А. Летописный сборник, именуемый Летопись Авраамки // ЖМНП. 1890. № 7. С. 168—171.
- Тихомиров И. А. Несколько заметок о новгородских летописях // ЖМНП. 1892. № 9, отд. 2. С. 144—152.
- Тихомиров И. А. Обзорение состава московских летописных сводов // ЛЗАК. СПб., 1895. Вып. 10. Отд. 1. С. 1—84.
- Тихомиров И. А. Обзорение состава московских летописных сводов // ЖМНП. 1895. № 8, отд. 2. С. 416—451.
- Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.
- Тихомиров М. Н. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // ИЗ. 1942. № 13. С. 256—283.
- Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российской. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 39—53.
- Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
- Тихомиров М. Н. Что нового внес Шахматов в изучение древнерусских летописей // Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР: Научное описание. М., 1974. С. 162—166.
- Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. Л., 1933. № 5. С. 337—362.
- Троцкий И. М. Рецензия на книгу: Перфецкий Е. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922 // Борьба классов. 1924. № 1—2. С. 305—307.
- Турилов А. А. Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986). М., 1993. С. 3—38.
- Устрялов Н. Г. Предположение об издании русских летописей и государственных актов. Рассмотренное и одобренное Археографической комиссией // ЖМНП. 1837. Ч. 13. С. 338—352.
- Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Ухова Т. Б. «Балканский стиль» в орнаменте рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: XIV—XV вв. М., 1984. С. 141—151.
- Ухова Т. Б. Каталог миниатюр и гравюр собраний Троице-Сергиевой Лавры и Московской Духовной Академии // Зап. Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1960. Вып. 22.
- Ухова Т. Б. Художественное оформление древнерусских рукописных книг. Конец XIV—первая треть XV века: Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Л., 1974. 16 с.
- Фаль С., Харней Ю., Штурм Г. Адресат и отправитель в древнерусских письмах // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 113—132.
- Филарет, епископ Харьковский. Обзор русской духовной литературы. 862—1720 // Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1856. Кн. 3. Отд. 2. С. 1—300.

- Филарет, епископ Харьковский. Обзор русской духовной литературы. 862—1720. СПб., 1857.
- Филарет, епископ Харьковский. Обзор русской духовной литературы. 862—1720. Харьков, 1859.
- Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. 862—1863. 3-е изд., поправл. и доп. СПб., 1884. Кн. 1: 862—1720.
- Филарет, архиеп. Русские святые, чтимые всею церковью или местночтимые. 2-е изд. Чернигов, 1865. Кн. 1.
- Филатов В. В. Иконостас Софийского собора // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 63—82.
- Фролов С. В. «Стих-старина» за монастырским «пивом» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 196—204.
- Хорошев А. С. Из истории борьбы Новгорода против Москвы (местная канонизация 30—40-х гг. XV в.) // Вестник МГУ. 1971. Сер. 9: История. № 6 (ноябрь—декабрь). С. 54—61.
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
- Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1: А—К.
- Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 176—187.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1.
- Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
- Черторицкая Т. В. Уставные чтения // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 271—273.
- Чирков С. В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 24—37.
- Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Уч. пособие. М., 1993.
- Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. № 10, отд. 2. С. 209—259.
- Шахматов А. А. [Записка об Ипатьевской летописи] // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13. Отд. 1. С. 33—34.
- Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. / С вступ. статьей Н. Ф. Лаврова // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 117—160.
- Шахматов А. А. Летописи (русские) // Новый энциклопедический словарь. Пг.: изд. Акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз—Ефрон», [1915]. Т. 25. Стб. 155—156.
- Шахматов А. А. Летописи (русские) // Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 361—372.
- Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в. // ЖМНП. 1909. № 7, отд. 2. С. 105—177.
- Шахматов А. А. О начальном киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. Отд. 3. С. 1—58.
- Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
- Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Ч. 331, № 9, отд. 2. С. 90—176; Ч. 332, № 11. С. 135—200; 1901. Ч. 338, № 11. С. 52—80.
- Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (Отдельный оттиск из «Сборника Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук». Т. 81) // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 79—204.

- Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 42—60.
- Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду и Нестерова летопись // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 1.
- Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 103—236 (Записки имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. 4, № 2).
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. (ЛЗАК. СПб., 1908. Вып. 12).
- Шварц Е. М.* О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. статей Л., 1984. С. 82—85.
- Шилов А. А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты. (Материалы для Полного собрания русских летописей). Вып. 1 // ЛЗАК. СПб., 1910. Вып. 22. 1 нум., 1—68, 1 нум. с.
- Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Киев, 1904. Ч. 1: Княжение Василия Васильевича Темного.
- Щапов Я. Н.* К характеристике некоторых летописных трудов XV в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. Посв. памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 173—186.
- Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голыщенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 135—234.
- [*Щербатов М. М.*] История Российская от древнейших времен / Сочинена князь Михайлом Щербатовым. СПб., 1770—1791. Т. 1—7.
- Яковлев В. В.* Летопись Новгородская Уваровская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И—О. С. 292—295.
- Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2: Новгородские печати XIII—XV вв.
- Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. С. 252—256.
- Янин В. Л.* К вопросу о дате составления обзора «А се имена градом всем русским, далним и ближним» // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 125—134.
- Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52—61.
- Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153—181.
- Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В. Л.* Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазарев монастырь // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 52—63.
- Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.
- Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце: (О новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Культура средневековой Руси: Посв. 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 88—93.
- Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 98—107.

- Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки // ЧОИДР. 1874. Кн. 2, отд. 1. С. 1—96 (то же: Отд. изд. М., 1874. 96 с.).
- Birnbaum H.* Did the Annexation of Novgorod by Muscovy Fundamentally Change the Course of Russian History? // *Birnbaum H.* Novgorod in Focus: Selected Essays. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1996. P. 166—180.
- Grabmüller H. J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975 (Schriften zur Geschichte des ostlichen Europa. Bd 10). 240 S.
- Lind J.* In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // *The Medieval Text: Editors and Critics* (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages; Odense University, 20—21 November 1989). Odense, 1990. P. 65—81.
- Raba J.* Archiepiscopal authority and Novgorodian culture in the fifteenth century // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1985. Vol. 31—32.
- Reisebericht eines unbekannten Russen (1437—1440) / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Günther Stokl // *Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Byzantinische Geschichtsschreiber*. Graz; Wien; Köln, 1954. Bd 2.
- Schlözer A. L.* Hecrop. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schlözer. Göttingen, 1802. Th. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	— Археографический ежегодник.
БАН	— Библиотека Российской Академии наук.
ВВ	— Византийский временник.
ВИ	— Вопросы истории.
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (с 1992 г. — Российская Государственная библиотека; см. РГБ).
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (с 1992 г. — Российская национальная библиотека; см. РНБ).
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ИЗ	— Исторические записки.
ИОЛЯ	— Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
ИСССР	— История СССР.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
МГАМИД	— Московский Главный архив Министерства иностранных дел (в РГАДА, ф. 181).
МДА	— Московская духовная академия.
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
ОСРК	— Основное собрание рукописных книг (в РНБ).
ПС XV в.	— Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАН	— Российская Академия наук.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов.
РГБ	— Российская государственная библиотека.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.
РНБ	— Российская национальная библиотека.
СПб. ФИРИ	— Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы.
ТСЛ	— Троице-Сергиева лавра.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов (с 1992 г. — Российский государственный архив древних актов; см. РГАДА).
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив (с 1992 г. Российский государственный исторический архив; см. РГИА).
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Взаимоотношение летописей по Я. С. Лурье	С. 94
Рис. 2. Взаимоотношение летописей по Г. М. Прохорову	С. 96
Рис. 3. Взаимоотношение летописей по А. Г. Боброву	С. 134
Рис. 4. Стемма, отражающая соединение новгородского и московского летописания в первой трети XV в.	С. 165
Рис. 5. Стемма новгородского летописания 1430—1470-х гг. (к Главам 4—5)	С. 242

1. УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ РУКОПИСЕЙ*

РОССИЯ

Москва

1. ГИМ

- Собр. Вахромеева, № 499 — 220 (Н5 — Вах.)
Музейское собр., № 2982 — 167 (Н4 — М1)
Музейское собр., № 2060 — 168 (Н4 — М2)
Синодальное собр., № 152/46 — 25, 31, 43, 44, 168, 238—240 (Н4 — С.)
Синодальное собр., № 154 — 22, 44, 55—56, 230 (ЛА — Син.)
Синодальное собр., № 199 — 71—72, 92
Синодальное собр., № 280 — 25, 32, 55, 219 (Н5 — Хр.)
Синодальное собр., № 332 — 72—73, 199
Синодальное собр., № 466 — 45
Синодальное собр., № 786 — 7, 17, 18, 25, 33—34
Собр. Уварова, № 34/1402 — 67 (Н 1мл. — Ув.)
Собр. Уварова, № 567 — 55
Собр. Уварова, № 752 — 220 (Н5 — Ц)
Собр. Черткова, № 230, 1° — 198, 203
Собр. Щукина, № 9 — 199

2. РГАДА

- Ф. 135. Отд. V, рубр. 2, № 3 — 32, 150
Ф. 181. Собр. МГАМИД, № 9/9 — 44
Ф. 181. Собр. МГАМИД, № 20/25 — 31
Ф. 181. Собр. МГАМИД, № 26/70 (902/1468) — 22, 230 (ЛА — Суп.)
Ф. 181. Собр. МГАМИД, № 62/85 — 34, 45, 224—225 (Н2)
Ф. 181. Собр. МГАМИД, № 447/915 — 220 (Н5 — Арх.)
Ф. 381. Собр. Синодальной типографии, № 141 — 179
Ф. 381. Собр. Синодальной типографии, № 1915/1179 — 220 (Н5 — Тип.)

3. РГБ

- Собр. МДА, № 69 — 33, 67, 76—77 (Н 1мл. — Тр.)
Собр. Румянцева, № 247 — 67 (Н 1мл. — Р1)
Собр. Румянцева, № 248 — 68 (Н 1мл. — Р2)

* Для основных памятников новгородского летописания XV в. в скобках после номеров страниц указаны сокращенное наименование летописи и списка. Хранилища и шифры рукописей расположены в алфавитном порядке.

Собр. Румянцева, № 249 — 220 (Н5 — Рум.)

Собр. Румянцева, № 273 — 199

Собр. Румянцева, № 438 — 199

Собр. ТСЛ, № 156 — 112—113

Собр. ТСЛ, № 165—113

Собр. ТСЛ, № 805 — 60

Новгород Великий

Новгородский государственный музей

КП 30 056-312 (НГМ 10923) — 118

Санкт-Петербург

1. БАН

16.3.2 (Осн. 22) — 25, 31, 168, 237 (Н4 — А2)

16.14.15—199

17.8.36 (Осн. 153) — 14, 18, 25, 33, 41, 46, 67, 74—77 (Н 1мл. — Ак.)

24.4.41 — 81

31.4.22 (Осн. 1127) — 220 (Н5 — Ак2)

31.7.31 (Воронц. 1090) — 33, 67 (Н 1мл. — Вр.)

34.4.1 — 19

34.4.32 — 32, 55, 219 (Н5 — Ак1)

34.7.5 — 223

34.7.10 — 70

45.8.296—167 (Н4 — А1)

Собр. Доброхотова, № 18 — 9, 82, 87, 196, 233—238 (ЛЕП)

Тек. пост. 1107 — 31, 167, 192—193 (Н4 — Нр.)

2. ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева

Новгородско-Псковское собр., № 89—90

3. РГИА

Ф. 834, оп. 3, № 3933 — 70

4. РНБ

ОСРК

Ф.п.1.41 — 114

Q.п.1.15 — 126

F.I.295 — 81

F.I.476 — 182—183

F.IV.156 — 56, 230 (Л4 — Тол.)

F.IV.211 — 22

F.IV.223 — 33, 41, 67 (Н 1мл. — Тл.)

F.IV.233 — 25

F.IV.235 — 25, 31, 167 (Н4 — Фр.)

F.IV.238 — 31

F.IV.298 — 150

F.IV.603 — 8, 44—45, 61, 85, 87, 93—111, 119, 122, 137—148, 161—164, 170, 219 (НК1; НК2; Н5 — Кар.)

- Q.IV.138 — 31, 167 (H4 — Т.)
 Q.IV.213 — 45, 225
 Q.XVII.50 — 204
 Q.XVII.54 — 219 (H5—B1)
 Q.XVII.62 — 31, 44, 167 (H4 — Гл.)
 Q.XVII.151 — 32, 44, 219 (H5 — B2)
 Собр. Погодина, № 1402 — 55, 219 (H5 — П2)
 Собр. Погодина, № 1404a — 32, 55, 219 (H5 — П1)
 Собр. Погодина, № 1409 — 55
 Собр. Погодина, № 1570 — 230 (ЛА — Пор.)
 Собр. Погодина, № 2035 — 25, 31, 167, 238—240 (H4 — Ст.)
 Собр. Погодина, № 2036 — 55
 Софийское собр., № 53 — 80
 Софийское собр., № 191 — 198
 Софийское собр., № 196 — 75, 199
 Софийское собр., № 200 — 75, 199
 Софийское собр., № 387 — 81, 180
 Софийское собр., № 399 — 80
 Софийское собр., № 1248 — 199
 Софийское собр., № 1385 — 208—209
 Собр. Тиханова, № 201 — 230 (ЛА — Тих.)
 Собр. Эрмитажное, № 416-a — 55

5. СПб. ФИРИ

- Собр. Археографической комиссии, № 240 — 33, 67—77 (H 1мл. — Км.)
 Собр. Археографической комиссии, № 242 — 220 (H5 — Сн.)
 Собр. Археографической комиссии, № 252 — 219 (H5 — Об.)

ЛИТВА

Вильнюс

- Библиотека Академии наук
 F.22-49 — 230—233 (ЛА — В.)

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Александрова Слобода 249	Великая ул., в Новгороде 239
Афон (Святая гора) 114—117, 122, 197, 247	Великий Новгород см. Новгород Великий
Бежицкий верх 191	Венгрия 205
Белев, г. 205	Венеция, г. 199, 205
Белоозеро 137	Византия 117, 136, 197, 198, 215
Блудкин городок 174	Вилькомир 238
Болгария Волжская 173	Вильно, г. 201, 203
Боркова ул., в Новгороде 239	Витебск, г. 183, 201—203
Варяжская ул., в Новгороде 119	Владимир, г. 6, 159
	Владимир-Волынский, г. 182

* Составители Е. В. Боброва и М. А. Боброва.

- Вожа, р. 161
Воинь, г. 98
Волга, р. 173, 181, 218
Волжская Болгария см. Болгария Волжская
Вологда, г. 201, 218
Волок 171, 218, 223
Волхов, р. 221, 235
Восточная Европа 62, 159
Выбор, г. 82
Вятка 163
Галич, г. 186—188, 218, 236
Готский двор, в Новгороде 200
Грюнвальд 238
Даньславля ул., в Новгороде 81, 174
Демон, г. 212—213
Детинец, в Новгороде 173, 210
Дмитров, г. 144, 147, 161
Дон, р. 148, 161
Древняя Русь см. Русь
Духовская ул., в Новгороде 174
Заволочье 164, 191
Загородский конец, в Новгороде 173
Залесье 174
Звенигород, г. 151
Золотая Орда см. Орда
Ильина ул., в Новгороде 10, 174
Италия 196, 198, 201, 203, 205, 213
Калка, р. 234—235
Кама, р. 173, 181
Каргополь (Каркополе), г. 218
Кашин, г. 144, 147, 161, 171
Каяно море 132
Киев, г. 11, 15, 21, 76, 101, 103, 202, 213
Киевская Русь 5, 213
Князчева труба, в Новгороде 174
Коневец, о. 245
Константинополь см. Царьград
Копорье, г. 172
Корельская земля 170
Кострома, г. 173, 186—188, 218, 236
Красилнишкая ул., в Новгороде 174
Куликово поле 246
Ладога, г. 173
Ладожское озеро 245
Латыгола 171
Липица, р. 161
Литва 76, 109, 122, 125, 159, 171, 175,
187—188, 190, 203, 206—207, 213,
236—237
Лубяная ул. (Лубянка), в Новгороде 83
Любутск, г. 144, 147, 161
Людин конец, в Новгороде 86, 170, 173
Малый Волховец, р. 115
Микитина ул., в Новгороде 174
Можайск, г. 80, 82—83
Молога, г. 137
Монастыри:
 Авраамиев Богоявленский, в Ростове
 43
 Андроников, в Москве 244—245
 Антониев Рождества Богородицы, в
 Новгороде 121
 Благовещенский, под Новгородом 226
 Валаамский Спасо-Преображенский,
 на Ладожском оз. 70
 Верендовский Спасо-Преображенский,
 под Новгородом 70
 Водский Спасо-Преображенский, под
 Новгородом 70
 Воскресенский, в Московской губ. 22
 Вяжицкий Николаевский, под Новго-
 родом 128, 164, 198, 210
 Деревяницкий Воскресенский, под
 Новгородом 80, 82, 84, 89, 90
 Десятинский Рождества Богородицы,
 в Новгороде 121
 св. Дмитрия, в Константинополе 197
 Елезаров Спасо-Преображенский, под
 Псковом 245
 св. Иоанна Златоуста, в Москве 226
 Киево-Печерский 243—244
 Кирилло-Белозерский 22, 56
 Клопский Троицкий, под Новгородом
 2, 84—86, 89, 121, 161, 171, 250
 Коломецкий, под Новгородом 172
 Коневский Рождества Богородицы, на
 Ладожском оз. 117, 121, 123
 Ксенофонтов Робейский, под Новгоро-
 дом 119
 Лазарев, в Новгороде 62
 Лива, в Константинополе 123
 Лисицкий Рождества Богородицы, под
 Новгородом 2, 43, 57, 59, 114, 115,
 117—119, 121, 123—124, 127, 165—
 166, 169, 175—177, 179, 186, 189,
 197, 215, 217, 224, 226—228, 245,
 247, 250
 Михалицкий Рождества Богородицы,
 в Новгороде 121, 174
 Мостицкий Николаевский, под Нов-
 городом 75
 Нередицкий Спасо-Преображенский,
 под Новгородом 70
 Павлов, в Новгороде 174

- Панмакарист, в Византии 182
Пантелеймонов, под Новгородом 2, 172, 221—222, 247
Папороцкий Николаевский, под Новгородом 175
Перынский Рождества Богородицы, под Новгородом 121, 198
Рождества Христова с Поля, под Новгородом 226—227
Савво-Вишерский, под Новгородом 119
Саввино-Сретенский, в Твери 247
Селифонтов см. Ксенофонов Робейский, под Новгородом
Симонов Рождества Богородицы, в Москве 121, 244—245
Соловецкий Спасо-Преображенский, на Белом море 70—71
св. Софии, под Римом 209
Спасо-Преображенский, в Старой Руссе 70
Студийский, в Константинополе 243
Тихвинский 24, 25, 28
Троице-Сергиев, под Москвой 112—115, 117—118, 120—124, 126, 160, 215, 218, 244, 247, 249
Ферапонтов, в Белозерье 245
Хутынский Спасо-Преображенский, под Новгородом 2, 70—74, 165, 192, 226, 247
Чудов, в Москве 213, 244
Юрьев, под Новгородом 75, 118, 120, 121, 172, 221—222
Москва, г. 6, 9, 18, 51, 83, 111, 120—124, 128, 130, 135, 142, 145, 149, 151, 153, 156, 159—160, 162, 165—168, 175, 182, 188—192, 194, 196—197, 200—204, 206—207, 211, 213, 222, 226, 235, 238—240, 244, 249
Московское государство 9
Мста (Мьста), р. 191
Мстиславль, г. 48, 109, 162
Мурманы, геогр. область 172
Мышкин, г. 29
Мячино, оз. 221
Наровский берег 173
Неревский конец, в Новгороде 81, 85, 173, 176, 180
Николо-Дворищенский собор см. Церкви, св. Николая на Ярославовом дворике
Новгород Великий (Великий Новгород), г. 2, 7, 9—11, 19, 21, 28, 42, 46, 48, 50—52, 57, 59, 61, 64, 66, 69, 71—72, 74, 76, 78, 84, 90—92, 105, 110, 114—115, 122—125, 127—128, 130, 136, 146, 153, 157—158, 161—162, 172—177, 179—180, 182, 184, 189—191, 193, 200, 202—203, 205—217, 221—223, 226, 228, 231, 233, 235, 239—241, 247—250
Новгород Нижний, г. 133, 162
Новгородская республика, Новгородская земля, Новгородское государство 9—10, 71, 176, 229, 240—242, 244, 247
Новый городок, г. 176
Онега, г. 218
Опочня, с. 171
Орда, Золотая Орда 89, 102, 108, 110, 133, 135, 148, 153, 156, 161, 172, 189—190, 236
Орешек, г. 174
Палестина 122
Папоротня, р. 175
Переяславль-Залесский (Суздальский), г. 36, 144, 147, 161, 235
Плотницкий конец, в Новгороде 173, 174
Подол, в Новгороде 174
Полоцк, г. 230
Польша 202, 205
Поморье 250
Порхов, г. 187, 191, 212
Прусская ул., в Новгороде 172
Псков, г. 37, 50, 54, 90—91, 170—172, 175, 191—196, 201, 203—206, 213—214, 232, 245
Пудога, г. 218
Пьяна, р. 161
Ревель, г. 200
Ржев, г. 191
Ржева, г. 192
Рига, г. 9
Рим, г. 183, 201, 206, 208—209, 213
Розважа ул., в Новгороде 85, 86, 239
Россия, Русское государство 48, 153
Ростов Великий (Суздальский), г. 37, 109, 137
Русса см. Старая Русса
Русский Север 72, 184, 244, 250—251
Русь, Русская земля, Древняя Русь 5—12, 43, 49, 59, 61, 96, 111—112, 116—117, 136, 145, 156, 164, 171, 183, 189, 196, 198, 201, 203, 205—207, 211—212, 214, 218, 230, 243—244, 246—247, 250
Русь Белая 42
Русь Малая 42

- Русь Московская 115
 Рязань, г. 35
 Санкт-Петербург, г. 15, 18, 151, 204
 Северная Двина, р. 211, 250
 Сиракузы, г. 197
 Славенский конец, в Новгороде 81, 85, 173, 174, 176, 180
 Славкова ул., в Новгороде 226, 235
 Смоленск, г. 48—49, 101, 109—110, 162, 182—183, 201—203, 229, 237—238
 Софийская сторона, в Новгороде 48, 81
 Софийский собор, дом святой Софии, в Новгороде 3, 19, 21, 43, 62, 72, 75, 80, 83, 85, 87, 90, 105—106, 171, 173—175, 177—179, 184—186, 192, 209—210, 222—223, 226, 240
 Старая Русса, г. 173, 212
 Стокгольм, г. 9
 Тверь, г. 37, 138, 142, 144, 148, 161, 175, 204—205, 213, 218
 Торговая сторона, Торг, в Новгороде 81, 170, 174
 Торжок, г. 99, 144, 147, 161
 Тракай, оз. 187—188, 236
 Углич Поле 137
 Устюг, г. 137, 241
 Флоренция, г. 201—202
 Царьград, Константинополь, г. 89, 103, 122—123, 135—136, 175, 182—183, 197, 213—214, 229, 231—232, 247
- Церкви:**
 св. Анастасии (Настасьи), в Новгороде 83, 181, 207
 св. Андрея Юродивого на Ситиске 173, 181
 св. Афанасия, в Новгороде 174
 св. Богородицы, в Москве 83
 св. Богородицы в Коневском монастыре 123
 св. Богородицы в Михалицком монастыре 174
 св. Богородицы «на полатах» церкви св. Иакова на Яковлеве ул., в Новгороде 175
 Богоявления на Поле в монастыре 85, 86
 Бориса и Глеба в Детинце (в Околотке), в Новгороде 172, 210—211
 св. Варлаама в Хутынском монастыре 72, 228
 Вознесения Господня, в Москве 151
 Вознесения Господня в Савиной пустыни 119
 Воскресения Господня в Благовещенском монастыре 86
 Воскресения Господня в Павлове монастыре 87
 Воскресения Господня на Варяжской ул., в Новгороде 119
 св. Георгия, в Новгороде 173
 св. Георгия конец Лубянки, в Новгороде 83
 св. Двенадцати апостолов на Софийской стороне, близ Чудинцевой ул., в Новгороде 190, 232
 св. Дмитрия, в Новгороде 80, 81
 св. Дмитрия на Даньславле ул., в Новгороде 81, 174, 179
 св. Дмитрия на Славкове ул., в Новгороде 235
 св. Енуфрия (Онуфрия) на Красном острове 175
 Знамения Богородицы на Ильиной ул., в Новгороде 10
 св. Иакова, в Новгороде 49
 св. Иакова на Яковлеве ул., в Новгороде 175
 св. Ивана, конец Славна, на Торгу, в Новгороде 174
 св. Ивана Милостивого, в Людине конце, в Новгороде 86
 св. Ильи, в Новгороде 229
 св. Иоанна Златоуста, в Москве 172
 св. Мины, в Новгороде 174
 св. Михаила, в Новгороде 229
 св. Михаила на Сковоротке, в Новгороде 83
 св. Настасьи см. св. Анастасии
 св. Никиты 173
 св. Николая на Вяжищах 119, 128, 164, 198
 св. Николая в Отне пустыни 175
 св. Николая на Папоротни 175
 св. Николая в Ксенофонтовой пустыни 119
 св. Николая на Ярославовом дворище (Николо-Дворищенский собор), в Новгороде 28, 222, 223
 св. Онуфрия см. св. Енуфрия
 св. Пантелеймона, в Пантелеймоновом монастыре, под Новгородом 220—221

Покрова Богородицы на Зверинце, в Новгороде 48
 св. Пятницы, в Новгороде 174, 221
 Рождества Богородицы в Лисицком монастыре, под Новгородом 43, 164, 175, 186, 224
 Рождества Богородицы на Десятине, в Новгороде 121
 Рождества на валу, в Новгороде 235
 Рождества на Поле, под Новгородом 87, 178—179, 231
 Рождественская в Юрьеве монастыре, под Новгородом 121, 172
 св. Симеона, в Новгороде 172
 св. Спаса, в Новгороде 171

св. Спаса на Розважи ул., в Новгороде 85
 св. Спаса Милостивого у церкви св. Софии, в Новгороде 91
 Усекновения главы Иоанна Предтечи, в Новгороде 221
 св. Филиппа, в Новгороде 235
 Христова, в Новгороде 174
 Чудинцева ул., в Новгороде 190, 232
 Чудская земля 99
 Щеркова ул., в Новгороде 238
 Яковля ул., в Новгороде 175
 Ям (Яма), г. 173
 Ярославль, г. 137, 173
 Ярославово дворище (двор), в Новгороде 48, 85, 120, 173, 222, 223

III. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аарон, пономарь Софийского собора в Новгороде 184, 185, 199
Абеленцева О. А. 205
 Аверка, летописец 202
 Авив, св. муч. 83
 Авраамий, епископ Суздальский 196
 Авраамка, писец 9, 13, 28, 29, 36, 40, 44, 55, 229, 230, 231
 Адашев А. 248
Адрианова-Перетц В. П. 12, 30, 246, 252
Азбелев С. Н. 11, 59, 252
 Александр, упом. в Предисловии к «Софийскому временнику» 21, 76, 223, 224
 Александр, дьякон (дьяк) 25, 135, 136, 162
 Александр Владимирович, кн. 204
 Александр Всеволодович, кн. 171
 Александр Глебович, кн. 109
 Александр Игнатьевич, новг. тысяцкий 83
 Александр Михайлович, кн., сын Михаила Тверского 108
 Александр Попович, богатырь 60
 Александр Романович, тверск. воевода 206
 Александр Фоминич Царько, новг. посадник 223
 Александр Ярославич Невский, вел. кн. 59, 63, 103, 112, 210
Алексеев А. А. 116, 263
 Алексей (Олеси) 76

Алексей, архиепископ Новгородский 90, 174, 175, 177
 Алексей Михайлович, царь 44, 46
 Алексей, митрополит 244
Алеф Г. 195
 Анастасия Младшая, св. 208
 Анастасия преподобная, св. 208
 Анастасия Старшая, св. 207—210
 Анастасия, княгиня, дочь вел. кн. Василия Дмитриевича 151
 Анастасия, княгиня, жена кн. Юрия Дмитриевича 151
 Андрей, апостол 83
 Андрей Юродивый, св. 173
 Андрей Дмитриевич, кн. 80, 83
 Андрей Иванович, новг. посадник 85, 86, 176
 Андрей Рублев, св. 69, 113, 124, 247
 Андрей Юрьевич, кн. 6
 Андроник, игумен 244
 Анна Васильевна, княгиня, дочь вел. кн. Василия Дмитриевича 93, 110, 122, 123
 Антон 81
 Антоний, епископ Ростовский 137
 Антоний, патриарх 135, 136, 162
 Антоний, св. 143
Антонова М. Ф. 136, 252
 Анфал, новгородец 157, 163
 Аполлон, бог 116

* Составители Е. В. Боброва и М. А. Боброва. Курсивом выделены имена исследователей, издателей и собирателей рукописей.

- Аристов Н. Я.* 50, 252
Арсений, «ключник владычень» с Лисьей горы 85
Арсений, епископ Ростовский, кн. 137
Арсений, епископ Тверской 135, 136, 142, 143, 147, 148, 163, 175
Арсений, монах Хутынского мон. 73
Арсений Коневский, св. 117, 121, 123, 245
Афанасий, игумен 226
Афанасьева М. И. 43, 45, 252
Афиани В. Ю. 43, 45, 252
Афродитиан, жрец 115, 116
- Барков И. С.* 14, 15
Барсуков Н. П. 22, 250, 252
Башилов С. С. 16, 17
Бегунов Ю. К. 59, 89, 252
Белецкий С. В. 194, 204, 214, 253
Белоброва О. А. 135, 253
Беляев И. 85, 180, 253
Бергер (Бергел), шведск. военачальник 132
Бердникова Я. И. 22, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 50, 253
Бережков Н. Г. 59, 73, 78, 87, 111, 199, 201, 205, 207, 253
Бернадский В. Н. 206, 253
Бестужев-Рюмин К. Н. 27, 28, 231
Бирнбаум Х. (Birnbaut Н.) 9, 267
Бобров А. Г. 3, 8, 34, 40, 111, 114, 115, 118, 119, 122, 127, 130, 134, 150, 158, 163, 178, 193, 194, 197—200, 205, 245, 247, 249, 250, 253, 254, 269
Боброва Е. В. 13, 272, 276
Боброва М. А. 13, 272, 276
Богдан Обакунович, новг. тысяцкий 174
Борис, св. 76, 210, 211
Борис Александрович, вел. кн. 171, 204
Борис Константинович, кн. 152
Бородин О. Р. 197, 254
Бочаров Г. Н. 228, 254
Брачев В. С. 24, 27, 31, 254
Брике С. М. (Briquet С. М.) 74
Брокгауз Ф. А., издатель 55, 56
Бубнов Н. Ю. 81, 260
Буганов В. И. 26, 34, 53, 58, 254
Будовниц И. У. 245, 254
Буланин Д. М. 2
Бычков А. Ф. 27, 28, 231, 254
- Валк С. Н.* 15, 20, 26, 29, 30, 36, 40, 254
Варлаам, новг. книжник 60, 111, 113, 114, 118, 119, 120, 122—126, 127, 128, 160, 166, 249
Варлаам Хутынский, св. 72, 118, 119, 199, 228
Васенко П. Г. 32
Василий, кн. 171
Василий, брат архиепископа Новгородского 169, 175, 227, 228
Василий, дьяк церкви св. Дмитрия 80, 81, 179
Василий I Дмитриевич Московский, вел. кн. 91, 93, 105, 108, 110, 122, 133, 153, 155, 156, 157, 222, 223, 236
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. 152, 155, 183, 188—190, 192, 193, 198, 206, 212, 213, 218, 229, 236, 237, 246
Василий Есифович, новг. тысяцкий 83
Василий Калика, архиепископ Новгородский 90
Василий Кузмин, новгородец 174
Василий Машков, новгородец 173
Василий Никифорович, новгородец 240
Василий Обакунович, новгородец 83
Василий Филипов, новгородец 85
Василий Юрьевич, кн. 191
Василий Ярославич, вел. кн. 232
Вахромеев, собиратель рукописей 220
Вздорнов Г. И. 112, 113, 197, 255, 254
Викторов А. Е. 28
Витовт, вел. кн. Литовский 48, 93, 109, 162, 163, 168, 171, 175, 182, 183, 186, 187, 188, 236, 238
Владимир Всеволодович, кн. 29
Владимир Мстиславич, кн. 101—102
Владимир Святославич, кн., св. 93, 98, 184—185
Владимир Ярославич, кн. 73, 76, 105, 184—185, 199
Волынский-Боброк Д. М. 88
Востоков А. 67, 255
Всеволод, кн. 29, 99
Вяземский П. П. 28
- Гавриил*, епископ Ростовский 137
Гальченко М. Г. 116, 255
Гейерманс Г. Л. 58, 261
Геласий, архимандрит Псковский 194, 201, 203
Геннадий, архиепископ Новгородский 9, 10, 57, 204, 221, 240, 241
Георгий, св. 83, 173
Георгий Амартол 66
Герасим, митрополит «всая Русия» 159, 176, 182, 183, 198, 203, 237
Герман, игумен Спасо-Преображенского мон. 70, 71

- Герман Воята 17
 Герман Соловецкий, св. 71
 Геронтий, дьякон Лисицкого мон. 49, 224, 228
 Геронтий, митрополит всея Руси 228
 Гизель Иннокентий 15
Гильфердинг А. Ф. 28
Гимон Г. В. 64, 255
Гиппиус А. А. 63, 64, 255
 Глеб, св. 76, 210, 211
 Глеб Святославич, кн. 109
Глебовский И. Е. 17
Голубинский Е. Е. 183, 255
Голышенко В. С. 72, 73, 266
 Гомер 197
Гордиенко Э. А. 90, 208, 209, 210, 211, 255, 263
Горский А. В. 28, 219
Грабмюллер Х. И. (Grabmüller H. J.) 62, 267
Гранстрем Е. Э. 80, 81, 255
Греков И. Б. 159, 255
Греков Б. Д. 58, 69, 84, 255, 261
 Григорий, архимандрит Псковский 201, 203, 204, 214
 Григорий, епископ Ростовский 137
 Григорий Васильевич Заболотский, великокняж. наместник в Новгороде 192, 193
 Григорий Синаит 117
 Григорий Цамблак 159, 163, 175, 177, 182
Грот Я. К. 28
 Гуарино Гуарини, итал. гуманист 197
Гукова С. Н. 197, 255
 Гурий, св. мученик 83

 Даниил Александрович, кн. 102, 103
 Даниил Борисович, кн. 152
Демкова Н. С. 13
 Демьян, св. 186
Джилл Дж. 195
 Диоклетиан, царь 208
 Дионисий, епископ Ростовский 175
 Дионисий, келарь 224
 Дионисий, архимандрит Новгородский 120
 Дионисий Суздальский 179, 231
 Дионисий Шестник, игумен Перынского мон. 198
Дмитриев Л. А. 13, 20, 72, 85, 154, 180, 184, 199, 211, 255
Дмитриева З. В. 8, 34, 40, 262
Дмитриева Р. П. 13, 15, 71, 115, 255
 Дмитрий, кн. 32
 Дмитрий, св. 80
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. 25, 77, 87, 108, 126, 136, 138, 146, 148, 154—156, 160, 162, 223
 Дмитрий Красный, кн. 205
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. 205, 218, 229
 Доброхотов см. Павел (Доброхотов), епископ
 Довмонт, кн. 161
 Дорофей, авва 113, 117
 Досифей Монеувасийский 204
Дубровский П. П., собиратель рукописей 10, 41

 Евгений, папа римский 201
 Евфимий I (Емелиан) Брадатый, архиепископ Новгородский 81, 84, 87, 89, 90, 91, 92, 165, 169, 171, 186, 188, 190, 215
 Евфимий II, архиепископ Новгородский 71, 72, 73, 75, 81, 91, 92, 115, 117, 124, 127, 128, 130, 164, 165, 166, 168—169, 176, 177, 178, 181, 182, 183, 184, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 194—200, 207, 208, 210—214, 216, 219, 221, 222, 224, 229, 229, 231, 232, 237, 250
 Едигей 135, 138, 142, 153, 157, 162
Екатерина II, императрица 17, 119
 Епифаний Премудрый 60, 125, 126, 127, 136, 138, 141, 143, 144, 147, 148, 154, 159, 160, 166, 244, 247
 Есиф, новг. тысяцкий 173
 Есиф Захарьинич, новг. посадник 173
 Ефрем, 10-й епископ Ростовский 136
 Ефрем, 37-й епископ Ростовский 175
 Ефрем Сирин, св. 116
Ефрон И. А., издатель 55, 56
 Ефросин, книжник 247

Жемайтис С. Г. 203

 Заболотский Григорий Васильевич см. Григорий Васильевич Заболотский
 Закхей, новг. книжник 71
Зализняк А. А. 9, 19, 255
 Захарий, игумен 85
 Захарий Григорьевич, новг. посадник 240
Зверинский В. В. 119, 221, 255
Зиборов В. К. 10, 15, 62, 77, 225, 256
Зиглер А. 195

- Зимин А. А. 33, 59, 156, 157, 183, 195, 196, 197, 206, 256
Зосима Соловецкий, св. 71
Зосима 117
Зосима, дьякон 122
- Иаков, епископ Ростовский 137
Иван Александрович, новг. посадник 124
Иван Александрович, кн. 109
Иван Борисович, кн. 152
Иван Васильевич, кн. 237
Иван III Васильевич, вел. кн. 6, 51, 229, 239, 240
Иван IV Васильевич, царь 28, 51, 248
Иван Владимирович Пронский, кн. 109
Иван Дмитриевич Всеволожский, моск. боярин 156
Иван Иванович, кн. 240
Иван II Иванович Красный, вел. кн. 77, 88, 172
Иван Кумганец, боярин 176
Иван Мануилович (Калуян), визант. царевич 93, 110, 122
Иван Михайлович Тверской, кн. 91, 142, 171, 175, 176
Иван Можайский, кн. 218
Иван Федоров, новгородец 173
Иваш, церковный росписник, новгородец 174
Игнат Мольтин, новг. ушкуйник 172
Игнатий, 22-й епископ Ростовский 137
Игнатий, 29-й епископ Ростовский 137
Игнатий Смольнянин 108
Игорь, кн. 45, 59, 66, 103, 104, 107
Иев, чернец 72
Иеремя, пророк 72
Измаило, протопот 227
Изяслав, кн. 76
Изяслав Давыдович, кн. 101
Изяслав Мстиславич, кн. 221
Иисус Христос 70, 72, 116, 118, 142, 143, 208, 239
Иконников В. С. 57, 78, 256
Иларион, 4-й епископ Ростовский 136
Иларион, 8-й епископ Ростовский 136
Иларион, игумен Лисицкого мон., епископ Коломенский 114, 115, 117, 118, 127, 164, 227
Илья, св. 207, 210
Илья, епископ Тверской 176
Иннокентий Гизель см. Гизель Иннокентий
- Иоаким, дьякон 226
Иоаким, патриарх всея Руси 11
Иоанн, архиепископ Новгородский 18, 49, 71, 80, 82, 90, 111, 112, 120, 122, 123, 125, 184, 199, 207, 210, 222, 223, 226, 227, 235
Иоанн, 14-й епископ Ростовский 136
Иоанн, 27-й епископ Ростовский 137
Иоанн, новг. священник 17, 18, 41, 42, 47, 75
Иоанн, писец, инок Мостицкого Никольского мон. у Новгорода 75
Иоанн, писец, дьякон 75
Иоанн Златоуст, св. 186, 188
Иоанн Лествичник, св. 117, 118
Иов, дьяк, 70, 71, 72, 73
Иона Отенский, архиепископ Новгородский 71, 185, 213, 214, 229, 231, 233, 238
Иона, игумен Хутынского мон. 73
Иосиф, визант. патриарх 182
Иосиф Волоцкий, св. 247
Исаак Сирин, св. 117, 182, 183
Исаакий, упом. в Предисловии к «Софийскому временнику» 21, 49, 223, 224
Исаакий Ангел 49, 224
Исак Окинфов, новгородец 85, 121
Исаия, епископ Ростовский 137
Исаченко А. В. 9, 256
Исидор, митрополит всея Руси 159, 192, 194—198, 201—207, 211—214
Истрин В. М. 12
- Казакова Н. А. 196, 213, 256
Калайдович К. Ф. 45, 46, 167, 256
Калочан Андроников, царь 136
Каменцева Е. И. 184, 256
Карамзин Н. М. 43, 44, 45, 46, 101, 112, 150, 152, 225, 252, 256
Каргер М. К. 59, 210, 256
Каринский Н. М. 54, 256
Карп, дьякон, стригольник 171
Карп Федорович 206
Карский Е. Ф. 30
Карташев А. В. 195, 197, 201, 204, 212, 256
Катавасья Юрьев, писец 43, 49, 57
Киприан, митрополит всея Руси 105, 112, 115, 117, 121, 124, 127, 135, 136, 137, 141, 147, 153, 163, 195, 215, 222, 244
Кирик, св. 125, 127
Кирик, новгородец 55
Кирилл, 19-й епископ Ростовский 136

- Кирилл, 20-й епископ Ростовский 136
 Кирилл, игумен Тверской 125, 127, 138, 142
 Кирилл Белозерский, св. 117
 Кирило Дмитриевич, новг. посадник 81, 82
 Кирилка Олисеинов, новгородец 173
 Кистерев С. Н. 34
 Клейненберг И. Э. 200, 256
 Климент Ортемын, новгородец 85, 176
 Клосс Б. М. 7, 34, 60, 61, 76, 79, 88, 93, 95, 96, 113, 122, 124, 125, 127, 131, 141, 142, 145, 147, 148, 154, 158, 159, 160, 220, 234, 238, 256
 Клюг Э. 205, 256
 Ключевский В. О. 244
 Кобяк Н. А. 230, 256
 Козицкий Г. В. 17
 Козлов В. П. 43, 45, 252
 Козьма, новг. посадник 240
 Козьма (Кузьма), св. 186
 Комарович В. Л. 6, 257
 Константин Дмитриевич, кн., сын Дмитрия Донского 87, 153, 157
 Константин, император 230
 Конявская Е. Л. 142, 257
 Копанев А. И. 67, 81, 167, 234, 260
 Космолинская Г. А. 43, 45, 252
 Костомаров Н. 165, 169, 260
 Костюхина Л. М. 72, 73, 266
 Кочин Г. Е. 58, 261
 Ксенофонт Робейский, св. 118, 119
 Кузьма Терентьевич, новг. тысяцкий 85
 Кузьмин А. Г. 59, 257
 Кузьмина Л. Ф. 34
 Кукушкина М. В. 67, 81, 167, 234, 260, 261
 Кусов см. Матфей Михайлов Кусов; Наум Кусов
 Кучкин В. А. 130, 145, 158
 Кушелев-Безбородко Г., граф, издатель 165, 169, 260
 Кюприан Матфеев, сын Матфея Михайлова 175, 177, 179
 Кюръяк, епископ Ростовский 137
- Лавров Н. Ф.* 54, 58, 219, 261
Лавровский П. О. 46, 47, 257
Лазарев В. Н. 113, 257
Лаурина В. К. 90, 208, 210, 211, 257, 263
 Лев, император 230
 Леон, епископ Ростовский 137
 Леонид, архиепископ Новгородский 224
 Леонтий, епископ Ростовский 137
- Лилиенфельд Ф. (Lilienfeld F.)* 157, 258
Линд Д. Г. (Lind J. H.) 13, 60, 62, 132, 166, 169, 165, 178, 179, 267
Лисицын М. 116, 257
Лихачев Д. С. 3, 5—7, 11, 12, 13, 20, 23, 29, 30, 34, 35, 38, 40, 44, 53, 59, 78, 79, 116, 130, 150, 159, 182, 184, 199, 224, 234, 243, 246, 257, 258
Лихачев Н. П. 32, 68, 69, 70, 258
Лихачева О. П. 81, 260
Ломоносов М. В. 14
 Лугвень см. Семен (Лугвень) Ольгердович
 Лука, новгородец 172
 Лука, епископ Ростовский 137
 Лука Федоров, новгородец 240
 Лукьян Онциферов, новгородец 85, 86
Лурье Я. С. 8—11, 13, 29—31, 34, 35, 40, 53, 60, 61, 79, 88, 94, 95, 97, 99, 100, 102—107, 130—132, 138, 142, 146, 148—155, 157—159, 161, 163, 164, 178, 179, 189, 192, 193, 195, 196, 199, 200, 204, 213, 215, 220, 229, 231, 234, 235, 238, 239, 240, 241, 247, 248, 258, 259, 269
Любимов В. П. 58, 261
- Магнуш, шведск. король 160, 161
 Макарий, архиепископ Новгородский, митрополит всея Руси 10, 41, 208, 222
Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский 182, 183, 212, 259
Макина М. А. 59, 259
 Максим Исповедник, св. 115—117
Максимович М. А. 28
Малинин В. 202, 259
Малиновский А. Ф. 45
Мальшев В. И. 90, 271
 Мамотек, тат. царевич 218
 Мануил, визант. царь 136, 182
 Марк Эфесский, св. 204
 Маркиан, новг. архимандрит 120
Марков А. В. 150
 Марфа, посадница 239
 Матвей Петров, новгородец 192
 Матфей Гречин, епископ Ростовский 137
 Матфей Михайлов Кусов, новгородец 78, 80—84, 113, 125, 165, 173, 175, 177, 178—181, 226, 231, 248, 249
 Махмет, царь 188, 189
Медведев И. П. 123, 259
Мейендорф И. 196, 216, 259
 Микита, дьякон, стригольник 171

- Миллер Г. Ф. 14, 15, 17
 Милов Л. В. 68, 255
 Митрофан, епископ Ростовский 137
 Митяй 117, 135
 Михаил, архистратиг 72, 83, 229
 Михаил, брат новг. посадника Федора 172
 Михаил, отец Матфея Кусова 173, 177
 Михаил, сын Юрия Онцифоровича, новгородец 86
 Михаил, владыка Вифлеемский 135
 Михаил, архимандрит Новгородский 120
 Михаил, царь 21, 49, 76, 223
 Михаил Александрович Тверской, кн. 25, 108, 127, 135, 136, 137, 138, 147, 162
 Михаил Буносов 191
 Михаил Изяславич (Святополк), кн. 101
 Михаил Клопский, св. 61, 85, 87, 183
 Михаил Панцырный, писец 202
 Михаил Рассохин, новгородец 157
 Михаил Черниговский, св. 64, 89
 Михаль Любинович, псковский посол 171
 Мишка Щекотков, попович с Подола, новгородец 173
 Моисеева Г. Н. 16, 20, 259
 Моисей, архиепископ Новгородский 172, 173, 177
 Моисей Домажирич, новгородец 221
 Морозова Н. А. 230, 256
 Мстислав Галицкий, кн. 234
 Мстислав Ростиславич, кн. 106, 107
 Муравьев Н. Н. 46, 259
 Мурзанова М. Н. 67, 167, 260
 Муханов П. А. 27

 Назарий, подвойский 240
 Накадзава А. 161, 259
 Насонов А. Н. 7, 32, 33, 35, 58, 59, 62, 56, 88, 93, 98, 158, 168, 183, 184, 201, 203, 219, 223, 259
 Наталья 173
 Наум Кусов, клирошанин святой Софии 43, 175, 178, 179, 226
 Нафанаил, архимандрит Новгородский 120
 Невоструев К. И. 28, 219
 Нестер, новгородец 157, 163
 Нестер, епископ Ростовский 136
 Нестор, летописец 14, 15, 17, 21, 24, 26, 62, 77, 243
 Никита, св. 173
 Никита Стифат 117
 Никифор, патриарх Царьграда 32
 Николай, св. 207, 210
 Никольский Н. К. 10, 32
 Никон Черногорец 114—116
 Нил Философ 117
 Нифонт, архиепископ Новгородский 18, 79
 Новиков Н. И. 14
 Новикова О. Л. 63, 259
 Новосельский А. А. 69, 261

 Обнорский С. П. 29, 54, 219, 258, 265
 Оболенский М. А., издатель, собиратель рукописей 20, 22, 23, 32, 56, 150, 219, 230
 Ольгерд, вел. кн. Литовский 161
 Олег, кн. 66, 103, 104, 107
 Ондrejaн, новгородец 172
 Онцифоровичи см. Лукьян, Михаил, Юрий
 Орлов А. С. 129, 260
 Осипов В. И. 15, 17, 260
 Охотина-Линд Н. А. 71, 260
 Охотникова В. И. 161, 260

 Павел (Доброхотов), епископ, собиратель рукописей 9, 13, 34, 36, 40, 88, 196, 233, 234
 Павлов А. С. 167, 260
 Панченко А. М. 13
 Парфений, епископ Ростовский 137
 Патракий, кн. 173
 Пахомий, епископ Ростовский 136
 Пахомий Логофет (Серб) 165, 169, 185, 197, 213, 214, 233, 244, 247
 Пекарский П. П. 28
 Перевозищев В. М. 46, 260
 Перфецкий (Перфецкий) Е. 58, 260
 Перфирий, игумен 226
 Перфурий Камьский 175
 Петр, епископ Ростовский 137
 Петр, зодчий 59
 Петр, митрополит всея Руси 32, 83
 Петров М. Т. 246, 260
 Петухов Е. В. 129, 260
 Пештич С. Л. 15, 16, 260
 Пимен, архиепископ Новгородский 10
 Пирлинг П. 195, 203, 260
 Пифагор, философ 146
 Платон, митрополит 17
 Платон, философ 146
 Платонов С. Ф. 56, 261
 Плигузов А. И. 195, 260
 Погодин М. П. 11, 25, 27, 28, 31, 49, 55, 219, 230, 260
 Покровская В. Ф. 67, 167, 234, 260

- Покровский А. А. 260
 Помяловский М. И. 56, 261
 Поньрко Н. В. 91, 204, 261
 Попов Н. А. 44
 Поппэ А. 150
 Порфиридов Н. Г. 59, 182, 257, 261
 Пресняков А. Е. 53, 56, 57, 261
 Приселков М. Д. 6, 12, 30, 36—39, 53, 58, 78, 98, 111, 124, 129, 130, 155, 158, 159, 249, 261
 Пров, старейшина 208
 Прозоровский Д. 47, 261
 Прокоп 144, 161
 Прокопий Киев 173
 Прокофьев Н. И. 108, 122, 261
 Протасьева Т. Н. 72, 73, 219, 266
 Прохор, епископ Ростовский 137
 Прохоров Г. М. 13, 60, 61, 63, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 102, 104, 107, 110, 117, 128, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 151, 154, 160, 164, 168, 169, 170, 171, 172, 176, 178, 215, 216, 233, 246, 248, 261, 262, 269
 Раба Дж. (*Raba J.*) 200, 267
 Рамм Б. Я. 212, 262
 Рачинский А. В. 230
 Рождественская Т. В. 13
 Роман Ростиславлич, кн. 106, 107
 Роман Святославич, кн. 98
 Романов Б. А. 240, 258
 Романова О. В. 63, 262
 Ромодановская А. А. 33
 Ростислав Мстиславич, кн. 101
 Румянцев Н. П., собиратель рукописей 22, 46, 220
 Рус 43
 Рыбина Е. А. 200, 262
 Рюриковичи 6, 211
 Савва, игумен Юрьевского мон. 75
 Савва Вишерский, св. 119
 Савваитов П. И. 28
 Савватий, архимандрит Новгородский 120
 Савич А. А. 244, 262
 Салмина М. А. 146, 147, 154, 157, 158, 261—263
 Самсон, архиепископ Новгородский 83
 Самсон, св. муч. 83
 Сапунов А. 202, 263
 Свердлов М. Б. 76, 263
 Свидригайло, лит. кн. 109, 183, 187, 188
 Святополк см. Михаил Изяславич
 Святослав Иванович Смоленский, кн. 109
 Святослав Изяславич, кн. 106
 Святослав Всеволодович, кн. 98
 Севастьянова А. А. 200, 256
 Седельников А. Д. 138, 263
 Селила, псковск. воевода 171
 Семен Дмитриевич, кн. 133
 Семен (Лугвень) Ольгердович, кн. 82, 109, 110, 122
 Семен Суздальский, кн. 163
 Семенов А. И. 59, 224, 263
 Семенченко Г. В. 195, 260
 Семион, епископ Ростовский 137
 Сенигов И. П. 51, 52, 263
 Сербина К. Н. 240, 264
 Сергей Радонежский, св. 60, 113, 117, 122, 124, 125, 126, 127, 131, 141, 142, 145, 148, 154, 159, 160, 244, 246
 Сигизмунд (Жигимонт), вел. кн. Литовский 205
 Сидор Куприянов 80, 125
 Сидоров Н. И. 67, 263
 Симеон, архиепископ Новгородский 84, 85, 120, 165, 175—177, 180—181
 Симеон Новый Богослов, св. 117
 Симеон Суздальский, иеромонах 199, 200, 201, 202, 205, 213
 Симеон столпник, св. 85
 Симон, епископ Ростовский 137
 Скрынников Р. Г. 248, 263
 Словен 43
 Смирнова Э. С. 70, 71, 75, 90, 207, 208, 210, 211, 263
 Соболевский А. И. 116, 117, 263
 Соловьев А. В. 154, 263
 Соловьев С. М. 28, 48, 49, 153, 154, 263
 Сотко Сытинич, новгородец 210
 София, игуменья Софийского мон. под Римом 208, 209
 София, св. 209, 210
 Софокл 197
 Срезневский В. И. 81, 263
 Срезневский И. И. 27, 28, 48, 81, 84, 99, 114, 263
 Степанка, новгородец 120, 175, 226
 Степанов В. Н. 15, 264
 Стефан Борисов, новгородец 173
 Стефан Пермский, св. 141
 Стрибог 77

- Строев П. М. 19—23, 28, 49, 52, 57, 118, 167, 223, 250, 264
 Сухомлинов М. И. 27
 Тамерлан 45
 Тарасий, епископ Ростовский 137
 Татищев В. Н. 14, 41—43, 44, 47, 52, 74, 264
 Тауберт И. К. 14, 15
 Творогов О. В. 66, 98, 253, 264
 Темир-Кутлуй 162, 238
 Тимковский Р. Ф. 23
 Тимофей, новг. пономарь 17, 18, 41, 48, 49, 75
 Тимофей, писец 182
 Тимофей Васильевич, новг. посадник 85
 Тимошина Л. А. 34
 Титов В. П. 28
 Тиханов П. Н., собиратель рукописей 230
 Тихомиров И. А. 54, 251, 264
 Тихомиров М. Н. 34, 35—39, 41—43, 53, 58, 68, 104, 129, 167, 168, 189, 261, 264
 Товлубий 238
 Толстой Ф. А., граф, собиратель рукописей 22, 44, 167
 Томашевский Б. В. 12
 Тохтамыш (Тахтамыш), хан 108, 133, 145, 147, 154, 162, 231
 Трифон (Труфан), новг. священник 85
 Троцкий И. М. 58, 264
 Турилов А. А. 216, 217, 230, 256, 264
- Уваров, собиратель рукописей 55, 129, 251
 Улан, посол из Орды 156
 Улита, св. 125, 127
 Улу-Махмет 205
 Упадыш, новгородец 239
 Устрялов Н. Г. 24, 264
 Ухова Т. Б. 113—115, 264
- Фаль С. 126—127, 265
 Федор Давыдович, моск. посол 240
 Федор Ольгович Рязанский, кн. 109
 Федор Остафьев 191
 Федор Пинешинич, новгородец 221
 Федор Тимофеевич, новг. посадник 172—174
 Федша, волостной дьяк, писец 226
 Феогност, 2-й епископ Ростовский 136
 Феогност, 5-й епископ Ростовский 136
 Феодор, 1-й епископ Ростовский 136
 Феодор, 3-й епископ Ростовский 136
 Феодор, 6-й епископ Ростовский 136
- Феодор, игумен 244
 Феодор Эдесский 117
 Феодосий, св. 143
 Феодосий, игумен Клопского мон., нареченный архиепископ Новгородский 84—89, 92, 96, 158, 165—166, 171, 176—177, 180, 237, 249
 Феодосий Печерский, св. 243
 Феодосия Матфеева 175, 177
 Феодот Киринейский, св. 143
 Феофан Грек 59, 127, 198
 Феофил, архиепископ Новгородский 229, 238
 Ферапонт Белозерский, св. 117
 Фефилат Захарьин, новгородец 240
 Филарет (Гумилевский), епископ Харьковский, архиепископ Черниговский 49, 57, 199, 233, 224, 265
 Филатов В. В. 184, 265
 Филипп Петров, автор послания 204
 Филофей, старец Елеазарова Спасо-Преображенского мон. под Псковом 247
 Филофей Синаит 117
 Фома, инок, тверск. книжник 204
 Фома, сын боярина Ивана Кумганца 176
 Фома, тверск. посол на Флорентийском соборе 205
 Фома Иванович, новг. посадник 124
 Фомичев С. А. 118, 253
 Фотий, митрополит всея Руси 111, 112, 120, 128, 129, 130, 134, 144, 147, 148, 149, 150, 153, 157, 158, 159, 160, 163, 165, 166, 176, 177, 182, 183, 188, 195, 215, 226, 249, 250
 Фролов С. В. 90, 265
- Халецки О. 195
 Харней Ю. 126—127, 265
 Хорошев А. С. 71, 112, 119, 182, 195, 265
 Хрущев А. Ф. 44
- Царский И. Н. 34, 171
 Цепков А. И., издатель 35, 36, 255, 263
 Цицерон 197
- Черепнин Л. В. 157, 157, 195, 205, 206, 265
 Чернявский М. 195
 Черторицкая Т. В. 245, 265
 Чирков С. В. 30, 265

Шамбинаго С. 55, 265

Шапиро А. Л. 129, 265

Шахматов А. А. 8, 12, 29—31, 52—56, 60, 63, 66, 70, 74—78, 84, 89, 94, 95, 97, 103, 110, 129, 131, 148, 150, 151, 158, 159, 168, 178, 179, 189, 193, 215, 218, 219, 220, 221, 230, 231, 235, 234, 236, 237, 238, 248, 251, 265, 266

Шварц Е. М. 115, 266

Шеффер П. Н. 32

Шибаетов М. А. 151

Шилов А. А. 58, 67, 168, 266

Шихмат, ордынский посол 155

Шлецер А. Л. (Schlözer A. L.) 14, 16, 17, 21, 26, 267

Шпаков А. Я. 183, 195, 205, 266

Штекль Г. (Stokl G.) 195, 196, 267

Штурм Г. 126—127, 265

Щапов Я. Н. 7, 153, 266

Щепкина М. В. 72, 73, 266

Щербатов М. М. 14: 17, 43, 57, 266

Эдигей см. Едигей

Юрий, новг. посадник 172

Юрий, новг. боярин 172

Юрий Васильевич, кн. 237

Юрий Дмитриевич, вел. кн., сын Дмитрия Донского 77, 133, 151, 155, 156, 188, 189, 190, 236

Юрий Онцифорович, новг. боярин 86, 173

Юрий Семёнович (Лугвеньевич), кн. 198, 202, 204, 207

Юрий Святославич, кн. 110

Яким Гуреев, новгородец 192

Яков Федорович, новг. посадник 175

Яковлев В. В. 19, 266

Янин В. Л. 13, 60, 61, 79, 81, 85, 86, 87, 88, 90, 92, 118, 120, 123, 124, 180, 193, 194, 210, 213, 221, 233, 249, 266

Яниш И. Н. 51, 57, 241, 267

Ярослав Владимирович «Мудрый», вел. кн. 29, 42, 76, 104, 105, 106, 161

Ярослав Всеволодович, кн. 89

Ярослав Изяславич, кн. 106, 107

Birnbaum H. см. Бирнбаум Х.

Briquet C. M. см. Брике С. М.

Grabmüller H. J. см. Грабмюллер Х. И.

Lilienfeld F. см. Лилиенфельд Ф.

Lind J. H. см. Линд Д. Г.

Raba J. см. Раба Дж.

Schlözer A. L. см. Шлецер А. Л.

Stokl G. см. Штекль Г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XV в.	14
1.1. Издания	14
1.1.1. Первые шаги в издании летописей (XVIII в.)	14
1.1.2. Издания П. М. Строева и М. А. Оболенского	20
1.1.3. Издания ПСРЛ Я. И. Бередникова	23
1.1.4. Период споров	27
1.1.5. Эпоха А. А. Шахматова	29
1.1.6. Издания второй половины XX в.	32
1.1.7. Новые проекты и перспективы	35
1.2. Исследования	41
1.2.1. Новгородские летописи в трудах историков XVIII—начала XIX в. ...	41
1.2.2. Новгородское летописание в исследованиях XIX в.	45
1.2.3. Эпоха А. А. Шахматова	53
1.2.4. Новейшая историография новгородского летописания XV в.	58
Глава 2. НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ МЛАДШЕГО ИЗВОДА	66
2.1. Списки Н 1мл.	66
2.1.1. Комиссионный список	68
2.1.2. Академический список	74
2.1.3. Разночтения	75
2.2. Непрерывно ведущаяся летопись	78
2.3. Н 1мл. в 1410-х гг.	80
2.3.1. Записи на рукописях и Матфей Кусов	80
2.4. Этапы создания Н 1мл. в 1420-х гг.	84
2.4.1. Летописание при Феодосии Клопском	84
2.4.2. Летописание при Евфимии I	89
Глава 3. НОВГОРОДСКАЯ КАРАМЗИНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ	93
3.1. Исходные данные	93
3.2. Новгородская Карамзинская летопись (Первая подборка)	96

3.2.1. Текстологический анализ	96
3.2.1.1. Первичность чтений НК1 по отношению к С1 и Н4	97
3.2.1.2. Первичность чтений НК1 по отношению к протографу С1 и НК2	100
3.2.1.3. Возражения Я. С. Лурье	102
3.2.2. «Свод 1411 г.»	111
3.3. Свод митрополита Фотия	128
3.3.1. Исходные данные	128
3.3.2. История изучения летописного Свода Фотия	129
3.3.3. Доказательства существования Свода Фотия	131
3.3.4. Свод Фотия и Софийская 1 летопись	144
3.3.5. Вопрос о датировке Свода Фотия	149
3.4. Новгородская Карамзинская летопись (Вторая подборка)	160
3.4.1. Состав Второй подборки Новгородской Карамзинской летописи	160
3.4.2. Вопрос о времени сложения текста Второй подборки Новгородской Карамзинской летописи	163
Глава 4. НОВГОРОДСКАЯ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕТОПИСЬ	167
4.1. Списки Н4	167
4.2. Создание Н4	168
4.3. Две редакции Н4	186
4.4. Евфимий II и Флорентийская Уния	194
4.4.1. Непонятное решение митрополита Исидора (декабрь 1437 г.)	194
4.4.2. Митрополит Исидор и архиепископ Евфимий II	196
4.4.3. Отношение Новгорода к известию о провозглашении Флорентийской Унии (осень 1439 г.—лето 1440 г.)	198
4.4.4. Возвращение митрополита Исидора (осень 1440 г.)	201
4.4.5. Сторонники Исидора (зима 1440/1441 г.)	203
4.4.6. Новгород против Унии (1440—1441 гг.)	206
4.4.7. «Странный» мир (конец зимы 1441 г.)	212
4.5. Некоторые выводы	214
Глава 5. НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ СЕРЕДИНЫ—ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в. (1447—1477 гг.)	218
5.1. Новгородская пятая летопись	218
5.2. Лисицкий летописец 1450 г.	224
5.2.1. Лисицкий летописец 1450 г. и Новгородская вторая летопись	225
5.3. Летописание последних лет существования Новгородской республики	229
5.3.1. Летопись Авраамки	229
5.3.2. Летописец епископа Павла	233
5.3.3. Летописание 1470-х годов	238
5.3.4. Летописание 1490-х годов?	240

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	252
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	268
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	269
УКАЗАТЕЛИ	270
I. Указатель шифров рукописей	270
II. Указатель географических названий (составили Е. В. Боброва и М. А. Боброва)	272
III. Указатель имен (составили Е. В. Боброва и М. А. Боброва)	276

Александр Григорьевич Б о б р о в

**НОВГОРОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ
XV века**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)*

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *И. А. Динабург*
Компьютерная верстка *Р. К. Жумабаева*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Подписано к печати 02.11.2000. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 18. Уч.-изд. л. 19.
Тираж 800 экз. Заказ № 3605

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: [bulanina @nevsky.net](mailto:bulanina@nevsky.net)